This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Slav
4348.20.
.1 (3)

HARVARD COLLEGE LIBRARY

Bought with the income of

THE KELLER FUND

Bequeathed in Memory of

JASPER NEWTON KELLER
BETTY SCOTT HENSHAW KELLER
MARIAN MANDELL KELLER
RALPH HENSHAW KELLER
CARL TILDEN KELLER

VE RI TAS

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Ф. Д. Нефедовъ.

Лис В

СОЧИНЕНІЯ.

Томъ III.

(I и II т. вышли въ изданіи К. Т. Солдатенкова).

ИЗДАНІЕ

С. Дороватовскаго и А. Чарушникова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. Т-ва «НАРОДНАЯ ПОЛЬЗА», Коломенская ул., соб. д., № 39.
1900.

Digitized by Google

Slav 4348.20.1 (3)

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1) Тайна рѣки 1

2) Чудесникъ Варнава 130

3) Стеня Дубковъ 206

4) На пружкахъ. 302

5) Десятникъ 327

Digitized by Google

Digitized by Google

ТАЙНА РѢКИ.

(Изъ жизни на баканахъ).

Весенній разливъ остановился. Прошли благодатные дожди, прогремѣли первые грозы. На горахъ, въ глубокихъ ущельяхъ, лежатъ еще потемнѣвшіе снѣга; но въ воздухѣ повѣяло тепломъ, лаской. Напоенная дождями и пригрѣтая солнцемъ, земля вздохнула всей своей широкой грудью; радостный тренетъ жизни пронесся, молитвенный шопотъ послышался...

Многоводная Кама замѣтно начала входить въ свои берега. По луговой сторонѣ, въ ложбинахъ и долахъ, еще блещутъ воды, но вездѣ ужъ чернѣется потная земля; по рѣкѣ, мѣстами, проглянули верхушки островов, селенія и горы отодвинулись. Теперь движеніе по Камѣ въ полномъ разгарѣ. Вверхъ и внизъ съ шумомъ несутся легкіе пароходы, пыхтятъ и грохочутъ буксирные, таща за собою десятки громадныхъ баржъ; съ верховьевъ плывутъ, разцвѣченныя флагами, многочисленныя суда, нагруженныя уральскимъ желѣзомъ, деревянными балками, дровами и кореньемъ; нескончаемыми вереницами изгибаются плоты, съ свѣтящимися на нихъ, точно свѣчками, новенькими бревенчатыми домиками и досчатыми казенками. Отъ свистковъ и уханій, шума и грохота, отъ несмолкаемыхъ людскихъ голосовъ, пѣсни и гармоники, отъ криковъ носящихся стаями чаекъ и налетѣвшей изъ теплыхъ краевъ

Digitized by Google

болотной птицы—день и ночь стонъ стоитъ на рѣкѣ; а въ синемъ поднебесьи, надъ изумрудными всходами озимей, съ утра до вечера звенятъ веселыя пѣсни жаворонковъ. Рѣка живетъ полной жизнью и торопится жить.

Но промелькнутъ двѣ, много три недѣли, Кама войдетъ совсѣмъ въ берега, тамъ и сямъ запестрѣютъ маячные столбы и вынырнутъ изъ воды красные и бѣлые конусы, баканы,—эти вѣхи на рѣчной дорогѣ,—и движеніе стихнетъ, жизнь замретъ. За день пробѣгутъ въ урочное время срочные пароходы. проныхтитъ изрѣдка буксиръ, проползетъ запоздалый плотъ,—и только, и такъ до самаго конца навигаціи. Обезлюдѣетъ, осиротѣетъ могучая рѣка; затаитъ она свою печаль, вся исполнится тишины. Только всплески большой рыбы, жалобные крики чаекъ да пугающіе свистки пароходовъ, время отъ времени, нарушаютъ рѣчную пустыню.

Между тѣмъ, по недавно залитой водами долинѣ, разливаются теперь другія, зеленыя волны, день ото дня все шире и шире, сливаясь въ сплошные луга; прибрежные кусты, частый лознякъ и острова одѣваются свѣжей листвою, безлѣсный, гигантскою стѣною тянущійся на многія сотни верстъ, нагорный берегъ, съ красно-глинистыми боками и осыпями, постепенно смягчаетъ суровые тоны, покрываясь тощею травкою, и надъ изумрудными озимями звончѣе заливаются жаворонки.

I.

Половина мая пролетѣла. Время далеко за полдень. Двумя широкими рукавами Кама несетъ свои темныя воды, обнимая длинный зеленѣющій островъ, стрѣлкой вдавшійся супротивъ пункта баканщиковъ. Нагорный берегъ уступами, точно исполинскими шагами, тяжело сходитъ къ рѣкѣ. На приподнятой части его ступни поставленъ маякъ: бѣлый столбъ и крестъ, съ черными и красными спиралями; багро-

Digitized by Google

вые и синіе стеклянные шары украшаютъ маякъ. Около него сложены въ большую кучу черные якори. Между подошвою берега и краемъ воды покато извивается каменистая дорога, мѣстами разорванная вешними потоками и сверлящими подземными родниками. Выше, на площадкѣ перваго уступа, приткнулась мизерная избенка, кое-какъ сложенная изъ тонкихъ бревешекъ, съ однимъ створчатымъ оконцемъ. Къ ней прильнулъ дворикъ, сплетенный изъ молодого ивняка; квадратная дыра служитъ ему вмѣсто двери. Это—казенное строеніе, въ которомъ живутъ баканщики. За дворикомъ виднѣется маленькій огородецъ съ грядками. У изгороди разгуливаетъ пѣтухъ съ курами; прыгаетъ и рѣзвится бѣлый, съ черными пятнами, котенокъ. Подлѣ избенки молодой парень, въ синей пестрядиной рубашкѣ и такихъ же штанахъ, заправленныхъ за короткія голенища кожаныхъ сапогъ, отчищаетъ фонари и промываетъ въ нихъ стекла. Неподалеку, на солнцѣ, выставлены два бакана, выкрашенные масляною краскою: одинъ бѣлою, а другой красною.

Съ площадки открывается на десятки верстъ рѣчная долина. Слѣва, тотчасъ за Камою, желтѣются пески, съ пробившеюся кое-гдѣ молодою порослью, и стелются луга, торчитъ черная труба лѣсопилки, сверкаетъ на солнцѣ озеро, и робко, словно украдкою, выглядываютъ изъ-за купы деревьевъ два поселка. Отъ озера и до краснаго яра горизонтъ заслоненъ темною гривою казеннаго лѣса. Прямо—„красный яръ“, которымъ оканчивается лѣсъ. Направо, по отлогости, раскинулись и ушли, не вѣсть куда, роскошныя зелени ржи; изъ-за нея вдали поднялась сельская колокольня. Еще правѣе, внизъ по теченію, сквозь легкую дымку, пронизанную, будто бы, золотой пылью, на перерѣзъ Камы выдвинулся горный высокій берегъ другой рѣки, съ цѣлью загородить ей путь, развернулась вятская котловина, съ тѣми же песками, лугами и нивами, и глянула блѣдно-голубая даль... Безпредѣльная ширь и просторъ безъ конца! А надъ всѣмъ, что въ состояніи оки-

Digitized by Google

нуть глазъ, распростерлось высокое безмятежное небо, откуда сыпались снопы теплыхъ лучей.

Таковъ южный уголокъ Камы, въ которомъ пріютилась избенка съ ея жильцами-баканщиками... Но — странно! — свѣжій человѣкъ, попавъ сюда какъ-нибудь случайно, испытываетъ ничѣмъ необъяснимое чувство грусти и впечатлѣніе величавой пустыни. Чѣмъ дольше онъ всматривается въ эти нѣмыя красы природы, чѣмъ шире раздвигается обнявшій его просторъ, тѣмъ тоскливѣе становится у него на душѣ и сильнѣе впечатлѣніе пустыни... Дѣлается ему кого-то страшно жаль, хочется кому-то помочь, онъ чувствуетъ себя безсильнымъ, одинокимъ; на сердцѣ закипаютъ слезы, и, въ сознаніи собственной своей безпомощности, онъ подымаетъ глаза къ высокому небу, безмятежному и прекрасному; но оно безстрастно и холодно встрѣчаетъ обращенныя къ нему мольбы и слезы.

Неизвѣстно, что копошилось въ широкой груди парня, который, бросивъ чистку фонарей, подошелъ теперь къ краю площадки и остановился. Коренастый, средняго роста, темноволосый, съ круглымъ лицомъ, онъ неподвижно стоялъ на одномъ мѣстѣ и долго куда-то смотрѣлъ. Раздавшійся позади голосъ оторвалъ парня отъ бездѣльничанья.

— Аль казенный пароходъ бѣжитъ? — и за этимъ вопросомъ изъ оконца выставилась свѣтлорусая голова и лицо съ курчавой бородкой.

— Нѣтъ. Такъ гляжу, — отозвался парень. — Дивно хорошо... Ежели бы человѣку да ходъ былъ даденъ!,.

Бородка усмѣхнулась.

— А я послѣ ухи знатно соснулъ. Теперь, пожалуй, чайку не мѣшало бы попить. Какъ полагаешь, Павлуша?

— Что-жъ? Я самоваръ живо разведу.

Павелъ шагнулъ къ дворику, но пріостановился: по скату избяной кровли карабкался котенокъ и жалобно мяукалъ, показывая свой розовый язычекъ.

Digitized by Google

— Вишь, баловникъ, куда забрался! Залѣзть-то сумѣлъ, а сойти не знаетъ какъ.

Онъ досталъ „баловника“ и опустилъ на землю. Войдя во дворикъ, Павелъ схватилъ деревянное ведро и ударился внизъ по тропинкѣ, ведущей на ключъ и берегъ. Котенокъ побѣжалъ, было, за нимъ, но пріостановился, поглядѣлъ вслѣдъ ему и воротился назадъ. Минутъ черезъ пять парень уже разводилъ на площадкѣ большой мѣдный самоваръ.

Вышелъ на волю другой баканщикъ, русоволосый, одѣтый точно такъ же, какъ и его товарищъ, но, вмѣсто сапогъ, на ногахъ были лапти. Съ продолговатымъ красивымъ лицомъ, прямымъ носомъ и голубыми глазами, онъ на цѣлую голову оказался выше Павла; на видъ ему можно было дать лѣтъ тридцать. Неторопливо онъ прошелъ къ баканамъ, потрогалъ пальцемъ каждый и проговорилъ:

— Краска не пристаетъ. Завтра и тѣ докрасимъ.

Павелъ, стоя на корточкахъ, раздувалъ въ трубѣ, во всѣ свои здоровыя легкія.

— Ладно... Скоро закипитъ,—пробормоталъ онъ себѣ подъ носъ.—Василій Семенычъ!—повернулъ онъ лицо къ русоволосому:—не разрисовать ли намъ сегодня и послѣдніе-то?

Василій Семеновичъ посмотрѣлъ на солнышко и неспѣшно отвѣтилъ:

— Не успѣютъ высохнуть. Лучше до утра отложимъ.

— До утра, такъ до утра,—согласился парень. Сейчасъ будетъ готовъ!—прибавилъ онъ, заслышавъ, что самоваръ шумитъ.—На волѣ, аль въ сторожкѣ станемъ пить?

— Гдѣ желаешь...

— По моему, на воздухѣ превосходнѣе...

И, не дожидаясь отвѣта, Павелъ нырнулъ во дворикъ. Вытащилъ столъ и скамейку, поставилъ ихъ противъ оконца; принесъ двѣ чашки съ чайникомъ, плитку кирпичнаго чаю и сахаръ, завернутые въ толстую бумагу. Дѣлалъ онъ все про-

Digitized by Google

ворно, съ видимымъ удовольствіемъ, и леталъ, словно на крыльяхъ, только мягкіе волосы на головѣ тряслись.

Старшій баканщикъ въ это время осмотрѣлъ огородъ, полилъ грядки, отшугнулъ пѣтуха сь курами и, когда самоваръ поспѣлъ, явился своевременно къ столу. Усѣвшись на лавочку, пришитую гвоздями къ наружной стѣнѣ жилья, онъ отломилъ кусочекъ отъ темнокоричневой плитки, заварилъ и поставилъ чайникъ на камфорку. Павелъ еще разъ сбѣгалъ за короваемъ и солью, нарѣзалъ хлѣба и присѣлъ на скамейку. Василій Семеновичъ налилъ чашки и снова поставилъ чайникъ на самоваръ. Перекрестившись, взяли по толстому ломтю и принялись чаевничать.

Первыя три чашки, одна за другою, были выпиты безъ передышки и молча, такъ что на лбу у обоихъ выступила испарина. За четвертою завязался разговоръ.

— Послѣ чаю съѣздимъ за красный яръ,—началъ старшій баканщикъ:—сдѣлаемъ промѣръ и замѣтимъ мѣста... Гляди,—на дняхъ не прикатилъ бы лоцманъ: надо до него окончить.

— Да хоть сегодня пріѣзжай, — подхватилъ младшій:— осталось только два окрасить, а то у насъ все готово...

— Пока не пріѣхалъ, — продолжалъ старшій,—такъ я къ домамъ думаю сходить, провѣдать, что тамъ дѣлается. Когда баканы поставимъ, не удастся побывать.

— Извѣстно. Безотлучно должны находиться на пунктѣ.

— Ну, завтра я и схожу: съ женой повидаюсь, на ребятишекъ своихъ погляжу и въ банѣ попарюсь, а въ воскресенье къ тебѣ вернусь.

— Ладно. Да ты поди сегодня, я одинъ справлюсь. Будь спокоенъ, Василій Семенычъ!

— Нѣтъ, время терпитъ.

Василій Семеновичъ говорилъ неторопливо, каждое слово у него выходило обдуманно, рѣчь текла плавно и голосъ звучалъ пріятно; всѣ движенія отличались ровностью и спокой-

Digitized by Google

ствіемъ; взглядъ голубыхъ глазъ былъ вдумчивый, проникновенный, словно онъ хотѣлъ видѣть насквозь человѣка, съ которымъ говорилъ или на котораго смотрѣлъ; а когда улыбался, то лицо его молодѣло и дѣлалось красивѣе. Павелъ, наоборотъ, представлялъ собою противоположность товарищу: говорилъ онъ, какъ рубилъ, слова выпаливались, и въ голосѣ не слышалось никакой гибкости; движенія были порывисты, даже грубоваты, и лицо рѣдко когда оживлялось улыбкой. Но отъ его коренастой фигуры вѣяло мощью и энергіей; круглое лицо его, съ мягкимъ носомъ, и большіе сѣрые глаза, всегда смотрѣвшіе прямо, открыто на собесѣдника, свидѣтельствовали о томъ, что въ молодомъ силачѣ немало заложено добродушія и что на него можно положиться. Ему шелъ двадцать второй годъ, но онъ былъ холостъ и о женитьбѣ не помышлялъ. Василій Семеновичъ едва умѣлъ разбирать печатное, а Павелъ окончилъ земскую школу, вышелъ изъ нея съ отличнымъ свидѣтельствомъ и любилъ почитать „книжку". Первый служилъ баканщикомъ пятое лѣто, послѣдній только второе. Старшій получалъ въ мѣсяцъ пятнадцать рублей, а младшій двѣнадцать. Кромѣ жалованья отъ казны, они имѣли частные доходы: такъ, получали отъ пассажировъ за лодку, самоваръ или уху. Правда, доходы эти не превышали въ лѣто трехъ—пяти рублей, но совершенно покрывали расходы на чай, къ которому оба баканщика питали слабость. Павелъ уважалъ „старшого", какъ онъ называлъ Василія Семеновича, а послѣдній считалъ его за хорошаго и усерднаго парня. Оба жили между собою дружно.

— Каковъ-то нынче урожай будетъ? — начавъ пятую чашку и задумчиво посмотрѣвъ за Каму, заговорилъ Василій Семеновичъ. — На уфимской сторонѣ вонъ какъ загустилась рожь-то матушка, а у насъ не такая, много похуже будетъ: ничего, хороши всходы, а противъ тѣхъ куда же! Разный грунтъ земли: у башкирьевъ черноземъ, а у насъ глина съ песочкомъ.

Digitized by Google

— Недурны и у насъ всходы, только не вездѣ одинаковы: на ровныхъ мѣстахъ важны, а по горамъ рѣдки.

— Да, чѣмъ-то Господь мужичковъ порадуетъ, когда къ уборкѣ хлѣбушка приступятъ, — промолвилъ Василій Семеновичъ,—а по всходамъ не угадаешь. Въ голодный годъ какія озимя взошли, а лѣтомъ колосъ посохъ и на солому даже не сняли.

— Помилуй Богъ!

Помолчали.

— Не спросилъ я тебя, — обратился погодя къ Павлу старшій баканщикъ:—можетъ, надобно и тебѣ дома побывать?

— Пожалуй, не худо бы... Да когда?

— Воротимся съ яра и отправляйся: тебѣ путь недальній.

— Какой путь! Я на ботничкѣ въ часъ оборочу.

— Ночуй дома, если хочешь.

— А какъ жерлицы?..

— Я осмотрю и опять ихъ поставлю. Ежели рыба какая попала, на ужинъ себѣ зажарю.

— Такъ ладно,—сказалъ парень и накрылъ блюдечко.

— Пей!

— Доволенъ. Больше не стану. Я и такъ весь мокрый...

— Ну, я еще одну выпью.

Хотя баканщики нынѣшней весною недавно явились на пунктъ, но каждаго изъ нихъ почему-то тянуло къ домамъ...

Отъ коровая осталась одна горбушка. Павелъ отдалъ ее котенку.

— На, ѣшь! Только смотри у меня: лови мышей, а то кормить не стану. Дармоѣдовъ я не уважаю!

Самоваръ и посуду убрали. Баканщики накинули армяки, прислонили къ дырѣ плетеный ставень и оставили помѣщеніе на волю Божію, крѣпко увѣренные, что расхищенія никакого не можетъ произойти. Спустившись мимо ключа, они повернули налѣво, гдѣ виднѣлись большая лодка съ ботникомъ, и стоялъ маякъ.

Digitized by Google

— Шестъ въ лодкѣ?—спросилъ Василій Семеновичъ.

— Есть,—отвѣтилъ по рѣчному Павелъ.

Не успѣлъ онъ отвязать лодку, какъ снизу воложки, праваго рукава Камы, загудѣлъ свистокъ, за нимъ послѣдовали еще два короткихъ свистка.

— Къ намъ!—проговорилъ Василій Семеновичъ. —Вѣрно, пассажиръ съ Якимовскаго... Недаромъ ты въ село прокатишься: полфунта сахару купишь. Отваливай!

Изъ-за крутого мыса вырѣзался бѣлый носъ парохода. Баканщики двинули лодку. Черезъ нѣсколько минутъ пароходъ находился уже саженяхъ въ десяти.

— Ой, парень! — промолвилъ старшой:—на весь фунтъ Богъ намъ съ тобой посылаетъ. Николай Петровичъ на „Витязѣ“...—и съ послѣднимъ словомъ онъ взялъ „курсъ“ вдоль парохода, и въ одно мгновеніе лодка очутилась у кормовой части; капитанъ далъ въ машину „стопъ“, „Витязь“ разомъ остановился. Съ борта упала лѣсенка, по ней спустился въ лодку мужчина въ суконной бекешѣ и шапкѣ, а вслѣдъ за нимъ полетѣлъ тулупъ и подушка.

— Готово!—крикнулъ матросъ.

Баканщики только успѣли отпихнуться, какъ „Витязь“ ужъ пошелъ, вода по сторонамъ его заклокотала, и отъ кормы повалила огромная вспѣнившаяся коса.

— Такъ, такъ! — ворочая рулемъ прокричалъ старшій баканщикъ младшему, подъ сильными ударами веселъ котораго лодка быстро уносилась къ берегу.—Еще!..

Лодку подняло, опустило и снова подняло...

— Качай! не страшно, ушли!.. — говорилъ старшой.— Добраго здоровья, Николай Петровичъ!

— Пріятель? Старый знакомый! — отвѣтилъ пассажиръ, стоя въ лодкѣ и пошатываясь отъ качки.—Какъ поживаете, Василій Семенычъ?

Живемъ помаленьку. Вы какъ здравствуете?

— Вашими молитвами, какъ шестами подпираемся.

Digitized by Google

— Откуда Богъ принесъ?

— Да ужъ и не знаю, какъ тебѣ сказать, гдѣ только не носила меня нелегкая! Самъ чортъ концовъ не отыщетъ,— шутилъ веселый пассажиръ.

— Все по лѣсной части, Николай Петровичъ?

— Все по лѣшиной, Василій Семенычъ! И сейчасъ къ лѣшечкамъ пробираюсь. Будь добръ, доставь меня къ лѣсопилкѣ, а оттуда я къ нимъ дорогу ужъ найду.

— А въ сторожкѣ чайку не желаете покушать?

— Некогда. Въ другой разъ... Если отъ тѣхъ, лѣсныхъ, по добру да по здорову вырвусь, такъ черезъ недѣльку ожидайте: безпременно на баканахъ ухи похлебаю и чайку напьюсь... Утихло, можно и ѣхать. Троньте-ка, молодчики!

Шутникъ былъ не молодъ, лѣтъ подъ пятьдесятъ, но сшитъ крѣпко: руки большія, мускулистыя, лицо бронзовое, здоровое, отъ глазныхъ впадинъ по шею поросшее черными волосами, глаза каріе, живые, губы толстыя; но самой замѣчательной частью этого лица былъ носъ: форму онъ имѣлъ превосходной груши, а цвѣтъ спѣлой сливы. Полторы версты, которыя пришлось сдѣлать до лѣсопилки, Николай Петровичъ безъ умолку говорилъ, пересыпая рѣчь шутками, и въ то-же время разспрашивалъ, что его самого интересовало. Онъ служилъ приказчикомъ у одного капиталиста, составившаго себѣ громкую извѣстность въ краю разведеніемъ безчисленнаго множества кабаковъ, установленіемъ дешевыхъ цѣнъ на хлѣбъ, привозимый въ городъ мужиками, и другими благородными коммерческими предпріятіями. Высадившись у лѣсопилки на берегъ, Николай Петровичъ накинулъ на плечи тулупъ, захватилъ подъ мышку подушку и наградилъ баканщиковъ за труды двугривеннымъ.

— Прощайте, ребятушки!—сказалъ шутникъ.—Дай намъ Богъ черезъ недѣльку вмѣстѣ ушицы похлебать!.. Постарайтесь запастись стерлядками, да пожирнѣе какія выберите.

— Будемъ ожидать. Благодаримъ покорно на пожалованіи, Николай Петровичъ.

Digitized by Google

— Не за что!

Лодка отвалила и направилась по теченію къ Красному яру.

— Если бы почаще къ намъ такіе пассажиры заглядывали,—калачики у насъ къ чаю были. Ужъ и балагуръ этотъ Николай Петровичъ, но человѣкъ доброжелательный.

— Плутистъ, надо полагать,—замѣтилъ Павелъ.

Василій Семеновичъ усмѣхнулся:

— Вотъ хозяину его ходъ большой даденъ.

— Ходъ!.. Развѣ такой ходъ человѣку надо?.. Съ этакимъ-то ходомъ душа человѣка прямо въ адъ пойдетъ!

— Нѣтъ, Павлуша, не пойдетъ его душа въ адъ: самъ у Бога не умолитъ, найметъ за себя молиться.

Часа три баканщики провозились за яромъ.

На западѣ горѣла вечерняя заря. Горы и лѣсъ обливались красноватымъ цвѣтомъ; по засыпавшей рѣкѣ чернѣлись рыбачьи лодки. Внизъ по воложкѣ стрѣлою летѣлъ ботникъ: это Павелъ спѣшилъ въ свое село, которое спряталось за выступомъ берега, въ четырехъ верстахъ отъ бакановъ.

II.

Вмѣстѣ съ солнцемъ поднялся баканщикъ Василій Семеновичъ. На дворикѣ громко кудахтала курица, докладывая тѣмъ хозяину, что пора ему вынуть свѣженькое яичко и выпустить ее съ подругами и пѣтухомъ на волю. Баканщикъ обернулъ ноги онучами, надѣлъ лапти, шагнулъ къ дверкѣ и, согнувшись дугой, переступилъ черезъ высокій порогъ. При его появленіи, куры дружно всѣ побѣжали къ выходу, сопровождаемыя своимъ властелиномъ, гордо переступавшимъ съ ноги на ногу. Отставивъ плетеный закрой, хозяинъ выпустилъ домашнюю птицу на волю; потомъ умылся изъ глинянаго рукомойника, висѣвшаго на витомъ мочальномъ обрывкѣ; вытеръ

Digitized by Google

лицо и руки полотенцемъ; шагнулъ обратно черезъ порогъ и всталъ передъ иконою.

Ровно шесть аршинъ въ длину и ширину занимала внутренность сторожки. Прямо, у стѣны, противъ двери, примостились нары, съ вытертымъ жидкимъ войлокомъ, прикрытымъ на половину нагольнымъ овчиннымъ тулупомъ; въ изголовьяхъ лежали двѣ подушки, въ пестрядиныхъ наволокахъ, набитыхъ льняными оческами. Надъ нарами, въ углу у потолка, виднѣлся образъ Спасителя. Въ остальныхъ углахъ, на земляномъ полу, размѣщались: маленькая, сбитая изъ глины печка, самоваръ и лубяная коробка. Передъ оконцемъ столъ и подлѣ него скамейка. На стѣнной полкѣ виднѣлась чайная посуда, вмѣстѣ съ горшкомъ, плошкою и сковородою. У оконнаго косяка прибито зеркальце въ оловянной оправѣ.

Помолившись Богу, Василій Семеновичъ принялся за дѣло. Прежде всего онъ позаботился о домашней птицѣ, вынесъ ей чашку отрубей; не забылъ также кинуть хлѣба котенку; потомъ вынесъ изъ дворика баканы и приступилъ къ окрашиванію.

Не болѣе какъ черезъ полчаса, онъ услышалъ знакомый голосъ:

— Богъ въ помочь! Здравствуй, Василій Семенычъ!

Передъ баканщикомъ стоялъ его товарищъ, съ большимъ мѣшкомъ за плечами.

— Богъ спасетъ, Павелъ Иванычъ! Что ты больно рано?..

— Да развѣ? Ну, я сейчасъ, только мѣшокъ свалю.

Павелъ исчезъ, а черезъ минуту снова появился съ желѣзнымъ ведеркомъ и мазилкой въ рукѣ.

— Что́ дома?—полюбопытствовалъ старшой.

— Все благополучно. Батюшка съ братишкомъ собираются паръ вывозить. Матушка лепешекъ, короваевъ мнѣ въ мѣшокъ положила... Сахару купилъ.

— А что у тебя въ мѣшкѣ?

— Муки три пудика изъ дворовъ захватилъ.

Digitized by Google

— Своя у васъ, или покупная?

— Мы давно ужъ покупную ѣдимъ. Ладно, что не дорога: на базарѣ въ Лѣкаревѣ третьеводни по четвертаку покупали. Сказываютъ, на пятакъ еще спустятъ цѣну.

— Вотъ и изворачивайся, какъ знаешь: передъ Святой муку у насъ по сорока копѣекъ пудъ брали, а теперь на пятиалтынный спустили. Неурожай — бѣда, да и урожай-то крестьянину не на пользу. Одно хорошо—самъ не голодаетъ, и семья сыта...

Разговоръ продолжался, но не мѣшалъ работѣ.

— Староста изъ города новость принесъ,—сообщилъ Павелъ:—на Ику тридцать башкировъ потонули.

— Тридцать?!

— Съ Зеина [1]) возвращались, да, видно, припоздали, къ домамъ очень торопились. На паромъ народа тучей навалило, а плотишко гнилой, не выдержалъ: до середины рѣки не доползъ, развалился... Кто умѣлъ плавать, выплыли, а тридцать на дно пошли. Вторую недѣлю ловятъ съ урядникомъ, но еще не всѣхъ нашли.

— Надо полагать, въ омута затянуло, либо въ кустахъ застряли... Долго не всплывутъ.

— Одинъ башкиренокъ потонулъ, молоденькій, музыкантомъ у нихъ былъ, на скрипкѣ игралъ. Его скоро нашли, но ужъ мертваго: лежитъ, обнявши скрипку, и смычокъ въ рукѣ держитъ, бѣдняга.

Василій Семеновичъ, отступя на шагъ, полюбовался дѣломъ своего малярнаго искусства.

— Должно, опасался, чтобъ водяной не отнялъ,—добавилъ онъ съ улыбкой, оставшись, видимо, довольнымъ собою:—на чемъ бы послѣ башкиренокъ-то сталъ играть?

— Что ты?!..—всхлопнулъ глазами парень.—Чай, на томъ свѣтѣ не играютъ...

---

[1]) Зеинъ, иначе Джеинъ—собраніе, народный праздникъ у башкиръ и другихъ магометанъ.

Digitized by Google

— По нашему закону не полагается, а по ихнему дозволено. Татары сказываютъ, весело имъ будетъ на томъ свѣтѣ... А ты, паренекъ, не очень усердствуй,—прибавилъ старшой, взглянувъ на „рисованье“ товарища:—густо-то не клади, а веди по грунтовкѣ кисточкой ровненько.

Павелъ смутился.

— Твоя правда, — сознался онъ:—ляпковъ надѣлалъ... Поспѣшилъ.

— То-то поспѣшилъ!—обмакнувъ въ краску большую кисть, промолвилъ Василій Семеновичъ.—Да ничего, дѣло поправимое, — прибавилъ онъ, желая ободрить паренька.—Не слѣдуетъ никогда спѣшить. Куда? Зачѣмъ? Я тебѣ не однова замѣчалъ: горячъ ты очень, надо быть немножко полегкосерднѣй! Тогда дѣло пойдетъ, какъ слѣдуетъ, и жить тебѣ будетъ легче... А на счетъ скрипача ты не безпокойся,—воротился наставникъ къ прерванной рѣчи:—башкиренку не житье, а масленица на томъ свѣтѣ. Для татаръ у Магомета рай изготовленъ. Въ раю они ходятъ другъ къ дружкѣ въ гости, потягиваютъ кумысъ и чай пьютъ,—цвѣточный, а не кирпичный. Музыканты ихъ увеселяютъ: курайщики на дудкахъ играютъ, а скрипачи на скрипкахъ... Отыграютъ, что слѣдуетъ по Магометьеву положенію, за кумысъ и чай сядутъ. Баранины, махана до-сыта наѣдятся. Послѣ того пойдутъ въ садъ разгуляться, а на встрѣчу старикамъ и музыкантамъ гурьи высыплютъ...

— Какія гурьи?

— По-нашему—молодыя дѣвки, здоровыя, да собою смазливыя, а по-татарскому—гурьи, въ образѣ какъ бы русалокъ, но съ волосами не травяными, а настоящими. Зачнутъ играть, цѣловаться и Магомета величать...

— Ну, выдумаешь?

— Истинную правду сказываю: за что купилъ, за то и продаю. А что у татаръ, что у башкиръ—одна вѣра или законъ. Такъ я полагаю, что потопшій башкиренокъ въ раю

Digitized by Google

свою должность исполняетъ, на скрипкѣ теперь развесело попиливаетъ.

Въ виду близкаго свиданія съ домашними, старшой находился въ хорошемъ настроеніи и много говорилъ. За этими разговорами баканы были „разрисованы“, ихъ поставили просыхать, чтобы потомъ еще разъ окрасить, а сами мастера направились въ избушку перекусить. Вымывши предварительно руки, усѣлись за столъ; Павелъ выложилъ изъ мѣшка большой каравай и двѣ штуки лепешекъ, величиною съ добрую сковороду.

— Вотъ сахаръ, а это—твоимъ малышамъ!—показалъ онъ связку баранокъ.

Лицо старшого просіяло.

— Спасибо тебѣ, что ребятокъ моихъ не забылъ!.. Много-ли денегъ-то тебѣ уплатить?

— А видишь-ли: отъ двугривеннаго у меня двѣ копѣйки сдачи осталось, такъ я фунтикъ мяконькихъ и купилъ.

— На семитку не купишь.

— Ну, разоритъ, что ли, меня пятакъ-то? Покрайности, домой съ гостинцемъ придешь.

— Радости, веселья у ребятокъ сколько будетъ!..

Съ рѣки что-то рявкнуло, словно медвѣдь. Прислушались. Старшой въ оконце заглянулъ.

— Курбатовскій съ баржей валитъ... Въ рупоръ крикнули... Лодка отъ него отстала. Вишь, какъ ее закачало!

Оба съ напряженнымъ любопытствомъ смотрѣли на рѣку.

— Тронулись... Къ нашей сторонѣ правятъ... Двое въ лодкѣ. Кто бы это?

Хотя лодка была въ разстояніи больше, чѣмъ версты, однако, Павелъ узналъ лица пловцовъ.

— Мосеичевъ Иванъ съ работникомъ! Они на рѣкѣ снасти готовятъ и хижину ладятъ: на стрѣлкѣ рыбный промыселъ опять за ними остался.

— Безпремѣнно къ намъ правятся.

Digitized by Google

— Такъ не перенять ли? Я живо на ботничкѣ отмахаю.

— Коли сами ѣдутъ, такъ не зачѣмъ перенимать: должно, свиданьице съ нами желаютъ имѣть. Пока они пристанутъ да взойдутъ на гору, мы хлѣбъ доѣдимъ и съ лепешками управимся.

— Еще какъ! Съ какими-то они вѣстями! Не вышло бы для тебя задержки?..

— Узнаемъ, когда придутъ,—спокойно промолвилъ старшой.—Достань-ка яичекъ съ полки, отъ вчерашняго обѣда у насъ остались вареныя.

Павелъ спросилъ о жерлицахъ.

— Съ четырехъ снялъ, а на остальныя никакой рыбешки не попало: сорвала. Въ садокъ опустилъ, тамъ онѣ гуляютъ.

— Ужо вечеркомъ загляну. А завтра пораньше встану, да туда покачу: на зорькѣ ловко хватаетъ.

— Удобное ты мѣсто выбралъ, тихое, но сосѣдство не выгодно: близко лѣсопилка.

— Она мнѣ не мѣшаетъ: лѣсопилка на томъ берегу, а я на этомъ.

— Приказчикъ всю рыбу къ себѣ переманиваетъ: по пуду и больше въ день ловитъ. Сидитъ на мосткахъ съ удочкой, кидаетъ это приманку и, знай, безперечь съ крючка снимаетъ.

— Спросить бы его, чѣмъ онъ прикармливаетъ?

— Не скажетъ... Да вотъ что: когда я отъ жерлицъ сюда ворочался, такъ, позади, гдѣ у родника кусты, соловушко, будто, пощелкивалъ, но не шибко, а такъ, какъ бы голосъ пробовалъ.

— Неужели соловей?!

— По щелканью долженъ быть онъ, а можетъ, и другая какая пташка. По нашей сторонѣ соловьи рѣдко лѣтуютъ,— больше двадцати годовъ я здѣсь ихъ не слыхивалъ,—а вотъ по Волгѣ, особливо въ Жигуляхъ, столько ихъ весною поетъ, что бѣжишь на пароходѣ восемьдесятъ слишкомъ верстъ и

Digitized by Google

только слышишь, какъ они распѣваютъ: щелкаютъ, свистятъ, на разные голоса выкликаютъ, всякія колѣна выдѣлываютъ. Заслушаешься!

— Ни разу не видывалъ, что за соловей такой, и никогда его не слыхивалъ.

— Взглянуть не на что: такъ махонькая, перомъ темная или сѣренькая птичка, а послушать приведи Богъ всякому доброму человѣку... Одно мнѣ сомнительно: у родничка еголи я слышалъ? Не по нихъ наша сторона—сурова и жестка очень, а они любятъ гдѣ помягче и потеплѣе... Впрочемъ, сказывали, въ Сарапулѣ по двѣ весны жилъ соловей, а по мѣстности Сарапуль еще жестче: онъ на полуночь ушелъ, а мы ближе къ полудню... Такъ, передавали, весь городъ выходилъ соловья слушать... Да послѣдній годъ про него что-то ужъ нечуть.

— Такъ, можетъ, сарапульскій-то къ намъ и залетѣлъ?

Отъ ключа послышался мужской голосъ:

— О-го-го-ой! Эй! Баканщики!

Павелъ сдѣлалъ движеніе.

— Сиди,—остановилъ его старшой.—Подойдутъ... Вѣрно съ какой своей надобностью, а не по одному нашему дѣлу.

— Ого-го-ой! Да куда вы запропастились?

Павелъ не утерпѣлъ, высунулся въ оконце:

— Въ избушкѣ, утренничаемъ!

— Хорошее дѣло. У васъ закуска на столѣ, а у меня съ собой выпивка.

Вслѣдъ за тѣмъ чрезъ открытую дверку, наклоняясь, переступилъ молодой парень, съ едва примѣтной рыженькой бороденкой, и выпрямился, хватая головою почти до самаго потолка.

— Добраго здоровья, господа баканщики?

— Здравствуй, Иванъ Моисеичъ!

Вошедшій подалъ свою большую руку старшему, а потомъ младшему баканщику и полѣзъ въ карманъ.

— Получите нераспечатанную двойной очистки,—сказалъ

Digitized by Google

онъ и поставилъ передъ хозяевами бутылку, внутри которой бѣлѣлась тонкая трубочка.—Съ Курбатовскаго кинули.

— Покорно благодарю за доставленіе.

Павелъ нашелъ гвоздь и, при помощи его, искрошивъ всю пробку, вытряхнулъ трубочку.

— Читай!—велѣлъ старшой.

Гость присѣлъ на скамейку и принялся дѣлать вертушку.

Павелъ развернулъ трубку, оказавшуюся полулистомъ исписанной крупно бумаги, сложенной въ четверку, и громко началъ:

— „Старшему баканщику 8-го участка. На пунктѣ. Предписаніе. Такъ какъ погода стоитъ жаркая, и испареніе въ воздухѣ должно начаться, а въ скоромъ времени ожидать надо и того больше, по случаю чего вода должна пойти на убыль, и въ горизонтѣ ея произойдетъ значительное пониженіе, отчего обязательно должны обозначиться мели, то я симъ предписываю вамъ: 1) немедленно произвесть на всемъ вышеозначенномъ участкѣ промѣръ, вездѣ поставить значки и съ 20-го числа сего мѣсяца начать установку бакановъ...

— Пріостановись! Нонче у насъ какое число?

— Восемнадцатое.

— Отваливай!

Павелъ не сразу нашелъ мѣсто.

— ... „а главное“... Нѣтъ, я возьму повыше: „и съ 20-го числа сего мѣсяца начать установку бакановъ, а главное и прежде всего основать на тѣхъ самыхъ точкахъ, какія я осмотрѣлъ и указалъ вамъ при себѣ лично, а именно: во-первыхъ, у Краснаго яра—три; во-вторыхъ, на стрѣлкѣ, по раздѣленію воды на коренную и воложку, съ обѣихъ сторонъ, на каждой *по одному*; въ третьихъ, на самой стрѣлкѣ одинъ, и въ четвертыхъ, окончить производствомъ не позже 27 мая, а фонарей не ставить и огней въ оныхъ не зажигать,—еще рано. Самъ я для осмотра и дальнѣйшихъ къ будущему распоряженій прибуду 28-го. Городъ С... 189., 16-го числа. Казенный лоцманъ А. Вавиловъ“.

Digitized by Google

— Кудревато сочинилъ—промолвилъ Иванъ Моисеевичъ.— Наплелъ кружево, въ недѣлю не расплетешь!..

— Постой, Моисечевъ! Внизу есть приписочка, Василій Семенычъ. Слушай. „Привезу еще стѣнные часы, а то безъ нихъ вамъ нехорошо: пунктъ, а часовъ нѣту“.

Старшій баканщикъ остался совершенно доволенъ содержаніемъ бумаги.

— Спасибо Алексѣю Максимовичу: утѣшилъ онъ меня часами! Хоша у насъ часы и поютъ, да по ночамъ ихъ просыпаешь, а днемъ они при курицахъ находятся.

Иванъ Моисеевичъ сдѣлалъ вертушку, перегнулъ ее крючкомъ и попросилъ огонька.

— Ты, Павлуша, коробокъ-отъ мнѣ отдай: позабылъ я изъ дому спичекъ захватить, а курить хочется... Василій Семенычъ, не желаешь затянуться?

— Не потребляемъ. Кури на здоровье, коли тебѣ въ аппетитъ... Экой злой у тебя табачище-то!

Иванъ Моисеевичъ отмахнулъ рукою дымъ и самодовольно замѣтилъ:

— Табакъ легкій, первый сортъ: пять копѣекъ въ лавкѣ за четвертку плачу... Да еще я васъ попрошу, одолжите мнѣ на часъ топора... Свой дома я оставилъ.

— Возьми. Во дворѣ его найдешь.

— Слышали, приказчикъ съ лѣсопилки увольняется?

— Развѣ ужъ ее прикрываютъ?

— Зиму тогда поработала, а какъ голодовка прекратилась— надобность въ ней и миновала!

— Надобность въ ней всегда есть, Иванъ Мосеичъ: народъ съ хлѣбомъ управится, на лѣсопилкѣ бы работалъ, а то разъ бредутся ни вѣсть куда.

— Извѣстно, уйдутъ на сторону пропитаніе себѣ доставать... Однако, мнѣ пора на промыселъ! — прибавилъ Моисеевъ, заплюнулъ вертушку и лѣниво всталъ.

Digitized by Google

— Счастливаго пути, Иванъ Мосеичъ! Намъ тоже пора, Павелъ Ивановичъ! не поставить ли сегодня два бакончика?

— Когда же ты ко дворамъ-то? Не близко: шестнадцать верстъ...

Промысловой, не трогаясь съ мѣста, переминался и точно выжидалъ чего.

— Поспѣю,—отвѣтилъ старшой!—времени съ насъ довольно. Суббота—легкій день, съ него мы и начнемъ... Чайку только не удастся мнѣ съ тобой попить.

— Не запасливы ли вы сахаромъ?—дождался случая Моисеевъ.— Чай-то у меня имѣется, а про сахаръ я позабылъ: изъ дома не взялъ. Одолжите кусковъ пять-шесть! Я завтра отдамъ.

По губамъ Василія Семеновича скользнула чуть замѣтная улыбка:

— Къ намъ на промыселъ заѣзжайте!—пряча сахаръ въ карманъ, пригласилъ забывчивый молодецъ.—Снасти устроимъ,—крупную рыбу будемъ ловить. Очень любопытно посмотрѣть... Прощайте!

Ушелъ.

— Говорилъ я, что недаромъ ѣдетъ,—сказалъ Василій Семеновичъ.—Такъ и вышло: топоръ ему понадобился... Никогда Мосеичевъ безъ корысти ничего для другого не сдѣлаетъ... Ну, да Господь съ нимъ! Снаряжайся!

— Я готовъ,—отвѣтилъ Павелъ и метнулся во дворикъ, гдѣ были сложены баканы.—Изъ какой кучки брать: красной или бѣлой?

— Одинъ бѣлый, другой красный выбери.

Солнце на безоблачномъ небѣ поднималось все выше и выше. Прелестное утро уступало мѣсто жаркому, но такому же прелестному дню. Вокругъ все зеленѣло и расцвѣчивалось; вода сверкала гдѣ золотой, гдѣ серебряной рябью; лѣсъ за Камой, покрывшійся нѣжной синевою, глядѣлъ привѣтливо; отсвѣчивали далекія вершины горъ, и кротко сіяла прозрачная даль.

Digitized by Google

Около острова двѣ мужскія фигуры, бродя по поясъ въ водѣ, устанавливали баканъ. Немного погодя, на лѣвой сторонѣ воложки у самой стрѣлки, вынырнула изъ воды ярко-красная остроконечная шляпка. Спустя часъ времени, на правой сторонѣ коренной показалась бѣлая головка и весело закивала, какъ будто говоря: „плывите въ добрый часъ, у меня здѣсь безопасно“!

Баканщики возвратились мокрыми, но сейчасъ же взялись за мазанье и окончили послѣднюю окраску. Василій Семеновичъ вымылся и переодѣлся, тщательно сложилъ суконный кафтанъ, перегнулъ его и захлестнулъ тесемкой, а къ другому концу привязалъ сапоги; перекинувъ черезъ плечо, взялъ въ руку узелокъ съ баранками и сказалъ своему товарищу:

— Теперь я пойду. Прощай, Павелъ Иванычъ!

— Съ Богомъ, Василій Семенычъ! Кланяйся отъ меня своей хозяйкѣ.

Павелъ проводилъ до огородца старшóго, поглядѣлъ, какъ тотъ взбирался по уступамъ на верхъ горы, взобрался и пропалъ изъ вида.

III.

Тишина. Въ сумракѣ весенней ночи спитъ Кама и ея долина. Кругомъ все неясно, неопредѣленно и сливается. Рѣка кажется безбрежною, полною сказочныхъ чудесъ и тайнъ. Ближнія горы ночью еще выше поднялись, и стоятъ неподвижно какими-то чудовищами; однѣ вершины ихъ, вскинувшись къ самому небу, мягко вырисовываются своими изгибами, шепчась о чемъ-то съ свѣтлыми здѣздочками. Громадныя тѣни движутся по рѣкѣ, прячутся въ темныхъ ущельяхъ и логахъ и толпятся у подножія горъ, тихо колыхаясь и наводя ужасные сны на спящаго въ лодкѣ рыбака...

Но вотъ, среди невозмутимой тишины раздался прелестный

Digitized by Google

звукъ; за нимъ — другой, третій... Рѣка словно бы тихо вздрогнула, побережье насторожилось...

Спитъ въ избушкѣ Павелъ Ивановичъ. Оставшись одинъ, завалился онъ съ вечера и сразу заснулъ. Спалъ онъ, какъ убитый. Невѣдомые, неслышанные никогда звуки коснулись его слуха и нарушили богатырскій сонъ. Парень широко открылъ глаза: стѣны и потолокъ слегка поблѣднѣли, въ отпотѣвшее оконце заглядываетъ разсвѣтъ, и съ рѣки льются эти незнакомые чудные звуки. Онъ вскочилъ съ наръ.

— Что за диво дивное?—проговорилъ малый вслухъ и распахнулъ оконце.

Струей сырого воздуха ударило ему въ лицо и окатило голову.

Востокъ серебрился, звѣзды мерцали слабо, Кама и лѣсъ выдѣлились. Прислушавшись внимательно, парень вскричалъ:

— Да неужто это соловей?!

Наскоро обувшись и одѣвшись, онъ схватилъ картузъ и кинулся на волю. Прямо съ уступа сбѣжалъ внизъ, отвязалъ ботикъ, сѣлъ и, взмахнувъ веслами, поплылъ вверхъ. Не жалѣя рукъ и легкихъ, онъ изо всѣхъ силъ работалъ веслами, а навстрѣчу ему неслась и гремѣла соловьиная пѣсня. По мѣрѣ приближенія къ своей рыбалкѣ, Павелъ замедлялъ движеніе ботника, опасаясь всплесками воды испугать пѣвцовъ: ему казалось, что вотъ гдѣ-то, „вотъ тутъ“, близко, поютъ и поютъ цѣлые десятки, а не одинъ

Саженяхъ въ десяти-пятнадцати, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ изъ ущелья бьетъ родникъ и клубится подъ нимъ туманъ, зиъ кустовъилась и широко разносилась по долинѣ дивная пѣсня... Послѣднія ночныя тѣни куда-то торопливо убѣгали, звѣзды одна за другой гасли, небо свѣтлѣло больше, и вс токъ алѣлъ. Проснувшаяся рѣка, луговой берегъ и лѣсъ съ нѣмымъ, но, какъ будто бы, радостнымъ изумлеоіемъ слушали пѣвца, а великаны-горы на каждый звукъ откликались сотнями голосовъ.

Digitized by Google

Павелъ сидѣлъ въ ботникѣ, подавшись грудью, съ положенными на колѣни руками, и, затаивъ дыханіе, боялся шевельнуться. Только изрѣдка парень шепталъ:

— Что дѣлаетъ... Что онъ дѣлаетъ!.. Вотъ легче взялъ... Томно выводитъ... Опять поднялъ... Ну! Уму непостижимо!

Оранжевыя, фіолетовыя и багряныя волны хлынули и покатились вдоль рѣки, лѣсъ и берега зарумянились, небесный сводъ раздвинулся и даль прояснилась. Пышнѣе разгорался и рдѣлъ востокъ, страстнѣе гремѣла соловьиная пѣсня.

— Ахъ!.. Что дѣлаетъ...—слышенъ шопотъ на ботникѣ.

Вершины горъ вспыхнули и позолотились; одно мгновеніе— и брызнули ослѣпительные лучи,—выплыло солнце. Еще разъ высоко поднялся голосъ пѣвца, разсыпался дробью и замеръ въ сладкой истомѣ.

— Ахъ, ты, Господи!—очнулся молодой баканщикъ и вздохнулъ.

Изъ кустовъ выпорхнула маленькая птичка, мелькнула надъ ихъ зелеными верхушками и тотчасъ же скрылась.

— Неужто это соловушекъ-то?—удивился парень.

Онъ подождалъ, не запоетъ ли опять; но пѣвецъ замолкъ. Вмѣсто него въ кустахъ посвистывала какая-то пичужка, да надъ полями весело заливались жаворонки. Убѣдившись окончательно, что соловушка успокоился, баканщикъ подвинулъ къ себѣ ведерко, зачерпнулъ воды и вылѣзъ изъ ботника. По берегу были разставлены толстые удильники: это—жерлицы. Владѣлецъ подошелъ къ одной, взялъ за тонкую бечевку, тихо сталъ вытягивать ее и потомъ разомъ дернулъ: у самыхъ ногъ его, сгибая хвостъ и поводя красными поплавками, бился и трепеталъ на землѣ хорошій окунь.

— О, да большенькій!

Кинувъ въ ведро добычу, рыболовъ намоталъ на рогульку бечевку, насадилъ „живца“ на крючокъ и снова спустилъ жерлицу въ глубокое мѣсто. Еще посчастливилось: съ одной

Digitized by Google

снялъ лещика, а съ другой шестивершковую стерлядку. Три остались нетронутыми, одной на мѣстѣ не оказалось.

— Вишь, ты!—развелъ руками баканщикъ:—жерлицу уволокла. Должно, большая рыбина схватила.

Поставивъ и укрѣпивъ всѣ удильники, парень сѣлъ въ ботникъ и закинулъ удочку. Его круглое лицо, время отъ времени, озарялось улыбкою, и въ большихъ глазахъ свѣтилась радость. Рыба у него клевала хорошо, но попадалась одна мелюзга. Это нисколько, однако, не охладило его охоты, и онъ не бросалъ рыбачить, поглядывая по сторонамъ и улыбаясь. Отъ воды отдѣлялся легкій паръ и несло ободряющей сыростью. Въ сіяніи утра, кружились надъ рѣкой чайки, блестя серебристыми крыльями и, съ быстротою молніи, выхватывая добычу. На противоположномъ берегу, вблизи лѣсопилки, съ мостковъ удилъ приказчикъ; сверху, мимо выдававшейся къ рѣкѣ скалы, плыла лодка: сѣдой рыбакъ, стоя на колѣняхъ, выбиралъ сѣти, а мальчуганъ сидѣлъ на веслахъ. Скоро лодка приблизилась къ ботнику.

— Здравствуй, дѣдушка Егоръ!

Вытряхнувъ изъ сѣти на дно лодки рыбу, старикъ повернулъ на голосъ сѣдую голову.

— А, никакъ съ бакановъ!—отозвался рыбакъ.—Здорово, родимый... Поклевываетъ ли у тебя, паренекъ?

— Хватаетъ здорово!—похвалился паренекъ.—А ты что больно далеко заѣхалъ?

— Да гдѣ же ловить-то? На стрѣлкѣ Мосеичева промыселъ: не пущаютъ! Робята его прытко бранятся... Ну, а слышалъ ли ты пѣвуна-то залетнаго?

— Слышалъ, дѣдушка!

— Непривиданный соловушка!—продолжалъ старикъ.—Восьмой десятокъ живу, а ни разу еще этого не слыхивалъ... Рѣдко, вѣдь, къ намъ они прилетаютъ; да и прилетитъ какой слабоголосый, а этотъ... Господи, Боже мой, что за пѣвунъ чудесный!.. Гарасимушка!— обратился дѣдъ къ загорѣлому, въ

Digitized by Google

рваной шубенкѣ мальчику:—пристань къ бережку-то, я малость поотдохну... Какія тебѣ на жерлички-то попали?—заглядывая въ ботникъ, полюбопытствовалъ рыбакъ. — Э, желтуха! Ничего, хорошая стерлядочка... Да тебѣ бы, парнюженька, взять немного подальше — вонъ! — повыше Горе-камень: тамъ есть больно способное мѣстечко для твоихъ снастей.

Высокій и сухой, съ морщинстымъ лицомъ, въ мокрой холщевой рубахѣ и штанахъ, рыбакъ стоялъ на днѣ лодки и показывалъ жилистой рукою на каменную скалу.

— Ладно мнѣ и тутъ, — сказалъ баканщикъ. — Да что это у васъ за Горе-камень? Откуда онъ взялся?

Старикъ, присѣвъ на скамейку, не вдругъ отвѣтилъ:

— Испоконъ вѣка онъ тутъ. Прадѣды наши разсказывали, что въ этомъ самомъ мѣстѣ кудесники водились, а вверху, на Шеломъ-горѣ, ихній князь проживательство имѣлъ. Кудесники эти на камнѣ жертвы своимъ богамъ приносили.

— Какія жертвы?

— Всякія... Да ты бывалъ ли когда на камнѣ-то?

— Не приходилось.

— А я не однова лазилъ,—похвалился мальчуганъ, вытаскивая изъ-за пазухи краюшку хлѣба. — Только съ вершинки-то глядѣть на воду боязно: глыбко, вода че-рная!

— Ты ужъ гдѣ у меня не бывалъ!—любовно промолвилъ дѣдъ.—Съ берега легко подняться,—добавилъ онъ, — покато идетъ на камень. А на самомъ высокомъ мѣстѣ, что надъ омутомъ виситъ, площадка вотъ эканькая сдѣлана, — рыбакъ отмѣрилъ руками пространство, занимаемое площадкою,—и желобочекъ отъ нея къ водѣ проведенъ. На площадкѣ кудесники жертвы закалывали, а по желобку кровь стекала...

— Какъ у черемисъ Керемети, — живо сообразилъ Павелъ—гуся, утку или жеребенка.

Старикъ значительно на него взглянулъ.

— Да, гуся, али жеребенка... Они такихъ жеребятъ рѣ-
з что и слово-то вымолвить страшно!..

Digitized by Google

— Ой!—испугался здоровый малый. — Неужъ человѣка?!

— То-то вотъ, парнюженька!.. Кудесники—язычникъ народъ, — для нихъ что утка, что человѣкъ все едино, ничего имъ не стоитъ загубить душу человѣческую.

— Не потому ли Горемъ камень-то прозывается?

— Ну, объ этомъ ты спроси у Камы-матушки: она скажетъ, а я не вѣдаю.

Такой отвѣтъ озадачилъ догадливаго парня.

— Кама много знаетъ,—въ раздумьѣ началъ старикъ.— Помнитъ она, какая здѣсь въ старину была дичь,—одни дремучіе лѣса по ней стояли, а лѣса тѣ звѣремъ разнымъ да птицей всякой были переполнены. И сама она, могутная да многоводная, рыбой кишмя кишѣла. Не забыла, какъ появились здѣсь русскіе люди, — отъ Москвы да господъ своихъ бѣжали,—стали они жить въ изобильѣ, на всемъ просторѣ и вольной волюшкѣ... Видѣла, родимая, какъ послѣ зачали строить мѣдные, желѣзные и другіе заводы... Да мало ли какихъ дивовъ и диковинокъ она видѣла на своемъ вѣку!.. Да, вишь, молчитъ она, ни о чемъ никому не разсказываетъ—на рѣдкость, когда тайну какую выдастъ. Не любитъ она этого... про дѣла-то да печали людскія разсказывать.

— Да развѣ у рѣки есть тайны какія?

— Тайны-то? А вотъ ты спроси: отчего Кама теперь тихая да свѣтлая, а то нахмурится и потемнѣетъ, али вдругъ щетиной встанетъ и почнетъ лютовать, словно на кого разпрогнѣвается и обозлится? Ну-ка, разгадай! Спроси еще: куда въ ней дѣвались раки? Два лѣта ихъ не видимъ...

— Сказываютъ, моръ на раковъ...

— Моръ!.. Сотни годовъ ловили ихъ, дѣвать некуда было, а нонѣ моръ... Да откуда онъ взялся?

— Да не отъ нефтяночки ли?

Рыбакъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, парнюженька, дѣло это Камы, а мы своимъ умомъ до этого не дойдемъ...

Digitized by Google

Загадочныя рѣчи сѣдовласаго рыбака произвели свое чарующее дѣйствіе: какая-то невидимая рѣзвунья такъ дернула за крючокъ, что хозяинъ ботника чуть не выпустилъ изъ рукъ своей удочки.

— Хорошо поклевываетъ,—усмѣхнулся дѣдъ.

— Сорвала!.. Видно, щука большая схватила.

— Мѣшаемъ тебѣ.... Ну-ка, Гарасимушка, отпихнемся да и тронемся къ своему мѣсту.

— Бесѣдуйте!—удерживалъ баканщикъ.—Занятно бы послушать... Я люблю разныя исторіи.

— Послѣ какъ-нибудь потолкуемъ,—сказалъ рыбакъ, упираясь весломъ въ берегъ, чтобъ отвалить.—Тутъ у насъ не только одна рѣка, а всякая гора, каждый логъ свои тайны хранятъ... Ину пору, когда ночи темныя, онѣ обозначаются: огоньками, свѣчками горятъ да бѣгаютъ... Оттого, знать, и соловьи не живутъ: боятся они этихъ тайнъ... Прощай! Оставайся со Христомъ! Тронь, Гаранюшка!

Загорѣлый мальчуганъ ударилъ веслами, и лодка поплыла наискось рѣки. Старикъ сидѣлъ на кормѣ прямо, и бѣлая голова его подымалась высоко; онъ загребалъ лопаточкой, служившей ему также и рулемъ, и помогалъ внуку. Удильщикъ проводилъ лодку глазами.

— Мудреный старикъ!—проговорилъ онъ про себя.—На что онъ намекаетъ—поди, догадайся!.. А онъ умный человѣкъ, первѣйшимъ рыбакомъ по здѣшней мѣстности почитается.

Павелъ посмотрѣлъ на Горе-камень... Ничего, все такой-же, какимъ и былъ, только, словно, явственнѣе онъ обозначился.

— Чай, все сказки разсказываетъ,—отвернувшись, проговорилъ парень.—А кто знаетъ, можетъ и быль!..—добавилъ онъ и поймалъ на лету съ удочки плотицу.

Солнце поднялось довольно высоко, когда молодой баканщикъ вернулся на „пунктъ“. Навстрѣчу ему бросился котенокъ, испуская слезливый пискъ, взмятнулись съ говоромъ куры, торопясь, по-своему, заявить хозяину, что онѣ позаждались его.

Digitized by Google

— Проголодались!—отвѣтилъ на привѣтствія хозяинъ.— Сейчасъ всѣхъ ублаготворю.

По рѣкѣ донесся благовѣстъ колокола. Павелъ снялъ картузъ.

— У насъ!..—проговорилъ онъ.—Къ обѣднѣ зовутъ,— и перекрестился.—Экое диво: рѣдко къ намъ на баконы звонъ доходитъ, а сегодня явственно слыхать.

Въ характерѣ Павла, между прочимъ, выдавались особенно двѣ черты: оставаясь одинъ, что бы онъ ни дѣлалъ, всегда говорилъ вслухъ или, наоборотъ, погружался въ глубокую задумчивость. Онъ говорилъ, давая корму домашней птицѣ и своему баловнику, говорилъ, поливая грядки, говорилъ на рыбной ловлѣ, съ баканами и т. д. Даже предаваясь любимому своему занятію — чтенію книжекъ, онъ часто разсуждалъ и говорилъ вслухъ. Библіотека его хранилась въ лубяной коробкѣ: за нѣсколько мѣсяцевъ „Четь-Минеи“, подержанный учебникъ „Всеобщей географіи“ и тоненькая „Хрестоматія“. Первыя онъ купилъ на базарѣ у ходебщика, а двѣ послѣднія ему подарилъ, за ненадобностью, гимназистъ, котораго три года тому назадъ онъ перевозилъ съ одной пристани за Каму.

Управившись по хозяйству, чисто вымывшись и помолившись Богу, молодой парень, для праздника нарядился въ красную рубашку, надѣлъ суконныя шаровары и новые сапоги, расчесалъ передъ зеркальцемъ свои мягкіе темные волосы и вышелъ на площадку такимъ молодцомъ и свѣжимъ, что признательный за угощеніе пѣтухъ, вытянувшись во-фронтъ, громко крикнулъ на своемъ языкѣ:

— Съ праздникомъ вашу милость, Павелъ Иванычъ!

Противъ избенки, ближе къ краю площадки, на столѣ пріятно пошумливалъ вычищенный самоваръ, за которымъ теперь сидѣлъ Павелъ Ивановичъ. Онъ кушалъ чай съ лепешками, не безъ удовольствія посматривалъ на баканы, качавшіе ему съ рѣки своими шляпками, на синеватый лѣсъ, красный

Digitized by Google

яръ, густыя зеленя хлѣбовъ и прекрасную даль, залитую молодымъ свѣтомъ утренняго солнца. Выпивъ нѣсколько чашекъ, проворно управившись съ двумя лепешками и налюбовавшись вдоволь красотами природы, онъ развернулъ лежавшую передъ нимъ книгу и углубился въ чтеніе. Хотя содержаніе ея и было ему знакомо, онъ даже зналъ почти всю наизусть, тѣмъ не менѣе онъ всякій разъ перечитывалъ ее съ новымъ интересомъ. Его занимали страны свѣта, гдѣ какой народъ, живетъ, чѣмъ промышляетъ и т. д.; но больше всего его интересовали названія морей, рѣкъ, островов; съ какимъ-то особеннымъ наслажденіемъ произносилъ онъ: „Атлантическій океанъ! Рейнъ, Рона...“ Или: „Куба, Ямайка, Порторико!..“

— Хорошія слова,—хвалилъ онъ всякій разъ эти названія.—Есть и въ Россіи: Сѣверная Двина, Печора, Лена... Города опять какіе: во Франціи—Парижъ, Ліонъ, въ Англіи—Лондонъ, а у насъ—Петербургъ, Москва, Ферганъ, Маргеланъ, Владивостокъ!.. Послѣдній тысячъ за семь верстъ будетъ, при устьѣ рѣки Амура, главный военный портъ на Великомъ океанѣ... Много нонче туда переселенцевъ проѣхало.., Что только за обширнѣйшая страна Россія, не въ-примѣръ больше всей Европы!.. Да, обширна, а жить человѣку тѣсно... Какая-бы тому причина была?

Задумался надъ этимъ вопросомъ Павелъ Ивановичъ; но рѣшеніе его оказалось довольно труднымъ. Не найдя въ своей умной головѣ ничего подходящаго, обратилъ онъ свои взоры на сторожку, отъ нея перевелъ на сытаго, крѣпко спавшаго у плетня котенка, устремилъ на рѣку, гдѣ покачивались баканы, крѣпко привязанные за якорныя лапы, и разразился такимъ восклицаніемъ:

— Эхъ, кабы ходъ былъ даденъ!..

Отобѣдавъ вслѣдъ за чаемъ, Павелъ Ивановичъ отправился на высокую гору, откуда еще шире открывался горизонтъ и виднѣлись самыя отдаленныя селенія. Взглядъ его приковалъ крестъ ближней сельской колокольни: передъ нимъ высту-

Digitized by Google

пило родное село. Парню живо представилась его семья. Какъ вчера обрадовалась ему мать! Ласково съ нимъ поговорилъ и отецъ, любовно заглядывалъ въ лицо и Ваня братишка... Трудно безъ него семьѣ, особливо когда наступитъ страда! Но ничего не подѣлаешь: придетъ осень, хлѣба не успѣютъ обмолотить, а ужъ потребуютъ подати, „у насъ ихъ шибко выколачиваютъ“... Надо дровъ на зиму заготовить, по дому кое-что справить и самимъ годъ прожить, а хлѣба своего до Пасхи не хватаетъ... Поневолѣ идешь искать заработка... „Вотъ, изъ разныхъ губерній все на новыя мѣста идутъ; изъ нашего села семей десятокъ уѣхали: хорошо устроились, отписывали къ домамъ... Не захотятъ только родители старину покинуть, а то забралъ-бы я ихъ всѣхъ и махнулъ туда; можетъ, пожили бы мы тамъ, Богъ благословилъ всѣмъ—хлѣбомъ и скотиной, тогда-бы и въ разныхъ мѣстахъ побывалъ, на все наглядѣлся!.. Черезъ четыре-пять годовъ братъ въ солдаты уйдетъ, ну, и проколотишься здѣсь всю жизнь, ничего хорошаго не увидишь и не узнаешь!..

Такъ думалъ Павелъ Ивановичъ, посиживая на горѣ и не отрывая глазъ отъ родного села. Глядѣлъ, думалъ и вдругъ затянулъ:

«Не бѣлы-то снѣги въ полѣ забѣлѣлись...
Э-э-э-ахъ да-а забѣлѣлись»!...

IV.

Между тѣмъ какъ любитель географіи, забравшись ближе къ небесамъ, предавался разнымъ думамъ и изливалъ свою душу въ пѣсняхъ, сиротливая избенка прислушивалась къ тремъ новымъ голосамъ, которые свидѣтельствовали о присутствіи гостей. Два голоса принадлежали особамъ женскаго пола и одной особѣ неизвѣстнаго пола, такъ какъ голосъ ея не поддавался точному опредѣленію, хотя не было никакого сомнѣ-

Digitized by Google

нія, что голосъ этотъ принадлежалъ ребенку. Дѣйствительно, двѣ женщины, одна молодая и съ ребенкомъ, одѣтая по-городскому, а другая пожилая, въ костюмѣ странницы, заняли мѣсто на лавочкѣ и разговаривали. Отъ наблюдательности одноглазой хижины не ускользнуло также, что Мосеичевъ работникъ сложилъ около молодой на траву двѣ подушки, старый кожаный сакъ-вояжъ, узелъ и большой шерстяной платокъ.

— Вещи тутъ,—проговорилъ работникъ.—Деньги за перевозъ хозяинъ получитъ.

— Далеко ли, сударыня, изволите ѣхать? — спрашивала пожилая, въ костюмѣ странницы.

— Не очень далеко... — отвѣчала молодая: — внизъ по Камѣ мнѣ нужно... Да чего ты хочешь? Куда тянешься?— послѣднія слова относились уже къ ребенку.

— Мальчикъ или дѣвочка? — освѣдомилась пожилая.

— Дѣвочка.

— Годочекъ-то ей минулъ?

— Нѣтъ, одиннадцать мѣсяцевъ.

— А еще-то есть у васъ дѣточки?

— Всего одна.

— Что же другія-то помирали, или въ супружествѣ вы не очень давно?

— Недавно.

Молодая женщина говорила неохотно. Она была средняго роста, покрыта цвѣтнымъ шелковымъ платкомъ и въ черномъ драповомъ бурнусѣ. Въ лицѣ ея, нѣсколько продолговатомъ, съ широкимъ носомъ, опавшими щеками, замѣчалось выраженіе какой-то растерянности, и большіе каріе глаза изъ-подъ черныхъ бровей смотрѣли грустно. Но когда эти глаза обращались на ребенка, то мгновенно на свѣжія губы ея слетала улыбка, и лицо тогда дѣлалось чрезвычайно миловиднымъ. Чѣмъ-то женственнымъ, мягкимъ вѣяло отъ всего существа этой тихой женщины.

Другая, въ костюмѣ странницы, была женщина сухая, вы-

Digitized by Google

сокаго роста и съ лицомъ византійскаго письма: большое, съ чертами крупными и жесткими, пергаментнаго цвѣта, украшенное зеленовато-сѣрыми глазами, оно глядѣло смѣло и рѣшительно, словно вызывало на бой.

Такого рода особѣ ничего не стоило понять молодую женщину, съ которою встрѣтилась здѣсь только въ первый разъ. Замѣтивъ, что собесѣдница скупа на слова, и что одними вопросами на откровенный разговоръ ее не вызовешь, она тотчасъ же прекратила всякіе вопросы и принялась разсказывать о себѣ.

Начала странница съ того, что была въ Казани, куда ходила на поклоненіе мѣстной чудотворной иконѣ, оттуда, мимоходомъ, завернула въ деревню къ своему племяннику, который далъ ей, бобылкѣ, уголъ и кормитъ ее; теперь пробирается на „Святой колодецъ". Бывала она и у Сергія преподобнаго, и въ Кіево-Печерской лаврѣ, и во многихъ святыхъ мѣстахъ, не приводилось только побывать въ святомъ градѣ Іерусалимѣ, о чемъ душа ея много печалится и тоскуетъ. Но разсказывала паломница безъ всякихъ воздыханій, пѣвучести и заунывности въ голосѣ, чѣмъ отличаются настоящія странницы; наоборотъ, она говорила совершенно просто и нисколько не заботилась о томъ, чтобы вызвать слезы умиленія на глазахъ слушательницы.

— Такъ вы какъ ходите,—робко спросила молодая женщина, выслушавши разсказъ паломницы: — по обѣщанію или по доброй волѣ?..

— Нѣтъ, сударыня,—прервала странница,—никакого обѣщанія я не давала, а привыкла ходить. Съ-молоду ходила и гуляла — молодость свою тѣшила, а какъ на пятый десятокъ стукнуло, возымѣла охоту ко святымъ мѣстамъ...

Въ это время, спустившись изъ - подъ облачныхъ странъ, во всей красѣ праздничнаго наряда, предсталъ молодой баканщикъ. Онъ снялъ картузъ и поклонился обѣимъ женщинамъ.

— Здравствуй, Павелъ Иванычъ! — встрѣтила его богомолка.—Вотъ, я опять къ вамъ зашла.

Digitized by Google

— Просимъ милости!

— Не знаете, скоро ли пароходъ сверху будетъ?—спросила молодая женщина.

О, долго еще вамъ придется его ждать, Арина Степановна. Самоваръ, поди, надо для васъ справить?

— Экій догадливый—похвалила странница.

— Если мы успѣемъ до парохода...

— Пять разъ накушаетесь!—удостовѣрилъ Павелъ Ивановичъ и кинулся во дворикъ.

Пока онъ бѣгалъ по воду на ключъ и хлопоталъ около самовара, подошелъ Иванъ Моисеевичъ.

— Сколько вамъ за труды?—спросила молодая женщина.

— Что пожалуете... Мы не перевозчики, другимъ дѣломъ занимаемся, изъ одного уваженія васъ переправили.

— Сейчасъ я вамъ заплачу...

Но тутъ произошло маленькое затрудненіе: кошелекъ съ деньгами находился въ карманѣ платья, а обѣ руки Арины Степановны были заняты.

— Позвольте, я подержу вашу дочку!

— Не безпокойтесь... Она къ чужимъ не любитъ.

Дальнѣйшія попытки оказались безуспѣшны: ребенокъ прядалъ, тянулся и каждую минуту могъ выскользнуть изъ материнскихъ рукъ.

— Дѣлать нечего... Подержите минутку! Одѣяльце-то... Вотъ такъ...

Громкій плачъ, вскидываніе рученками и сердитое болтаніе ножками ознаменовали переходъ ребенка на чужія руки.

— Не плачь, Соничка, не плачь!—улыбаясь дѣвочкѣ и поспѣшно доставая кошелекъ, говорила мать.—Вотъ!—подала она Мосеевичу двугривенный.—Ну, моя плакунья!..

Но промысловый человѣкъ остался недоволенъ.

— Маловато пожаловали, Арина Степановна! Еще надо-ы двугривенный...

Арина Степановна не замедлила вручить ему другую монетку.

Digitized by Google

— Вы сами не назначили, сколько вамъ слѣдуетъ, а баканщики съ меня никогда больше пятнадцати копѣекъ не берутъ...

Моисеевичъ, не видя Павла, счелъ нужнымъ обидѣться.

— Съ кѣмъ сравнили!—началъ онъ заносчиво.—Баконщикамъ по гривеннику можно брать, они народъ свободный, а я человѣкъ занятой, отъ дѣла своего оторвался, промыселъ для васъ оставилъ.. А ежели безъ меня опущеніе какое случится? Чьи интересы тогда должны страдать? Это тоже слѣдуетъ понимать... Кажется, вамъ должно быть извѣстно, такъ какъ супругъ вашъ довѣреннымъ въ хорошей экономіи служитъ...

По всей вѣроятности, назиданіе продолжалось бы долго, еслибы не вступилась паломница.

— Ты, вѣдь, получилъ, чего ждалъ, такъ не трепли даромъ языкъ. Проваливай!

Изъ дворика выглянуло лицо Павла Ивановича.

Столь внезапное нападеніе озадачило Ивана Моисеевича; но, узнавъ лицо паломницы, онъ оправился.

— Я за свои права стою. Притомъ же не къ тебѣ, а къ госпожѣ Акимовой слова мои относились...

— Попробовалъ бы ты еще меня, страннюю женщину, словомъ обидѣть или обобрать, такъ я тебѣ показала бы права. Знаю я вашего брата, немало тоже такимъ-то скалдырникамъ, какъ ты, носы утирала!

За плетнемъ кто-то фыркнулъ.

— Чего переминаешься?—не давала опомниться промысловому человѣку странница, очевидно, намѣриваясь еще разъ показать на опытѣ, какъ она утирала скалдырникамъ носы.

— Оставьте!—попросила госпожа Акимова.

— Никакъ этого нельзя, сударыня!—воспротивилась храбрая женщина.—Если всякому обиралѣ спущать, такъ отъ нихъ житья на свѣтѣ не будетъ... А и дуракъ же ты набитый!—поварачиваясь къ Мосеичеву, продолжала она:—я его отчитываю, а онъ стоитъ! Другой на его мѣстѣ давно-бы убѣжалъ со стыда, а онъ чего-то дожидается! Экіе глаза безстыжіе!

Digitized by Google

Ни слова больше не говоря, Иванъ Моисеевичъ нехотя отошелъ и лѣниво отправился во-свояси.

— Мосеичевъ!—крикнулъ баканщикъ:—что же ты топоръ не принесъ?

— Позабылъ,—не останавливаясь, отвѣтилъ промысловый парень.—Невелика, чай, важность, что день-два лишнихъ у меня пролежитъ!

— Экая ты голова, чудакъ! намъ самимъ топоръ нуженъ.

— Занесу, будетъ случай.

Баканщикъ не сталъ терять времени и побѣжалъ къ женщинамъ.

— Я столъ для васъ накрою вотъ тутъ, въ сторонкѣ, а то солнышко больно печетъ.

— Вотъ умница-то, такъ умница!—промолвила богомолка.— Догадливый! Ну, какъ его не похвалишь?.. Для меня-то лишній чайничекъ найдется?

— Что вы!—перебила Арина Степановна: — прошу со мною откушать... У меня въ сумкѣ подорожники, курица жареная... Сонечка, да о чемъ ты плачешь? Покушать, что ли, желаешь?

— Коли такъ, Богъ васъ спасетъ, сударыня!—поблагодарила паломница.—Онъ пріятной бесѣды и угощенія я никогда не отказываюсь.

Молодая мать кормила грудью ребенка и тихо его укачивала.

— Павелъ Ивановичъ!—обратилась она къ хлопотавшему парню:—сумку-то мою потрудитесь на столъ положить.

— Позвольте, я помогу,—поднялась странница.

— Такъ вы и чайницу, и съѣстные припасы изъ сумки выньте... Мнѣ самой нельзя распорядиться, пока дочка не заснетъ... Да она уже глазки закрыла... Сейчасъ я уложу ее... Павелъ Иванычъ, бросьте вонъ туда подушку.

Черезъ нѣсколько минутъ обѣ женщины сидѣли за самоваромъ. Арина Степановна предложила чаю и баканщику. Тотъ чашку принялъ, но отошелъ съ нею поодаль, и присѣлъ у окна.

Digitized by Google

— Со свиданіемъ, Арина Степановна, — беря налитое блюдечко, обратилась странница.—Будьте здоровы!

— Кушайте!.. Вотъ пирожки съ говядиной, творожнички... Кушайте! Извините, не узнала вашего имени и отечества.

— Ильинишна!—отрѣзала богомолка.—По имени Марья, а зовите просто Ильинишна.

— Хотѣла васъ спросить: въ Казани бывши, вы не слыхали ничего о прошлогодней болѣзни?

— О планидѣ-то? Какже, слышала: ожидаютъ ее опять; но чтобъ народъ помиралъ, такъ Господь еще миловалъ. Вотъ лѣто наступитъ, тогда окажетъ себя.

— Очень мы опасаемся *ея*. Въ прошломъ году кругомъ много людей умирали, изъ нашей экономіи человѣкъ пятнадцать жизни лишились... Доктора велятъ вездѣ прыскать, въ пищѣ соблюдать и сырую воду не пить.

Ильинична энергически тряхнула головой.

— Ничего противъ планиды доктора не подѣлаютъ... Вотъ я про себя вамъ разскажу, сударыня... Молоденькая я еще была, жила у господъ въ услуженіи. Также вотъ эта планида низошла. Испугались очень. Народъ валомъ валитъ, а въ усадьбѣ нашей все благополучно... Слава Богу. Понадобилось въ городъ ѣхать за покупками; никто не рѣшается,—боятся люди. Поѣхала я. Господа можжевельникомъ окурили меня, дегтемъ вымазали. „Смотри, Марья“, наказали: „ничего тамъ не ѣшь и не пей“!... Пріѣхала я въ Рыбинскъ — Ярославской губерніи урожденная я,—закупила, что нужно, и пошла по трактирамъ, начала все ѣсть и пить... Грѣшница, вѣдь, я:— съ молоду любила и вино пить, и погулять — барчукъ нашъ всему меня обучилъ. Три дня я пробыла: народъ въ городѣ мретъ, то и знай несутъ покойниковъ, а я невредима. Вернулась. Здорова!.. По скорости планида и въ нашъ домъ заглянула: молодой баринъ захворалъ, крѣпко *она* его прихватила. Родные, господа, подойти къ больному не смѣютъ, трясутся отъ страха, а я—ничего, одна при немъ была и отходила: вы-

Digitized by Google

здоровѣлъ барчукъ. Изъ дворни троихъ вырвала. Кому, сударыня, предназначено, тотъ умретъ, а я жива осталась. Ужъ если низошла планида, или какъ ее по другому, холерой или чумой называютъ, такъ она выберетъ, кого ей надобно, а доктора ничего противъ нея не властны сдѣлать. Поди, потягайся съ Богомъ-то!

— Извѣстно, отъ Божьяго гнѣва ничѣмъ не убережешься... Никакъ ужъ проснулась?—Арина Степановна встала къ ребенку.—Вотъ завсегда она у меня такъ,—беря улыбающуюся дѣвочку на руки, говорила мать.—Минутки не даетъ въ покоѣ побыть, чайку съ ней никогда не напьешься.

— Позвольте-ка дитю,—подвернулся баканщикъ;—посадите ее на свою шаль, а я утѣху ей достану,—и поманилъ къ себѣ „баловника".—Можетъ, займется она...

Ребенокъ обрадовался, увидя котенка, и далъ матери посадить себя на разостланный платокъ; Павелъ Ивановичъ, легши на животъ, поднесъ къ рученкамъ дѣвочки „утѣху".

— Погладь киску, погладь! — говорилъ онъ.—А ты лежи смирно, не хитри!

Богомолка полюбовалась группою и, участливо посмотрѣвъ на лицо молодой женщины, какимъ-то особеннымъ голосомъ проговорила:

— Достается же вамъ отъ малютки, Арина Степановна!

— Да таки есть,—отвѣтила та, лицо ея освѣтилось улыбкой, и она довѣрчиво взглянула на собесѣдницу.—Но зато веселѣе съ нею, а то въ экономіи отъ тоски умереть можно... Цѣлый день въ покояхъ сидишь одна, слова почти не съ кѣмъ сказать, и глядишь на горы да небо. Работники и работницы—изъ крещёновъ [1]), — по русски что говорятъ, слова одного у нихъ не поймешь. Соничка одна и утѣшаетъ.

— А супругъ вашъ?

---

[1]) *Крещёнами* называютъ всѣхъ безъ различія, язычниковъ и магометанъ, перешедшихъ въ православіе.

Digitized by Google

— Онъ при занятіяхъ весь день. Къ ночи управится, придетъ ко мнѣ усталый, измученный... Да онъ у -меня не совсѣмъ здоровъ.

Арина Степановна подавила вздохъ.

— Чѣмъ же онъ у васъ боленъ?

— На желудокъ все жалуется... Да, слава Богу, теперь, словно полегче ему немного. А первый-то годъ, какъ я за него вышла, не знала, что и дѣлать: того и ждала, что онъ помретъ.

— Сколько же лѣтъ вы замужемъ?

— Скоро два исполнится.

— Такъ вы не за хвораго ли и вышли?

Арина Степановна потупилась.

— Нечаянно это случилось, — начала она, поднявъ зарумянившееся лицо. — Родителей у меня давно въ живыхъ нѣтъ, одинъ только дѣдушка. Сами мы изъ мѣщанскаго сословія... Пріѣхали мы съ нимъ въ Нижній... Бывали вы тамъ?

— Какже! На Волгѣ!

— Нижній-Новгородъ находится при сліяніи Оки съ Волгою, — опредѣлилъ положеніе города любитель географіи. — Онъ замѣчателенъ своею ярмаркою, первостепенною во всей Европѣ.

— Точно такъ... Пріѣхали мы, — съ Михайломъ Андреичемъ и встрѣтились; ему тоже по дѣламъ случай выпалъ тамъ быть. Понравились мы другъ другу. Сдѣлалъ онъ предложеніе. Дѣдушка говоритъ: „хорошій онъ человѣкъ, я давно его знаю, но хворь въ немъ какая-то есть. Гляди, тебѣ съ нимъ вѣкъ жить...“ Сама вижу, что женихъ здоровья слабаго: но оттого, словно бы, мнѣ еще больше его жалко сдѣлалось. Молодой — ему всего двадцать четыре года тогда минуло, — одинъ, безъ родныхъ... Можетъ, со мною онъ поздоровѣетъ; веселѣе на душѣ у него будетъ. Твори Господи волю Свою, подумала, и сказала о своемъ рѣшеньи дѣдушкѣ... Изъ Нижняго мы ужъ повѣнчанными въ экономію пріѣхали. Дѣдушка меня наградилъ...

Digitized by Google

Первое время мужъ, точно, поправился, на боли не жаловался, а мѣсяца такъ черезъ три съ нимъ хуже стало.

— Отчего же бы съ нимъ такое, сударыня?

Молодая женщина вздохнула.

— Сиротой онъ круглымъ послѣ родителей остался. Съ измалѣтства по чужимъ людямъ жилъ, много горя и нужды извѣдалъ... На свою настоящую должность онъ поступилъ не очень давно... Вотъ, прежнее-то въ немъ и отозвалось.

— Какъ не отозваться! Горе да нужда кого не изломаютъ.

— Если бы онъ не такой заботливый былъ, то и болѣзнь меньше бы его безпокоила. А онъ дня безъ заботы не проживетъ: хозяина-то интересы надо соблюсти, да и рабочихъ чтобы не обидѣть, а это очень трудно... Жалостливый онъ у меня, добрый: самъ изъ крестьянской семьи, такъ понимаетъ, что значитъ для рабочаго лишняя копѣйка.

— Ну, такъ вы не безпокойтесь много, сударыня,—съ убѣдительностью подхватила Ильинична.—Передъ Богомъ добродѣтель вашего супруга втунѣ не останется: Онъ пошлетъ ему здоровья.

Щеки Арины Степановны еще больше раскраснѣлись, и она съ какою-то грустью и одушевленно продолжала:

— Кумысомъ лѣчится. Вторую недѣлю всего пьетъ, но говоритъ, что лучше ему. Можетъ и не лучше, но меня желаетъ успокоить. Впрочемъ, лицо свѣжѣе стало, и боли позатихли, а то по полу такъ и катается!..

Павелъ Ивановичъ усердно занималъ дѣвочку. Онъ заставлялъ котенка прыгать черезъ руку, ставилъ на заднія лапки служить и подталкивалъ его къ ногамъ дѣвочки.

— Посыпь ему пирожка, Соничка!—говорилъ парень.—А вотъ мы заставимъ его новую штуку показать.

Арина Степановна, поощряемая сочувствіемъ Ильиничны, все больше раскрывалась и говорила:

— Есть у меня и другое горе, Марья Ильинишна, сестра больна... Къ ней-то теперь я и ѣду.

Digitized by Google

— Вотъ напасти! Чѣмъ она недомогаетъ?

— Сердцемъ она нездорова. Докторъ говоритъ, что это послѣ родовъ съ нею сдѣлалось. По началу никто на замѣчаніе не бралъ; разрѣшилась она благополучно, а годъ спустя припадки открылись. Докторъ велѣлъ привезти: „акушеркѣ надо осмотрѣть ее“, сказалъ мужу сестрицы... Но не отъ того, полагаю, съ нею припадки. Когда она въ дѣвушкахъ была, тогда еще съ нею приключилось...

— Не влюблены ли въ кого онѣ были?—прервала Ильинична.—Отъ этого, особливо негодный какой по сердцу придется, съ молоденькими дѣвушками бываетъ, сударыня.

Румянецъ гуще залилъ щеки Арины Степановны.

— Не знаю... Можетъ быть... Да вы не подумайте чего-нибудь серьезнаго...—съ жаромъ и энергіей добавила молодая женщина.—Нѣтъ, она честною дѣвушкой вышла замужъ!..

— Что вы, сударыня! Развѣ я этого не понимаю... Поправилась ли тогда сестрица-то?

— Старушка одна вылѣчила, но ея нѣтъ ужъ на свѣтѣ: померла она. Вышла сестра замужъ,—вдоваго судьба ей послала,—два года здоровою была, а на третій и заболѣла.

— Старое-то отрыгнулось!

— Найдетъ когда припадокъ на сестру,—лежитъ безъ всякаго движенія, какъ мертвая, и только ей все представляется.

— Что же ей, голубушкѣ бѣлой, представляется?

— Больше дѣдушка покойный, его видитъ; зоветъ ее къ себѣ: „приходи къ намъ поскорѣе“, говоритъ: „мы для тебя и мѣсто приготовили“. Очувствуется, придетъ въ себя и заговоритъ: „какой *онъ* хорошій, весь въ золотыхъ локонахъ, и лицо у него пресвѣтлое“. Мы переглянемся, спросимъ: „да кого ты видишь, Надюша?“—„А вы развѣ не видите его?—отвѣтитъ.—„Ангелъ здѣсь!“—„Гдѣ ты его видишь?“—„А вотъ онъ у праваго моего плеча стоитъ. За душою прилетѣлъ... Умру я скоро“.—Замолкнетъ, лицомъ въ правую сторону оборотится... „Повремени!“ жалостно взмолится, и на глазахъ крупныя слезы

Digitized by Google

выступятъ: „дай хоть немного малыхъ дѣточекъ мнѣ выростить... Вымоли ты у Бога милость, не ради меня, грѣшницы, а ради ихъ безвинныхъ душенекъ“.

— Владычица небесная!.. А молодая сестричка?

— На два года меня постарше—двадцати трехъ лѣтъ... Ее очень жалко, а пуще дѣтокъ-то..

Надоѣло ли Соничкѣ играть съ котенкомъ, или, обернувшись, она увидѣла катившіяся по щекамъ матери слезы, только неожиданно заплакала и начала капризничать.

— Ко мнѣ, доченька?—утирая платкомъ лицо и улыбаясь, обратилась къ ребенку Арина Степановна.—Сейчасъ возьму тебя.

Дѣвочка утихла. Съ радостью кинулась она на шею матери и весело засмѣялась.

— Не пора ли мнѣ, Павелъ Иванычъ?—вспомнила молодая женщина о пароходѣ.—Не пропустить бы какъ...

— Кушайте на здоровье!—съ необычайной живостью отвѣтилъ баканщикъ.—Да я, пожалуй, взбѣгу на гору: оттуда дымъ видать издалека.

Павелъ убѣжалъ. Быстроту ногъ и крѣпость легкихъ на этотъ разъ онъ показалъ еще небывалыя: точно по ровной дорогѣ, а не по крутымъ уступамъ, взбирался на гору.

Лицо Арины Степановны приняло прежнее выраженіе: она разомъ какъ-то стихла, и мысли ея куда-то далеко унеслись. Странница больше ни о чемъ ее не разспрашивала, говорила сама и старалась утѣшить молодую женщину: оказалось, что у этой суровой женщины, видѣвшей на своемъ вѣку разные виды, нашлось и искреннее чувство, и душевное слово.

— Если Господь приведетъ, и мы съ вами опять встрѣтимся, я перескажу вамъ всю мою жизнь. Насмѣетесь-то вволю и на сердцѣ будетъ спокойнѣе, когда узнаете, изъ какихъ только бѣдъ и напастей меня Господь не выносилъ. А почему такъ? Бодрость духа всегда имѣла, и потому отъ меня не отступала благодать.

Digitized by Google

— Да вы ко мнѣ съ богомолья зайдите. Я буду вамъ рада. Отсюда до насъ всего верстъ десять...

Запыхавшійся Павелъ извѣстилъ, что пароходъ не ближе какъ черезъ полчаса подойдетъ:

— Вдали дымокъ чуть-чуть еще видать... До насъ, по кривулямъ, верстъ семнадцать ему бѣжать... Вы кушайте спокойно. Я скажу, когда на лодку собираться.

Арина Степановна, укачивая на груди дочку,—тихо говорила:

— Можетъ, Богъ и помилуетъ сестру... Вѣдь, если помретъ, дѣтокъ останется трое, маленькія, погодки... Какъ имъ безъ матери-то будетъ? Вотъ ихъ, дѣтокъ-то, можетъ, Господь пожалѣетъ...

— Будьте спокойны, сударыня! Онъ не отниметъ у нихъ маменьки...

— Соничка-то, видно, уснула?—полюбопытствовалъ Павелъ Ивановичъ и улыбнулся.

Мать кивнула головою.

— Такъ я, потихоньку да не торопясь, все соберу и уложу вамъ.

V.

Вечеромъ пришелъ Василій Семеновичъ. Пріятели обмѣнялись между собою новостями и рано легли спать, чтобы утромъ вмѣстѣ съ солнцемъ приняться за работу. Старшій какъ повалился на войлокъ, такъ и заснулъ; но младшій долго не смыкалъ глазъ. Все, что за день онъ видѣлъ и слышалъ, мѣшало ему заснуть: разсказъ жены довѣреннаго стоялъ въ ушахъ, кудесники и тайны, о которыхъ говорилъ дѣдъ, пѣніе соловья, и—онъ едва не захохоталъ—„проборка“ странницею Мосеичева...

— Ловко!.. знатно пробрала,—шепталъ онъ, глядя на

Digitized by Google

темныя стѣны и потолокъ.—Довѣренный хворается... Какой онъ хорошій человѣкъ! Никто изъ рабочихъ на него не жалуется... А жена-то у него тихая, доброй души... Крѣпко она о сестрѣ тужитъ... Дѣтки у той малыя... Вотъ и поди: живутъ при достаткахъ, а горя полонъ домъ... Соничка... играла со мною... Ильинична-то... справедливый она человѣкъ. И смѣла, любому мужику не уступитъ. Мосеичева-то, Мосеичева какъ убрала!.. А, вѣдь, придется самому за топоромъ съѣздить...

До полуночи шепталъ и думалъ парень; наконецъ, сонъ и его взялъ.

Четыре дня, съ утра до ночи; работали баканщики на рѣкѣ. Погода стояла ясная, теплая, совершенно лѣтняя, дни были жаркіе, только ночи свѣжія—на Камѣ рѣдко бываютъ теплыя ночи. Вода начала замѣтно убывать. По обоимъ рукавамъ Камы, въ разныхъ мѣстахъ, замелькали красныя и бѣлыя шляпки, поправленные и подкрашенные на пунктѣ маячные столбы, словомъ—все исполнено по предписанію, даже больше: пожалуйте, господинъ казенный лоцманъ! На нашемъ пунктѣ все готово, Алексѣй Максимовичъ.

Баканщики раздѣлили участокъ: младшій взялъ самую дальнюю часть, отъ краснаго яра и ниже по коренной, а старшій—ближнюю, стрѣлку и воложку. Павелъ Ивановичъ, окончивши установку послѣдняго бакана, съ большимъ удовольствіемъ прокатился на ботничкѣ по своимъ владѣніямъ; проѣзжая между выстроившимися рядами своихъ подданныхъ, онъ довольно улыбался и милостиво кивалъ имъ головою.

— Стойте, дурачки, стойте!—поощрялъ онъ, кидая благосклонные взоры направо и налѣво.—Держитесь крѣпче за якорь, никакая буря ничего вамъ не сдѣлаетъ... Вотъ погодите ленько, я васъ звѣздами изукрашу: каждую ночь буду вамъ головкѣ разноцвѣтные фонари ставить, и всякій пароходъ далека васъ будетъ видѣть.

На пятый день погода измѣнилась. Еще наканунѣ вече-

Digitized by Google

ромъ, Василій Семеновичъ, посмотрѣвъ на закатъ, сказалъ товарищу:

— Непремѣнно вѣтреная погода начнется. Вишь, какъ все небо пышетъ! Хорошо, что мы управились загодя.

Съ ночи подулъ „низовой“ и встревожилъ покой рѣки. Павелъ Ивановичъ, пользуясь отдыхомъ, рано вскочилъ и отправился на рыбалку, побуждаемый не столько жадностью къ добычѣ, сколько любовью къ охотѣ и желаніемъ послушать соловушка, котораго за работою не приходилось ему больше слышать. Несмотря на волненіе рѣки, онъ поставилъ парусокъ и быстро домчался до рыбалки; но въ обратный путь ему пришлось таки поработать: рѣка „всщетинилась“, и волны сердито хлестали по бокамъ стараго ботника, затрудняя ему ходъ и подбрасывая, какъ щепку. Но здоровому малому такіе пустяки были нипочемъ: то ли онъ видывалъ и съ такою ли мелюзгою справлялся! Рыбаки торопились поскорѣе выбрать сѣти, башкиры-крещены таскали доски съ рыбалки приказчика, Моисеичевы убирали только что опущенныя сѣти.

Къ полудню рѣка совсѣмъ разыгралась: встрѣчу воды катились бурыя волны, сверкая на солнцѣ блѣдно желтыми и косматыми гривами, набѣгали яростно одна на другую, вздымались аршина на два кверху, бѣшено неслись вдоль и ширь и разбивались о берега, покрывая ихъ бѣлою пѣною. Вѣтеръ рвалъ и свистѣлъ.

Баканщики, поглядывая изъ оконца на волю, ничего добраго отъ такой погоды не ожидали.

— Ежели къ ночи не утихнетъ, такъ ужъ, навѣрно, трое сутокъ проозоруетъ,—говорилъ Василій Семеновичъ.—Да гляди, настоящая буря подымется.

— Удивленье!—замѣтилъ Павелъ:—солнышко свѣтитъ и на горахъ спокойно, а тамъ вѣтеръ и рѣка бушуетъ... Смотри, какъ наши-то форсуны пляшутъ!.. Не оторвало бы?..

— Не оторветъ.

— А то не смахать ли намъ? Поглядѣли-бы?..

Digitized by Google

— Ну, я не поѣду, да и тебѣ не посовѣтую... Помнишь, въ прошломъ лѣтѣ тебя опрокинуло? Ладно, что случилось недалеко отъ стрѣлки, доплылъ ты до нея да ухватился за кусты, а то ни за грошъ сгинулъ бы...

— Ну, тогда, чай, по новости еще было,—не сноровилъ и перекувырнуло, а теперь сѣдая чертовка меня не надуетъ.

— Разговаривай. Ты не степнякъ, а природный порѣчанинъ: характеръ Камы съ дѣтства знаешь и бури видывалъ.

Ночью вѣтеръ забрался и на уступы горъ, стучался и пѣлъ въ оконце, назойливо врывался сквозь дырявые пазы въ избенку, гудѣлъ въ печной трубѣ и пробовалъ устойчивость плетенаго дворика.

Слѣдующій весь день ревѣла ужъ настоящая буря. Взбѣшенныя волны кидались одна на другую, отчаянно между собою боролись и испускали, какъ будто отъ невыносимой боли, мучительныя стенанія; надъ разъяренной рѣкой вздымались песчанаго цвѣта столбы, а горизонтъ закрывался такого же цвѣта разорванными занавѣсками: это вихрилась и стояла водяная пыль, смѣшавшаяся съ поднятымъ вѣтромъ песками. Извилистые края береговъ сплошь окаймлялись бѣлою бахрамою, словно первымъ льдомъ въ осенніе заморозки. Окрестность, горы, лѣсъ, поля и далекія селенія замутились и потонули. Проходившіе мимо пароходы, запаздывавшіе на полусутки, тяжело двигались и покачивались изъ стороны въ сторону, поминутно вздрагивая своимъ массивнымъ корпусомъ. Вѣтеръ неистово визжалъ, свистѣлъ и метался, не зная куда и зачѣмъ... Что-то невыразимо тоскливое было въ этой картинѣ, что-то похоронное чудилось въ этомъ гомонѣ разсвирѣпѣвшей бури на К[illegible]ѣ! И тѣмъ сильнѣе охватывало чувство тоски, что вверху, п[illegible]ежнему, синѣло безмятежное небо и весело сіяло солнце...

Какъ бы насъ и съ хороминкой къ утру не снесло въ Каму,— п[illegible]лъ Василій Семеновичъ.—Какъ ты полагаешь!

— Такъ что? Чай, услышимъ, какъ понесетъ,—успѣемъ в[illegible]очить.

Digitized by Google

— То-то! Не проспи, парень...

— Не опасайся: тебя разбужу.

Василій Семеновичъ заговорилъ другимъ тономъ.

—Что съ нашими полями дѣлается! Колосъ выбѣжалъ, тонкій стоитъ... Пожалуй, всю рожь теперь смотаетъ.

— А, можетъ, на горахъ и нѣтъ вѣтра?

— Какъ не быть. Погляди: уфимская сторона, пеленой желтой подернулась, вѣтеръ и тамъ потѣшается.

— Дождь пройдетъ, такъ ничего, колосокъ опять выпрямится.

— Дождей-то вотъ давненько нѣтъ, Павелъ Ивановичъ!.. А грѣетъ шибко, земля-матушка закоростѣла.

— Чего земля! Воду-то какъ день-ото-дня высасываетъ, сколько отмелей появилось...

— Недаромъ Вавиловъ писалъ, что испаренія произойдутъ и горизонтъ воды понизится. Тоже съ чего-нибудь берутъ начальники, не наобумъ пишутъ. Все у нихъ тамъ предусмотрѣно и предугадано.

— Ну, ошибаются тоже... По началу весны говорили, что нынче вода простоитъ до іюля, анъ и въ маѣ она пошла на убыль.

— Благодари угодниковъ Божіихъ: ежели бы до іюля большая вода простояла, такъ намъ съ половины мая на баканахъ не быть и жалованья не получать. Шутка сказать: въ эту навигацію мы за полтора мѣсяца лишнее жалованье получимъ!..

— Подожди, Василій Семенычъ: что скажетъ осень? Можетъ, въ сентябрѣ заморозки наступятъ, тогда и сойдетъ на прошлогоднее.

Василій Семеновичъ подумалъ.

— Богъ знаетъ. Но по моимъ примѣтамъ, до Покрова движеніе не прекратится... А что, Павелъ, ты хоть бы книжку почиталъ: время-то и скоротали!

Павелъ устремился къ своей коробкѣ.

Digitized by Google

— Тебѣ изъ чего почитать-то: изъ географіи, житія, или...

— Читай изъ житія.

Парень досталъ книжку, ударилъ по ней рукою и присѣлъ къ окошку.

— Какое-тебѣ житіе почитать?

— Какое попадетъ, то и читай.

Василій Семеновичъ прилегъ на нары.

Павелъ развернулъ на житіи Ефрема Сирина. Перекрестился и началъ. Читалъ онъ толково и внятно; на нѣкоторыхъ мѣстахъ пріостанавливался и думалъ. Василій Семеновичъ, повернувъ лицо въ сторону чтеца, слушалъ внимательно, дѣлая лишь по временамъ замѣчанія, вродѣ слѣдующихъ: „какъ угодники Господни жили!“ или „конечно въ пустынѣ легче спасти душу“... Чтеніе продолжалось безостановочно, до самаго конца житія. Василій Семеновичъ разка три легонько вздохнулъ.

— Конецъ?

— Да. За нимъ новое житіе...

— Прочитай такое, гдѣ про пустыню больше.

Павелъ Ивановичъ отыскалъ и прочелъ житіе другого пустынно-жителя.

— Хорошо!—одобрилъ слушатель.—Какъ въ старину спасались! Бросали городъ, домъ, богатство, а сами въ пустыню удалялись. Хорошо!

— Поди, теперь рѣдко такіе люди встрѣчаются,—замѣтилъ Павелъ.

— Можетъ, гдѣ и водятся подвижники... Но трудно... Въ старину все было просто и безвозбранно: пожелалъ пріобрѣсти царство небесное, взялъ, оставилъ мѣстожительство и поселился въ лѣсу или гдѣ въ пещерѣ,—молись тамъ ежедневно и еженощно, никто не помѣшаетъ!

— Кто захочетъ, такъ и теперь, чай, уйдетъ въ пустыню...

Digitized by Google

— Въ пустыню? Никакъ не возможно. Перво-на-перво ежели придетъ тебѣ благое желаніе спасаться, ты долженъ изъ волости пачпортъ взять, а то съ дороги къ спасенію тебя обернутъ и на манеръ бѣглаго пригонятъ. Во-вторыхъ, ежели и пачпортъ выправишь, ты долженъ на свое пропитаніе и уплату повинностей заработать, а пачпортъ свой возобновить, то-есть, другой выправить... Толкуютъ, скоро ихъ книжками замѣнятъ, но отъ этого къ пути спасенія души ты облегченія никакого не получишь, да, пожалуй, и пропитаніе человѣку труднѣе будетъ достать. Ну, и третье, нигдѣ теперь пустыни ты не отыщешь, потому земля кому-нибудь да принадлежитъ, и съ нея оброки всякіе идутъ. Попробуй ты, засядь спасаться хоть въ Чагандинскихъ пещерахъ, что супротивъ устья Бѣлой, на берегу нашей Камы; мѣсто тамъ дикое, никому ненужное и негодное,—одинъ только камень-песчаникъ, и пещеры самыя тѣ пустѣютъ, а залѣзь ты въ нихъ и обоснуйся на положеніи старца-пустынника,—тебя на другой-же, много на третій день чагандинскіе мужики изъ святого убѣжища вывóлокутъ и на полведра водки за фатеру стребуютъ, а сверхъ того, за необычное мѣстожительство къ уряднику или прямо къ становому предоставятъ. Вотъ ты и уготовляй себѣ, какъ знаешь, путь къ царству небесному.

— Что жъ, кто захочетъ, претерпитъ: святые-то или мученики развѣ мало страдали!

Василій Семеновичъ посмотрѣлъ на серьезное лицо пріятеля и улыбнулся.

— Вотъ ты читаешь, Павлуша, понимаешь все, и умомъ тебя родители не оскорбили, а не берешь того въ расчетъ, что угодники или мученики терпѣли отъ язычниковъ, за что и вѣнцы свѣтлые на головы получали, а спасаться они могли, гдѣ имъ было угодно и пищу имѣли себѣ отъ Бога или добрыхъ людей. А ты подумай-ка: какъ тебя этакаго здороваго да хорошаго парня чагандинскіе мужики изъ пещеры выволокутъ, а изъ стана съ разсыльными подъ карауломъ, какъ по-

Digitized by Google

бродяжку, въ родное село пригонятъ... Да отъ одной срамоты въ Каму внизъ головой кинешься и не только не уготовишь царствія небеснаго, а прямо низвергнешься въ адъ кромѣшный.

Серьезное выраженіе не сходило съ лица молодого баканщика.

— По твоему, Василій Семеновичъ, выходитъ, что мы отступили отъ правилъ угодниковъ Господнихъ, живемъ теперь не по-божьему, не по-христіански?

— Ну, ты далеко больно уѣхалъ,—отвѣтилъ старшой.— Жить по-христіански намъ велитъ самъ Господь, и многіе такъ живутъ... все отъ человѣка зависитъ!..

— Погоди! Я что-то въ разумъ не возьму... Жить по божьи можно, а спасаться запрещено?

— Спасайся въ міру, или, примѣрно, въ монастырѣ и другихъ мѣстахъ, гдѣ закономъ показано.

— А въ пустынѣ невозможно?

— Я говорилъ: выволокутъ и въ станъ!..

— Чудно!

Эту ночь баканщики провели тревожно. Шутка Василія Семеновича чуть не обратилась въ горькую правду. На рѣкѣ шелъ какой-то грохотъ, порою доносился трескъ и адскіе вздохи, частый и пугающій ревъ пароходныхъ свистковъ, разрываемыхъ налетами буйнаго вѣтра.

— А, вѣдь, это пароходъ трещитъ!—слышалось въ ходившей ходуномъ избенкѣ.—Долго ли до грѣха, отломаетъ что или повредитъ... А то и столкнуться могутъ.

— Буря здоровая!

По ветхой крышѣ точно злые духи летали, съ визгомъ и хохотомъ, приподнимали стропила и, заглядывая въ оконце, злобно чему-то смѣялись; сторожка вся тряслась, какъ въ лютой лихорадкѣ, и въ ней свободно разгуливалъ вѣтеръ. Во дворикѣ испуганно переговаривались куры и несвоевременно, безголково кричалъ пѣтухъ.

— Словно бы маленько у насъ свѣжо въ горницѣ?

Digitized by Google

— Эка, сколько жару въ тебѣ, парень! Холодъ стоитъ, какъ осенью. Ко мнѣ подъ тулупъ инды забрался.

— Мнѣ по лицу попахиваетъ, да ничего—легче воздухъ.

Помолчали.

— Что-то и соловушка ужъ нечуть!

— За экимъ гуломъ да трескомъ развѣ услышишь. Да врядъ ли онъ въ такую бурю поетъ.

Снова что-то съ визгомъ ударило въ крышу и закружилось по ней.

— Котенокъ-то твой гдѣ?

— Спитъ. Около меня свернулся... Василій Семенычъ!

— Что?

— Ты давеча говорилъ на счетъ испареній. Какъ ты полагаешь, почемъ начальники все знаютъ?

— По высокимъ наукамъ доходятъ. Ихъ въ Москвѣ, въ Питерѣ обучаютъ, такія для господъ тамъ школы заведены.

— А насъ почему высокимъ наукамъ не обучаютъ?

Молчаніе.

— Нѣтъ, скажи! Почему?

— Потому что мы крестьяне, и денегъ у насъ не имѣется. Поѣзжай-ка туда, во что дорога обойдется? и тамъ надо пить-ѣсть и одѣться, какъ слѣдуетъ.

— Такъ здѣсь, по селамъ бы такія училища заводили.

— Должно быть, мы съ тобой еще недостойны..

Павелъ обернулся къ старшому.

— Вотъ старикъ Егоръ мнѣ про кудесниковъ сказывалъ. На Горѣ-камнѣ они жертвы приносили... Что это за кудесники? У меня и въ книжкахъ о нихъ есть...

— Не знаю. Можетъ не *чудь* ли: она здѣсь въ старые годы проживала... А то подъ Елабугой есть городище, —башня отъ него осталась, — такъ тоже, разсказываютъ, тамъ кудесники эти проживали и брали съ судохозяевъ деньги: кто имъ платилъ, того суда благополучно мимо городища проходили, а кто пожалѣетъ денегъ, того караваны въ мелкія

Digitized by Google

щепки разбивались: волшебство кудесники напускали. А кто жъ ихъ знаетъ! По однимъ сказамъ — кудесники, а по другимъ, что тутъ монахъ съ дочерью жилъ и чортъ собирался на ней жениться, да пѣтухъ помѣшалъ.

— Какъ такъ?

— Чорту приглянулась дѣвушка, а отецъ за него выдать не пожелалъ: родство не понравилось. Чортъ пристаетъ: «отдай, а то напакощу тебѣ». Монахъ умный былъ: „построй", говоритъ, „въ одну ночь до заутрени церковь,—отдамъ за тебя свою дочь, а не построишь — проваливай дальше". Условіе про между себя сдѣлали, на бумагѣ кровью написали. Ну, съ вечера чортъ и взялся за работу: такихъ камней натаскалъ, что уму непостижимо, — на полусотнѣ подводъ одинъ камень не свезешь, а онъ, чортъ-то, не одну тысячу, можетъ, ихъ приперъ... Да, видно, очень ужъ торопился, много по дорогѣ обронилъ—вся гора подъ городищемъ, гдѣ пароходная пристань, камнями завалена. Приготовилъ матеріалъ и церковь сталъ класть. Бутъ подъ фундаментъ выкопалъ, живой рукой стѣны вывелъ и началъ сводъ ужъ дѣлать... Въ это время, откуда ни возьмись, пѣтухъ запѣлъ. Чортъ такъ со свода въ таръ-тарары и кувыркнулся... Послѣ этого онъ къ монаху ужъ ни разу не подъявлялся: стыдно ему очень было.

— А правду ли говорятъ, что чудь сама закопала себя въ землю?

— Разсказываютъ. Со всѣми своими богатствами и скотомъ похоронилась.

Страшный трескъ раздался надъ головами баканщиковъ, завыло и захлопало, точно лѣшій въ ладоши, и тяжело ударилось вблизи о землю.

— Ой! Что это, Семенычъ?

— Полагаю, съ крыши тесину сорвало...

— Не случилось бы чего, смотри, у насъ на рѣкѣ?

— Наврядъ. А ежели баканъ или два и оторвутся, такъ

Digitized by Google

мы въ томъ не причинны, власть Божья... Ты вотъ про что толкуй: хлѣбъ на поляхъ смотается... Бѣда!

За дверью говоръ куръ не унимается, пѣтухъ нѣсколько разъ начиналъ, было, пѣть, но конфузился и только хрипѣлъ...

— И птица безпокойна, — произнесъ Василій Семеновичъ, — Ну, да будемъ лучше спать.

— Дѣло.

На другой день глазамъ хозяевъ представилась такая картина: плетеный дворикъ повалило, крышу съ него снесло и отбросило къ огородцу; на хижинѣ не оказалось двухъ тесинъ, валявшихся теперь неподалеку на землѣ. Кама все такъ же, какъ и наканунѣ, бушевала и трепала косматыми гривами, играя бревнами и деревянными осколками, неизвѣстно откуда появившимися; бѣлая кайма береговъ сдѣлалась шире, и вся окрестность была завѣшена тонкою желтоватою сѣткою.

— Плотикъ чей-то разбило,—указывалъ на бревна старшій баканщикъ.—Вонъ обломки ныряютъ, — вѣрно, отъ барки или другой посудины. Безъ несчастья не обошлось...

— А наши молодчики здоровы, — сказалъ младшій.—Похлестываетъ ихъ ловко, а всѣ на своихъ мѣстахъ... Полагать надо, благополучно и за краснымъ яромъ.

Днемъ баканщики поправили крышу на сторожкѣ и заново возстановили дворикъ. Буря на рѣкѣ не утихла до вечера, хотя на горахъ и около избенки передъ вечеромъ поугомонилась.

Ночью прошелъ обильный дождь, на разсвѣтѣ пѣлъ соловей, рѣка спокойно несла воды, и кругомъ стояла невозмутимая тишина.

Баканщики спали крѣпкимъ сномъ и проспали бы, вѣроятно, до ранняго обѣда, если бы эта тишина не заставила ихъ проснуться. Прелестное утро глядѣло въ оконце ихъ жилища, лѣсъ блестѣлъ зеленью, снопы мягкихъ золотыхъ лучей сыпались на рѣку и землю.

Digitized by Google

— Вотъ такъ погодка!—почти въ одинъ голосъ воскликнули оба пріятеля.

— Я сейчасъ же за красный яръ,—оживленно проговорилъ младшій:—смахаю и къ чаю назадъ оберну.

— Лучше бы послѣ чаю... А, впрочемъ, какъ знаешь.

Минутъ черезъ десять старшій видѣлъ, какъ темный ботничекъ выдался и скользнулъ по глади рѣки и понесся къ красному яру. Проводивъ товарища до поворота коренной, Василій Семеновичъ повернулся и скрылся въ сторожку.

Съ небольшимъ часъ проѣздилъ младшій баканщикъ. Самоваръ ждалъ его на столѣ, передъ открытомъ оконцемъ.

— Всѣ, слава Богу, здоровы, господинъ старшой!—отрапортовалъ парень.—Стоятъ на своихъ мѣстахъ и кланяться вашей милости приказали.

Вслѣдъ за этой рѣчью, Павелъ Ивановичъ вынулъ изъ кармана бутылку и показалъ старшому.

— Откуда ты взялъ?

— На красномъ яру... Разскажу послѣ, а теперь, поглядимъ, что въ ней содержится.

Въ бутылкѣ изъ-подъ шампанскаго что-то краснѣлось.

— Не счастье ли намъ Богъ послалъ? Не хотѣлъ и разбивать на яру, цѣльную тебѣ привезъ... Какъ бы намъ оттуда достать ее?

— Да разбей. Чего жалѣть стекла...

Павель ударилъ горлышкомъ о печку и вынулъ красную трубочку...

— Простая красная бумага!—разочаровался въ находкѣ парень.—А я, вѣдь, какъ увидалъ, подумалъ; не сотенная-ли бумажка?..

— А ты погляди: не завернуто ли чего въ ней?

Павелъ развернулъ: большого формата визитная карточка!

— Ну, читай.

Павелъ смотрѣлъ на карточку и молчалъ.

— Что-жъ ты не читаешь?

Digitized by Google

— Я читаю... Вотъ оказія-то!

— Да что?

— По середкѣ написано: „Николай“. Съ лѣваго боку, въ углу: „Поздравляю! Для васъ—хорошаго счастья“, годъ и число обозначены подъ этими словами... А съ правой стороны, тоже въ углу: „для себя — молитвъ и покоя... Прощайте“! Тотъ же годъ выставленъ и мѣсяцъ, а число двойное... Что за диво дивное?

— Какое же число и годъ выставлены?

— Годъ нынѣшній. Число слѣва, гдѣ поздравляетъ— 29 мая, а справа, гдѣ прощается, 29—30 мая. Вотъ задача-то мудреная?

Василій Семеновичъ, подумавъ немного, разрѣшилъ такъ:

— Изъ написаннаго выходитъ, что какой-то Николай покончилъ свою жизнь.

Павелъ остолбенѣлъ.

V.

Старшій баканщикъ тѣмъ же спокойнымъ тономъ продолжалъ:

— Ужо скажемъ, чтобы рыбаки поглядывали; не всплыветъ ли...

Павелъ, наконецъ, очнулся.

— Да неужто *онъ*... самъ *это* сдѣлалъ?!—было первымъ словомъ парня...

— Не написалъ бы, ежели бы не самъ... Только тутъ есть маленькая загадочка: имя свое поставилъ, а отечества и фамиліи не обозначилъ.

— Постой-ка, я взгляну: не пропустилъ ли?.. Нѣтъ, одно имя: „Николай“!..

— Прочитай-ка еще вслухъ.

Павелъ прочелъ. Въ глазахъ старшаго что-то вспыхнуло.

Digitized by Google

— Какое нынче число?

— Число?... Двадцать седьмое...

— А на карточкѣ стоитъ двадцать девятое, и другое— тоже—сь тридцатымъ.

— Ахъ, братъ!.. А я не сообразилъ, память инды у меня отшибло, какъ ты сказалъ... Ну?

— Иной оборотъ дѣло принимаетъ.

Павелъ весь радостно встрепенулся.

— Такъ *онъ* живъ? Да? Вѣрно? Говори Семенычъ!

— По числамъ выходитъ, что онъ только собирается, но еще не порѣшилъ...

— Такъ не объявить ли уряднику?

— Подойдетъ Вавиловъ, представимъ ему карточку... Что онъ посовѣтуетъ. Можетъ, человѣкъ этотъ еще отдумаетъ, не исполнитъ своего намѣренія... На Красномъ яру, говоришь, бутылку-то нашелъ?

— Тамъ, въ пескѣ лежитъ подъ сосенышкой, что съ берега по кручѣ сползла... Издалека я завидѣлъ: солнышко-то въ стекло ударяетъ, и бумага краснѣется. Какъ, было, я обрадовался!..

— Бурей выкинуло!

— Ну-тка, скажи, что за оказія экая?.. Кого-то онъ поздравляетъ и прощается...

— Богъ одинъ знаетъ,—раздумчиво отвѣтилъ Василій Семеновичъ.—Постигнуть трудно... На Камѣ, сколько я ни живу, первый такой случай.

— Сдается мнѣ, Семенычъ, что Николай этотъ не изъ простыхъ...

Опять блеснуло въ глазахъ старшаго.

— Ты мою мысль отгадалъ,—сказалъ онъ:—я только что самъ объ этомъ подумалъ. Почему ты полагаешь, что онъ не изъ простыхъ?

— Слова его доказываютъ. Напишемъ ли мы съ тобой, или хотя самъ казенный лоцманъ, какъ у него написано? „Для

Digitized by Google

васъ—полнаго счастья. Для себя—молитвъ и покоя". Словъ-то немного, а думать надъ ними много надо.

— Да, въ нихъ тайна сокрыта.

Парень вздрогнулъ.

— Тайна?—вспомнился ему разсказъ сѣдого рыбака.

Василій Семеновичъ налилъ чашку и сказалъ.

— Подождемъ,—время свое окажетъ... А теперь о другомъ поговоримъ. Завтра Вавиловъ прибѣжитъ. Надобно приготовиться: знаешь, онъ любитъ почетъ, и чтобы угощеніе про него было. Вина изъ деревни я прихватилъ, а вотъ какъ насчетъ рыбы?

— Въ садкѣ у меня однѣхъ стерлядокъ пятокъ да окуней съ лещиками восемь штукъ гуляетъ. По два фунтика есть рыбка! Сегодня опять поставлю жерлицы, а на зорькѣ завтра выну: послѣ дождя рыба больно хватаетъ!

— Достанетъ и того, что въ садкѣ, на цѣлую артель!.. Пшеничнымъ хлѣбцемъ не мѣшало бы запастись.

— Такъ что! я попрошу кого изъ рыбаковъ: поѣдутъ въ село и къ завтрему доставятъ... А не выходитъ у меня изъ головы Николай...—и не договорилъ.

— Къ чему прислушиваешься?—спросилъ Василій Семеновичъ.

— Да ровно бы зовутъ...

— Нечуть...

Но въ эту минуту отъ рѣки явственно донеслось.

„Ло-о-одку! Ба-аконщи-ки, ло-одку-у"!

— Насъ кличутъ, - проговорилъ старшой.—Вѣрно, Николай Петровичъ... Голосъ-то, словно бы, его...

Павелъ высунулся въ оконце и, приставивъ кулакъ ко рту, громко протрубилъ:

— Есть! Подаемъ!

Вылетѣвъ безъ фуражки на волю, онъ еще разъ крикнулъ: „подаемъ"! и прямо съ уступа сбѣжалъ внизъ.

Василій Семеновичъ, допивъ чашку, вынесъ самоваръ во

Digitized by Google

дворикъ, долилъ его, прибавилъ углей и вышелъ на площадку.

Солнце поднялось высоко и стояло какъ разъ надъ лѣсопилкою, показывая баканщикамъ, что теперь времени десять часовъ. По уступамъ сверкали дождевыя слезы. Теплымъ, но еще влажнымъ и здоровымъ воздухомъ охватило Василія Семеновича. Передъ нимъ, вся свѣтлая и широкая, разстилалась многоводная Кама среди береговъ, ярко блестѣвшихъ свѣжей листвой, сочной травой и цвѣтами; по водѣ чернѣлись рыбачьи лодки; граціозно покачивали красными и бѣлыми шляпками баканы; отъ трехдневной бури не осталось почти никакого слѣда, только у окраинъ, кое-гдѣ, виднѣлись бѣлыя хлопья да на стрѣлкѣ лежали бревна, доски и деревянные обломки, выловленные промышленниками Мосеичевыми. Подъ безпредѣльнымъ синимъ шатромъ тихо сіяли вершины горъ, отчетливо выступали разбросанныя селенія, тонкой восковой свѣчкой свѣтилась между полями колокольня, и вся даль, ясная, чудная даль смотрѣла кротко и задумчиво!.. Вверху радостно и на всѣ лады звенѣли невидимые пѣвцы.

Баканщикъ глубоко и протяжно вздохнулъ.

— А посмоталась таки рожь-то матушка!..

Онъ не замѣтилъ, какъ со стороны ключа, мимо огородца, проходила женщина въ одеждѣ странницы съ котомкою, не слышалъ ея шаговъ и задумчиво глядѣлъ на красный яръ.

— Здравствуйте, Василій Семенычъ!

Баканщикъ оглянулся и увидѣлъ большое лицо съ сѣрыми глазами.

— Марья Ильинишна!.. Добраго здоровья... А мы съ товарищемъ вспоминали о васъ, говорили, не прошла ли съ богомолья гдѣ стороною...

— Пройду ли я мимо васъ, — отвѣчала богомолка, поспѣшно направляясь къ лавочкѣ у оконца: — всегда къ добрымъ людямъ на перепутьи заверну.

Digitized by Google

Она вынула изъ котомочки завернутую въ тонкую бумажку просфору и подала баканщику.

— За твое здоровье съ супругою и Павломъ Иванычемъ въ соборѣ подавала.

— Богъ спасетъ, Марья Ильинишна! — поблагодарилъ баканщикъ. — Попомнила насъ... Пойдемъ въ хату, самоваръ на дворѣ кипитъ.

— Ну, какъ же мнѣ васъ не попомнить-то! Завсегда вы страннюю женщину привѣчаете, чаемъ поите и хлѣбомъ-солью потчуете,— говорила Марья Ильинична, слѣдуя за хозяиномъ въ сторожку.—Еще здравствуй,—прибавила она, помолившись сперва на образъ. — Всѣ ли здоровы, какъ Матрена Анисимовна и дѣтки поживаютъ?

— Всѣ здравствуютъ. Недавно съ ними видѣлся.

— Знаю. Намеднись, какъ приходила, слышала отъ твоего подрушнаго. Да гдѣ онъ?

— За пассажиромъ укатилъ. Съ того берега кто-то переправляется.

— Я раздѣнусь, а то въ рясѣ-то нѣшь томно. Слава Богу, коли всѣ здоровы... Арина Степановна не проѣзжала обратно?

— Да нѣтъ еще, долго она въ этотъ разъ гоститъ.

— Что-то сестрица ея, жива ли, голубушка?..

— Неизвѣстно. Къ намъ, вѣдь, на баканы рѣдко и когда-когда вѣсть какая дойдетъ.

— Жалко мнѣ очень Арину Степановну: и супругъ-то у нея хворый, да и сестрица въ такой болѣзни... Арина - то Степановна звала меня къ себѣ... Побывала бы я у нихъ, да, вишь, самой-то нѣтъ.

— Иди смѣло: подождешь ее въ экономіи. Мужъ хорошій человѣкъ, приметъ тебя.

— Какъ-то совѣстно. Встрѣтилась здѣсь въ первый разъ, познакомилась, а ужъ и въ гости лѣзу. Вотъ если бы мы вдругорядь повстрѣчались...

Digitized by Google

Въ черномъ поношенномъ коленкоровомъ платьѣ, богомолка сидѣла рядомъ съ Васильемъ Семеновичемъ. Она принялась ему разсказывать о посѣщеніи Святого колодца, о встрѣчахъ съ разными людьми въ городѣ и о мѣстныхъ новостяхъ. Баканщикъ собирался уже сообщить, въ свою очередь, о загадочной находкѣ; но за плетнемъ послышались голоса и густой смѣхъ.

— Такъ и есть, онъ,—проговорилъ съ улыбкою Василій Семеновичъ:—по голосу и смѣху за версту его узнаешь.

Голоса и смѣхъ приближались, но никто еще не показывался.

— Экое горло-то у него здоровое!—сказала богомолка.—Никакъ подошли.

Въ открытую дверку уставился пышный носъ съ парою живыхъ глазъ, и фигура въ бекешѣ и шапкѣ прошмыгнула въ хату. Вслѣдъ за нею Павелъ втащилъ тулупъ и подушку.

— Господинъ старшой.., Ба, ба, ба! Кого я вижу? Здорово, Семенычъ! Здравствуй, мірская печальница!

Странница встала и поклонилась.

— Просимъ милости, Николай Петровичъ! — встрѣтилъ старшой.—Знакомы?—повелъ онъ глазами на богомолку.

— Кто ее не знаетъ?—засмѣялся приказчикъ, кладя на столъ толстый свертокъ. — Откуда бредешь, святая душа на костыляхъ?

— По милости Господней, ноги пока меня еще носятъ,—отвѣчала богомолка.—Да я никому костылей не пожелаю, хотя нѣкоторые люди, по своей добродѣтели, давно бы ихъ заслуживали.

— Не сердись, благочестивая женщина — грѣхъ! А за молитвы твои неусыпныя, какія за насъ, грѣшныхъ, возсылаешь къ угодникамъ Господнимъ, я китайской травкой тебя угощу.

— Вотъ это настоящая рѣчь,—отозвалась святая душа:—умныя ваши словеса всегда и слушать пріятно... Сами будете хозяйничать или мнѣ препоручите?

Digitized by Google

— Распоряжайся. Вонъ—свертокъ съ припасами. Да заваривай на всѣхъ.

— Напрасно изволите упреждать: я свое дѣло знаю.

Приказчикъ снялъ бекешъ и повѣсилъ на гвоздь, позаботясь предварительно вынуть изъ кармана небольшую стеклянную фляжку, перевитую мѣдной проволокой. Потомъ расчесалъ передъ зеркальцемъ волосы, бороду и усы и присѣлъ на скамейку рядомъ съ Марьей Ильиничною. Послѣдняя оглядѣла вытертый, лоснившійся на лацканахъ и рукавахъ сюртукъ приказчика, изъ котораго владѣлецъ значительно уже выросъ, и дала такой совѣтъ:

— Пора бы вамъ, сударь, перемѣнить сюртучекъ-отъ, а этотъ пожертвовали бы здѣшнимъ хозяевамъ: на огородѣ у нихъ всякая овощь растетъ, а чучелки-то не поставлено.

— Ахъ ты, язва баба! Я двадцати годовъ еще не ношу его, а она—на чучелу пожертвовать!

— Пожалуйте, Николай Петровичъ, чай кушать!—пригласила Ильинична. — Василій Семенычъ, Павелъ Иванычъ! примите чашки.

— Благодарствуйте,— промолвилъ Василій Семеновичъ:— мы, признаться, передъ вами только попили ..

— Не стѣсняйтесь! — перебила Ильинична.—Не каждый день, поди, вы этакій чай пьете, какимъ Николай Петровичъ насъ угощаетъ.

Хозяева не заупрямились. Павелъ взялъ чашку и удалился въ уголъ, гдѣ стояла его коробка; а Василій Семеновичъ остался на своемъ излюбленномъ мѣстѣ, на нарахъ. По обыкновенію, перекрестились, поздравили другъ друга съ пріятнымъ свиданіемъ и занялись усердно чаепитіемъ. Тишина и молчаніе, водворившіяся на время въ сторожкѣ, были прерваны вопросомъ Николая Петровича.

— Что новаго? Не проѣзжало ли водяное начальство? Не получали ли какихъ распоряженій?

Старшой удовлетворилъ любопытство пріѣзжаго.

Digitized by Google

— Предписаніе насчетъ постановки бакановъ имѣли, а на завтрашнее число казенный лоцманъ обѣщался прибыть.

— То-то я гляжу, расцвѣтили вездѣ рѣку. А лоцманъ— по дѣламъ?

— Для провѣрки, исполнено ли въ точности предписаніе, и для новыхъ распоряженій, но какихъ именно — неизвѣстно.

— Еще нѣтъ ли чего?

Василій Семеновичъ проницательно взглянулъ на приказчика.

— Да развѣ вы что слышали?

— Что? Ничего не слыхалъ.

— Ну, такъ я вамъ сейчасъ доложу. Извѣстьице одно намъ буря принесла...

Богомолка насторожилась. Приказчикъ отставилъ блюдце и быстро поднялъ лицо.

— Баржи, что ли, затонули или пароходы наши поломало?—съ живостью спросилъ онъ.—Не пугай!.

— Успокойтесь, Николай Петровичъ. Вотъ, прочитайте-ка эту штуку и скажите, какого вы будете мнѣнія.

Приказчикъ впился глазами въ карточку и громко прочиталъ.

— Вотъ оно что!—протянулъ онъ обводя всѣхъ поочередно взглядомъ.—Да тутъ самоубійствомъ пахнетъ...

Странница перекрестилась.

— Спаси и помилуй насъ, Царица Небесная!

— Небывалый случай... Не кассиръ ли ужъ какой или нашъ братъ, приказчикъ, хозяйскія деньги потерялъ, такъ съ отчаянія покончилъ... Но почему онъ полностью не хотѣлъ подписаться?.. Николай!.. Мало-ли на свѣтѣ Николаевъ, и я вотъ Николай...

— На числа обратите вниманіе!

Каріе глаза забѣгали по карточкѣ.

— Та, та, та! Да онъ и числа впередъ махнулъ... Не стоитъ голову ломать: просто шутка.

Digitized by Google

Павелъ Ивановичъ усомнился.

— Такими дѣлами не станутъ шутить!

— Не станутъ? Да ты что еще понимаешь? Молодо, зелено. .

Но старшой принялъ сторону товарища:

— Не похоже, словно бы, на шутку, Николай Петровичъ... И мѣсто, гдѣ бутылку нашли...

— Гдѣ?

Баканщикъ разсказалъ, что слышалъ отъ Павла.

— Ну, ясное дѣло!—окончательно утвердился въ своемъ мнѣніи приказчикъ: — какой - нибудь приказчикъ съ парохода кинулъ.

— Ой, не проказника это дѣло!—вступилась Марья Ильинична.—Словъ хорошихъ, чувствительныхъ онъ не напишетъ...

— Вотъ, вотъ! — подхватилъ младшій баканщикъ.— Мы съ Васильемъ Семеновичемъ то же самое говорили.

Достозамѣчательный носъ повернулся въ сторону парня, потомъ старшого и остановился на богомолкѣ.

— Ну, коли такъ, говори ты, святая душа, что знаешь,— сдался приказчикъ.—Можетъ, ей что свыше повѣдано... Открой!

Святая душа не заставила себя ждать и открыла.

— Любовь въ этомъ несчастьѣ замѣшалась.

— Вотъ тебѣ на! Это еще что за штука?

— Либо со стороны женской особы измѣна, либо эта особа не хочетъ отвѣчать на любовь мужчины...

Оглушительный хохотъ встрѣтилъ слова богомолки и раскатился по всей хижинѣ.

— Ха, ха, ха!—грохоталъ приказчикъ, ухватившись за бока.—Хо, хо, хо!.. Уморитъ, ей-Богу, уморитъ!.. Какую пулю отлила! Ха, ха, ха!..

— Экъ его разбираетъ!—глядя на приказчика, говорила Марья Ильинична.—Удержись, сударь! Не ровенъ часъ—съ натуги еще что приключится.

Не сразу, однако, унялся прикизчикъ.

Digitized by Google

— На твоей душѣ грѣхъ ляжетъ, Ильинишна, если съ твоихъ словъ да болѣзнь со мной сдѣлается,—проговорилъ онъ, нѣсколько успокоившись. — Слыханное ли дѣло, чтобы черезъ любовь человѣкъ жизни себя лишалъ? Топятся, стрѣляются черезъ любовь только въ романахъ, а на Камѣ изъ-за подобной глупости люди не станутъ себя губить.

— Справедливо изволилъ сказать,—отвѣтила богомолка:— по Камѣ, особливо въ купечествѣ, подобныхъ случаевъ не бываетъ, потому какъ ваши дуроломы чувствъ благородныхъ не имѣютъ. Но среди людей образованныхъ, воспитанныхъ, изъ-за любви много несчастій происходитъ.

— Глупости! Одинъ пустой разговоръ, — крѣпко стоялъ на своемъ Николай Петровичъ.— Человѣкъ потеряетъ большую сумму хозяйскихъ денегъ, или господинъ промотаетъ свое имѣніе, такъ, пожалуй, наложитъ на себя руки. А то, отъ любви?! Ха, ха, ха!..

— Если нѣжныя чувства сверхъ вашихъ понятій,—разливая чай, продолжала Марья Ильинична,—то прекратимъ рѣчь про любовь. А позвольте васъ спросить: тоска съ человѣкомъ бываетъ?

— Какъ не бывать! Наѣшься тугонько, подъ ложечкой и засосетъ.

— Оставь брюшную тоску, – не про нее говорю... Человѣкъ совершенно здоровъ, живетъ въ полное свое удовольствіе, завсегда веселъ,—и неожиданно тоска на него найдетъ... Начнетъ безпокоиться, и ничто тогда ему не мило на свѣтѣ...

— Да, понимаю! Говори, что сказать-то хочешь?

Баканщики молча и внимательно слушали, выжидая чѣмъ окончится этотъ разговоръ.

— Какъ вы полагаете, могутъ тоску на человѣка злые люди напустить?..

— Вишь, куда лупнула! Это ужъ другая статья... Ты сводишь рѣчь на порчу...

Digitized by Google

Василій Семеновичъ, услышавъ про порчу, нашелъ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о знакомомъ предметѣ.

— У насъ, по деревнямъ, часто портятъ. Отъ черемисовъ-ли — ворожцы у нихъ водятся — это идетъ, или наши, свои дошлые люди напущаютъ, только много разнаго по народу ходитъ: и тоску наведутъ, и килу посадятъ, и, въ легкій часъ про между насъ молвить, нечисть, бѣсовъ въ человѣка вгоняютъ. Больше, однако, въ молодыхъ бабахъ и дѣвкахъ погань эта поселяется, а въ мужикахъ рѣдко.

— Ты мою руку держишь!—горячился Николай Петровичъ.—Я противъ навожденія или порчи не спорю. Самого меня пока Богъ миловалъ, но на другихъ видалъ. Да, вѣдь, она, язва-то эта, не въ ту точку мѣтитъ!

— Въ порчу вѣришь,—продолжала „язва".—Очень хорошо. Слышите, господа хозяева? Запомните хорошенько. Теперь мнѣ ужъ недалеко до своей точки.

Общее любопытство овладѣло слушателями. Уже глаза всѣхъ уставились на лицо византійской живописи, когда одно совершенно непредвидѣнное обстоятельство помѣшало Марьѣ Ильиничнѣ сразу приблизиться къ „точкѣ", и отвлекло вниманіе заинтересовавшихся лицъ, а Павлу Ивановичу дало случай отличиться по части основательныхъ знаній изъ всеобщей географіи. Дѣло въ томъ, что приказчикъ вздумалъ опустить въ свою чашку два куска сахару, схватился за фляжку, отвинтилъ металлическую крышку и подлилъ въ горячій чай свѣтлой жидкости. Пріятный запахъ распространился по всей хатѣ

— Душистъ,—улыбнулся Василій Семеновичъ.—Настоящій, должно быть, ямайскій ромъ?

— Самый высокій сортъ—ананасный.

— Изъ Америки,—ввернулъ Павелъ Ивановичъ.—Ямайка—одинъ изъ острововъ, принадлежащихъ республикѣ Сѣверо-Американскихъ штатовъ.

Лицо и носъ Николая Петровича выразили крайнее изумленіе.

Digitized by Google

— Да ты откуда это знаешь?

— Знаю,—отвѣтилъ парень.

— Книжка у него такая есть,—пояснилъ старшой:—въ ней описаны всѣ государства и страны, какія находятся на землѣ.

— Каковъ штукарь! Не ожидалъ, чтобы на баканахъ такіе ученые люди водились.

— Умница!—похвалила богомолка.

— Ну, а ты, „умница“ не задерживай! — обратился Николай Петровичъ къ странницѣ.

— Не я причинна, — самъ ананаснымъ сбилъ меня съ пути...

Отстранивъ несправедливость сдѣланнаго ей упрека, Марья Ильинична приняла строгій видъ и серьезно заключила:

— Въ запискѣ, которую вы читали, все правильно: никакой шутки или обмана въ ней нѣтъ. Человѣкъ дѣйствительно на погибель свою идетъ. Любовь ли была причиною его тоски, или злая порча—разбирайте сами, какъ хотите.

— Въ эту-то самую точку мѣтила?—засмѣялся приказчикъ, но смѣхъ его былъ натянутъ.—Немного же новаго сказала.

Баканщики раздѣляли мнѣніе богомолки.

— Молитвы родителей, если они у Николая живы, можетъ, еще спасутъ его, переборетъ онъ тоску свою несусвѣтимую и отложитъ грѣшную мысль. Помоги ему въ томъ, Владыка всемилостивый!

VII.

Въ сторонкѣ отъ хижины Павелъ разводилъ огонь. Марья Ильинична, подоткнувъ платье и засучивъ рукава, чистила рыбу; работа у нея въ рукахъ кипѣла. Павелъ съ любопытствомъ слѣдилъ за всѣми движеніями этой высокой, пожилой и сухой женщины, удивляясь ловкости и тщательности, съ какими она разрѣзала на куски стерлядь и

Digitized by Google

укладывала въ котелокъ; но эти качества, сами по себѣ очень цѣнныя, еще больше возвысились въ глазахъ парня при мысли, какая эта Ильинишна правдивая и смѣлая. „Бобылка, горемыка, угла своего не имѣетъ, а никого не боится, всѣмъ прямо въ лицо говоритъ правду и умная; на видъ суровая, даже сердитая, а сердце въ ней доброе, жалливое... А, видно, сама много горя перенесла... Крѣпостная была, за господами“, слышалъ онъ, „плохо людямъ жилось. Тиранили, мучили помѣщики своихъ крестьянъ, а тѣ всё должны были переносить: ни въ комъ защиты себѣ не находили... И жили люди, терпѣли... Я ни за что бы не выдержалъ!.. И она, Ильинишна эта, тоже всего наиспринималась, переносила съ малыхъ лѣтъ... Пожалуй, не вытерпѣла бы, если бы скоро не освободили: семнадцать годовъ ей минуло, когда отъ господъ отошли... Не замужемъ, дѣвка... Почему она не вышла? Неужъ ее не взяли? Не можетъ этого быть“...

— Павелъ Иванычъ!—позвала парня Ильинишна: — бери котелокъ-отъ...

Въ хижинѣ приказчикъ бесѣдовалъ съ Васильемъ Семеновичемъ. На столѣ, кромѣ вымытой, но неубранной еще чайной посуды, были разложены колбаса, балыкъ и хлѣбъ; лежала фляга, но не прежняя, а другая, весьма почтенныхъ размѣровъ, и застѣнчиво выглядывали двѣ рюмки. Выслушавъ о плохомъ состояніи деревни, Николай Петровичъ сдѣлалъ въ умѣ надлежащіе выводы и предложилъ хозяину:

— Не время ли намъ пропустить? Котелокъ поставленъ на огонь.

Баканщикъ взглянулъ на флягу, помолчалъ и нерѣшительно отвѣтилъ:

— Не знаю, право, пить ли мнѣ? Я, вѣдь, питухъ - то плохой!

— Ну, вотъ еще разговаривай!.. Не птенцы мы съ тобой малые... Бранить никто не станетъ.

Доводъ этотъ поколебалъ нерѣшительность хозяина.

Digitized by Google

— Бери!

Василій Семеновичъ, за исключеніемъ храмовыхъ праздниковъ, ни дома, ни на баканахъ не пилъ. Отказывалъ себѣ онъ въ этомъ удовольствіи по двумъ причинамъ: смолоду не питалъ къ вину расположенія и, зная хорошо цѣну трудовой копейки, отличался бережливостью. Но, когда навертывался случай, подобный настоящему, онъ не бѣгалъ отъ угощенія, хотя всякій разъ, какъ будто немного чего-то конфузился.

— Ну, ради пріятнаго свиданія, рюмочку выпью!—уступилъ онъ настояніямъ приказчика. — За ваше здоровье! Съ благополучнымъ окончаніемъ вашихъ дѣлъ!

— Кушай на доброе здоровье.

Приказчикъ опрокинулъ рюмку, взялъ толстый ломоть твердой, какъ дерево, колбасы и принялся раздирать ее крѣпкими зубами.

Василій Семеновичъ вытеръ усы и бороду, закусилъ хлѣбцемъ и проговорилъ:

— Ничего вы о своей поѣздкѣ не сказали, Николай Петровичъ. Съ успѣхомъ съѣздили?

— Похвалиться не могу, Василій Семенычъ,— отвѣчалъ приказчикъ:—изъѣздилъ земли много, побывалъ и въ губернскомъ городѣ, а дѣло только съ однимъ лѣшачкомъ сладилъ.

— Что такъ?

— Упираются, цѣны несообразныя ломятъ. Пронюхали, что башкирцевъ ограничатъ, земли и лѣса отъ нихъ отойдутъ, ну, господа землевладѣльцы, у коихъ еще остались имѣнья, цѣну и возвысили... На мое счастье, одинъ баринъ, съ которымъ я поладилъ, нуждался въ деньгахъ и хотѣлъ ужъ, по примѣру прочихъ владѣльцевъ, заложить въ дворянскій банкъ, а я, какъ разъ, и навернулся.

Марья Ильинична вошла прибрать чайную посуду.

— Много купили?— спросилъ баканщикъ.

— Пустяки: съ небольшимъ шестьсотъ десятинъ... Но

Digitized by Google

лѣсокъ недурной, ровненькій: вамъ на избушку было бы изъ чего выбрать.

— Извѣстно, плохого вы не купите.

— Удивительно!—вслушалась Марья Ильинична:—сколько милліоновъ у этого Великанова, а все ему мало, все онъ не сытъ и вездѣ соколиковъ своихъ разсылаетъ, чтобъ цапали да хватали!

— Ходъ великъ, нельзя, значитъ, ограничить себя, — улыбнулся Василій Семеновичъ.

— А помретъ,—съ собою ничего не возьметъ,—добавила богомолка, поворачиваясь къ двери.

— Ну, святая душа, до этого ему еще далеко!—весело отозвался приказчикъ. —Не уходи, послушай, спасенія ради... Никому не воспрещено: наживайся, богатѣй!.. Только рѣдкому человѣку Богъ счастье такое посылаетъ. Надо имѣть особенный умъ, чтобъ капиталы наживать. Охотниковъ на милліоны много, но дарованія нѣтъ, не умѣютъ огромными дѣлами ворочать и сидятъ, какъ раки на мели. Сколько у насъ въ городѣ было комерсантовъ богатыхъ, отъ родителей еще въ наслѣдство капиталы большіе получили. И что же? На какихъ-нибудь десяти-пятнадцати годахъ совсѣмъ ослабѣли, еле-еле теперь тянутся—такъ ихъ перевернуло!.. А нашъ хозяинъ, знай въ гору претъ, всё по дорогѣ ломаетъ и шире розмахи дѣлаетъ.

— Какая бы тому причина, Николай Петровичъ, что другіе богачи умаляются, а вашъ больше силы забираетъ?— полюбопытствовалъ Василій Семеновичъ.

— Богатырь! Умъ громадный, геній! — попавъ въ свою стихію, все больше расходился Великановскій приказчикъ.— Прочіе ведутъ дѣла, какъ отцы и дѣды ихъ вели, по землѣ ползкомъ ползутъ, а нашъ предпріимчивъ, дальнозорокъ и проницателенъ... Орелъ! подъ небесами паритъ и оттуда землю озираетъ,—усмотрѣлъ добычу, упалъ коломъ, схватилъ и поволокъ; не успѣешь моргнуть,—онъ ужъ снова паритъ, новую

Digitized by Google

добычу видитъ—и опять схватилъ... Ну-ка, за орла-богатыря выпьемъ!

— Не довольно-ли, Николай Петровичъ?

— Не опасайся! съ рюмки не охмелѣешь...

— Геній хозяина воодушевилъ приказчика, и онъ съ увлеченіемъ продолжалъ:

— Возьмемъ чайную торговлю. Прочіе выписываютъ чаи черезъ комиссіонеровъ, получаютъ изъ третьихъ рукъ, платятъ за все лишнее, а нашъ собственную контору въ Китаѣ открылъ, землю тамъ подъ плантаціи снимаетъ и чай можетъ продавать ниже той цѣны, по какой другимъ самимъ обходится. Такъ вмѣсто того, чтобы имъ выписывать и лишнее безпокойство нести, стали всѣ у насъ въ городѣ оптомъ закупать. Конечно, хозяинъ какъ увидѣлъ, что торговцы сношенія съ комиссіонерами прекратили, на ящикъ рублей десять-двадцать, глядя по достоинству, накинулъ... Можетъ, тѣмъ это и огорчительно, но подѣлать ничего ужъ нельзя: не покупай,—коммерція пріостановится. Нѣтъ, ужъ не вырвешься!

— А ежели тѣ сами заведутъ конторы, или черезъ надежныхъ людей опять станутъ выписывать?

— Тогда нашъ окончательно ихъ низвергнетъ. Словъ нѣтъ, господинъ Великановъ добръ; о благодѣтели его, можетъ, всей Россіи извѣстно, но на сколько онъ добръ, на столько-же въ своемъ характерѣ твердъ. „А, вамъ мало отъ меня пользы, ненасытная ваша утроба“, скажетъ—„хотите загребать большіе барыши, такъ я вамъ покажу“. И такъ онъ супротивника осѣдлаетъ, такъ взмуштучитъ и примется накаливать, что только въ пору вымолвить: „помилуй!“ Ну, пооблобонитъ, если добрый стихъ найдетъ, дастъ вздышку, а то—никакой пощады, одинъ прахъ отъ человѣка останется.

По всей вѣроятности, не одинъ только хозяйскій геній вдохновлялъ Николая Петровича, но и другой, невидимый, болѣе веселый и игривый, потому что тонъ разсказа о подвигахъ богатыря становился нѣсколько неяснымъ: благо-

Digitized by Google

говѣетъ ли приказчикъ передъ своимъ идоломъ, или же признаетъ, что не мѣшало бы тому быть поснисходительнѣе къ обыкновеннымъ смертнымъ?..

— Все же, Николай Петровичъ, какъ ни силенъ вашъ хозяинъ, а по кабацкой части ему ножку подставили,—ввернулъ заковычку Василій Семеновичъ: — новый-то заводчикъ дешевле продастъ и вино у него настоящее, не то что Великановское.

Николай Петровичъ пустилъ: „фф-ю-ю“! и разразился своимъ раскатистымъ густымъ смѣхомъ.

— Ха, ха, ха! Да гдѣ ты, Семенычъ, живешь, за какими морями, лѣсами и горами, что ничего не знаешь? Развѣ ты не слыхалъ, что Ремешковъ при послѣднемъ издыханіи?

Баканщикъ посмотрѣлъ на веселаго собесѣдника.

— Значитъ, орелъ-то вашъ... осилилъ?..—спросилъ онъ.

— Говорю тебѣ,—часъ-два всего вѣку осталось Ремешкову,—весело продолжалъ Николай Петровичъ.—Не тому надо удивляться, что Ремешковъ кончается, а тому, какъ онъ два года могъ съ нашимъ конкуренцію выдержать? Не мало, не мало—до ста тысячъ нашъ убытка понесъ, но это для него все равно, что намъ копейку нищему подать. „Еще двухъ сотъ не пожалѣю, а его уничтожу“, сказалъ. И точно: на храмовыхъ праздникахъ спустилъ полтора рубля на ведро, православные на великановское опять и накинулись. Дешево! Гдѣ жъ какому-нибудь Ремешкову выстоять? Правда, наше вино по вкусу и очисткѣ много уступитъ Ремешковскому,—самъ я никогда своего въ ротъ не беру: претитъ!—да развѣ мужичекъ христовъ станетъ это разбирать? Ему бы только подешевле, а какой дряни ему ни отпусти,—онъ съ удовольствіемъ выпьетъ.

— Это точно, мужичекъ не взыскателенъ, — согласился баканщикъ.—Теперь, по вашимъ словамъ, такъ выходитъ: какъ Ремешковъ свой заводъ прикроетъ, опять вездѣ пойдетъ вино господина Великанова?

Digitized by Google

— Безпремѣнно. Въ годъ всѣ убытки вернетъ,—тысячъ триста чистой пользы пріобрѣтетъ.

— Подыметъ цѣну?

— А то какъ же? Развѣ онъ проститъ,—что вино у врага его покупали? „Меня вы не жалѣли“, скажетъ, „такъ и я вамъ милости никакой не окажу“. Прикажетъ по восьми или десяти рублей продавать—и станутъ покупать, ничего не подѣлаешь.

— Позвольте. Можетъ выискаться другой Ремешковъ...

— Другой? Покинуть не дастъ... Задушитъ!

Послѣднее слово это было произнесено почти шопотомъ, но такъ убѣдительно, что баканщикъ почувствовалъ всю несокрушимую силу его и не нашелся ужъ ничего сказать.

— Сила! Самсонъ богатырь, финансистъ!—приходилъ въ восторгъ разсказчикъ.—Вотъ бы кому, по настоящему, министромъ быть. Хотя образованія скромнаго, но какъ-бы онъ Россію осчастливилъ! Куда до него ученымъ министрамъ!

Показалась снова Марья Ильинична. Она доложила, что скоро подастъ уху и достала чистый столешникъ.

— Не прикасайся!—остановилъ приказчикъ, увидѣвъ, что та хочетъ кое-что прибрать.

— Не тревожьтесь! Я на подоконникъ переставлю, а накрою столъ,—опять на свое мѣсто поставлю.

Василій Семеновичъ полюбопытствовалъ, какія цѣны въ городѣ на хлѣбъ.

— Раньше по восемнадцати копеекъ покупали. Но мнѣ ужъ свѣдѣніе дано, что теперь нашъ хозяинъ назначилъ таксу по пятнадцати.

— А прочіе почемъ покупаютъ?

— Все равно, если не дешевле.

— Въ селѣ прошлый базаръ по двадцать три отдавали.

— Въ селѣ! Тамъ мелочная торговля, пудъ-два купятъ, нашъ одинъ милліоны пудвоъ покупаетъ.

Digitized by Google

— Не одинъ же Великановъ покупаетъ. Поди, другіе скупщики есть?

— Какой ты чудакъ, Семенычъ! а еще столько годовъ по Волгѣ и Камѣ въ лоцманахъ ходилъ. Самыхъ простыхъ вещей не понимаешь, надо тебѣ все разжевывать да прямо въ ротъ класть. Другіе-то скупщики куда дѣваютъ хлѣбъ? Великанову. Положимъ, ты купецъ, закупаешь у мужиковъ хлѣбъ. Купилъ ты по двадцать копеекъ, деньги затратилъ, а капиталъ требуетъ оборота. Ты везешь къ нашему хозяину. „Почемъ?“ Сказываешь. „Что же ты, почтенный, развѣ не сообразовался съ таксой, какая мною была установлена? Не надобенъ мнѣ твой хлѣбъ“. А тебѣ деньги нужны! Просишь, молишь, чтобы купилъ. „Хорошо“, скажетъ, „я приму, но двѣ копейки противъ таксы съ пуда скощу“.

— А я, на мѣстѣ купца, повыждалъ бы: подъѣдутъ изъ другихъ губерній покупатели.

— Тогда ты одинъ прахъ. Хозяинъ провѣдаетъ—не показывайся къ нему на глаза. „Какъ, меня не уважилъ“?—загремитъ.—„Прогнать его со двора, негодяя!“ Но ежели ты его уважаешь, то есть, ему одному продаешь, такъ уважительность твою оцѣнитъ: мало того что за труды твои противъ таксы онъ копейку на пудъ прикинетъ, но если у тебя когда не хватитъ на покупку большой партіи хлѣба, онъ ссудитъ деньгами, сколько тебѣ требуется... Добёръ, даже слишкомъ добёръ нашъ хозяинъ; только оказывай всегда ему уваженіе—и будешь счастливъ до конца своей жизни.

Василій Семеновичъ призадумался.

— Въ народѣ толкуютъ, что цѣны Богъ строитъ, анъ на дѣлѣ-то выходитъ, осиновскій купецъ Великановъ ихъ устанавливаетъ,—сказалъ погодя баканщикъ.—Мужичку-то больно утѣснительно, Николай Петровичъ. Изъ-за чего трудиться, убиваться за кормилицею-землею?.. Пятнадцать копеекъ пудъ...

— Дешево? Не везите, берегите про себя. Арканомъ насильно васъ никто не тащитъ...

Digitized by Google

— Никакъ этого невозможно сдѣлать. Вотъ, наступитъ осень, благослови Господи! обмолотимъ рожь,—первымъ долгомъ подати востребуютъ, по-скорости рекрутовъ потребуется снарядить, дровъ на зиму закупить и прочее по хозяйству справить, —и поторопишься скорѣе продать хлѣбъ!.. Давно ли еще отъ голода освободились; думали, урожай Богъ пошлетъ, поправимся хоть маленько, а уродился хлѣбушка,—продавай его почти задаромъ!..

Большая мускулистая рука протянулась къ флягѣ. Наливъ обѣ рюмки, приказчикъ молча подвинулъ одну собесѣднику.

— Довольно, Николай Петровичъ...

— Выкушай! У Сираха или кого тамъ, не помню, давно читалъ, написано: человѣку, въ горести находящемуся, дай вина. Ты, вижу я, скорбишь духомъ—пей, утѣшеніе отъ вина человѣку. Возьми колбаски!

Хлопнулъ самъ, закусилъ балыкомъ и обратилъ волосатое лицо къ утѣшенному.

— Ты вотъ о голодѣ упомянулъ,—началъ онъ.— А кто отъ голодной смерти мужичка спасъ, кто о немъ порадѣлъ и пропитаніе ему предоставилъ? Великановъ! Какже вы этого не цѣните? Вѣчно молиться за него обязаны, а вы ропщете!..

— Чувствительно благодарны ему,—отвѣчалъ баканщикъ,— попомнятъ мужички благодѣяніе Великанова: голоднымъ по рублю съ полтиною отпускалъ хлѣбъ, а въ возвратъ отъ нихъ по четвертачку принялъ.

— Да ты, я вижу, понятія не имѣешь о курсѣ? Какъ же вы, господа крестьяне, ничего не смысля въ дѣлахъ комерціи, такъ очень просто разсуждаете?.. Вѣдь, когда была голодовка, хлѣбъ стоялъ въ цѣнѣ высоко, а на другой годъ цѣна упала... Если бы хозяинъ обратно по полтора рубля принялъ, такъ надъ нимъ свой братъ, комерсантъ, посмѣялся бы... Вы не Христова братія, чтобъ вамъ милостыню подавать, коренные хлѣбопашцы, землю имѣете, отъ нея кормитесь. Вотъ, если бы къ нему нищіе обратились, тогда другой разговоръ... Сколь

Digitized by Google

много онъ любитъ эту Христову братію, всѣ даже не надивятся! Мало, что всегда подаетъ, когда у него на улицѣ попросятъ, три раза въ году общій дѣлежъ производитъ: сколь много народа къ дому ни привалило, хоть всю улицу запрудили бы, ни одинъ человѣкъ съ пустыми руками не уйдетъ: каждый гривенникъ получитъ. Опять, сколько онъ жертвуетъ на украшеніе храмовъ Господнихъ, на колокола и на всякія богоугодныя заведенія! Уму непостижимо!

Появленіе святой души съ стерляжьей ухой прервало дальнѣйшее теченіе рѣчи.

— А, несетъ! Славно пахнетъ,—съ удовольствіемъ проговорилъ Николай Петровичъ.— Недурна рыбешка,—добавилъ, заглянувъ въ блюдо:—именно такая, какой я желалъ. Хорошо-бы для вкуса мадерцы... Жаль, нѣтъ!.. Да не испортитъ, если ананаснаго капельки двѣ-три подпущу?.. А теперь, передъ ушицею, для аппетита обязательно по одной выпить.

— Мнѣ не безпокойтесь наливать,—предупредилъ Василій Семеновичъ.

— Не мѣшай подъ руку. Ну ка, передъ хлѣбомъ-солью!

— Обѣдъ нашъ впереди. Ослобоните.

— Послѣднюю. Больше не будетъ. Проси—не дамъ.

Какъ было отказаться?

Носъ приказчика склонился надъ блюдомъ, и хозяинъ его всецѣло отдался уничтоженію жирной янтарной ухи. Въ какихъ-нибудь минутъ пять блюдо было до чиста опорожнено, и услужливая Ильинична полетѣла за новой порціей, оставшейся въ котелкѣ. Николай Петровичъ сдѣлалъ передышку.

— Вотъ, ты съ невыгодной стороны отказываешься о Великановѣ, — заговорилъ онъ, чтобы наполнить промежутокъ времени, въ ожиданіи второго блюда ухи.—Дней пять тому назадъ, случилось мнѣ заглянуть въ Килимово, гдѣ чахоточные и разные больные кумысъ пьютъ: баринокъ одинъ тамъ изъ Казани пользуется. Повидался съ нимъ, потолковали о дѣлѣ,— дачку лѣсную онъ продаетъ; потомъ нынѣшняго урожая кос-

Digitized by Google

нулись. „Всходы превосходные“, — говоритъ. — „Одно меня огорчаетъ, что такіе же, какъ у меня, всходы и у мужиковъ“. — „Такъ Богу угодно“, — говорю: — „урожай на всѣхъ посылаетъ“. „Зачѣмъ“, — толкуетъ, — „у мужиковъ будетъ урожай? Если бы на ихъ поляхъ хлѣбъ не уродился, они пришли бы ко мнѣ покупать... Я бы съ нихъ деньги хорошія получилъ, я бы имъ далъ себя почувствовать!“ Дурачокъ, видно, баринокъ, подумалъ я, хотя гимназію окончилъ. Однако, нѣтъ, вижу, не круглый дуракъ, а только чрезмѣрно жаденъ и безжалостливъ. Нашъ хозяинъ, если себя и не забываетъ, то хошь нищихъ по гривеннику одѣляетъ, страннихъ напоитъ, накормитъ, заведенія благочестивыя поддерживаетъ, а этотъ птенецъ безпухій копейки никому не подастъ, умирай съ голода—корки черстваго хлѣба не броситъ... Если бы ему великановскій талантъ да капиталы, такъ увидѣлъ бы ты, какой изъ него благодѣтель выработался. Благородный вьюношъ, помѣщикъ, гимназію окончилъ и теперь, сказывалъ, высшимъ наукамъ гдѣ-то въ университетѣ, что-ли, обучается, а какъ себя незнакомому человѣку съ перваго раза отрекомендовалъ?.. Да развѣ нашъ хозяинъ пожелаетъ, чтобы у крестьянъ хлѣбъ не родился? За великій стыдъ для себя почелъ бы подобныя слова высказывать... А вы благодѣтелемъ своимъ недовольны!.. Такъ-то, вотъ, пріятель! —похлопалъ дружески по плечу баканщика Николай Петровичъ и чему-то вдругъ самъ засмѣялся.

Василій Семеновичъ собирался было молвить два-три слова, но, посмотрѣвъ на смѣющіеся глаза и расцвѣтшій, подобно роскошному пунцовому піону, носъ веселаго человѣка, самъ только разсмѣялся тихо и махнулъ рукой. Онъ понималъ приказчика...

Покончивши со второй порціею, хотя далеко не съ прежней живостью, шутникъ воздалъ должное Богу и попросилъ хозяина подвинуться.

— Можетъ, отдохнуть до парохода желаете?

— Не знаю,—отвѣтилъ тотъ, усѣвшись удобно на нарахъ. — Посижу немного... Поговоримъ.

Digitized by Google

По выраженію носа любителя стерляжьей ухи, Василій Семеновичъ догадался, что тотъ чего-то не досказалъ.

— Слыхалъ ты про купца Потапова?—спросилъ баканщика Николай Петровичъ.—Онъ, впрочемъ, нынче ужъ потомственный почетный гражданинъ и орденъ на грудь получилъ... Пріиски у него золотые, лѣса...

— Слыхать-то слыхалъ, но личности его не знаю.

— Богачъ тоже страшный. Не старый еще, моихъ годовъ будетъ, но высокій и свѣжій мужчина. Женится.

— Не поздненько ли?

— Онъ не въ первый ужъ разъ. Десять лѣтъ вдовѣлъ, а теперь вторично надумалъ вступить въ бракъ. Барышню лѣтъ девятнадцати, образованную и красавицу за себя беретъ...

— Молоденька, кажется, ему будетъ!

— Ты слушай. Молода, это ничего, онъ самъ хоть и въ годахъ, но наружность имѣетъ очень представительную. Когда я въ губернскомъ городѣ былъ, у нотаріуса запродажную запись на покупку свою дѣлалъ, тамъ только и разговаривали, что объ этомъ бракѣ. Невѣста, кромѣ того что первая красавица и воспитана очень хорошо, вдобавокъ генеральская дочь!

— Вотъ какъ! Генеральская дочка и за купца выходитъ?

— Да, братецъ, вотъ какъ нынче купцы дѣйствуютъ, въ какое родство заѣзжаютъ! Потому—они сила, въ рукахъ ихъ капиталы, и всѣ передъ ними преклоняются... Но публика не этимъ занята: барышнѣ, говорятъ, другой нравится, человѣкъ молодой и образованія высокаго.

Въ глазахъ баканщика вспухнулъ огонекъ, но мгновенно потухъ.

— Почему же та не за него выходитъ?

— Бѣдный! А папаша барышни, хотя и генералъ, имѣнія свои всѣ прожилъ и капитала у него никакого не осталось—прогорѣлъ до тла! Семейство же большое, дѣтямъ надо, по ихнему положенію, дать приличное образованіе и въ люди вы-

Digitized by Google

весть. Потребовалась поддержка. Вотъ, какъ помоловку сдѣлали, Потаповъ въ тотъ же день на невѣсту пятьсотъ тысячъ въ банкъ положилъ, а умретъ—всего движимаго и недвижимаго супруга будетъ полной наслѣдницей, потому все имѣнье его благопріобрѣтенное, родственниковъ же всего одинъ племянникъ.

— Противъ своего желанія, значитъ, барышня-то за него выходитъ?

— Нѣтъ, сама изъявила согласіе. Принужденіе у благородныхъ не водится: не захотѣла бы, не пошла.

— Не пожалѣла ли родителя и семейство?..

— Такой слухъ идетъ. На-дняхъ,—точно не помню число—назначена свадьба. Домъ свой женихъ заново передѣлалъ: роскошь, великолѣпіе—превосходныя, говорятъ?.. Однако, ко сну будто бы позываетъ.

Николай Петровичъ аппетитно зѣвнулъ и положилъ въ головы свою подушку.

— Почивайте, мы васъ не обезпокоимъ: на волѣ отобѣдаемъ.

— Зачѣмъ? Развѣ вы помѣшаете моему сну? Обѣдайте, говорите, кричите—ничего не услышу.

Черезъ минуту онъ уже спалъ крѣпкимъ сномъ.

Василій Семеновичъ отлично зналъ, что потревожить сонъ приказчика разговорами довольно трудно, тѣмъ не менѣе обѣдъ баканщиковъ въ обществѣ святой души устроился на открытомъ воздухѣ.

— О чемъ безъ насъ толковали? — полюбопытствовалъ Павелъ Ивановичъ.

— О многомъ онъ разсказывалъ, — сдержанно отвѣтилъ старшой.

— Отрывочками-то я слышалъ. Хозяина своего восхвалялъ. Плутистъ мужикъ!

— Есть немножко: нельзя—должность такую занимаетъ... Но разговоры его нельзя прямо брать: говоритъ одно, а на

Digitized by Google

мысляхъ держитъ другое. Осторожность соблюдаетъ, опасается, чтобы слова его до хозяина не дошли.

— Грохотунъ и говорунъ онъ большой руки, но злобы или врода я въ немъ не предполагаю,—высказала свое мнѣніе Ильинична.—А безъ плутовства ихнему брату невозможно служить. Сюртучекъ-то, вѣдь, страмъ взглянуть! Ничего, не стѣсняется. Знаетъ, что хозяину это пріятно: „какой добросовѣстный человѣкъ мой личарда“, подумаетъ, „двадцать годовъ въ одномъ сюртучишкѣ ходитъ на такого можно положиться и довѣріе ему оказывать“.

Часа черезъ два Николай Петровичъ всталъ, а богомолка собралась въ путь:

— Не побываешь нѣшь у Арины-то Степановны?—освѣдомился старый баканщикъ.

— Да нѣтъ ужъ, долго, можетъ, она у сестры пробудетъ... Увидите, поклонитесь ей отъ меня низенько.

— Про жену Андреевскаго довѣреннаго что ли рѣчь идетъ?—спросилъ Николай Петровичъ.

— Точно такъ.

— Лошади за нею высланы, на лѣсопилкѣ кучеръ дожидается. Подожди, святая душа!

— Въ другой разъ... Мужички ужъ парить начинаютъ. Надо мнѣ племяшу своему помочь. Отстрадуютъ добрые люди, я тогда нарочно схожу.

Приказчикъ вынулъ кошелекъ и досталъ серебряную монетку.

— Получи-ка съ меня долгъ!

— Вы мнѣ не должны.

— Ну, ну! Трудилась, хлопотала... Обязана, что ли, ты на меня работать?

— Вы меня чаемъ напоили... На этомъ я вамъ благодарна, а хлопоты мои были не корыстныя, а отъ одного усердія...

— Да бери же!

— Не возьму,—и, низко поклонившись хозяевамъ и приказчику, странница вскинула на спину котомку.

Digitized by Google

— Подожди! У племянника ребятишки есть?

— Какъ же, троечка.

— Пойдешь, по дорогѣ гдѣ пряничковъ имъ купишь.

Поблагодаривъ на гостинцѣ, Марья Ильинична еще разъ, всѣмъ поклонилась и направила стопы по тропиночкѣ, извивавшейся по уступамъ горы. Приказчикъ и баканщики посмотрѣли ей вслѣдъ.

— Легкая на ноги женщина,—сказалъ Василій Семеновичъ:—какъ шагаетъ!

— Птица небесная!—проговорилъ Николай Петровичъ и повернулъ носъ къ рѣкѣ.—Не долго, полагаю, ждать мнѣ парохода?

— Внизъ вамъ бѣжать?

— Заверну въ Осиновку, покажуся хозяину и въ Царево-Кокшайскъ покачу...

— Ежели не запоздаетъ, чрезъ полчаса долженъ пробѣжать.

Взоръ Николая Петровича остановился на лѣсопилкѣ.

— Порѣшили,—кивнулъ въ ту сторону головою.— Строили, деньги убивали, а зиму одну поработала — и закрыли. Для чего, спрашивается, она безъ всякаго дѣла будетъ торчать?

— Что же, мѣста у насъ здѣсь пустынныя,—сказалъ Василій Семеновичъ:—все же, какъ будто, селеніемъ смотритъ, строенье съ трубой высокой и контора при немъ. Ничего, пускай красуется—земли казенной немного занимаетъ.

Странница между тѣмъ достигла вершины горы, пріостановилась отдохнуть и подняла руки.

— Вонъ уже гдѣ!—показалъ младшій баканщикъ.

— Да никакъ летѣть хочетъ?—засмѣялся приказчикъ.— Птица небесная!... Или вотъ элеваторъ въ Уфѣ застроили,— повернулъ Николай Петровичъ.—Выстроили, довели ужъ до самаго карниза—и бросили, такъ безъ крова и оставили — пускай гніетъ... А денегъ въ постройку безмала милліонъ ухлопали... Великановъ такъ не поступилъ бы!..

Digitized by Google

VIII.

Важный день насталъ въ служебной жизни пріятелей. Баканщики приготовились къ пріему своего начальника и съ утра ожидали его прибытія. Предварительно они прокатились по участку, съ цѣлью освѣдомиться о состояніи „молодчиковъ“. Завернули къ красному яру. Песчано-глинистый, точно обожженый, берегъ, покрытый наверху сосновымъ лѣсомъ, стѣною опускался внизъ; рѣка подмывала основаніе, а вешніе потоки разрушали его по частямъ и вмѣстѣ съ лѣсомъ уносили водою; по крутой осыпи кое-гдѣ виднѣлись наклонившіяся молодыя сосенки, цѣплявшіяся кореньями за землю, готовыя каждую минуту оторваться и повалиться въ воду; одна изъ нихъ лежала, уткнувшись верхушкою своею въ рѣку.

— Вотъ, подъ нею нашелъ,—сказалъ Павелъ:—гляди, и мѣсто знатко, гдѣ бутылка лежала.

— Дѣйствительно, бурей ее выкинуло!

На стрѣлкѣ острова, Моисеичевъ, сидя на бревнахъ, курилъ вертушку.

— Иванъ Моисеичъ!—крикнулъ старшой:—все ли у васъ благополучно?

— Ничего не случилось,—лѣниво отвѣчалъ промышленникъ:—снасти въ свое время прибрали. На верхахъ буря немного пошалила: сколько бревенъ мимо пронесло, досокъ!..

— Такъ васъ съ прибылью,—кивнулъ баканщикъ на добычу—поналовили деревянной рыбки достаточно?

— Пустое дѣло! Багоръ одинъ, а то развѣ бы мы столько...

— А съ людьми—не чуть, не было несчастья?

— Нѣтъ. Мало я любопытенъ.

Василій Семеновичъ не сталъ больше разговаривать. Павелъ взмахнулъ и ударилъ веслами.

— Василій Семенычъ!—крикнулъ промышленникъ:—не знаете ли вы, какъ соловьевъ ловятъ? Ужъ очень хорошо

Digitized by Google

одинъ у родника распѣваетъ. Въ городѣ за него большія деньги заплатятъ.

— Ну, вы это, господинъ Мосеичевъ, оставьте!—съ живостью отозвался младшій баканщикъ.—Вольную пташку не полагается ловить. Я не дозволю...

Моисеичъ хихикнулъ.

— Кажется, начальникомъ тебя никто еще не поставилъ, чтобы ты могъ другими повелѣвать?

— А вотъ, попробуй хоть разъ, такъ и узнаешь, какъ ловить соловьевъ!

Лодка двинулась. Баканщики то и дѣло прислушивались, не раздастся ли знакомый свистокъ, и поглядывали вверхъ по рѣкѣ, не задымился ли вдали пароходъ. Впереди показалась рыбачья лодка, на веслахъ былъ мальчуганъ, а на кормѣ старикъ съ бѣлой головою.

— Дѣдъ навстрѣчу бѣжитъ,—промолвилъ старшой.—Надо съ нимъ поговорить.

Рыбачья лодка приблизилась. Баканщики дали ей подойти, повернули и, поровнявшись, пошли бокъ-о-бокъ. На той и другой гребцы опустили весла.

— Здорово, здорово, ребятушки!—вглядываясь изъ-подъ ладони въ баканщиковъ, отвѣтилъ дѣдъ на ихъ поклоны.—Али дѣло у васъ до меня?

Василій Семеновичъ разсказалъ о находкѣ и прибавилъ, что не мѣшало бы, на всякій случай, поглядывать, не окажется ли чего. Старикъ выслушалъ, тряхнулъ бѣлой головой и проговорилъ:

— Если *онъ* удумаетъ въ Камѣ погребсти себя, такъ наврядъ, родимые, мы что усмотримъ или узнаемъ. Кама-матушка не выдастъ тайны... Да ладно, я товарищамъ передамъ,—станемъ поглядывать, не появится ли гдѣ на берегу какой незнакомый человѣкъ. А ежели онъ утонулъ, то не увидимъ его: рѣка скроетъ и похоронитъ на днѣ горе человѣка.

Digitized by Google

Долго ждали баканщики, но напрасно: казенный пароходъ не показывался. Наконецъ, около трехъ часовъ, въ голубой дали задымилось, словно бѣлое облачко; вскорѣ неясный шумъ пошелъ по водѣ. Еще немного—изъ-за горы „Шеломъ“ вырѣзался профиль небольшого парохода: въ немъ баканщики узнали своего „Крейсера“. Свистокъ... Съ лодки махнули флагомъ. Черезъ нѣсколько минутъ винтовой пароходъ подошелъ близко, остановилъ ходъ машины и далъ подойти къ себѣ лодкѣ. Съ борта спустился высокій плотный мужчина, въ фуражкѣ, шведской курткѣ и большихъ сапогахъ. За нимъ матросы подали ящикъ и полушубокъ. Лодка отвалила въ сторону, и „Крейсеръ“ побѣжалъ дальше.

Поздоровавшись съ подчиненными и узнавъ, что на пунктѣ все обстоитъ благополучно, казенный лоцманъ сѣлъ на лавочку и приказалъ везти себя на баканы. Вавилову было лѣтъ сорокъ. Онъ обладалъ внушительной физіономіей: коричневая, выцвѣтшая борода развѣвалась вѣеромъ, толстый носъ; изъ подъ густыхъ насупленныхъ бровей смотрѣли серьезно каріе глаза, и на всемъ лицѣ лежала печать не то глубокихъ административныхъ соображеній, не то начальнической озабоченности. Растегнувъ верхнія пуговицы куртки и отогнувъ красные лацканы, онъ игралъ бронзовой часовой цѣпочкой и молча смотрѣлъ впередъ. Подъѣхавъ къ одному поплавку, лоцманъ измѣрилъ шестомъ глубину, перегнулся за бортъ и покачалъ руками баканъ, чтобы убѣдиться въ прочности его постановки. Въ двухъ, трехъ мѣстахъ для большей убѣдительности, а главное, для поддержанія своего авторитета въ глазахъ своихъ подчиненныхъ и для примѣра, онъ вылѣзалъ изъ лодки и, стоя въ водѣ, пробовалъ крѣпость якорныхъ канатовъ и тянулъ ихъ, не жалѣя рукавовъ своей куртки. Старшій баканщикъ обращалъ вниманіе начальника на отмели, которыя показались послѣ бури. Вавиловъ записывалъ что-то въ свою памятную книжку и дѣлалъ въ ней отмѣтки. Окончивъ строгую ревизію, взявшую не мало времени, онъ сдѣлалъ вопросъ

Digitized by Google

— Нѣтъ ли гдѣ еще обозначеній?

— Пока не предвидится,—отвѣтилъ старшой.—Теперь куда прикажешь?

Лоцманъ окидывалъ соколиными взорами рѣку, островъ и берега.

— Кажется, опущеній не замѣтно,—проговорилъ онъ медленно.—Однако, пониженіе горизонта значительно,—добавилъ, въ видахъ ознакомленія подчиненныхъ съ терминами, принятыми въ высшихъ сферахъ рѣчной администраціи.—Теперь, пожалуй, къ маяку направимся, а потомъ къ вамъ въ хижину заглянемъ.

На берегу Вавиловъ освидѣтельствовалъ маячные столбы и фонари, потрогалъ носкомъ сапога большой якорь и, ни слова не сказавъ, повернулъ въ сторону ключа. Старшій баканщикъ несъ за нимъ полушубокъ, а младшій тащилъ ящикъ. Достигнувъ площадки, лоцманъ вошелъ въ избенку, помолился въ уголъ и сказалъ:

— Еще здравствуйте, братцы!—и подалъ тому и другому руку.

— Добраго здоровья, Алексѣй Максимовичъ! Просимъ милости, бесѣдуйте!

Лоцманъ обвелъ вокругъ глазами. По выраженію его лица баканщики догадались, что видъ стола произвелъ на начальника благопріятное впечатлѣніе. Вавиловъ сѣлъ на нары, растегнулъ остальныя пуговицы куртки и вытянулъ длинныя ноги.

— Испареніе въ воздухѣ должно начаться сильное,—произнесъ лоцманъ, глядя на носки своихъ сапогъ.—Барометръ стоитъ на „ясно“, а термометръ идетъ кверху,—и, посмотрѣвъ вопросительно на старшаго баканщика, заключилъ:—поэтому надо ожидать, что пониженіе горизонта будетъ еще значительнѣе.

— Алексѣй Максимычъ, можно васъ просить съ дорожки-то?—предложилъ Василій Семеновичъ, показывая на украшеніе стола.

Digitized by Google

Алексѣй Максимовичъ быстро взглянулъ на столъ и удивился.

— Что это у васъ? буфетъ?.. Напрасно утруждали себя: знаете,—я не пью.

— Выкушайте съ устатку!

— Съ устатку? Точно, я довольно таки поусталъ...— Налилъ рюмку, выпилъ и закусилъ.

— Теперь займемся дѣломъ,—сказалъ лоцманъ и досталъ записную книжку.

— Извините, Алексѣй Максимычъ,—перебилъ старшой:— что́ для васъ желательно: сперва перекусить, чѣмъ Богъ послалъ, или чайку напиться?

— Ну, вотъ, такъ и зналъ, что будутъ хлопотать! Къ чему?

Лоцманъ вынулъ серебряные часы, посмотрѣлъ на стрѣлки и прибавилъ:

— Пожалуй, сперва лучше перекусить, а тамъ увидимъ, сколько времени останется. Я съ первымъ пароходомъ, какой пройдетъ вверхъ, отъ васъ убѣгу: обязательно долженъ быть на другихъ пунктахъ. Присаживайся!

Положивъ передъ собою часы, Вавиловъ насупилъ брови и погрузился въ разсмотрѣніе книжки.

— На красномъ яру поставлено три?

— Точно такъ.

Слѣдовала помѣтка карандашемъ и новый вопросъ:

— На стрѣлкѣ, по раздѣленію воды на коренную и воложку, съ обѣихъ сторонъ по одному?

— Есть.

— Вѣрно. Самъ видѣлъ.

Пройдясь вопросами по всему предписанію, которое отъ него получили баканщики, и сдѣлавъ въ книжкѣ отмѣтки, лоцманъ приступилъ къ другой работѣ: началъ писать на четвертушкѣ листа.

Digitized by Google

— Для васъ,—проговорилъ:—инструкцію будущихъ дѣйствій набросаю.

Очевидно, составленіе этого документа требовало большого напряженія умственныхъ способностей: Алексѣй Максимовичъ, не отрываясь отъ предмета занятій, протянулъ лѣвую руку къ бутылкѣ, молча налилъ рюмку и выпилъ.

Павелъ Ивановичъ хлопоталъ по части приготовленія горячаго и жаренаго. Василій Семеновичъ, посиживая на скамейкѣ, созерцалъ густыя брови и лобъ съ упавшими на него темными волосами, заранѣе предвкушая удовольствіе, какое доставитъ ему чтеніе мастерски написанной инструкціи. Но скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается. Баканщикъ зналъ эту истину еще отъ своей бабки, и потому терпѣливо покорялся своей участи. Лѣвая рука начальника вторично произвела фокусъ съ бутылкою. Тутъ Василій Семеновичъ понялъ, что набросать инструкцію—не легкое дѣло! Лоцманъ все еще продолжалъ трудиться, когда младшій чинъ доложилъ, что кушанье готово...

— А? Что такое?—воскликнулъ начальникъ, не подымая бровей.

— У меня все готово. Подавать?

— Подожди... Больше десяти минутъ не потребуется...

Подчиненные только переглянулись: штуку, молъ, важную закатитъ!

— Ну, вотъ я и окончилъ,—возвѣстилъ лоцманъ.—Слушайте. „Инструкція. Старшему баканщику“ и прочее,—извѣстно, что дальше, какъ по формѣ должно... „Обозрѣвъ сего 27 мая участокъ № 8-й и найдя на ономъ все въ полной исправности, я, вмѣстѣ съ вами, усмотрѣлъ новыя отмели...“ Впрочемъ, читать дальше не стоитъ, времени много займетъ. Передамъ на словахъ. Учредите по бую, гдѣ образовались новыя отмели, маякъ освѣщайте и на баканахъ ставьте фонари, когда наступятъ ночи темныя или когда на рѣкѣ случится волненіе... Свѣчей я привезъ цѣлый ящикъ. Откупорь-ка, па-

Digitized by Google

рень!.. Открывай съ осторожностью: сверху одна вещь находится, чтобы ее не повредить.

Павелъ немедленно исполнилъ приказаніе начальника.

— Это, что ли, вещь-то, господинъ казенный лоцманъ?— вынулъ онъ продолговатую картонку, перевязанную на-крестъ бичевкою.

— Она самая! Положъ сюда, около меня... Теперь можно и перекусить... Бумагу возьми, Семенычъ! Хотя всѣ распоряженія я тебѣ отдалъ на словахъ, но документъ сохрани... Ты что же одинъ приборъ ставишь?—прервалъ себя лоцманъ, обращаясь къ младшему баканщику.- Развѣ вы ужъ отобѣдали?

— По правдѣ сказать, сегодня еще не довелось,—отвѣчалъ старшой.—Но какъ бы васъ не постѣснить?..

— Оставь!—перебилъ начальникъ.—Знаешь самъ, я человѣкъ нечванливый, простой... Ставь, Павелъ, для старшаго и себя приборы!.. Да бумагу храни: въ случаѣ чего, ты всегда можешь представить высшему начальству оправдательный документъ.

— Спасибо, Алексѣй Максимычъ, — поклонился баканщикъ.—Мы понимаемъ, что достаточно съ вашей стороны одного словеснаго распоряженія, чтобы оно было нами исполнено въ точности; но вы, желаючи намъ добра, завсегда очень много утруждаете себя писаніемъ. Мы это очень хорошо видимъ и чувствуемъ ваше расположеніе.

Совершенно справедливо: Вавиловъ самъ былъ убѣжденъ, что онъ доброжелателенъ къ своимъ подчиненнымъ.

— Единственно для вашей пользы,—откровенничалъ лоцманъ.—Докажу это на предметѣ. Стоятъ у васъ поплавки, а фонари безъ вниманія... Проѣзжаетъ ночью начальникъ, видитъ, огней нѣтъ... Вызываетъ. „Почему нѣтъ огней“? спрашиваетъ.— „Не было распоряженія, ваше высокородіе“.—„Какъ не было? Да я когда еще отдалъ распоряженіе по всей дистанціи“... И пошелъ, и пошелъ... „Прогнать тебя со службы“! Что ты супротивъ подобныхъ словъ начальника можешь отвѣчать?.. А

Digitized by Google

какъ у тебя есть письменный документъ, ты сію же минуту:— „Извольте посмотрѣть инструкцію казеннаго лоцмана, ваше высокородіе“,—скажешь и поднесешь листикъ. „А! Это совсѣмъ другое дѣло, братецъ ты мой! Хвалю! Такъ и впредь поступай—всегда дѣйствуй по инструкціи“. И высшее начальство тобою довольно, и самъ въ благополучіи остался да еще похвалу получилъ.

— Что говорить! Бумага – великое дѣло... Иной клочокъ,—взглянуть-то не на что,—только, съ позволенія сказать, плюнуть бы, а смотришь, онъ многое значитъ, безъ него человѣку руки связаны... Алексѣй Максимычъ, что же вы позабыли?.. Выкушайте!

— Знаешь, я вина не потребляю.

— Передъ горячимъ-то слѣдуетъ.

— Развѣ что передъ горячимъ разрѣшить!.. Давай, коли вмѣстѣ выпьемъ.

Баканщикъ налилъ.

— Съ пріѣздомъ, Алексѣй Максимычъ!

— Благодарю. Тебя съ благополучіемъ.

За обѣдомъ лоцманъ ѣлъ съ большимъ аппетитомъ, сосредоточенно молчалъ и машинально, какъ бы въ невѣдѣніи, что творитъ, брался за бутылку и... выпивалъ. Старшій баканщикъ не дотрогивался до своей рюмки.

Покончивъ съ горячимъ и жаренымъ, — обѣдъ состоялъ исключительно изъ рыбьихъ блюдъ,—Алексѣй Максимовичъ посмотрѣлъ на часы.

— Можно, я думаю, теперь чаю напиться?—сказалъ онъ. — Какъ ты полагаешь, Семенычъ?

IX.

Лоцманъ нашелъ нужнымъ освободить себя отъ теплой куртки. Оставшись въ ситцевой рубашкѣ и суконныхъ шта-

Digitized by Google

нахъ, заправленныхъ за высокія голенища, онъ довольнымъ тономъ заговорилъ:

— Пріятно теперь чайку попить... Да убери ты, Семенычъ, эту съ глазъ долой... Что она тутъ глаза мозолитъ?— и, не дожидаясь распоряженія со стороны хозяина, схватилъ бутылку и опустилъ ее подъ столъ на полъ.

Вавиловъ глядѣлъ другимъ человѣкомъ: морщины на лбу сгладились, брови уже не супились и никакихъ признаковъ „сурьеза“ на лицѣ не осталось. Точно вмѣстѣ съ курткою онъ сбросилъ съ себя начальническій видъ! Жестоко ошибся бы тотъ, кто подумалъ отнести эту перемѣну на счетъ спрятанной посудинки: Вавилову ничего не стоило уничтожить двѣ такихъ, и никто не сказалъ бы, что лоцманъ на-веселѣ. Вниманіе его теперь особенно привлекали почему-то часы.

— Много времени, Алексѣй Максимычъ? — освѣдомился старшій баканщикъ, покосившись въ сторону картонки.

— Безъ четверти восемь... Славные часики: идутъ вѣрно,— и по лицу Вавилова прошла добродушно-хитрая улыбка.

— Хорошо вамъ съ ними: завсегда знаете время... Пожалуйте!

Вавиловъ принялъ отъ подчиненнаго чашку и сдѣлалъ видъ, что собирается пить чай.

— А что же вы передъ чайкомъ-то, Алексѣй Максимычъ?—напомнилъ хозяинъ.

— Не нужно!.. Если ты желаешь, я побезпокоюсь,—досталъ бутылку, налилъ и самъ выпилъ.

За чаемъ лоцманъ разсказывалъ про „аваріи“, причиненныя бурею въ верховьяхъ Камы.

— Подъ Оханскимъ разбило двѣ баржи, близъ Осы разнесло плотъ и на устьѣ Бѣлой расщепало барку... У насъ, на нѣкоторыхъ участкахъ, поплавки сорвало, маячные столбы повалило.

— А съ людьми несчастья не было?

— Доподлинно неизвѣстно... Слышалъ, что на устьѣ за-

Digitized by Google

возню съ бурлаками опрокинуло: вздумали посреди рѣки на якорь встать!

— Неопытный, значитъ, лоцманъ?..

— Въ этомъ вся бѣда: не сообразилъ, глупая башка, что на устьѣ буря сильнѣе, чѣмъ на плесѣ. Да что толковать! На легкихъ пароходахъ помощники капитановъ—мальчишки, совсѣмъ никакого понятія о фарватерѣ не имѣютъ, а имъ довѣряютъ командовать.

— Оттого, видно, и несчастья-то бываютъ?

— Конечно! Опять только слава, что легкіе пароходы, а нѣтъ ни одного, который не везъ бы большой клади. На прошлой недѣлѣ одинъ почтовый шелъ, не помню какой,—только пароходъ старый, ветхій, и на немъ груза одного желѣза шесть тысячъ пудовъ. Идетъ, трещитъ весь, а борта отъ воды на какой-нибудь аршинъ всего... Какая можетъ произойти аварія, если гдѣ въ бойкомъ мѣстѣ буря застигнетъ? И вся команда, и весь экипажъ должны погибнуть! Одному не надивлюсь я: какъ мало еще у насъ несчастій бываетъ!

Павелъ Ивановичъ, все время молчавшій изъ почтенія къ лоцману, рѣшился предложить вопросецъ:

— Какъ же имъ дозволяютъ? Поди, водяное начальство обязано наблюдать?

Вавиловъ снисходительно улыбнулся: „молодъ парень“, подумалъ, „здравыхъ понятій о подобныхъ дѣлахъ не имѣетъ“.

— Пароходовладѣльцы жалуются,—продолжалъ лоцманъ,— что они въ убытокъ работаютъ, а сами каждый годъ по пароходу да по два новыхъ строятъ.

— И видно, что убытки велики терпятъ! — замѣтилъ улыбаясь Василій Семеновичъ. — Какъ хлѣба въ верховьѣ, Алексѣй Максимычъ?

— Хороши. Только отъ бури мѣстами полегли.

— У насъ тоже смоталась рожь.

— Какъ бы большой-то урожай на нѣтъ не сошелъ?

— То-то вотъ!.. Объ этомъ я все и думаю.

Digitized by Google

Вавиловъ кушалъ съ бѣлымъ хлѣбомъ чай и говорилъ:

— Къ слову—насчетъ хлѣбовъ. Передъ самой бурею случилось мнѣ сутки въ Пьяномъ бору выжить. Переселенцевъ хохловъ тамъ видимо-невидимо: до четырехъ сотъ семействъ привалило. Ѣхали въ Благовѣщенскъ, на Амуръ, а очутились въ Благовѣщенскомъ заводѣ подъ Уфою.

— Какъ же они прошиблись?

— До Самары ѣхали правильно. Хотѣли подняться до Богородскаго, а оттуда на Камскомъ пароходѣ въ Пермь бѣжать. Въ Самарѣ имъ дали новый маршрутъ: по желѣзной дорогѣ на Уфу, „а тамъ“, сказали, „пѣшкомъ дойти близехонько“. Хохлы, со всѣмъ домашнимъ скарбомъ, съ колесами и фурами, такъ и сдѣлали. Въ заводѣ имъ разъяснили ошибку и посовѣтовали спуститься до Пьянаго бора. Пришли они туда въ проливные дожди, трое сутокъ на берегу, близъ пристани, таборомъ стояли. Пароходы ихъ не принимаютъ: „развѣ васъ“, говорятъ, „столько-то помѣстишь“? Куда дѣваться отъ холода и мокроты? Живой нитки ни на комъ не осталось, дѣтишки ревутъ. Пошли въ село. Начальникъ тамъ принялъ въ нихъ участіе: выпросилъ у купца амбары для помѣщенія. Дали телеграмму въ Нижній. Пароходчики отказываются, только одинъ согласился: берется везти ихъ до Перми отъ Казани.

— Такъ сперва, значитъ, имъ надо по Камѣ спуститься, потомъ по Волгѣ до Казани ѣхать, и оттуда ужъ тѣмъ же путемъ обратно мимо Пьянаго бора въ Пермь?

— Иначе не соглашаются: не стоитъ нарочно пароходъ отъ Пьянаго бора посылать: путина невелика, мало интереса для пароходовладѣльца.

— Какъ же они рѣшили?

— Неизвѣстно. Я уѣхалъ, они въ селѣ остались. Кажется, намѣреваются до Богородскаго спуститься, не возьмутъ ли ихъ на баржу или барку. Но съ характеромъ народъ: ѣдутъ за тысячи верстъ и фуры съ колесами съ собой везутъ. Унимали ихъ бросить это добро,—не согласились. „На чемъ же мы

Digitized by Google

будемъ ѣздить, когда на мѣсто придемъ"? говорятъ.—„За провозъ заплатите въ двадцать разъ дороже, чѣмъ они стоятъ".— Слушать не хотятъ: уперлись, и не сдвинешь ихъ съ мѣста.

— Хохлы—народъ упрямый,—сказалъ Василій Семеновичъ.—Вотъ, къ намъ слухъ былъ, въ Соколкахъ тоже переселенцы недѣлю или больше просидѣли изъ-за пароходовъ—не принимаютъ. Говорятъ, бѣдствовали какъ, не приведи Богъ!

— Ну, хохлы-то, должно быть, народъ не бѣдный...

— Такъ зачѣмъ старину они кинули?..—спросилъ Павелъ Ивановичъ.

— А вотъ сейчасъ узнаешь. Надѣлъ отъ своихъ помѣщиковъ они приняли малый; но, пока землю снимали въ аренду, жили недурно. На ихъ бѣду, въ послѣдніе годы усилились свеклосахарные заводчики: заарендовали помѣщичьи экономіи подъ свеклу, цѣны нанесли до ста рублей за десятину, крестьянамъ и не подъ силу: не у чего стало имъ хозяйствовать.

— А земля въ ихней сторонѣ хорошая?—спросилъ Василій Семеновичъ.

— Земля богатая. „Сколько", говорятъ они, „мы ни ѣхали, нигдѣ такой земли, какъ у насъ, не видѣли: на полтора аршина одинъ черноземъ. Только въ Уфимской губерніи земля на нашу походитъ".

— Всѣхъ, значитъ, одна причина заставляетъ родную сторону покидать: гдѣ земля негодная, а гдѣ богатая,—тамъ у мужичка ея нѣтъ.

Вавиловъ сдѣлалъ неловкое движеніе и задѣлъ картонку.

— Не переложить ли вещь-то на другое мѣсто?—выразилъ готовность услужить старшій баканщикъ.

— Не безпокойся,—отвѣтилъ лоцманъ и полюбовался своими часиками, а по лицу его снова прошла улыбка.

Павелъ Ивановичъ изъ своего угла подавалъ старшому таинственные знаки. Тотъ постигъ ихъ значеніе, и обратился съ рѣчью къ начальнику.

Digitized by Google

— Не слыхали вы, Алексѣй Максимычъ, на верховьѣ, кто не лишилъ ли себя жизни?

Брови лоцмана высоко поднялись.

— Нѣтъ, не слыхалъ. А что?..

— Сію минуту вамъ доложу. Павлуша, гдѣ у тебя карточка?

Павелъ Ивановичъ оставилъ свой уголъ и подошелъ къ столу.

— Вотъ, почитайте!

Лоцманъ взялъ карточку, посмотрѣлъ на нее прямо, повернулъ однимъ угломъ, потомъ другимъ и уставился разсматривать подпись имени. Въ теченіе какой-нибудь минуты густыя брови его то поднимались до крайнихъ предѣловъ возможности, то опускались и совсѣмъ закрывали глаза. Онъ не разъ даже потеръ себѣ переносицу.

— На пунктѣ нашли?—спросилъ.

Младшій чинъ уже самъ подробно отрапортовалъ начальнику о мѣстѣ своей находки. Тотъ выслушалъ и, не выпуская изъ рукъ карточки, рѣшилъ загадку такъ:

— Двадцать девятаго или тридцатаго Николай непремѣнно лишитъ себя жизни. Подъ вторымъ числомъ прописано слово: „непремѣнно“. Однако, фактъ безпримѣрный!

— Богъ пожалѣетъ, не допуститъ, можетъ, до самовольной кончины,—проговорилъ Василій Семеновичъ.

Вавиловъ пожалъ только широкими плечами и ничего не сказалъ.

— Какъ вы полагаете, Алексѣй Максимычъ, какая причина его заставила?

Лоцманъ полагалъ, что какое-нибудь большое несчастіе заставило.

— Не обронилъ ли человѣкъ деньги?

— Весьма возможно: изъ-за потери имущества люди, случается, разстаются самовольно съ жизнью.

Баканщикъ высказалъ еще нѣсколько предположеній. Ва-

Digitized by Google

виловъ призналъ всѣ основательными и возможными. На челѣ его лежала темнымъ облакомъ какая-то дума или напряженное усиліе о чемъ-то вспомнить. Баканщикъ продолжалъ:

— Женщина у насъ была, богомолка, она говорила, что отъ любови могло это съ человѣкомъ случиться.

Лоцманъ только отмахнулся.

Младшій баканщикъ, не отходившій отъ стола, въ ожиданіи услышать отъ лоцмана что-нибудь новое, не выдержалъ и сказалъ:

— По нашимъ догадкамъ, человѣкъ онъ не простой...

Въ одно и то же время парень почувствовалъ на плечѣ тяжелую руку лоцмана и услышалъ громовой голосъ:

— Стой!.. Ты думаешь, онъ не изъ простыхъ?—и, задавъ такой вопросъ, Вавиловъ выхватилъ изъ-подъ стола бутылку.

Затуманилось ли у него въ глазахъ, или по ошибкѣ,—онъ плеснулъ вина вмѣсто рюмки въ чайную чашку, затѣмъ выпилъ и ударилъ себя по лбу.

— Осѣнило!—воскликнулъ.—Теперь все обозначилось, и Николая этого я видѣлъ. Вотъ какъ дѣло было. Вчера утромъ я выѣхалъ изъ Каракулева. Бѣжалъ на Любимовскомъ. Погода стояла отличная. По мостику, гдѣ чистая публика, первоклассники, разгуливалъ молодой человѣкъ, лѣтъ такъ двадцати-трехъ; очень красивой наружности, съ тонкими усиками и свѣтлой бородкою, въ родѣ твоей, Семенычъ, но еще поменьше и много нѣжнѣй; одѣтъ, какъ слѣдуетъ господину, и въ шляпѣ новомодной; на одномъ лацканѣ сѣраго пиджака,—вотъ здѣсь,—блеститъ золотой значокъ. Всѣ пассажиры, обыкновенно, разговариваютъ, смѣются между собою; а онъ ни съ кѣмъ слова не промолвитъ, ходитъ взадъ и впередъ по мостику, на другихъ вниманія не обращаетъ и только папироски, одна за другою, куритъ. Къ устью Бѣлой подбѣгаемъ. Молодой человѣкъ остановился, снялъ шляпу и сталъ глядѣть на рѣку. Прибѣжали, а молодой человѣкъ все стоитъ, не покидаетъ своей позиціи...

Digitized by Google

Въ голубыхъ глазахъ старшаго баканщика вспыхнулъ тотъ-же свѣтъ, какъ во время разсказа великановскаго приказчика о женитьбѣ Потапова, и онъ въ полголоса проговорилъ:

— На Бѣлую?

— Что? Или ты догадываешься?—спросилъ лоцманъ.

— Такъ, припомнилось... Разсказывайте, я послѣ вамъ объясню.

— Наконецъ, тихо повернулся и въ задумчивости отошелъ отъ перилъ. Я замѣтилъ его лобъ—бѣлый, нѣжный, и волосы свѣтлые, кудрями вьются... Всѣ обратили на него вниманіе. Надѣлъ шляпу и прошелъ на кормовую часть, гдѣ нѣтъ публики. Позвалъ офиціанта, кофею себѣ спросилъ. Пассажиры любопытствуютъ, спрашиваютъ, кто такой. Никто не знаетъ. Спросили каракулинскихъ—не знаютъ. Одинъ только сказалъ, что молодой человѣкъ съ ихъ, Каракулевской, пристани сѣлъ... Бѣжимъ. Къ Пьяному бору подстаемъ. Съ конторки татаринъ Арасланка глядитъ, смѣется и кричитъ молодому человѣку: „что твоя, барина, больно скоро поворотилъ? Аль что позабылъ?“ Тотъ улыбнулся, да, какъ будто, съ печалью этакой улыбнулся, и отвѣтилъ: — „нѣтъ, говоритъ, не забылъ, а хорошо, если бы забылъ...“—сказалъ и отошелъ. Я спустился внизъ, взбѣжалъ по трапу на конторку и спрашиваю Арасланку: „кто такой?“—„Добрый барина“, говоритъ, „подушку на пароходъ тащилъ, денегъ мнѣ двугривенный давай“.—„Да кто онъ такой?“—„А кто онъ,—самъ спрашивай его. Съ Бѣлой утромъ бѣжалъ, а отсюда на Каменскомъ по Камѣ вверхъ гулялъ, теперь опять внизъ бѣжитъ“... Свистокъ! Больше я не успѣлъ Арасланку разспросить. Вопросъ татарина и отвѣтъ молодого человѣка нѣкоторые пассажиры слышали; я сообщилъ, что отъ Арасланки узналъ. Любопытство публики удвоилось. Не знаю, примѣтилъ это молодой господинъ, или наскучило ему гулять, только въ очень скоромъ времени съ мостика удалился. Ѣхалъ довѣренный сибирскаго

Digitized by Google

золотопромышленника,—такой бойкій на разговоры и прожженый человѣкъ, — очень заинтересовался господиномъ и вызвался передъ публикой узнать, кто онъ и откуда уроженецъ. Повременивши нѣсколько минутъ, довѣренный отправился въ каюты. Обошелъ первые классы — нигдѣ нѣтъ... По третьему прошелся. Увидѣлъ. Сидитъ молодой человѣкъ съ какой-то бѣдной женщиной, ребятенки съ ней оборванные, и въ сторонкѣ мужикъ, мужъ этой бабы... Переселенцы, оказалось, съ новыхъ мѣстъ на старину возвращаются... Тихо, благородно такъ баринъ съ женщиною разговариваетъ. Поговорилъ, всталъ и вынулъ портъ-монетъ. „Вотъ вамъ“, сказалъ и сунулъ женщинѣ въ руку бумажку. Переселенка, конечно, перекрестилась и къ господину: „Батюшка, какъ мнѣ за тебя молиться-то? Скажи имячко свое!..“ Какъ онъ назвалъ себя по имени—неизвѣстно, потому женщина довѣренному не объяснила: „не разслышала“, отвѣтила, и деньги показала — красный билетъ!.. Челны впереди выглянули... Вижу, нашъ „Крейсеръ“ у пристани. Барина нѣтъ... Подошли. Я не спѣша по лѣсенкѣ схожу на палубу. Мимо, смотрю, этотъ баринокъ съ подушкою, обернутою въ плэдъ, пролетѣлъ. Отдалъ онъ матросу билетъ, и самъ торопится на конторку. Матросъ глядитъ ему вслѣдъ. „Что, или знакомый господинъ-то?“ спрашиваю.—„Посмотрите“,—показываетъ мнѣ билетъ:—„до Чистополя взялъ, а сошелъ здѣсь: за что лишнія деньги платилъ?“ Билетъ перваго класса. Полюбопытствовалъ я, съ конторки послѣдилъ: баринъ на извозчикѣ въ село катитъ... Спросилъ о немъ нашего стражника—не знаетъ...

— Такъ и не свѣдали, кто онъ?

— Нѣтъ. Но сегодня отъ того же стражника узналъ, что баринъ этотъ вчера же ночью убѣжалъ внизъ на Григорьевскомъ пароходѣ, но бо[illegible] взялъ въ третьемъ классѣ до Лаишева.

— Не малоумный ли какой?

— Не замѣтно... По лицу видать, что человѣкъ не въ себѣ, но съ переселенцами говорилъ здраво,

Digitized by Google

— По вашему мнѣнію, господинъ этотъ и есть самый Николай?

— Безпремѣнно онъ,—съ увѣренностью отвѣтилъ лоцманъ.—Жалко, переселенка имени его не разслышала... Но у меня совсѣмъ изъ головы вышелъ этотъ баринъ, а какъ вотъ парень сказалъ, что человѣкъ не простой, въ ту же минуту и вспомнилъ.

Василій Семеновичъ передалъ разсказъ о женитьбѣ Потапова.

— У меня тогда же блеснуло на мысли, не онъ ли, что генеральской дочкѣ нравился, но увѣренъ не былъ и Николаю Петровичу не сказалъ.

— Хорошо сдѣлалъ,—одобрилъ Вавиловъ;—посмѣялся бы онъ вдоволь надъ тобою. Отъ любви не умираютъ люди. Слыхалъ я, въ газетахъ описывали, что будто случаи бывали; но тому причина была другая, да на любовь свалили. А что Николай этотъ и мой баринъ—одинъ и тотъ же человѣкъ.

— Что жъ намъ дѣлать съ этой карточкою, Алексѣй Максимычъ? Объявить начальству не требуется ли?

— Зачѣмъ? Кто онъ такой? Притомъ, развѣ мы знаемъ, какой смертью онъ окончитъ свою жизнь? Возможно, что онъ сгоряча такъ написалъ, а послѣ раздумаетъ!... Если и исполнитъ свое намѣреніе, то, можетъ быть, не у васъ, а гдѣ нибудь пониже... Не слѣзетъ же онъ съ парохода на баканахъ? Не думаю, чтобы и въ Соколкахъ сошелъ...

— Значитъ, надо отложить всякую заботу объ этотъ Николаѣ?

— Отдать на власть Божію,—закончилъ лоцманъ.—Пособить вы не можете.

Въ сторожкѣ было свѣтло, но солнышко уже опускалось за гору, разливая прощальные лучи.

— Половина девятаго,—проговорилъ Вавиловъ.—Какой пароходъ долженъ первый пройти!

— Почтоваго не пришлось бы подождать,—отвѣчалъ Ва-

Digitized by Google

силій Семеновичъ.—Другіе всѣ пробѣжали... Александровскій долженъ бы сейчасъ быть, да на немъ позднѣе придете, чѣмъ на почтовомъ, хотя тотъ ближе двухъ часовъ утра не пробѣжитъ.

— Тѣмъ лучше! Я завалюсь на Александровскомъ спать и проеплю до пристани, на которой почтовый догонитъ: тамъ пересяду. Пора, если такъ, мнѣ собираться: на рѣкѣ лучше подождемъ.

— Какъ угодно. А то соснули-бы у насъ...

— Спасибо... Ну-ка, куда ты, сирота, запряталась?— вытаскивая бутылку, говорилъ лоцманъ.—Болтается еще на днѣ. Рюмку на дорогу выпью, а остальное хозяину... Не забыть бы мнѣ чего у васъ? Да, полушубокъ.

— А вещь-то захватите!

— Какую? Не помню...

— Да рядомъ съ вами лежитъ.

Вавиловъ удивился, но щеки его почему-то надулись.

— Экая память! Дѣйствительно, вещь эту изъ свѣчного ящика вынули. Но для чего я привезъ ее, и что это за вещь, хоть убей, не помню. Погляжу... Павелъ, распакуй-ка!

Павелъ взялъ картонку.

— Осторожнѣе! Не хрупкое ли что лежитъ?

Лоцманъ сидѣлъ, положивши ладони на колѣни, и посматривалъ на баканщиковъ; щеки его больше раздувались, и онъ дышалъ точно кузнечные мѣхи.

Павелъ вынулъ вещь изъ картонки, снялъ бумажный колпакъ, и передъ глазами всѣхъ блеснулъ новый циферблатъ.

— Часы!

Лоцманъ не въ силахъ былъ дольше сдерживаться и разразился такимъ громовымъ смѣхомъ, что хохотъ приказчика передъ лоцманскимъ показался бы слабымъ и неудачнымъ подраженіемъ. Спавшій гдѣ-то котенокъ, какъ полоумный, вскочилъ отъ этого смѣха и бросился въ открытую дверь; пѣтухъ на нашести встрепенулся и куры тревожно забормотали.

Digitized by Google

— Спасибо, Алексѣй Максимычъ! много вамъ благодарны.

Красныя, загорѣлыя щеки лоцмана вздрагивали и изъ груди его вмѣстѣ со словами, вылеталъ хохотъ.

— Забылъ, совсѣмъ забылъ... Ха-ха-ха!.. Нарочно подлѣ себя положилъ... Лучше, полагалъ, вспомню. Заговорились... Ха-ха-ха!.. и позабылъ... Что, думаю, баканщики косятся, словно, по правую мою руку, что видятъ... Ха, ха, ха!.. Забылъ, совсѣмъ изъ головы вонъ!.. Приколачивайте! При мнѣ и въ ходъ пустимъ. Я по своимъ часамъ поставлю. Забылъ... Ха-ха-ха!.. Вотъ память-то какая нынче стала!..

X.

Чудесная погода установилась: дни ясные, теплые и безвѣтреные. Изрѣдка перепадали дожди. Съ утра свѣтитъ солнце; на небѣ ни облачка. Откуда возьмется, набѣжитъ тучка, и послышится шумъ: прольется частымъ дождемъ, напоитъ землю и все, что на ней зеленѣется и цвѣтетъ,—и торопится ужъ куда-то убѣжать. Снова выглянетъ солнце, опять вездѣ сухо, только на травѣ, на листьяхъ деревьевъ и цвѣтахъ сверкаютъ дождевыя капли, съ играющими въ нихъ солнечными лучами; горы, какъ будто, вздыхаютъ радостно, серебрится голубая даль, сіяетъ и манитъ; воздухъ, отъ счастья точно, замеръ и не движется.

На пунктѣ тихо и безлюдно. На слѣдующій день по отъѣздѣ начальника, баканщики приступили къ немедленному исполненію инструкціи. Среди дня они сняли Арину Степановну, которая возвратилась отъ сестры, и прямо съ парохода перевезли на лѣвую сторону, гдѣ встрѣтилъ ее съ лошадьми поджидавшій кучеръ. Отъ молодой женщины пріятели узнали, что сестрѣ ея нѣсколько лучше, но докторъ объявилъ, что на полное выздоровленіе разсчитывать трудно: болѣзнь какая-то въ ней „особенная“. Припадки съ больной стали рѣже, но „все еще представляется“, и добавила:

Digitized by Google

— Свѣтлый ангелъ, въ золотыхъ локонахъ, у изголовья сидитъ и дѣдушка къ себѣ зоветъ: плачетъ, плачетъ, что внучка медлитъ, долго къ нему не идетъ... Дѣтки-то, дѣтки, словно понимаютъ, вьются кругъ матери, не отходятъ отъ нея и все въ лицо ей заглядываютъ, цѣлуютъ больную.

Арина Степановна очень жалѣла, что не застала странницу.

— Скажите, если придетъ, что я съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаю ее. Очень понравилась мнѣ Марья Ильинична. Съ открытой душой она человѣкъ. Жизнь ведетъ праведную, трудовую, по святымъ мѣстамъ ходитъ, но нисколько тѣмъ не кичится: грѣшницей себя называетъ... Вотъ, сестрицѣ-то полегче стало... Можетъ, она, странница-то, помолилась, и Богъ услышалъ ея молитву.

День баканщики провели на участкѣ: въ разныхъ мѣстахъ появились новыя красныя шляпки. Передъ вечеромъ, возвращаясь домой мимо краснаго яра, Павелъ завелъ, было, рѣчь про „Николая“, но старшой прервалъ:

— Намъ уже его не видать, коли въ Лаишевъ пробѣжалъ. Что ежели тамъ ужъ окажется.

Въ сторожкѣ, за ужиномъ, они говорили о Вавиловѣ, припоминали его фокусы съ бутылкою и продѣлку съ часами, при чемъ оба не разъ смѣялись шуткамъ хитраго лоцмана.

— Не забылъ, однако, привезъ, — говоритъ Василій Семеновичъ.—Теперь завсегда будемъ знать время.

— Съ ними веселѣй, — сказалъ младшій.

Часы начали бить. Баканщики подняли на нихъ свои лица и слушали, пока бой не кончился.

— Ловко! Десять, и стрѣлки показываютъ то же.

— Что жъ, послѣ хлѣба-соли не залечь ли намъ спать. Ты, поди, рано на рыбалку закатишься?

— Какъ только забрежжитъ.

— Коротки ночи стали. Скоро заря съ зарею будетъ сходиться.

Digitized by Google

— Часъ ударитъ, я и вскочу... По настоящему бы съ вечера слѣдовало: дѣдъ Егоръ говорилъ, что соловушка съ одиннадцати часовъ запѣваетъ.

— Справедливо. Надо мнѣ еще разокъ его послушать: дивный соловушка.

— Такъ махнемъ?

— Вставать не захочется: поусталось, такъ долго проспимъ.

Павелъ не проспалъ... Еще не било часу, онъ всталъ и отправился.

Востокъ уже бѣлѣлся. По водѣ лилась и разсыпалась соловьиная пѣснь. Ботничекъ приткнулся къ жерлицамъ. Павелъ закинулъ удочку...

Когда взошло солнце, къ нему подъѣхалъ старикъ со внукомъ и завелъ рѣчь, по обыкновенію, про давнюю старину. Понимать дѣда было трудно, разсказывалъ онъ какъ-то темно и загадочно; но Павелъ слушалъ его съ большимъ вниманіемъ. Хорошо и жутко!...

— А ничего ты не примѣтилъ, дѣдушка? — спросилъ парень, когда старикъ пріостановился.

— Ты о *томъ*?.. Не думай, парнюженька, —заговорилъ дѣдъ:—пытать судьбы Господней никому не дано. Что есть человѣкъ на семъ свѣтѣ? Былинка въ полѣ. Растетъ она, радуется красному солнышку, съ любовью встрѣчаетъ теплый дождикъ и свѣжую росу, слушаетъ вольныхъ пташекъ, что цѣлый день поютъ ей пѣсенки святыя, и жить бы ей, былинкѣ, вѣки вѣчные. Но пахнуло холодкомъ, тронулъ ее морозъ—и нѣтъ былинки, ровно и не бывало ея никогда. Человѣкъ превосходитъ былинку: гордится своимъ разумомъ и силою; ему подвластны всѣ твари на землѣ и въ водахъ. Иной копитъ золото, строитъ палаты и дворцы, повелѣваетъ другими, равными ему по естеству; передъ нимъ всѣ преклоняются и трепещутъ. Могучъ, силенъ и знатенъ, мечтаетъ, что не будетъ конца края дней его блаженству. Вдругъ хворь на человѣка, смерть его постигла, и остался отъ него только одинъ

Digitized by Google

тлѣнъ, какъ и отъ былинки. Попробуй, попытай судьбы Господни: почему въ немъ жизнь прекратилась? Не познаешь. Почто человѣку родиться и жить, коли рано или поздно надо умереть? Не пытай—не откроется, потому—тайна Господня... Не выдастъ тайны и Кама рѣка... Возьми ты это въ разумѣ: записку *его* пойметъ, можетъ, только одна—единая душа на свѣтѣ, а для ума прочихъ постиженію она не доступна. Богу извѣстно, какое горе страшное, тоска безысходная писали ее! Такъ нѣшто Кама выдастъ? Да она, матушка, еще пуще окутаетъ эту тайну, чтобы не проникли люди, не разворочали своими ее руками.

— Какъ понимать твои слова, дѣдушка?—спросилъ Павелъ.—Душа эта... женщина, дѣвушка?

— Не вѣдаю. Не пытай и ты... Не откроется. А соловушку, если по-настоящему желаешь послушать, такъ съ ночи прибѣгай, тогда и запѣвку, и начало, и все ты услышишь. Недолго, вѣдь, онъ у насъ прогоститъ.

— Безпремѣнно ужо я вечеромъ прикачу.. А не видалъли ты человѣка какого? Не хоронится ли въ кустахъ!

— Ты это про дурака-то спрашиваешь? Не опасайся, Иванкѣ его не поймать... Прощай пока... Нѣтъ, Мосеичеву соловушка не дастся... Герасимушка, тронь веслецами-то, соколикъ!

„Мудреный человѣкъ!“ думалъ парень: „И все у него тайны... А много, взаправду, должно быть, по Камѣ всякихъ дѣловъ творилось въ прежніе годы. Кудесники жили, Чудь какая-то, бѣглые изъ Россіи укрывались. Пугачовъ здѣсь проходилъ... Отчего про Ермака Тимофеича не слышно? Сибирь покорять Камой онъ шелъ, я читалъ въ книжкѣ. Поспрошаю дѣда. Можетъ, онъ что разскажетъ“.

Взглянулъ парень на куполообразную, покрытую золотыми кудрями, вершину Шеломъ, на Горе-камень,—угрюмыя тѣни поослѣдняго не смягчались даже отъ ласкающихъ лучей вешняго солнца; посмотрѣлъ на кусты, гдѣ распѣвалъ соловей, и рѣшилъ вернуться на пунктъ.

Digitized by Google

Точно такой же, какъ и наканунѣ, прекрасный день стоитъ. Такъ же, какъ и вчера, набѣжала тучка, пролилась частымъ дождемъ и понеслась дальше, гдѣ ждали ея приклоненные вѣтрами къ землѣ колосья, чтобы она вспрыснула ниву и дала имъ силы, а солнце ужъ выпрямитъ ихъ, и они будутъ попрежнему любоваться яснымъ небомъ.

Соснувши часа два послѣ обѣда, баканщики, по заведенному порядку, навѣстили своихъ красныхъ и бѣлыхъ подданныхъ, не перестававшихъ привѣтливо кланяться и благодарить за оказываемое имъ вниманіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свидѣтельствовать, что они въ добромъ здоровьѣ и всегда рады стараться.

— Взглянь-ка, что этакое идетъ? —кивнулъ Павелъ.

Невдалекѣ, посреди рѣки, показалось нѣчто весьма оригинальное и непривиданное. Плыли одна за другою пестрыя толпы народа: въ разноцвѣтныхъ нарядахъ виднѣлись женщины, мужчины, одни стояли, другіе сидѣли на возвышеніяхъ. Но всего загадочнѣе въ этомъ явленіи представлялось то, что народъ подвигался впередъ при помощи какой силы или механизма—понять было невозможно. Но, спустя нѣкоторое время, когда легко было различить загорѣлыя мужскія, женскія и дѣтскія лица, секретъ открылся самъ собою: впереди, попыхивая и вертя колесами, валилъ пароходъ, съ крупной надписью: „Сила“. Этотъ чудо-богатырь, не больше сказочнаго мужичка съ ноготокъ, тащилъ за собою шесть плотовъ съ народомъ, телѣгами и разнымъ домашнимъ скарбомъ. Такъ какъ „Сила“ плелся почти шагомъ, то баканщикамъ ничего не стоило подойти къ одному изъ плотовъ и идти съ нимъ рядомъ.

— Куда справляетесь, почтенные?—спросилъ Василій Семеновичъ.

Рослый, крѣпкій и загорѣлый мужчина отвѣчалъ:

— На Амуръ, въ Благовѣщенскъ переселяемся.

— Такъ это вы сидѣли въ Пьяномъ Бору?

Переселенецъ удивился.

Digitized by Google

— Э! Да якъ же ты знаешь, добрый человѣкъ?

Баканщикъ объяснилъ.

— Много плутали,—сказалъ переселенецъ.—Время даромъ потратили и въ расходы лишніе себя ввели... Добре, что взяли на плоты до Чистаго поля. Туда пріѣдетъ большой пароходъ, посадитъ насъ и повезетъ до Перми.

Изъ-за плеча малоросса выглядывали другія лица, съ любопытствомъ спрашивая, что за люди въ лодкѣ и чего имъ нужно; рядомъ съ нимъ молча стояли два паренька, одинъ лѣтъ десяти, другой—двѣнадцати, съ красивыми черными глазами, смотрѣвшими задумчиво.

— Изъ какихъ губерній сами будете?—спрашивалъ баканщикъ.

— Кто изъ Харьковской, кто изъ Полтавской, а кто изъ Черныговской. Я—Черныговскій, казакъ... А вотъ мои сыны,—показалъ на пареньковъ казакъ и въ глазахъ его промелькнуло выраженіе отцовской гордости.

— Славные пареньки,—полюбовался Василій Семеновичъ.

— А вотъ, скоро ли ихъ дождешься? Одинъ, весь я тутъ, что хочешь дѣлай.

Разговоръ продолжался. На телѣжьихъ станкахъ, мѣшкахъ и сваленой одеждѣ, грушами и въ одиночку, сидѣли молодыя и пожилыя женщины; выставлялся ситцевый очипокъ, съ морщинистымъ лицомъ, и по щекамъ старушки медленно стекали слезы. Старый казакъ, посиживая на корточкахъ, курилъ коротенькую трубку; рядомъ кричалъ въ люлькѣ грудной ребенокъ; тутъ же паробки разсказывали дивчатамъ что-то забавное и раздавался пріятный молодой смѣхъ; на разостланной свиткѣ или кожухѣ валялись ребятенки: одни загибали другъ другу калачи, другіе о чемъ-то разговаривали, весело смѣясь.

Баканщики проводили плоты до крайняго поплавка и распрощались съ переселенцами, пожелавъ имъ благополучнаго пути и хорошо устроиться на новыхъ мѣстахъ.

— Спасибо, добрые люди!

Digitized by Google

Лодка отстала. „Сила“ повалилъ дальше.

— Когда доползутъ они до Чистаго поля?—говорилъ въ раздумьи старшой.—А сколько еще впереди имъ маяться! Путина долгая... Ребятенки-то измотаются.

— Ну-ка, что это люди-то дѣлаютъ: на Уфу велѣли имъ ѣхать!

— Озорники. Бога не боятся.

Помолчали, младшій прибавилъ:

— Теперь я буду знать, что за народъ хохлы,—насмотрѣлся. Въ мужикахъ отличія отъ прочихъ русскихъ мало, только они въ сапогахъ ходятъ, на головахъ картузъ носятъ; а вотъ дѣвки у нихъ не такія, какъ наши: пригожія, черно-бровыя да аккуратныя...

— Вишь ты, разглядѣлъ!

Прекрасный весенній день уходилъ; незамѣтно подкрадывался вечеръ. Солнце, разставаясь съ землею, какъ будто еще щедрѣе разсыпало золотистые лучи, обстрѣливая высокіе берега, гриву лѣса и далекіе поселки. Отчетливо выдѣлялись темно-зеленыя верхушки и ярко свѣтились стволы высокихъ сосенъ; красный яръ весь пламенѣлъ, расплавленнымъ золотомъ горѣли стекла въ окнахъ поселка и лѣсопильной конторы.

Передъ вечеромъ жизнь ненадолго оживаетъ. Черезъ рѣку на паромѣ переправлялось стадо ближней деревни, надъ водою съ криками вились и кружились сизокрылыя чайки; въ тепломъ воздухѣ, задорно щебеча, съ быстротой молніи взлетали и опускались къ землѣ ласточки, гоняясь одна за другою; пріятные, грустно переливчатые звуки раздавались въ лѣсу: то куковала безпріютная кукушка. Но звуки и голоса постепенно начали слабѣть, слышаться рѣже и тише...

Баканщики сидѣли передъ оконцемъ на лавочкѣ и любовались картиной. Солнце опустилось. Рѣка, лѣсъ и вся окрестность разомъ смеркли Красный яръ потухъ.... Но, одно мгновеніе,—и западъ позолотился и вспыхнулъ, розоватыя волны, трепеща, понеслись по землѣ и затопили зарѣчную луговую

Digitized by Google

сторону, Красный яръ снова и какъ-то гнѣвно зардѣлся. Надъ головами баканщиковъ прожужжалъ майскій жучокъ, стукнулся обо что-то твердое и шлепнулся на землю; вблизи жалобно чирикнула пролетѣвшая пичужка, еще какой-то неопредѣленный замирающій звукъ пронесся,—и тихій, теплый вечеръ мягко обнялъ рѣчную долину.

Пробило десять часовъ. Младшій вспомнилъ о соловьѣ.

— Поѣдемъ на рыбалку-то?—предложилъ онъ старшому.

— Не знаю... Обоимъ-то, пожалуй, неудобно будетъ отлучиться.. Поѣзжай ужъ ты одинъ.

Павелъ захватилъ на всякій случай полушубокъ, запасся хлѣбомъ и покинулъ своего товарища.

Вечеръ медленно потухалъ. Кротко горѣла нѣжно-пурпурная заря. На свѣтло-синемъ небѣ затеплились звѣзды. Горы, луговая сторона и рѣка стали погружаться въ дремоту. Шеломъ весь виденъ, на одной его сторонѣ лежитъ отблескъ догорающей зари; гора, какъ будто, растетъ и раздвигается, внизу встаютъ легкія, едва различимыя глазами, воздушныя тѣни; Горе-камень, нависнувъ надъ водою, глядитъ еще угрюмѣе и загадочнѣе. Кругомъ—ни звука, нигдѣ не всплеснетъ рыба, все безмолвно и вездѣ царитъ тишина.

Близъ родника, повыше жерлицъ, причаленъ ботничекъ; въ немъ на спинѣ лежитъ парень. Глаза его устремлены на высокое небо, онъ видитъ, какъ звѣзды увеличиваются, блестятъ свѣтлѣе и лучистѣе, загораются другія, новыя, сверкаютъ и переливаются разными огоньками.

„Вотъ еще одна выглянула“, думаетъ парень... „Какъ хорошо засвѣтилась... Другая... Еще!.. Да сколько ихъ тамъ—видимо-невидимо! И все разныя: одна побольше, другая поменьше, а то вонъ какія маленькія, чуть разглядишь!.. Много... И горятъ онѣ тоже разно, неодинаковый въ нихъ свѣтъ. Дивно все устроено Богомъ“!..

По мѣрѣ того какъ онъ всматривался въ самую высь неба, отыскивая тамъ множество новыхъ звѣздочекъ, и глядѣлъ на

Digitized by Google

яркія созвѣздія, на душѣ его становилось такъ покойно и невыразимо хорошо, что позабылъ, гдѣ онъ, зачѣмъ пріѣхалъ и чего ждетъ... Въ кустахъ точно малиновка свиснула... Погодя послышалось: „тукъ, тукъ“! Парень не пошевельнулся: онъ засмотрѣлся на большую лучистую звѣзду, чувство сладкаго покоя разливалось по всему его существу и вѣки тихо смежились...

— Кто на рѣкѣ? — раздалось среди молчанія и тишины ночи.

Вода зашуршала, и о ботникъ что-то слегка ударилось. Павелъ открылъ глаза: передъ нимъ бѣлая голова и лицо мальчика.

— Дѣдушка!—отозвался онъ.

— Въ самый разъ ты поспѣлъ,—сказалъ рыбакъ.—Началъ ужъ... Это у *него* запѣвка... Слушай: до утра онъ всѣ колѣна продѣлаетъ... Ну, оставайся съ Богомъ!.. Ужо, какъ ворочусь, приверну къ тебѣ. Разскажу про Разбойный логъ.

Сонъ съ Павла соскочилъ.

— Разбойники?!

— Въ логу этомъ разбойники укрывались, потому разбойнымъ и прозывается. Вѣдь, что по Камѣ, что по Вяткѣ, много ихъ въ старинные годы водилось... Вотъ, на моихъ памятяхъ, они барки съ расшивами опоражнивали, купцовъ, господъ грабили. Въ Казанской губерніи атаманъ Чиркинъ былъ: тотъ много душъ христіанскихъ загубилъ, но больше помѣщиковъ истреблялъ... Да послѣ разскажу, надо поспѣшать; съ полверсты еще за Горе-камень—тамъ у меня сѣти-то поставлены.

— Побесѣдовалъ бы, дѣдушка,—попробовалъ удержать старика парень.—Я хотѣлъ тебя про Ермака Тимофеича спросить, что Сибирь-то покорилъ...

— Вѣдаю. Да онъ Камой, глядѣть, не поднимался ли только, когда на Сибирь шелъ, а остановокъ большихъ не дѣлалъ и по ней, матушкѣ, не гулялъ съ своими ребятами... На Чусовой, нѣшь, не поразскажутъ ли чего про Ермака... Вотъ Емель-

Digitized by Google

янъ-то Иванычъ точно проходилъ нашей стороной и дѣловъ кое-какихъ понадѣлалъ...

— Я знаю про него, дѣдка,—прервалъ внукъ:—это Пугачевъ, что за самого царя себя выдавалъ.

Въ груди старика что-то тихо засмѣялось.

— Ты у меня чего ужъ не знаешъ!—говорилъ, посмѣиваясь, дѣдъ.—Человѣкъ ты до всего дотошливый... Поѣдемъ-ка однако, роженный, недалеко, чай, полночь, отдохнуть до зорьки не успѣемъ. Соловушку намъ и оттуда будетъ слышно. Оставайся со Христомъ, парнюженька!.. Вишь, разговорами-то своими мы помѣшали ему пѣть: знать, испугался голосовъ въ неурочное время.

Рыбачья лодка отдѣлилась отъ ботника, скользнула и пошла кверху.

Въ ночномъ сумракѣ выдѣлялась бѣлая голова старика. Посиживая, какъ всегда, на кормѣ и гребя лопаткою, онъ, посмѣиваясь, негромко говорилъ:

— Да, понадѣлалъ таки онъ дѣловъ... Далъ себя знать... Какъ бы глупостей не дѣлалъ, поостерегся дурныхъ людей, такъ онъ бы... такъ ли еще... погулялъ... да показалъ себя...

Павелъ не могъ разобрать всѣхъ словъ, но голосъ старика не скоро еще замолкъ.

Оставшись одинъ, баканщикъ осмотрѣлся. Величавая царственная ночь! Кругомъ все стемнѣло, луговой берегъ отодвинулся не вѣсть куда и расплылся; тѣни сгущались и у подножія горъ толпились безформенные великаны, медлительно размахивая не то какими-то чудовищными крыльями, не то пеленами; Горя-камня за ними уже не видно: онѣ окутали его своими широкими, бѣлесовато-сѣрыми покрывалами. Шеломъ, казалось, глубоко-глубоко о чемъ-то задумался или уснулъ. Синее небо сверкало, звѣзды ярче блистали и заглядывали, въ гладкую поверхность водяной шири. Павлу почудилось, что онѣ не просто звѣзды, а живыя и, мигая, шептали: „скоро, скоро“... Жутко!.. Въ кустахъ снова раздалось: «Тии-вить!

Digitized by Google

Тукъ“! Онъ ободрился, присѣлъ и началъ слушать. Не разъ повторились одни и тѣ же звуки. „Тии-вить!... Тукъ! Тукъ!.. Тии-вить“!.. и по рѣкѣ точно что разсыпалось... Пріостановился, соловышко, помолчалъ и новое колѣно пустилъ... „Славно“! подумалъ парень и, отдаваясь постепенно во власть пѣвца, поднялъ глаза къ небу. Опять—знакомыя уже звѣзды, переливаясь голубымъ, желтымъ и зеленымъ огнями, привлекли его вниманіе; опять пріятное ощущеніе покоя охватило, пѣніе соловья показалось еще лучше и нѣжнѣе, и густыя рѣсницы Павла закрывались сами собою...

— Что за оказія: спать хочется! — проговорилъ онъ и бросилъ взглядъ на рѣку.

Попрежнему тамъ мигали звѣзды, и снова ему почудилось, что онѣ шепчутъ: „Скоро скоро!..“!..

„Вотъ навожденіе“! подумалъ онъ съ досадою. „Это еще что!“

Въ темнотѣ что-то вспыхнуло, и на водѣ отразилось пламя. Баканщикъ быстро повернулъ голову и увидѣлъ на Шеломѣ разложенный огонь. Минуту-двѣ горѣло пламя, потомъ какъ-то разомъ упало, оставивъ только небольшое свѣтлое пятно. Погодя взвились и посыпались красныя искры, повалилъ дымъ и снова вспыхнуло, озаривъ на мѣстѣ мужскую фигуру и лицо съ открытою головою,—и быстро пропало въ густомъ мракѣ. Шеломъ закрылся чернымъ покрываломъ и принялъ строгій, грозный видъ.

Сперва баканщикъ не могъ дать себѣ отчета: такъ все случилось для него неожиданно. Потомъ онъ пришелъ въ себя и началъ разбираться... Первая мысль, промелькнувшая въ головѣ, испугала и заставила его вздрогнуть... Другая мысль пришла и, кажется, болѣе соотвѣтствовала дѣйствительности: „вѣрно, кто изъ Сѣмякова пришелъ соловья послушать—либо дьяконъ молодой, либо учитель“... Онъ принялся глядѣть на темную вершину, которая неясно, но вырисовывалась своимъ куполомъ; вглядываясь дольше и пристальнѣе, онъ замѣтилъ

Digitized by Google

выдѣлявшуюся на синемъ фонѣ неба тѣнь фигуры, похожей на человѣка, лежавшаго, подпершись на локоть...

„Ну, такъ и есть“,—рѣшилъ въ умѣ Павелъ: „соловья онъ слушаетъ. Можетъ, не одинъ, съ товарищемъ тамъ“...

Соловей, между тѣмъ, распѣлся, и пѣсня его, среди молчанія ночи, то высоко подымалась къ звѣздному небу, то раскатывалась по горамъ и ущельямъ, то разсыпалась по безпредѣльной рѣчной долинѣ. И чѣмъ дольше онъ пѣлъ, тѣмъ больше хотѣлось слушать, и захватывало духъ отъ восторга и очарованія. Не одно чувство молодой и жизнерадостной любви, охватывающей всего человѣка и заставляющей его позабыть весь міръ,—не одно это чувство поднимаетъ въ груди пѣсня соловья; она наполняетъ сердце горькимъ, мучительнымъ чувствомъ обманутой любви и разбитаго счастья, будитъ сознаніе безрадостно прожитой жизни, безъ теплаго участья и нѣжной ласки, подымаетъ воспоминанія о несбывшихся надеждахъ, упованіяхъ и вѣрѣ свѣтлой юности.

Молодой баканщикъ, захваченный весь пѣснею соловушки и счастливо улыбавшійся, совсѣмъ позабылъ о странномъ явленіи, которое его такъ удивило, и не замѣтилъ, какъ человѣкъ, также, по его мнѣнію, пришедшій на Шеломъ послушать соловья, оставилъ гору и ушелъ. Когда парень о немъ вспомнилъ и взглянулъ на вершину, то никого уже тамъ не было.

„Ну, и Богъ съ нимъ“! подумалъ баканщикъ.

Пѣніе и рокотъ раздавались громче и страстнѣе, заполоняли горы, рѣку, лѣсъ и зарѣчье. Звѣзды слушали, перешептывались и, словно трепеща отъ страха, роняли лучи съ посвѣтлѣвшаго неба. Сѣдые великаны мѣрно раскачивались, какъ будто собираясь тронуться куда въ далекій путь; нѣкоторые успѣли подобрать широкія полы своихъ мантій и открыли Горе-камень... Павелъ слушаетъ и смотритъ на звѣзды; снова покой и сонъ на него нисходитъ... Но соловей поетъ новую пѣсню: не о любви и счастьѣ, а о чемъ-то иномъ, пѣсня его, какъ будто—

Digitized by Google

слезы и мольба къ кому-то... Парень открылъ широко большіе глаза и видитъ: на Горѣ-камнѣ сидитъ человѣкъ, одѣтый въ сѣрый пиджакъ и съ открытой головой!.. Та мысль, которая пришла ему при видѣ огня и мелькнувшаго лица на Шелемѣ, охватила его и теперь. Павелъ вздрогнулъ, чуть не вскрикнулъ... Проворно сбросивъ причалку и сдвинувъ ботникъ, онъ прыгнулъ въ него и ухватился за весла; сильнымъ взмахомъ, но почти беззвучно направилъ вдоль берега, стараясь держаться, какъ можно ближе, чтобы не быть замѣченнымъ. Небо все больше свѣтлѣло, тѣни пугливо прятались, и рѣка съ берегами выступила ясно и отчетливо. Быстро, но безшумно парень подвигался впередъ; до камня оставалось не больше двадцати-тридцати саженъ; онъ уже разсмотрѣлъ фигуру, сѣдѣвшую на утесѣ, узналъ въ ней „барина“, о которомъ разсказывалъ Вавиловъ, и желаніе, могучее, страстное желаніе спасти этого человѣка одушевило и подняло его до неузнаваемости... Еще нѣсколько минутъ — и онъ достигнетъ своей цѣли, не дастъ человѣку погубить себя!.. Сидѣвшій на камнѣ повернулъ свое молодое, красивое, но исполненное невыразимой муки лицо, блеснулъ золотой значокъ, и глаза его встрѣтились съ глазами Павла! Въ одинъ мигъ онъ вскочилъ, выпрямился и, крикнувъ: „прощай!“ кинулся съ камня въ рѣку... Павелъ, блѣдный и испуганный, видѣлъ, какъ молодой человѣкъ исчезъ, и по водѣ пошли широкіе круги; онъ еще сильнѣе ударилъ веслами и двинулъ ботникъ... Изъ воды вынырнула свѣтлорусая голова, съ мокрыми кудрями, бѣлымъ лбомъ и испуганными глазами. Павелъ не выдержалъ и крикнулъ:

— Подержись! Минутку... Одну минутку!

Молодой человѣкъ держался.

— Николай!.. Николаша, минутку!

Тотъ сдѣлалъ небольшое усиліе и посмотрѣлъ на парня, который находился отъ него не болѣе какъ въ одной сажени.

— Лови! — крикнулъ Павелъ, бросая утопавшему ве-

Digitized by Google

ревку.—Не ухватилъ... Берись за весло... Я покрѣплюсь, не опасайся, не опрокинешь.

На Павла смотрѣло лицо...

— Спасибо,—проговорилъ несчастный.—Не нужно, —и онъ рукою оттолкнулъ весло.

— Батюшки! Да что же это?—завопилъ парень, едва справляясь съ ботникомъ, относимымъ и поворачиваемымъ въ разныя стороны теченіемъ.—Николай, болѣзный, родимый! Не дѣлай этого, не губи себя... Пожалѣй свою молодость!

Заря алымъ сіяніемъ обливала того и другого. Въ голубыхъ глазахъ молодого человѣка промелькнуло что-то трогательное и хорошее.

— Прощай, братъ... Спасибо.

Выговорилъ, взглянувъ еще на Павла, и тихо погрузился.

— Постой!—вырвалось отчаяннымъ воплемъ у парня.—Богомъ тебя молю... Спасу...

Не слышитъ!.. Идетъ ко дну.

Нѣсколькими богатырскими ударами, баканщикъ подбинулъ къ берегу и глубоко всадилъ носъ ботника въ землю. Разувшись и сбросивъ рубашку со штанами, онъ перекрестился и кинулся въ воду, къ мѣсту, гдѣ расходился большой кругъ. Нырнулъ разъ, два—не нашелъ... Увидѣлъ—пузыри пошли. Снова нырнулъ и опять безъ успѣха. Продолжая плавать и нырять, Павлъ только приговаривалъ: „Охъ, Господи! Погибнетъ!..“ Не зная что дѣлать и не теряя надежды найти, онъ сталъ громко кричать:

— Помогите! Человѣкъ погибаетъ! Подайте помощь!

Вблизи стояла одна лѣсопилка, но оттуда никто не показался.

— Дѣдъ! дѣдушка Егоръ?..

Заря широко разгоралась, горы свѣтлѣли и, полная тоски и скорби, неслась соловьиная пѣсня.

— Дѣдъ! дѣдушка Егоръ!—взывалъ Павелъ.

Рыбачья лодка сверху уже летѣла на этотъ призывъ..

Digitized by Google

XI.

Не мало хлопотъ было съ утопленникомъ. Пріѣхалъ урядникъ. Три дня проискали. Какъ ни старались, ни усердствовали, чтобы найти, все плесо изъѣздили—нигдѣ не напали на тѣло.

— Не хлопочите, — говорилъ старикъ Егоръ: — втунѣ труды ваши останутся. Ежели бы онъ какъ ненарокомъ утонулъ,—иное дѣло, а то самъ помощи не пожелалъ принять, веслецо отъ себя отстранилъ... Нѣтъ, тайну рѣка не выдастъ.

Урядникъ побывалъ на Шеломѣ, отыскалъ тамъ въ пеплѣ остатки истлѣвшей шерстяной матеріи и кусочекъ касторовой шляпы, потомъ на баканы прибылъ, чтобы составить „актъ". Снялъ показаніе съ Павла и записалъ; сдѣлалъ легкое внушеніе баканщикамъ, что не сохранили карточки,—она куда-то затерялась,—и раньше ему не сообщили.

— Хорошо, что вы показывали ее казенному лоцману,— слово „казенный" урядникъ подчеркнулъ,—а то могло бы возникнуть сомнѣніе: утонулъ человѣкъ, видѣлъ это одинъ, а не предупредилъ, не схватилъ человѣка и не представилъ его ко мнѣ или въ станъ. Въ подобныхъ дѣлахъ нельзя такъ поступать, господа баканщики!

— Какъ же я схватилъ то бы его? — оправдывался парень.— Онъ не подошелъ ко мнѣ, не сказалъ, что хочетъ въ рѣку броситься, а когда я примѣтилъ его на камнѣ, такъ поспѣшилъ къ нему...

— Слѣдовало предупредить: увидѣлъ на Шеломѣ огонь и человѣка, скорымъ шагомъ маршъ туда, потребовалъ отъ него видъ на жительство и задержалъ.

— Напрасно вы такъ говорите, Сергѣй Трофимычъ,— вмѣшался старшой:—мало ли кто по берегу огонь разводитъ, такъ ко всякому подбѣгать да всѣхъ ловить?

— Ну, конечно, всѣхъ поймать будетъ затруднительно,

Digitized by Google

но вотъ въ подобныхъ-то случаяхъ... Впрочемъ, подозрѣнія на васъ не можетъ пасть, вы сами люди служащіе и довольно намъ извѣстны, но другой на вашемъ мѣстѣ подвергнулся бы большой непріятности... Что жъ, господа баканщики, чайкомъ или водочкой вы меня попотчуете?—неожиданно заключилъ урядникъ.

Уѣхалъ. Послѣ него у Павла въ коробкѣ отыскалась и карточка; но старшой нашелъ ненужнымъ отсылать ее къ уряднику. Вскорѣ пошли слухи, что въ деревняхъ, передъ самымъ этимъ несчастьемъ, видѣли какого-то молодого барина: проходилъ онъ сверху, въ рукахъ несъ за ремешокъ маленькій узелокъ; въ одной деревнѣ онъ пилъ молоко и скушалъ въ смятку парочку яичекъ; съ лица казался „сумнымъ“ и ни о чемъ не разговаривалъ, а только, будто бы, „съ печалью какъ“ взглянулъ на ребятенокъ, которые скучились въ сторонкѣ и съ любопытствомъ разсматривали барина,—особенно интересно имъ было узнать, что за штучка на груди у него блеститъ! „Бобылкѣ за молочко и яички полтинникъ пожаловалъ, а ребятенкамъ на гостинцы далъ три двугривенные“. Сѣмякинскіе рыбаки тоже разсказывали, по два дня примѣчали молодого господина съ узелкомъ; разгуливаетъ по бережку, на гору подымется, опять сойдетъ на берегъ и гуляетъ, а самъ ровно что высматриваетъ. „Послѣ-то мы догадались, что это онъ мѣсто для себя удобное выбиралъ, а тогда и въ голову никому не пришло: гуляетъ себѣ да гуляетъ!“

Павелъ Ивановичъ съ недѣлю ходилъ точно потерянный, былъ задумчивъ и спалъ тревожно. Старшой не разъ слышалъ, какъ онъ по ночамъ съ собою разговаривалъ:

— Молодой, красивый... Смотрѣлъ на меня, глаза хорошіе, добрые... „Спасибо“—промолвилъ,—„не нужно...“ Заранѣе рѣшилъ покончить жизнь. Не даромъ, подлѣ двойного числа, слово-то у оего было прибавлено: „непремѣнно...“ А все же, видно, долго не рѣшался, жалко было съ молодой жизнью разстаться... Ахъ, Николаша, Николаша!.. Поди, родные есть, мать-родительница...

Digitized by Google

Первые дни парень чувствовалъ ознобъ и жаръ, болѣла голова; но это не мѣшало ему освѣдомляться о здоровьѣ своихъ „молодчиковъ“, проводитъ каждое утро на рыбалкѣ... При взглядѣ на Горе-камень или Шеломъ, онъ всякій разъ испытывалъ что-то тяжелое: не то чтобы на него страхъ нападалъ, онъ не былъ суевѣренъ, но ему дѣлалось какъ-то не по себѣ, и онъ спѣшилъ поскорѣе отвернуться отъ свидѣтелей людского горя. Но что его изумило и сдѣлало мѣсто рыбалки еще болѣе печальнымъ, такъ это то, что соловей пересталъ уже пѣть! Онъ подумалъ на промышленника: „вѣрно, Моисеичевы словили“. Но старый рыбакъ выгородилъ „дурака“.

— Гдѣ ему!—презрительно сказалъ дѣдъ.—Нѣтъ, не полагай на него... Улетѣлъ въ другое мѣсто нашъ пѣвунъ, не пожелалъ пѣть на погибельномъ мѣстѣ. Онъ и прилетѣлъ-то сюда, догадываюсь я, не ради насъ, а ради *того*, кто теперь на днѣ матушки Камы успокоился. Учуялъ соловушка, что человѣкъ недоброе надъ собою затѣваетъ, прилетѣлъ на Каму и поселился въ кустахъ у родника: зналъ, вѣдь, гдѣ и мѣсто себѣ выбрать. Распѣвалъ, поджидаючи *его*... Слыхалъ ли ты допрежде, чтобы онъ когда такъ пѣлъ, какъ въ злосчастную ночь? Я издалека его слушалъ, инды всплакнулъ: больно ужъ хорошо и тепло у меня на сердцѣ сдѣлалось... Для него, Николая, соловей пѣлъ, хотѣлъ отвлечь его: послушаетъ, молъ, человѣкъ пѣсню мою чудесную, вспомнитъ, сколько еще на бѣломъ свѣтѣ радости, веселья безгрѣшнаго да любви святой живетъ; послушаетъ, выкинетъ свое горе изъ молодой груди и отойдетъ утѣшеннымъ, домой воротится съ сердцемъ облегченнымъ и радостнымъ... Анъ не то вышло! Горе ли помѣшало, али слышалъ онъ плохо, не дошло все до сердца, о чемъ ему пѣлъ соловушка—Богъ вѣдаетъ!.. Кого же теперь ему утѣшать? Улетѣлъ!..

Василій Семеновичъ, видя перемѣну въ своемъ товарищѣ, спросилъ:

— Не боленъ ли ты, Павлуша?

Digitized by Google

— Нѣтъ!.. Знобитъ, словно бы, легонько, и жарокъ есть, да ничего.

— Долго въ водѣ ты пробылъ. Назябся. Попить бы тебѣ чего на сонъ: пропотѣлъ хорошенько и легче бы стало.

— Пройдетъ.

И не обманулся, хворь скоро прошла. Но выраженіе лица оставалось задумчивымъ, сумрачнымъ. Дождался онъ перваго воскресенья и отпросился у старшого въ село за обѣдню.

— Отправляйся,—охотно отпустилъ старшой.—Съ родными повидаешься, погостишь у нихъ день-два.

— Я сегодня назадъ оборочу.

— Гости. Я обойдусь пока безъ тебя, изъ начальства къ намъ врядъ ли кто пріѣдетъ.

Павелъ не воспользовался этимъ разрѣшеніемъ и вернулся въ тотъ же день къ шести часамъ вечера. Василій Семеновичъ замѣтилъ, что парень глядитъ повеселѣе.

— Экой ты! не пробылъ у своихъ и дня,—встрѣтилъ онъ товарища.—Какъ съѣздилъ, что дома?

— Всѣ здоровы. Наказывали тебѣ кланяться.

Парень разсказалъ про свиданіе съ родными, про деревенскія дѣла и всѣ мѣстныя новости. Разговорился Павелъ Ивановичъ.

— Слышали и тамъ про несчастье-то... Много говору въ народѣ пошло... Да больно несуразно толкуютъ.

— А что?

— „Испортили барина,—говорятъ:—нечистые его въ рѣку затащили“. Матушка спросила меня:—„вправду ли, сынокъ, люди обсказываютъ, что какъ ты веслецо-то потопавшему подалъ, ему только бы ухватиться, а изъ воды чья-то ручища выставилась и не допустила?“ На кудесниковъ показываютъ, будто бы они причиной.—„Дѣда Егора“,—говорятъ,—„сколько разъ кудесники въ гости къ себѣ зазывали. Ѣдетъ онъ ночью рыбачить, проѣзжаетъ мимо того, проклятаго-то, Горя-камня, а они, сѣдые да огромнѣющіе, кудесники-то, наклоняются низко

Digitized by Google

и просятъ:—„Егоръ Панкратычъ! да заверни хоть однова: скучно намъ безъ дѣла, идольскихъ боговъ нашихъ всѣхъ поуничтожали, а коихъ землей ваши закидали, жертвъ намъ теперь и некому больше приносить. Привороти лодочку-то: курмышкой тебя ублаготворимъ. У насъ она,—толкуютъ,—старая, отъ временъ идольскихъ бережется, а не такая, что вотяки лопаютъ“. Бывалъ старикъ-отъ у кудесниковъ, только вреда они ему не сдѣлали, потому самъ онъ, Егоръ-то, отъ колдовства много знаетъ, и тѣ его за самаго близкаго пріятеля почитаютъ...“.

— Такъ и говорятъ про дѣда?—перебилъ старшой.

— Слово въ слово ихъ вранье я тебѣ передаю. „Потому“,—догадываются,—дѣдъ и на рыбную ловлю туда ѣздитъ, отъ кудесниковъ онъ штуку одну имѣетъ, рыбу-то приманивать. Оттого онъ и привозитъ домой полну лодку съ добычею.

— А не говорятъ, кто самъ-то утопшій?

— Какъ не говорить! Но тутъ, ежели послушать, ума можно рехнуться... Кто скажетъ: „бѣглый, изъ Сибири ушелъ, мѣшокъ съ золотомъ на спинѣ волокъ“. Другой еще лучше придумаетъ: „Анъ и не бѣглый“!—скажетъ,—„врешь ты все, какъ сивый меринъ. Это купеческій сынъ, изъ Москвы онъ будетъ. Въ Нижнемъ, гдѣ ярмарка, съ арфянками да въ разныхъ заведеніяхъ почудилъ, полмилліона отцовскихъ денегъ спустилъ. Близъ года въ одной губерніи выжилъ подъ чужимъ прозвищемъ, и никто бы его личности не спозналъ, да пріѣхалъ туда новый губернаторъ и ото всѣхъ потребовалъ паспортовъ и портретовъ. Купеческій сынъ и бѣжалъ, потому, открыли бы, кто онъ есть, а ему къ отцу показаться нельзя: тотъ прямо къ земскому начальнику его предоставить хотѣлъ...“ Плетутъ, выдумываютъ, сами послѣ не разберутъ... Я и слушать не сталъ. Говорю: ума рехнешься.

— Значитъ, настоящаго-то никто не знаетъ?

— Гдѣ знать!

Digitized by Google

Помолчалъ младшій; лицо его приняло серьезное выраженіе и, понизивъ голосъ, онъ прибавилъ:

— За обѣдней былъ... Помолился я за Николая-то, свѣчку за упокой души передъ распятьемъ поставилъ.

Проходили дни, недѣли. Погода мѣнялась: послѣ ясной и жаркой, наступила вѣтреная и дождливая. Маяки по ночамъ давно уже были иллюминованы: сквозь стеклянные шары они глядѣли на рѣку красными и зелеными огненными глазами; на баканахъ свѣтились фонари. Но ни рыбаки, ни баканщики за все это время не видѣли, чтобы проплылъ мимо утопленникъ. Спросили однажды Моисеичева: ему со стрѣлки лучше было примѣтить, чѣмъ другимъ.

— А что мнѣ за надобность,—отвѣчалъ промысловый человѣкъ.—Антиреса въ томъ я никакого себѣ не предвижу. Пускай продолжаетъ свое путешествіе.

— Человѣкъ же вѣдь онъ, а не овца,—заступился Павелъ Ивановичъ:—слѣдуетъ утопшаго землѣ предать, похоронить человѣка по обычаю христіанскому.

— Ну, ты и хорони, ежели желаешь, а насъ это дѣло не касается. Я совсѣмъ напротивъ даже полагаю. Приплыви онъ ко мнѣ на промыселъ, я обошелся бы съ нимъ очень даже просто: оттолкнулъ отъ берега и пожелалъ бы ему счастливо продолжать дальше путь.

Молодой баканщикъ вспылилъ.

— Какъ есть ты истуканъ безчувственный, Мосеичевъ! Говорить съ тобой,—одинъ грѣхъ на душу принимать.

Вѣсть о неизвѣстномъ человѣкѣ, самовольно утонувшемъ около бакановъ 8 участка, разнеслась по всему Прикамью, вездѣ объ этомъ говорили, дѣлались всевозможныя предположенія; но настоящей причины смерти никто не зналъ, равно и того, кто былъ погибшій.

Такъ: рѣка не выдавала утопленника, и люди не знали, кто былъ „Николай“.

Въ одну изъ іюльскихъ ночей Павелъ Ивановичъ пока-

Digitized by Google

тилъ на участокъ. Передъ этимъ только что прошелъ сильный ливень и была страшная буря. Онъ захотѣлъ узнать, въ какомъ состояніи находились фонари: не скинуло ли ихъ или не потухъ ли въ какомъ огонь. Благополучно объѣхалъ „молодчиковъ“, привелъ вездѣ въ порядокъ что нужно и возвращался въ своемъ ботникѣ на „пунктъ“, то есть, въ сторожку. Послѣ дождя и грозы, воздухъ былъ какъ-то особенно чистъ, тепелъ и пріятенъ; съ луговъ пахло свѣжимъ сѣномъ. По небу ходили еще черныя тучи; порою изъ-за нихъ выплывалъ мѣсяцъ, но снова прятался. Баканщикъ выѣхалъ изъ коренной и, оставляя влѣвѣ стрѣлку, взялъ прямо, чтобы подняться вверхъ, а потомъ спуститься къ освѣщенному маяку. Луговой берегъ, какъ всегда кажется ночью, сливался съ рѣкою, а нагорный, съ своими вершинами, закутавшись въ черный покровъ ночи, глядѣлъ угрюмо и таинственно; внизу его хоронились, поджидая кого-то, чудовища-тѣни. Павелъ, забирая вверхъ, затянулъ было пѣсенку и остановился. Выглянулъ мѣсяцъ и освѣтилъ рѣчную долину. Горы разомъ выступили и подвинулись, рѣка выдѣлилась широкой, свѣтлой полосою; въ лунномъ свѣтѣ, обозначилось что-то черное, плывущее по водѣ... Дрожь прошла по тѣлу баканщика, но онъ смотрѣлъ впередъ, не спуская глазъ. Ему показалось, что черный предметъ колыхнулся и приподнялъ лицо... Павелъ безстрашно поплылъ на перерѣзъ. Въ эту минуту туча закрыла мѣсяцъ, и лицо исчезло. Прошло минутъ пять. Снова выглянулъ мѣсяцъ и освѣтилъ плесо, но того предмета, который парень видѣлъ, уже не было: вмѣсто тѣла утопленника плыла черная коряга. Золотистой чешуею сверкала рѣка; по необъятному небесному своду раскинулись звѣзды, задумчиво глядѣлъ берегъ и тихо мерцала даль...

Однообразно текла жизнь баканщиковъ. Вечеромъ они ѣздили къ поплавкамъ и ставили на нихъ фонари, потомъ освѣщали маяки; утромъ снова отправлялись и гасили огни; днемъ опять разгуливали, осматривали и поправляли что требо-

Digitized by Google

валось. Два раза лѣтомъ навѣстила баканы супруга Василія Семеновича, появляясь каждый разъ, какъ добрая утка, въ сопровожденіи цѣлаго выводка птенцовъ, крѣпко державшихся на своихъ толстенькихъ и здоровыхъ ножкахъ. Тогда старая избенка съ площадкою оглашалась веселыми криками малышей, ихъ безшабашной вознею и звонкимъ, далеко разносившимся смѣхомъ. Передъ отплытіемъ почтенной женщины въ обратный путь, смѣхъ ребячій смѣнялся ревомъ, такъ какъ птенцы вовсе не хотѣли уходить отъ своего тятьки. Тогда „дядюшка“ Павелъ всовывалъ баранки въ ихъ маленькіе рты, и птенцы умолкали, а отецъ говорилъ, что поѣдетъ съ ними. Послѣ этого посѣщенія въ хижинѣ еще дня два - три слышались отголоски счастливаго дня: звенѣлъ дѣтскій смѣхъ, мелькала добрая женская улыбка и переливались, какъ свѣтлый ручеекъ по камешкамъ, тихо задушевныя рѣчи.

Чѣмъ дальше шло время, чѣмъ больше къ концу приближалось короткое лѣто, тѣмъ пустыннѣе становилось на пунктѣ. Все рѣже и рѣже появлялись сторонніе посѣтители: побывалъ какъ-то еще великановскій приказчикъ, завернулъ по дѣламъ службы казенный лоцманъ да одинъ пассажиръ, сошедшій съ парохода, заказалъ уху—и только, больше никто уже не заглядывалъ на баканы. Въ свободные часы, особенно въ ненастную погоду, Павелъ Ивановичъ доставалъ изъ коробки ту или другую книжку, усаживался на скамейку и перечитывалъ въ двадцатый разъ одно и то же. Василій Семеновичъ слушалъ, иногда вставлялъ свои замѣчанія, но чаще переносился мыслями въ родную деревню, къ семьѣ, и думалъ, что дѣлается теперь съ хлѣбомъ: „убрать не успѣли; дожди все льютъ. Помилуй Богъ, какъ изъ сноповъ начнетъ рости! Бѣда!“ Льетъ дождь, свиститъ и завываетъ вѣтеръ, на волѣ зги не видать. Въ хижинѣ тиликаютъ стѣнные часы; раздается голосъ чтеца...

— Хоть бы гдѣ книжку новую достать,—перебиваетъ онъ свое чтеніе:—хороши эти, да ужъ давно знакомы.

— Негдѣ раздобыться-то,—подалъ голосъ старшой.—Не

Digitized by Google

продаютъ ихъ въ нашемъ городѣ: купцы не охотники читать, книжками и не торгуютъ.

— Въ томъ и горе наше...

Дождь хлещетъ, въ оконце ударяетъ вѣтеръ.

— Не провѣдать ли намъ баканы?—говоритъ Василій Семеновичъ:—все ли тамъ въ порядкѣ.

— Такъ что,—отзывается парень:—смахаемъ!

Около половины августа установилась хорошая погода. Опять настали ясные, теплые дни, хотя далеко уже не жаркіе, какъ въ іюнѣ.

— Если бы подольше такое время постояло,—заговорилъ Василій Семеновичъ,—управились бы крестьяне съ работами, свезли съ полей хлѣбъ и яровое убрали. Помилуй Богъ, ежели опять дожди польютъ: проростетъ весь хлѣбъ и яровое погибнетъ!

Былъ праздникъ Успенія Пресвятой Богородицы. Пріятели пообѣдали. Старшой располагалъ соснуть, а младшій—заняться пріятнымъ чтеніемъ изъ географіи.

— Гдѣ люди?—послышался снаружи женскій голосъ.

Любитель географіи повысынулся въ оконце.

— А! здѣсь...

Павелъ увидалъ пожилую, но довольно еще красивую женщину, одѣтую въ драповый бурнусъ и покрытою шалью головою.

— Кого вамъ угодно?

— Скажите, здѣсь баканщики живутъ?

— Такъ точно... Здѣсь пунктъ 8 участка... Я младшій, а за мной, въ сторожкѣ, старшій баканщикъ находится.

— Не выйдете ли вы, мой другъ?

Парень подался назадъ, выпрямился и повернулъ лицо къ старшому. Тотъ молча кивнулъ головою.

Павелъ вылетѣлъ.

Незнакомая женщина сдѣлала нѣсколько шаговъ въ сторону.

Digitized by Google

— Кажется, тутъ у васъ очень тихо,—обвела кругомъ черными глазами женщина.

Баканщикъ оказался въ затрудненіи: его спрашиваютъ или про себя говорятъ? И рѣшилъ, что нужно отвѣчать, и что передъ нимъ не простая женщина, а важная барыня.

— Такъ точно, сударыня.

— Теперь я васъ спрошу,—понижая голосъ, начала „барыня".—Здѣсь, говорятъ, нашли бутылку съ визитной карточкой?

— Такъ точно. Я самый и нашелъ — вонъ тамъ, на Красномъ яру!

— А то мѣсто, гдѣ утонулъ неизвѣстный человѣкъ, вы можете указать?

— Какже! Я въ то самое время на рыбалкѣ былъ...

— Не дадите ли вы посмотрѣть карточку, если она у васъ сохранилась?

Павелъ смахалъ въ хижину и скоро вернулся съ карточкою.

— Подождите!—сказала барыня и направилась въ сторону огородца.

Тамъ, у изгороди, стояла другая барыня, въ круглой шляпѣ, съ широкими полями, одѣтая во все черное, съ маленькой шагреневой сумкою черезъ плечо. Поля шляпы скрывали верхнюю часть лица, только виднѣлись тонкій подбородокъ, нѣжныя съ легкимъ румянцемъ щеки, прямой носъ и красиво очерченный ротъ. Не трудно было догадаться, что она была молода и красива собою.

Павелъ былъ крайне удивленъ и стоялъ бокомъ, устремивъ глаза на рѣку. Послышалось ли ему, или въ самомъ дѣлѣ— вблизи его вырвался изъ чьей-то молодой груди не то сдержанный крикъ, не то стонъ... Порядкомъ растерявшись, парень сдѣлалъ неловкій поворотъ, и глаза его упали прямо на изгородь. Удивленіе достигло высокой степени, когда онъ увидѣлъ, что барыня, одѣтая въ черное, лежала на груди той,

Digitized by Google

съ которой онъ разговаривалъ, и эта послѣдняя держала ее въ своихъ объятіяхъ, склонивъ надъ нею голову... Затѣмъ онъ услышалъ разговоръ, но ничего не понялъ: говорили не по-русски. Прошло минутъ десять, пожилая барыня вернулась къ нему и сказала:

— Далеко отъ васъ то мѣсто, гдѣ... утонулъ человѣкъ?

— Недалеко. На лодкѣ въ полчаса, много въ три четверти можно туда и обратно съѣздить.

— Такъ потрудитесь, мой другъ, свозить насъ!

Павелъ скрылся.

— Я готовъ, — появляясь снова, доложилъ онъ о себѣ.

Баканщикъ покатилъ впередъ, чтобы приготовить лодку. Пожилая барыня, взявъ молодую подъ руку, бережно пошла съ нею за парнемъ.

Скоро отъ маяка отвалила лодка. Два человѣка провожали ее глазами: одинъ съ площадки горнаго уступа, а другой, выглядывая изъ-за кустовъ, со стрѣлки.

Павелъ Ивановичъ, мѣрно взмахивая веслами, подымался съ дамами вверхъ по рѣкѣ. Онѣ сидѣли на лавочкѣ, одна подлѣ другой, и молчали. Пожилая смотрѣла прямо, а молодая не подымала опущенной головы. Такъ проѣхали около версты.

— Далеко еще?—спросила молодая по-французски.

Лицо пожилой дамы повернулось къ гребцу, и она повторила вопросъ.

— Недалечко,—отвѣтилъ баканщикъ.—Вонъ,— показалъ онъ головою,—налѣво, гора высокая — Шеломъ, а подъ нею— Горе-камень, съ коего тотъ, Николаша-то, кинулся...

Одна вздрогнула, и голова еще ниже склонилась, а рука другой быстро обвилась вокругъ ея стана. До самаго мѣста никто больше слова не проронилъ. Рука все время обнимала тонкій станъ, и молодая плотнѣе прижималась къ своей спутницѣ. Изъ-подъ широкихъ полей шляпы Павлу виднѣлись часть бѣлой нѣжной шеи и густые черные волосы, подобранные кверху; онъ часто взглядывалъ и продолжалъ думать. Зелено-

Digitized by Google

кудрявый Шеломъ высился уже надъ лодкою, сѣрый камень-скала мрачно глядѣлъ въ нѣсколькихъ саженяхъ.

Гдѣ прикажете остановиться?

Отвѣтъ позамедлился.

— Мы хотимъ войти на камень,—сказала пожилая дама.

Лодка скользнула мимо скалы и, пройдя еще немного, остановилась у берега; Павелъ выскочилъ и живо причалилъ.

— Подождите, сударыни. Я сперва осмотрю, гдѣ поудобнѣе вамъ будетъ пройти,

Парень скрылся изъ глазъ. Послышался сдержанный голосъ:

— Не отложить ли, мое сокровище?.. Зачѣмъ туда?

— Нѣтъ, я хочу, хочу!—болѣзненно отвѣчалъ другой.

Павелъ скоро воротился.

— Пожалуйте!

Старшая попросила баканщика помочь ей выйти; молодая сама какъ-то стремительно выпрыгнула. Лицо ея скрывала теперь густая вуаль.

— Вотъ здѣсь пройдите, по-за-кустиками, — показывалъ Павелъ, идя впередъ.—Такъ... А теперь тропочкою прямо на него подымитесь...

Молодая сдѣлала порывистое движеніе, старшая подхватила ее подъ руку.

— Мы однѣ пройдемъ,—сказала послѣдняя.—Вы, мой другъ, подождите насъ въ лодкѣ.

Павелъ самъ догадывался, что ему нужно гдѣ-нибудь подождать.

— А я пройдусь бережкомъ, посмотрю тутъ мѣста,—отвѣтилъ.—Вы кликните, когда я понадоблюсь.

Узенькая, чуть примѣтная тропинка, извиваясь, вела къ громадному камню-скалѣ, обросшему по бокамъ зеленымъ бархатистымъ мохомъ. Фигура его напоминала чудовищнаго мегатерія *): почуялъ звѣрь добычу, приподнялся до половины, что-

*) Мегатерій—большое допотопное животное.

Digitized by Google

бы ринуться на жертву, но, вмѣсто добычи, увидалъ рѣку и окаменѣлъ. По хребту камня-звѣря женщины взобрались на вершину. Едва онѣ достигли площадки, которою оканчивался Горе-камень, молодая затрепетала вся, и силы покинули ее: она упала-бы, если бы рука другой во-время не поддержала.

— Боже, что я сдѣлала!.. вырвался мучительный вопль.

Шляпа съ головы сдвинулась, открылось юное лицо красавицы.

— Дитя, не ты,—мы одни виноваты!—дрогнувшимъ голосомъ заговорила пожилая.—Ты спасла...

— Не говорите!.. Я... я убила... Онъ здѣсь, близко... Я вижу его, онъ смотритъ на меня...

И заломивъ свои руки, она упала на грудь матери, судорожно забилась и зарыдала. Долго на камнѣ слышались одни рыданія, переходившія въ тихій горестный плачь, да нѣжныя слова матери, незамѣтно ронявшей слезы на дочернину голову. Когда плачъ утихъ и красавица поуспокоилась, мать тихо проговорила:

— Пора намъ, мое сокровище!

Дочь медленно подняла лицо, достала изъ сумки золотой крестикъ на шелковомъ шнуркѣ и повѣсила его на тоненькую пихточку, выбѣжавшую изъ трещины камня.

— Помолимся, мама!—и она опустилась на колѣни.

. . . . . —

Лодка плыла въ обратный путь. Дамы сидѣли лицомъ къ гребцу; по просьбѣ старшей, онъ разсказывалъ про несчастный случай. Молодая слушала и смотрѣла то на страшный камень, то на Шеломъ, склоняла голову и снова устремляла глаза на камень и гору. Пожилая во время разсказа дѣлала нѣкоторые вопросы; но молодая ни слова не произнесла. Павелъ Ивановичъ довелъ разсказъ до того мѣста, когда ему пришлось броситься въ воду и плыть къ утопавшему, и закончилъ разсказъ такъ:

Digitized by Google

— Догадайся я раньше это сдѣлать, тогда, можетъ, Богъ и помогъ бы мнѣ спасти утопающаго, поборолся бы съ нимъ раздѣтый-то! А на ботничишкѣ только время напрасно потерялъ: начало его вертѣть да кидать во всѣ стороны, а крѣпиться мнѣ невозможно—руки заняты... Какъ я послѣ бранилъ себя! Ужъ очень жалко было Николашу! Молодой, глаза добрые,—и такъ помереть...

Въ голосѣ разсказчика слышалось искреннее и глубокое чувство. Помолчавъ, онъ обратился къ старшей:

— Карточку-то вы пожалуйте мнѣ обратно, я буду сохранять ее!..

Большіе, полные мольбы и вмѣстѣ испуга, глаза поднялись на парня, и онъ въ первый разъ увидѣлъ лицо красавицы.

— Не берите!—прозвенѣлъ слегка дрожавшій голосъ:—она дорога мнѣ.

Павелъ былъ пораженъ и красотою, и голосомъ молодой женщины; онъ не сразу далъ отвѣтъ.

— Извольте-съ,—вымолвилъ онъ и перевелъ дыханіе.—А осмѣлюсь васъ спросить,—прибавилъ:—вы родственницей приходитесь?..

Старшая поспѣшила отвѣтить:

— Я чужая, а она сестра покойному.

Павелъ Ивановичъ думалъ предложить другой вопросъ, но пожилая барыня заговорила съ молодою по-французски, и онъ не посмѣлъ ужъ больше разспрашивать.

Передъ сторожкою на столѣ пошумливалъ самоваръ, когда барыни и молодой баканщикъ показались на площадкѣ. Отъ чая онѣ отказались, а попросили холодной воды. Посидѣвъ на скамейкѣ и отдохнувъ, дамы встали.

— Прощайте, добрые люди!—сказала пожилая.—А это вамъ за труды, мой другъ!

Павелъ снялъ фуражку.

— Старшому передайте, сударыня... Василій Семеновичъ!

Digitized by Google

Тотъ подошелъ, принялъ и поблагодарилъ барыню.

— Какъ намъ на гору взобраться?—спросила барыня.— Лошади наши тамъ дожидаются.

— Я васъ провожу, сударыня!—вызвался молодой баканщикъ.

— Пожалуйста!.. Прощайте, Василій Семеновичъ.

Молодая молча поклонилась.

Барыни удалились. Павелъ шелъ впереди. На второмъ уступѣ отдохнули. Молодая казалась очень утомленной. Собираясь подниматься выше, она попросила у проводника руку; тотъ протянулъ ладонь. Красавица сама взяла его за руку, какъ нужно, и Павелъ почувствовалъ неловкость, но оправился и только проговорилъ:

— Да вы хорошенько обопритесь ручкой на мою,—легче вамъ будетъ идти, сударыня.

Достигнувъ вершины горы, дамы снова отдохнули, прежде чѣмъ сѣсть въ тарантасъ, стоявшій вблизи дороги.

Молодая достала что-то изъ дорожной сумки и подала парню.

— Отъ меня,—сказала.

Павелъ отказался.

— Возьмите, прошу васъ!—и глаза красавицы, съ выраженіемъ какой-то трогательной печали и мольбы, остановились на лицѣ баканщика.—На память о немъ... братѣ...—добавила она поспѣшно и всунула въ руку Павла бумажку.

Растерявшійся парень не успѣлъ опомниться, какъ обѣ дамы, поклонившись ему, направились уже къ экипажу. Не взглянувъ на подарокъ, онъ положилъ бумажку въ карманъ суконныхъ штановъ и побѣжалъ къ тарантасу; помогъ барынямъ сѣсть, поправилъ подушки и застегнулъ кожаный фартукъ. Ему еще разъ поклонились, и лошади тронулись съ мѣста.

Нѣсколько минутъ онъ стоялъ неподвижно, смотря вслѣдъ за уносившимся экипажемъ, и въ широко раскрытыхъ глазахъ его,

Digitized by Google

кромѣ недоумѣнія, свѣтилось еще что-то новое. Только тогда, когда скрылся тарантасъ изъ вида, онъ надѣлъ картузъ и тихо направился къ уступу.

Василій Семеновичъ встрѣтилъ его вопросомъ:

— Ну, что, не узналъ, кто такія барыни?

— Одна—сестра Николая, а другая-то, постарше—чужая.

Павелъ подробно разсказалъ.

Василій Семеновичъ выслушалъ и задумался.

— И какая красавица сестра-то покойника!—воскликнулъ парень.— Съ роду такой не видывалъ, да никогда вдругорядь и не увижу.

— На брата похожа?

— Сходства мало. Молоденькая барышня, черноволосая, глаза большіе темнокаріе,—похожи на глаза той барыни, что постарше...

— Пожилую-то я хорошо разсмотрѣлъ, а у молодой лицо сѣточкой было завѣшено...

— При мнѣ открывала... Да ты что думаешь-то?

— Ничего особенно не думаю... Взгляни-ка, чѣмъ за труды-то старшая наградила!

Павелъ увидѣлъ красный билетъ.

— Ой, ой!.. Вотъ счастье-то... Надо и мнѣ поглядѣть, что молодая пожаловала?—и запустилъ руку въ карманъ.

— Развѣ и молодая?—удивился старшой.

Но еще большее удивленіе выразилось на лицахъ баканщиковъ, когда младшій вынулъ „пожалованіе“ молодой красавицы: оказался радужный билетъ.

Павелъ даже вскочилъ.

— Батюшки!—закричалъ онъ во весь голосъ.—Да что-же это?.. Ужъ не во снѣ ли я?—и какъ ребенокъ, весело засмѣялся и принялся креститься на образъ.

— Богъ тебѣ счастье послалъ,—проговорилъ старшой,—и въ лицѣ его не промелькнуло ни малѣйшей тѣни зависти.—На-ка, возьми и эту да запри къ себѣ въ коробку.

Digitized by Google

— Не нужно! Эта вся твоя!

— Что ты, чудакъ?

— Нѣтъ, ты ужъ не обижай! Товарищи мы, я всегда доволенъ тобою... Пожалуйста... У тебя дѣтки... А я... Господи! какъ дома, дома-то у меня всѣ обрадуются.

Василій Семеновичъ отказывался, но уступилъ и оставилъ десяти-рублевый билетъ у себя. Немного погодя, когда Павелъ утихъ, старшой промолвилъ:

— Сдается мнѣ, что барышня-то врядъ ли приходится сестрой Николаю...

Младшій вопросительно посмотрѣлъ на товарища.

— Кто же она по-твоему будетъ?

— Навѣрно сказать не сумѣю, но, будто бы, не сестра... Не скорѣе ли она съ родни другой барынѣ, пожилой-то?

— Ну?

— Да говорю: навѣрно не знаю, но тутъ есть загадочка... Впрочемъ, говорить объ этомъ никому не слѣдуетъ, а то пойдутъ еще разные толки. Повыждемъ: время окажетъ... А пока помолчимъ, и ничего другимъ про добрыхъ барынь не скажемъ... Вонъ, Мосеичевъ ужъ жалуетъ? Помни-же: ни слова! А я знаю, что сказать этому выжигѣ... Дай Богъ царство небесное Николаю!

Октябрь въ половинѣ. Кругомъ все осиротѣло! багряные листья съ деревьевъ летѣли, кустарникъ и лознякъ оголились и порѣдѣли; но хлѣбъ не былъ еще съ полей весь убранъ, помѣшали дожди, не перестававшіе лить. Тоскливо, печально, куда ни взглянешь.

Утопленникъ не показывался, и никто о немъ ничего не узналъ. Дѣдъ Егоръ, потряхивая своей бѣлой головою, только одно говорилъ:

— Не ждите, никогда не познаете. Кама—матушка тайны не выдастъ!.. Нѣтъ, она жалостливая, не попуститъ, чтобы

Digitized by Google

надъ горемъ люди посмѣялись. Да и горе тутъ не одно, страдаетъ, можетъ, другая еще безвинная душа, жизнь свою молодую проклинаючи... Такъ нѣшь рѣка скажетъ, выдастъ тайну Н-ни-когда!

Баканы и маячные столбы убраны: свалены въ плетеномъ дворикѣ и ветхой избенкѣ. Домашній скарбъ положенъ на телѣгу; въ нее же поставили плетушку съ курами и пѣтухомъ. Баканщики помолились на икону, распростились сердечно другъ съ другомъ и разстались до будущаго лѣта: Василій Семеновичъ поѣхалъ на телѣгѣ въ свою деревню, а Павелъ Ивановичъ, посадивъ на плечи баловника, успѣвшаго за лѣто довольно-таки вырости и возмужать, спустился на берегъ, сѣлъ въ ботникъ, куда заранѣе сложилъ свое добро, и покатилъ по рѣкѣ въ свое родное село.

И осиротѣла старая избенка. Глядитъ она своимъ слезящимся оконцемъ на холодную рѣку, на затуманившееся вокругъ небо и терпѣливо ждетъ, когда, вмѣсто льющихся на нее непрестанно дождей, бѣлый пушистый снѣгъ покроетъ ветхую крышу и закутаетъ ее, старую, сверху до низу. Простоитъ она такъ долгую зиму одна одинешенька, всѣми покинутая и позабытая, и снова дождется, когда теплый вешній лучъ заглянетъ привѣтливо въ оконце, съ яснаго поднебесья польются радостныя пѣсни, зашумитъ могучая рѣка, повсюду раздадутся здоровые, довольные голоса трудовой жизни и звонкій ребячій смѣхъ... Тогда она и умретъ спокойно...

Digitized by Google

Чудесникъ Варнава.

(Повѣсть).

I.

По нашей волости народъ больше плотникъ да столяръ. Насъ такъ и зовутъ: „славицкіе плотники“. Промышляютъ въ Москвѣ и ближнихъ городахъ; вдаль что-бы очень, какъ, напримѣръ, въ Одессу, наши не забиваются: лѣтомъ землепашество не дозволяетъ, а зимой на фабрики и заводы лѣсной матеріалъ возимъ. Рѣдко кто на сторонѣ круглый годъ проводитъ,—развѣ кому выгодная работа навернется, такъ останется. Какъ же, есть изъ нашихъ и подрядчики: тѣ ужь постоянно на городахъ, въ деревню развѣ на храмовой праздникъ когда пріѣдутъ. Одно время изъ молодого народа пробовали на фабрики поступать, но Богъ счастья не далъ. Годъ—два поживутъ да и назадъ: либо болѣзнь какую получатъ, либо отъ томной работы сбѣгутъ. А главная причина—слабость тамъ большая. Ну, старики къ домамъ ребятъ и потребуютъ, чтобы они совсѣмъ не замотались. Особливо напугалъ одинъ случай. Кругомъ насъ, по другимъ волостямъ, раньше мы еще слыхали, что немало народа черезъ фабрики повреждается, семьи свои несчастными сдѣлали; но пока у самихъ на глазахъ при-

Digitized by Google

мѣра не было, равнодушно къ слухамъ относились, а какъ увидѣли, до чего довелъ себя Варнава Спиридоновичъ, такъ позадумались...

Нашей деревни, Леванихи, крестьянинъ онъ былъ. Остался послѣ родителя Варнава годковъ восьми; двѣ сестры еще при отцѣ были выданы замужъ въ чужія деревни. Агаѳья, мать Варнавы, сдала мужнино тягло въ общество: одной не подъ силу справиться, а работника содержать достатковъ не хватало. Сама по лѣтамъ въ работницы нанималась, а зимою милостыню собирала. Мать души не чаяла въ мальченышкѣ; только и мыслей въ головѣ, только и заботъ, что о Варнавѣ. Извѣстно, одинъ сынокъ намоленый. Всѣмъ разсказываетъ, какой онъ у нея занятливый да смышленый, до всего-то дотошливый: вѣтряныя мельницы изъ лучинокъ строитъ, свистульки изъ глины дѣлаетъ, дудки изъ тростника вырѣзаетъ и всякую штуку на ребячью утѣху смастеритъ. Пришли разъ къ нимъ портные, изъ одежды пошить; мальчуганъ на шагъ отъ нихъ не отходилъ, все любопытствовалъ и глядѣлъ, какъ что кроятъ и шьютъ. И такъ ему понравилось это искусство, что сталъ проситься у матери въ ученье къ швецамъ. Агаѳья пожалѣла съ нимъ разстаться, не склонилась на просьбы сынка... Всѣмъ бы хорошъ сиротинка,—смирный, послушливый и ласковый,—но съ душкомъ паренечекъ: если кто изъ товарищей попрекнетъ мальченку, что мать у него побирушка, затрясется весь и съ кулаченками на обидчика. А ужь ежели кто ударитъ его, всегда сдачи дастъ. Такой непереносливый, обидчивый!

Подросъ Варнава, четырнадцать годовъ ему минуло. Попросилъ съ матерью у міра земли на одну душу и принялись землю пахать. Работали, старались, но съ одной лошадью да при маломъ числѣ скотины плохое крестьянство: земля требуетъ у насъ удобренія, большого ухода за собою, а безъ этого плохо родитъ. Но ничего, пропитаніе себѣ имѣли. Зимою парень на лѣсопромышленниковъ работалъ, дрова возилъ—на прокормъ лошади добывалъ. Одно мы за нимъ примѣчали:

Digitized by Google

словно бы къ дѣлу крестьянскому душа у него не вполнѣ лежала. На девятнадцатомъ году Агаѳья надумала женить сына. Невѣсту засватали они въ сосѣдней волости, за рѣкою, хорошихъ отца съ матерью дѣвушку. Варнава росту былъ небольшого, но сильный, могутный парень; костью широкій, волоса на головѣ густые, черные, глаза темно-каріе, усъ только пробивается и лицо продолговатое не безъ пріятности. Художествъ за нимъ никакихъ не водилось, жизнь велъ правильную, до вина не прикасался. Невѣстѣ онъ понравился. А сватамъ то польстило, что одинъ парень, мать женщина добрая, и хоть бѣдновато живутъ, за то дочкѣ будетъ хорошо: свекра, золовокъ и деверьевъ въ домѣ нѣтъ, знай только мужа, да умѣй обходиться съ свекровью. Сыграли свадебку. Молодичка попала добрая, кроткая и работящая, изъ себя пригожая и крѣпкая бабочка. Жить бы Варнавѣ да жить съ молодой хозяйкой, а тутъ вонъ нашихъ нелегкая на фабрику понесла. Давно ужъ на фабричныя добычи зарились: работа легкая, жалованье большое. Взманило это и Варнаву.

— Ты, Марья,—сказалъ онъ своей молодичкѣ,—оставайся здѣсь съ матушкой, хозяйство поддерживайте, а я пойду деньги добывать. Поработаю годка три, скоплю деньженокъ, лошадку другую куплю и тогда полнымъ крестьяниномъ буду.

Желаніе онъ имѣлъ на ближнюю фабрику опредѣлиться, верстъ за семнадцать отъ нашей деревни, чтобы съ женою и родительницею чаще видѣться; но попались ему товарищи изъ стожевскихъ и разговорили.

— Живутъ на этой фабрикѣ отъ крайней нужды, кому ужь дѣваться некуды,—говорили бывалые люди.—Народъ все мѣстный, на другія фабрики боятся идти—далеко отъ домовъ, а тутъ рядомъ, каждую субботу въ своей деревнѣ побываютъ. Одна слава, что фабричные, а такъ переколачиваются, работаютъ, ничего себѣ не пріобрѣтая. Пойдемъ лучше съ нами; мы на богатѣйшую фабрику поступимъ.

Digitized by Google

Варнава принялъ совѣтъ, отправился съ ними на богатѣйшую фабрику.

Опредѣлился на должность подъ Москвою. Сперва Варнава въ ставильщикахъ служилъ,—мотушки на станки таскалъ, жалованья на своихъ харчахъ восемь рублей въ мѣсяцъ получалъ, а по прошествіи года въ первые „мальчики“ его произвели, младшимъ присучальщикомъ сдѣлали, и зарабатывалъ ужъ онъ десять рублей въ мѣсяцъ. Значитъ, хорошее дарованье у парня открылось. Иные по три—четыре года въ ставильщикахъ, а онъ со втораго такъ превысился. Живетъ по-хорошему, работаетъ. Домой придетъ на Пасху и на храмовой праздникъ,—Егорья зимняго у насъ престолъ,—женѣ башмаки или ситца когда принесетъ, матери платокъ какой и въ домъ десятку дастъ. Домашніе спросятъ его:

— Хорошо ли тебѣ на фабрикѣ-то? Не больно ли маятно?

— Хвастать не буду,—отвѣтитъ.—Работа томная, всю смѣну на ногахъ, на минутку присѣсть нельзя: содержанье дорогое, и отъ жалованья немного останется... Вотъ, ежели бы до прядильщика дойти, тогда я сколотилъ бы порядочную сумму.

— Поживешь подольше, такъ, можетъ, и дойдешь,—промолвитъ Агаѳья.—Старайся, роженый.

Недолго прожилъ, а ужь перемѣна жизни въ немъ сказалась: въ пиджакахъ да свѣтлыхъ сапогахъ щеголяетъ, вертушки покуриваетъ и въ рѣчи у него слова новыя, не деревенскія, винцо также началъ испивать,—немного, но покушивалъ.

Среднимъ мальчикомъ Варнаву сдѣлали, отъ двѣнадцати до четырнадцати рублей получаетъ и до мастера-прядильщика старается произойти. Другіе изъ нашихъ ужь кто воротились, дома опять за крестьянскую работу да за прародительское ремесло взялись, а Варнава Спиридонычъ продолжаетъ деньги наживать и въ деревню совсѣмъ не показывается, родительницѣ

Digitized by Google

своей не пишетъ... Что-то неладное... Погодя стороной послышимъ, нашъ парень спокачнулся, хмелемъ зашибается. Какъ безъ него дома живутъ, какъ мать съ женой перебиваются,— ему и заботы нѣтъ. Да года два глазъ въ деревню не показывалъ. Говорили, что Варнава чуть ли ужъ не старшимъ мальчикомъ, но жизнь ведетъ неправильную: пьетъ каждый праздникъ и къ женскому полу большую приверженность оказываетъ.

II.

Потерялъ ли отъ дурной жизни должность или пообразумился и вспомнилъ про матѣ съ женой, но передъ Святою, наконецъ, Варнава въ деревню пріѣхалъ. Ни Агаѳья, ни Марья, жена-то, ни единымъ словомъ не попрекнули, съ превеликою радостью его встрѣтили. Щеголемъ такимъ явился, въ суконномъ дипломатѣ, сапоги высокіе съ калошами, при жилеткѣ и часахъ съ цѣпочкою на выпускъ, да узелъ еще съ собою привезъ. Съ лица возмужалъ, бородку черную кудрявую отпустилъ. Домашнимъ своимъ объявилъ:

— Лѣто я намѣренъ крестьянствомъ заняться. Довольно на фабрикѣ пожилъ, надо теперь до земли стараніе приложить.

Не объяснилъ, почему фабрику покинулъ. Вышелъ на улицу, видъ оказываетъ гордый, точно главный приказчикъ или подрядчикъ изъ города, и говоритъ какъ-то мудрено.

— Гляди, капиталъ онъ составилъ,—толковали мужики.— Вотъ повѣрь нонѣшнимъ людямъ: чего не наврали про малаго, а онъ вонъ какимъ справнымъ да обряднымъ пріѣхалъ!

Поздравляютъ Варнаву Спиридоныча съ благополучнымъ прибытіемъ, всякое почтенье ему показываютъ, и въ шутку такъ предлагаютъ:

— По случаю своего возвращенія и свѣтлаго праздника Господняго не обидно бы тебѣ, Варнава Спиридонычъ, потѣ-

Digitized by Google

пить своихъ жителей: хощъ бы на четверку міру-то соблаговолилъ?

— Что жь, за этимъ остановки не будетъ,—отвѣчаетъ Варнава Спиридонычъ,—я согласенъ. Жертвую для обчества на полведра,—и деньги выкинулъ старостѣ.

Обалдѣли на малое время мужики: такъ-то ихъ пожертвованіемъ фабрикантъ ошарашилъ!

— Вотъ, спасибо, Варнава Спиридонычъ,—весело заговорили,—уважилъ міръ!

— Мнѣ это очень пріятно,—говоритъ Варнава;—я для обчества всегда съ моимъ полнымъ удовольствіемъ, потому какъ финанцы мнѣ дозволяютъ, и я нахожусь въ большихъ радостяхъ, увидѣвшись съ мамашею своею, родительницею, и супругою.

Какъ водится у насъ въ такихъ случаяхъ, жители отъ себя къ пожертвованію еще на полведра прибавили, и такое веселье учинили, что до темной ночи прохороводились, пѣсни распѣвали, кричали и ссорились, все какъ быть слѣдовало. Съ улицы домой кого бабы привели, кого пріятели, будучи ногами и головой крѣпче другихъ, на себѣ приволокли, а старика Куделина честно въ домъ на рукахъ внесли. Варнава всего два стаканчика выпилъ, отъ третьяго отказался, не принялъ,—держалъ себя съ большимъ чувствомъ, но скромненько и никому слова обиднаго не сказалъ.

Въ благодарность за уваженіе, какое отъ Варнавы получили, міръ потчевалъ его землею.

— Бери, сколько желаешь,—говорили.—Хоть на три души нарѣжемъ.

Поблагодарилъ за расположеніе, но отъ нарѣзки уклонился.

— Первоначально слѣдуетъ мнѣ поосмотрѣться,—отвѣчилъ,—такъ какъ, значитъ, отъ крестьянскихъ занятій я поотсталъ, то полагаю до времени ограничиться одной душею. А осенью, будьте такіе добрые, не оставьте, господа міряне.

Digitized by Google

Живетъ съ нами, дурного за нимъ не видимъ. Запахали подъ яровое, паръ на озимое вывезли, а тутъ и сѣнокосъ подкатилъ. Управились съ покосомъ, жнитво подоспѣло, а тамъ и яровое не ждетъ. Варнава на-ряду съ другими трудится, но съ прохладочкою, не такъ, какъ настоящіе крестьяне. Видать, что отвыкъ человѣкъ. Иногда, случалось, жена съ матерью на полѣ, а онъ дома останется.

— Головою нѣшь ослабѣлъ,—отвѣтятъ на вопросы любопытныхъ,—частенько жалуется, болитъ она у Варнавы.

Болитъ такъ болитъ, намъ что за дѣло? Со всякимъ человѣкомъ это бываетъ. Но бабы наши про себя ужъ шушукаются: Варнава будто попиваетъ, по ночамъ въ избѣ у нихъ шумъ и грубый голосъ хозяина слышатъ. Слова эти во вниманіе мы не приняли: занятье бабье разузнавать да развѣдывать, что въ чужихъ домахъ дѣлается да какъ промежъ себя мужъ съ женой живутъ.

Убрались мы съ полевыми работами, обмолотили и, перекрестясь, новаго хлѣбца отвѣдали. Поглядимъ—Варнава Спиридонычъ съ току хлѣбъ не въ сусѣки ссыпаетъ, а мѣшки зерномъ наколачиваетъ и на базаръ снаряжается. Вотъ тебѣ на! Что за притча? У насъ, у многотягольныхъ, своего хлѣба до Великаго поста не хватаетъ, а онъ съ одной-то души да продавать вздумалъ! Совсѣмъ въ толкъ не возьмемъ. Слышимъ, Варнава закружилъ... Спустя мало, видимъ съ другимъ возомъ отправляется. Тутъ мы и постигли въ чемъ загадка-то: денегъ онъ принесъ немного, уплатилъ подати, деревнѣ угощеніе поставилъ и остался самъ при одной трешницѣ. Извѣстно, домашніе прикрывали его, словомъ передъ чужими не обмолвились; но въ деревнѣ какая тайна долго продержится? Скоро узнали, что Варнава пьянствуетъ, жену обижаетъ, изъ избы гонитъ. Пропилъ весь хлѣбъ, одежду поволокъ въ кабакъ; наспиртуетсяо войдетъ въ градусы, и надъ женой потѣшаться. Негоденъ в хмелю, буянъ и безобразникъ. Свою одежду спустилъ,—за хозяйкину ухватился.

Digitized by Google

— Варнава Спиридонычъ,—осмѣлилась молвить бабочка,— пожалѣй. Въ чемъ мнѣ зиму-то будетъ ходить?

— А, такъ ты мужа не уважать?—звѣремъ на жену вскинулся.—Я въ такомъ огорченіи и при несчастьѣ большомъ нахожуся, а тебѣ шубы жалко? Вонъ изъ моего дома, мужичка, дура неотесанная! Убирайся съ глазъ долой, пока я тебя не изувѣчилъ до полусмерти.

Собрала тайкомъ Марья свое имѣніе, какое за собою въ приданое принесла, и уѣхала на сосѣдней лошадкѣ къ своимъ родителямъ.

— Всю-то дорогу,—разсказывала послѣ сосѣдка — горькими слезами она заливалась!

Не на что стало Варнавѣ пить, тоска его обуяла, залѣзъ на печь, завалился и лежитъ. Примѣчательно: пилъ онъ довольно времени, но отъ постороннихъ таился, въ четырехъ стѣнахъ лютовалъ и на улицу во хмелю не показывался; за виномъ ежели пойдетъ въ Панфилиху, то норовитъ такъ прокрасться, чтобы ничей глазъ его не увидѣлъ. Должно стѣснялся: весною-то пыли въ глаза деревнѣ напустилъ, форсъ большой задалъ, а на повѣрку вышло, что онъ безденежный и слабой жизни человѣкъ. Лежалъ онъ—лежалъ на печи, и одурь его взяла, ничего о себѣ не придумалъ. Мать ему говоритъ:

— Ты, Варнавушка, хоть бы въ работники нанялся или переговорилъ съ кѣмъ на счетъ работы: мужики скоро подрядъ возьмутъ и начнутъ лѣсъ возить.

А онъ ей съ печи такой отвѣтъ подаетъ:

— Какъ же это я теперь въ работники наймусь, когда я жилъ на самой первой фабрикѣ и немного до прядильщика не дошелъ? Мнѣ даже очень низко это будетъ, если съ такой должности да къ мужикамъ я въ работники опредѣлюсь или лѣсъ стану возить.

— Да вѣдь безъ дѣла-то нельзя жить, родной,—уговариваетъ мать,—надо пить-ѣсть, обуться и одѣться. На печи-то сколько ни лежи, ничего ты не вылежишь. Вонъ, у Степана

Digitized by Google

Михайлова ребята на зиму не придутъ, работа имъ выгодная на сторонѣ выпала, такъ ему работникъ требуется. Можетъ, Степанъ-отъ взялъ бы тебя.

— Напрасно ты безпокоишься,—отвѣчаетъ сынъ. — На такую линію нѣтъ моего расположенія. Въ деревнѣ что за жизнь? Мужики безъ всякаго понятія, мнѣ не съ кѣмъ даже слова сказать, работа тяжелая и грязная. Въ городѣ или на фабрикѣ—образованность и легкость, жалованье приличное.

— Да гдѣ оно, сынокъ? Много ли ты въ четыре-то съ половиною года нажилъ?

Не нашелся, что сказать, только вздохнулъ. Полежалъ еще день на печи, поворочался съ бока на бокъ и надумался.

— Матушка,—началъ,—я опять уйду на фабрику. Вино я брошу пить, талантъ у меня большой, и я черезъ полгода полнымъ мастеромъ сдѣлаюсь, зарабатывать стану до тридцати цѣлковыхъ въ мѣсяцъ. Тогда я тебѣ всякое спокойствіе предоставлю, заживешь ты не въ примѣръ прочимъ, какъ настоящая купчиха.

— Далеко намъ до купчихъ-то, — говоритъ Агаѳья. — Хоть бы съ плетушкой-то мнѣ еще не ходить, свой кусокъ хлѣба ѣсть, а не выпрошенный, не вымоленнный!

— Будь вполнѣ благонадежна,—успокаиваетъ Варнава.— Жена отъ меня ушла,—ну, и плевать на нее! А ты моя родительница: кому же о тебѣ заботиться, какъ не мнѣ, единственному сыну? Моя священная обязанность родительницу успокоить и обезпечить.

— Охъ, роженый мой! Умильны твои рѣчи, но какъ на дѣлѣ-то выдетъ? Мнѣ все сдается, не засосала бы вдосталь тебя фабрика-то. Да и въ чемъ ты пойдешь: одна рубаха да портки на тебѣ остались.

— Отложи всякое сомнѣніе, любезная мамаша! Разныя глупости я теперь оставлю и всѣ мои старанія устремлю на то, чтобы составить капиталъ, потомъ заняться торговлею и предоставить тебѣ обезпеченіе. А на счетъ одежды это вы пра-

Digitized by Google

вильно сказали, безъ костюма на фабрику невозможно явиться. Объ этомъ предметѣ я, долго лежавши на родительской печи, постоянно размышлялъ и въ ужасной тревогѣ чувствъ находился, пока не осѣнило меня провидѣніе. Вотъ какую мысль Господь мнѣ преподалъ: при маломъ надѣлѣ мы всегда должны бѣдствовать; а теперь, когда Марья насъ бросила, одной тебѣ хлѣбопашествомъ невозможно заниматься, и лошадь для насъ зимою въ большую тягость, одно раззоренье...

— Что ты говоришь?!—испугалась мать. — А чѣмъ я весной-то возьмусь? Можетъ, сношенька ко мнѣ вернется, съ нею вдвоемъ да съ лошадкою-то мы какъ-нибудь еще потянемся.

— Одно безпокойство, мамаша: отъ земли не проживешь. Впрочемъ, ежели желаете продолжать хлѣбопашество, такъ весною будетъ у васъ новая лошадь: черезъ мѣсяцъ, много черезъ два я достаточную сумму денегъ вамъ пришлю, такъ что и лошадь хорошую купите, и на продовольствіе вамъ останется.

Сдалась Агаѳья: положилась на обѣщанія сына, продала лошадку и одѣла его съ ногъ до головы.

III.

Напустились бабы на вдову, когда свѣдали, что Варнава вторительно деревню покинулъ.

— Ты что же это дѣлаешь, Максимовна? — приступили къ ней.—Сынъ ничего въ домъ не принесъ, хлѣбъ и одежду пропилъ и жену прогналъ, а ты послѣднюю лошаденку продала и деньженки въ него всѣ ухлопала! Аль ты ополоумѣла? Нѣтъ мужа-то, такъ острастки надъ собой не знаешь?

— Что же мнѣ было дѣлать-то, умницы?—правилась Агаѳья Максимовна.—На печи лежать мужику не приходится, а на фабрику итти не въ чемъ.

Digitized by Google

— Да ты почтò его отпустила-то? Хочешь, чтобы онъ съ послѣднихъ пахлей сшибся. Вонъ, Михайловъ взялъ работника на зиму!

— Говорила, милыя, говорила. Не послушался. Вишь, жалованье ему большое положатъ; на фабрикѣ у нихъ всякая образованность и удовольствіе, а въ деревнѣ-то ничего этого нѣтъ.

— Такъ на эти рѣчи его ты и прельстилась? Ахъ ты, фефёла, фефёла? Добѣжала бы до волости, покучилась начальникамъ, такъ Варнавѣ такую бы образованность съ весельемъ прописали, что у него всякая блажь изъ головы выскочила!

— Эхъ, милыя! Чай, Варнава-то мнѣ родной, сынокъ намоленый.

— Ну и вышла круглая дура, хоть ты и въ совершенныхъ лѣтахъ. Помяни ты наше слово: сгибнетъ его голова!

— А Богъ-отъ, батюшка?

Чѣмъ Агаѳья пропитывалась, неизвѣстно; но по окошкамъ она не стучала и въ избы съ корзиною не заглядывала. Должно, какія-нибудь крохи остались, коровёнка была, овечекъ парочка и курочки... Одинокой бабѣ много ли требуется? Изба у нея послѣ мужа осталась хорошая, крѣпкая и теплая, дрова не покупать—въ лѣсу у насъ хвороста всего не выберешь. Чтобы на керосинъ лишне не тратиться, прясть по вечерамъ къ сосѣдямъ уходила.

Мѣсяцъ прошелъ, два минуло, а Варнава денегъ матери не шлетъ.

— Видно, не сразу онъ на мѣсто попалъ,—утѣшала себя Максимовна, посиживая за гребнемъ.—А то какъ бы ему не вспомнить!

— Слушай-ка, тетка Агаѳья,—молвитъ хозяйка избы:—ты вправду полагаешь, что сынъ вышлетъ денегъ?

Позадержала въ рукѣ веретенцо Максимовна, и глядитъ на свою пріятельницу.

— А то развѣ не пришлетъ?—промолвила.—Варнава обѣ-

Digitized by Google

щанье свое исполнитъ, не обманетъ меня. Вѣдь онъ, милая, человѣкъ совѣстливый, доброжелательный. Одинъ въ немъ недостатокъ: хочется ему какъ бы все лучше, вровень-то съ хорошими людьми стать, а сила его и не беретъ, молодъ еще очень. Дай срокъ, войдетъ онъ въ совершенные годы да полный свой разумъ, настоящимъ человѣкомъ будетъ.

— Дай-то Богъ!—пожелала хозяйка.

Но другія бабы ничего отъ Варнавы не ожидали. Повстрѣчаютъ Агаѳью, и первый вопросъ:

— Максимовна, слыхать, Варнава Спиридонычъ тебѣ четвертной билетъ прислалъ?

— Аль вы про него что слышали? — въ свою очередь полюбопытствуетъ Агаѳья, и глаза каріе у нея словно чѣмъ застелетъ.—Повѣдайте, родимыя! Сама я отъ него вѣсточки не получала.

— Чего скрываешь-то? Не опасайся, деньги мы у тебя не отымемъ. Э-эхъ, учить-то тебя некому! Замотышится твой Варнава, и не видать ужъ тебѣ его, какъ ушей своихъ.

Найдутъ такимъ добрымъ словомъ и сами разойдутся, оставивъ Максимовну въ раздумьѣ.

Вскорѣ послѣ Николы зимняго въ нашу волость пришла повѣстка на двадцать рублей съ передачей въ деревню Леваниху, Агаѳьѣ Максимовнѣ Шумиловой. Перекрестилась вдова, получивъ отъ сына деньги; къ сосѣдкѣ первымъ долгомъ метнулась.

— Акулина Ивановна, погляди-ка, что сыночъ-отъ мнѣ прислалъ?—два красныхъ билета показываетъ.

— Что ты? Неужь столько отъ него?

— Говорила я тебѣ: Варнавушка не забудетъ. Надо поскорѣе бѣжать къ грамотѣямъ. Больно хочется узнать, что онъ про себя описываетъ.

Идетъ по деревнѣ и, кого ни встрѣтитъ, каждому спѣшитъ о радости своей оповѣстить.

— Сынокъ денегъ прислалъ. Вотъ, двѣ красненькихъ.

Digitized by Google

Тороплюсь до Карпа Минеича, письмецо отъ Варнавушки прочитать.

Карпъ Минеичъ,— онъ у насъ по старой вѣрѣ былъ и первый начетчикъ,—мужикъ годовъ шестидесяти, роста средняго, борода широкая помеломъ съ сѣдью, волосъ на головѣ почти ничего не осталось,—отъ прилежнаго чтенія потерялъ. Въ большой и чистой горницѣ у него сидѣли единовѣрцы, когда вошла съ письмомъ Максимовна и за ней бабъ съ пятокъ,—любопытно имъ послушать, что Варнава матери пишетъ. Карпъ Минеичъ надѣлъ очки и приступилъ къ чтенію. Въ началѣ, извѣстно, почтенія свидѣтельствуетъ и проситъ у родительницы благословленія, Варнава, на-вѣки нерушимое, а дальше ужъ изъясняетъ, что жизнь ведетъ онъ правильную, работаетъ на прежней фабрикѣ и надѣется, что черезъ мѣсяцъ произведутъ его въ прядильщики.

„И тогда, любезнѣйшая моя родительница и мамаша,“ слѣдуетъ дальше въ письмѣ, „я буду ежемѣсячно вносить по десяти рублей въ сохранную кассу, по четыре или пяти рублей высылать вамъ на прожитіе и подати, а остальныя деньги пойдутъ на собственное мое содержаніе и костюмъ. Лѣта ваши уже уходятъ, и я очень хорошо понимаю, какъ безъ моей поддержки вамъ трудно, а потому вы можете находиться безъ сомнѣнія и по конецъ моей жизни надѣяться, что я единственная ваша опора и благонадежный попечитель. Въ деревню скоро меня не ожидайте, такъ какъ всѣ мои помышленія и заботы теперича въ одну точку натрафлены: сдѣлавшись мастеромъ, составить приличную сумму, чтобы стать настоящимъ человѣкомъ и быть на виду у прочихъ, а какая впослѣдствіи будетъ моя промышленность, когда я ворочусь съ капиталомъ подъ кровъ родительскаго дома, обозначатъ время и обстоятельства...“

— Вишь чего онъ достукивается!—шептались бабы.

„Родная моя матушка,“ читалъ Минеичъ, „вѣрь ты одному, что я не пропащій сынъ и всѣ силы положу, чтобы удержаться

Digitized by Google

отъ слабостей и быть кормильцемъ твоимъ до послѣдней минуты жизни. Женѣ кланяюсь и прошу ее грубости моей не попомнить. Что же дѣлать: я самъ на себя казнюсь. Ахъ, если бы Господь меня укрѣпилъ!“

Никто изъ бабъ не удержался, чтобы слезы не выронить, слушая письмо Варнавы Спиридоныча, а сама Максимовна то и дѣло всхлипывала да на образа старинные крестилась. Въ концѣ письма была приписочка:

„Сочинитель этого письма — среднiй мальчикъ, иначе, второй присучальщикъ Андрей Петровъ Кулебяшкинъ; рядомъ на станкѣ съ Варнавой Спиридоновичемъ работаю и состою у него подъ рукою. А что онъ, господинъ Шумиловъ, дѣйствительно, какъ изъ дворовъ прибылъ и вторично на фабрику нашу опредѣлился, ни вина, ни пива по сiе число не кушалъ и никакими фабричными глупостями не занимается. Въ этомъ я ручаюсь и собственноручно расписываюсь, среднiй мальчикъ, иначе, второй присучальщикъ, Андрей Кулебяшкинъ. Остаюсь съ почтенiемъ къ Агаѳѣ Максимовнѣ, дрожайшей мамашѣ Варнавы Спиридоныча, и, пожелавъ вамъ добраго здоровья и всего лучшаго, доброжелатель вашъ — все тотъ же самый Андрей Кулебяшкинъ“.

— Мозговатая башка!—похвалилъ Карпъ Минеичъ, сложилъ письмо, вскинулъ головою, освѣтивъ широкой лысиной горницу, и посмотрѣлъ на всѣхъ своими маленькими зеленоватыми глазами.—Борзко пишетъ.

Дружекъ его, старовѣръ Копытовъ, отъ себя добавилъ:

— По слогу письма, глядѣть, никонiанецъ сочинялъ.

Хозяйка Татьяна Ивановна, моложавая на видъ женщина, привѣтливая такая и доброжелательная, къ Максимовнѣ съ душевнымъ словомъ обратилась.

— Больно я за тебя рада. Ну-ка, сынокъ-то о тебѣ какъ радѣетъ!

На деревнѣ только и разговоровъ, что про Варнаву Спиридоныча. На колодцѣ бабы сойдутся, на супрядкахъ въ избѣ,

Digitized by Google

рѣчь объ одномъ ведутъ: „фабрикантъ“ денегъ прислалъ, письмо такое разумное да обстоятельное, и чужой человѣкъ за него расписался.

— Что жь, можетъ, и впрямь установился. Намъ со стороны любо, что онъ добычникъ и о родительницѣ попеченіе имѣетъ.

— Ну, раньше не то вы про него говорили,—напоминаетъ Акулина, сосѣдка Шумиловыхъ: — кажется, хуже-то Варнавы и человѣка другого на свѣтъ еще не рождалось.

— Что ты, Акуля, окстись!.. Когда мы что плохое про Варнаву говорили?

— Память у васъ коротка... Развѣ не вы на тетку Агаѳью тогда кинулись, когда Варнава на фабрику ушелъ?

— Хвастаешь! не клепли понапрасну. Мы точно, жалѣючи Максимовну, говорили, что не слѣдъ ей было лошадь продавать, крестьянское обзаведеніе нарушать, потому Варнава хмелемъ зашибается. Такъ въ этомъ обиднаго, чай, нѣтъ. Почемъ мы знали, что сынъ ей денегъ пришлетъ? А что онъ жену прогналъ, такъ въ этомъ дѣлѣ мы никому не указчицы: не всегда тоже и наша сестра бываетъ права.

— Да постойте вы оправлять-то,—вступаетъ на помощь самая умная и прозорливая, жена старовѣра Копытова:—рано очень захвалили Варнаву. Подождите, чѣмъ еще онъ себя окажетъ? Вы теперь на Марью сваливаете, а я Варнаву обвиняю: человѣкъ онъ молодой, съ закономъ ему жить али беззаконничать?

— Правда-истинна,—подхватятъ бабенки.—Вотъ разумница-то! Такъ что ты, мать, съ этой стороны про Варнаву знаешь, не потаись, скажи намъ хоть маленько, мы изъ избы сору не вынесемъ.

— То-то вотъ!.. Подумайте, какъ велъ онъ себя на фабрикѣ: въ два-то съ половиною года про жену не вспомнилъ, ни разу молодичку не провѣдалъ, нечестивецъ! А въ деревнѣ, проживши одно лѣто, много ли онъ женѣ ласки по-

Digitized by Google

казалъ: за всё надъ молодицею куражился, издѣвался, а подъ конецъ того изъ дома выгналъ.

— Не въ своемъ умѣ человѣкъ находился,—замолвитъ слово Акулина.—Теперь ужъ онъ самъ жалѣетъ.

Куда! Слушать не хотятъ: Копытиха верхъ забрала. Она много больше о немъ знаетъ, но до поры до времени помолчитъ, никому не скажетъ. Для всѣхъ теперь стало ясно, что рано начали хвалить Варнаву: надо повыждать, время покажетъ.

По уходѣ сына, Максимовна дала знать снохѣ. Та живо собралась и въ Леваниху вернулась. На масляницѣ Варнава еще денегъ прислалъ. Купили лошадь и съ весною, по-прежнему за крестьянство принялись. Работаютъ, трудятся.

IV.

Прошло мѣсяцевъ пять. О Варнавѣ Спиридонычѣ вѣсти что-то позапали,—самъ въ домъ съ масляницы не писалъ, а стороной не отъ кого узнать: далеко живетъ подъ Москвою. Осенью по нашей округѣ начались престолы, сталъ народъ съѣзджаться на праздники, пріѣхали лапинскіе, съ той фабрики, на которой нашъ Варнава живетъ. Отъ нихъ извѣстіе мы и получили. Шумиловъ въ слабость вдался, пьетъ много и распутствомъ занимается. Не разъ отъ должности ему отказывали, но опять принимали: дѣло свое до тонкости знаетъ, и трудно его другимъ замѣнить. Если бы да не эта его слабость, то давно бы ужъ ему быть первымъ мастеромъ! Мнѣнія такого товарищи держались, что у него запой. Долго не пьетъ, крѣпится, а какъ настанетъ урочный часъ—и прорветъ его.

— Всѣ мы, грѣшные, пьемъ—разсказывали фабричные,—но какъ свистокъ позоветъ на фабрику, мы ужъ на своихъ мѣстахъ. А Варнава Спиридонычъ этого не можетъ: по недѣлѣ его за станкомъ не видать... Впрочемъ не одинъ онъ въ такомъ положеніи, немало подобныхъ ему на фабрикѣ.

Digitized by Google

Закручинились мать съ женою, узнавъ про несчастье Варнавы; письмо ему послали и въ деревню его звали. Никакого отвѣта не дождались. Добрые люди посовѣтовали написать Кулебяшкину, что за Варнаву письмо сочинялъ и за поведеніе его ручался. Ни слова въ отвѣтъ и отъ сочинителя! На деревнѣ чуть ужъ не бунтъ.

— Требуй черезъ начальство домой сына!—вопятъ бабы, наступая на Максимовну.—Чего ты еще отъ него ждешь, потатчица? Говорили, вѣдь, мы тебѣ, чтобы ты не отпускала,—не послушалась! Иди скорѣе къ Минеичу, поклонись ему—онъ тебѣ бумагу составитъ, и Варнаву пригонятъ.

— Нѣтъ, милыя,—отвѣчала мать,—подождемъ, можетъ онъ самъ, по доброй своей волѣ не придетъ ли...

— Ну, такъ пропадай ты пропадомъ съ своимъ Варнавою!—обозлились совѣтчицы.—Мы ей отъ всего сердца добра желаемъ, а она вонъ какую пѣсню тянетъ.

Не въ дальнемъ времени новенькое спровѣдали. Деревнею нашею проѣзжалъ съ фабрики парень: занедужилъ онъ, и фабричный докторъ послалъ его на поправку въ деревню. Извозчикъ, съ которымъ онъ ѣхалъ отъ станціи желѣзной дороги, въ Леванихѣ остановился лошадь покормить, и парень хозяевамъ дома сообщилъ про Варнаву, что тотъ должности своей окончательно лишился и теперь находится въ „котахъ“; подробно разсказалъ, что это за люди и какое ихъ рукомесло...

При каждой большой фабрикѣ коты состоятъ. Ежели какая на фабрикѣ поденная работа, а такой всегда довольно бываетъ, контора зоветъ этихъ котовъ, и они за полцѣны все исполняютъ. Что получатъ за трудъ, сейчасъ же въ заведеніе, и оставятъ тамъ до послѣдней копѣйки. Безсеребренники, не любятъ денегъ! А перемежится работа или хребетъ себѣ крѣпко понамнутъ, вокругъ фабричныхъ занятіе имѣютъ: чуть мало кто позасѣдился въ трактирѣ, на квартиру къ себѣ позаноздаетъ, того непремѣнно оберутъ, какъ липку. Только на дворѣ стемнѣетъ, въ разныхъ мѣстахъ ужъ кричатъ „караулъ“! А

Digitized by Google

что въ праздники творится—уму непостижимо! Крики, шумъ, побоища—до смертоубійства нерѣдко у котовъ съ фабричными доходитъ. Есть и другой промыселъ у котовъ: по ближнимъ селеніямъ шарить и по дорогамъ ходить. Въ сословіе это народъ изъ тѣхъ же фабричныхъ набирается. Собьется человѣкъ съ пути, замотается окончательно, на фабрикѣ его ужъ не принимаютъ, онъ и пойдетъ въ коты. Есть въ этомъ сословіи также люди образованные—изъ духовнаго званія и дворянъ столбовыхъ. Зовутъ ихъ тоже золоторотцами и босой командою, потому что очищаютъ всякія ямы и нехорошія мѣста, а сапогами и лаптями они пренебрегаютъ. Но больше величаютъ ихъ котами, и кличка эта какъ нельзя лучше къ нимъ подъ стать. Взять, къ примѣру, мучные лабазы: хозяинъ каждой лавки содержитъ своего кота. Котъ сидитъ на мѣшкахъ и ждетъ добычи; почуетъ, прыгъ—и сцапалъ крысу! Сожретъ—опять на мѣшки и выжидаетъ новой добычи. Такъ и фабричные коты. Одна только между ними и есть разница: лабазные всегда сыты, жирны и гладки, а фабричные—голодны, испиты да пухлы,—однимъ виномъ только продовольствуются. Зимнія квартиры у нихъ на фабричномъ дворѣ,—гдѣ-нибудь за дровами или въ пустыхъ бочкахъ, а лѣтомъ близъ фабрики на вольномъ воздухѣ,—подъ кустомъ или въ канавѣ. Такъ вотъ какіе фабричные коты... Подумаешь, какого только званія людей не водится на матушкѣ святой Руси!

Въ этомъ самомъ званіи теперь и пребывалъ Варнава Спиридонычъ. По словамъ хвораго парня выходило, что для своей деревни Варнава больше не существуетъ, все равно какъ померъ человѣкъ. Дѣлать нечего, бѣды не поправишь, покойниковъ съ погоста назадъ домой не носятъ.

Въ деревнѣ понемногу стали позабывать о Варнавѣ, мать и жена перестали его ожидать. Если кому взбредетъ когда на мысль Варнава, спросятъ Максимовну:

— Не чуть ли чего?

— Никакого слушка,—отвѣтитъ.—На одно ужъ я мекаю:

Digitized by Google

нѣтъ въ живыхъ Варнавушки, скороталъ онъ свой вѣкъ горемычный.

— Похоже на то. Какъ бы ужъ лапинскимъ или стожевскимъ бабамъ не знать,—ихніе мужики ко дворамъ пишутъ, а про Варнаву не упоминаютъ!

— Хотѣлось бы мнѣ помянуть за упокой его душеньку, понафидку справить, да не знаю, какъ. Поди, попъ безъ „умершей“ *) не отслужитъ?

Узнать Агаѳью Максимовну нельзя. Здоровая была женщина, лицомъ и ростомъ какъ сынъ,—Варнава вылитый въ мать, только у него глаза темнѣе,—въ работѣ всегда проворная, дѣло у нея въ рукахъ спорилось, и походку имѣла легкую, а за послѣдніе-то годы сильно подалась: лицо въ морщинахъ, волосы съ висковъ посѣдѣли, свѣтлые каріе глаза, отъ частыхъ слезъ должно-быть, замутились, и сама вся сгорбилась, ровно старуха древняя. Не красно выглядѣла и молодица: похудѣла, съ лица сумная, взглядъ робкій—куда все пригожество и молодость дѣвались.

Въ началѣ третьяго года, какъ Варнава Спиридонычъ вторично деревню покинулъ, неожиданно волостной почтарь занесъ письмо Шумилиной. Карпъ Минеичъ распечаталъ, взглянулъ на почеркъ и объявилъ:

— Отъ самого Кулебяшкина.

— А я думала отъ Варнавы!—опечалилась Максимовна.

— Подожди. Увидимъ.

Прочиталъ. Съ первыхъ строкъ сочинитель проситъ у Максимовны извиненія, что позамедлилъ отвѣтомъ на ея письмо,—больше года не отвѣчалъ. Причину онъ ту выставляетъ, что, видючи насчастное положеніе Варнавы Спиридоныча, находился въ большомъ разстройствѣ чувствъ, „такъ какъ господинъ Шумиловъ былъ первымъ моимъ другомъ и учителемъ въ присучальномъ дѣлѣ, всегда заботился обо мнѣ

*) Умершая—выписка изъ метрическихъ книгъ о скончавшихся.

Digitized by Google

и охранялъ мою нравственность". Да и не хотѣлъ огорчать сердца родительницы, выжидалъ, не возвратитъ ли Господь разсудокъ господину Шумилову и не взыщетъ ли своей милостію.

„Паче всякаго чаянія,—читалъ Минеичъ,—ожиданія мои исполнились. Покотовавши извѣстное время, другъ мой оставилъ уничижительный образъ своей жизни и съ фабрики навсегда скрылся... Ушелъ съ однимъ пріятелемъ, который также пилъ горькую чашу, а раньше того былъ первымъ мастеромъ по своему дѣлу: на господъ фабричныхъ начальниковъ и приказчиковъ съ ихъ супругами и барышнями шилъ самые модные костюмы. Хотя мнѣ теперича и неизвѣстно, въ какомъ состояніи находится мой другъ и попечитель, но я вполнѣ за него спокоенъ: по своей канплекціи господинъ Шумиловъ можетъ вынести еще и не то, а качествамъ его ума и таланта удивлялись даже самые умнѣйшіе коты. Спѣша увѣдомить васъ о сей радостной перемѣнѣ, какая произошла въ жизни моего покровителя, я прошу васъ, дрожайшая мамаша Варнавы Спиридоныча, возложить всѣ упованія на одного Бога и очень не сокрушаться, потому какъ сынъ вашъ много имѣетъ о васъ заботы и попеченія. А все несчастіе изъ-за нашего мастера произошло. Варнавѣ Спиридонычу принадлежало самому быть мастеромъ, а тотъ потребовалъ съ него въ руку „давай пятишницу,"—сказалъ,—„и завтра ты будешь прядильщикомъ". Господинъ Шумиловъ такимъ самовластнымъ требованіемъ ужастно обидѣлся. „Ежели я недостоинъ, такъ останусь на прежней должности, а черезъ деньги я не желаю себя возвышать". Происшествіе это случилось наканунѣ получки жалованья: десять рублей вамъ къ масляницѣ онъ послалъ, а съ остальными деньгами въ трактиръ, и съ этого времени предался горькой чашѣ и прочимъ слабостямъ. О себѣ лично я утруждать васъ не стану. Состою на прежней должности второго мальчика и ожидаю скоро повышенія: обѣщаютъ назначить меня старшимъ присучальщикомъ, и тогда я буду на той же самой линіи, на какой раньше стоялъ Варнава Спиридонычъ".

Digitized by Google

— Ну, задалъ онъ намъ загадку!—сказалъ Карпъ Минеичъ, осиливъ до конца писаніе Кулебяшкина, и вытеръ лысину.—Исписалъ кругомъ большой листъ, всѣхъ словъ и не сосчитаешь, а положительнаго въ нихъ ничего не заключается: разгадывай, какъ умѣешь... Замысловатъ!

Перечитывали мы не разъ это письмо, но до сути добраться не могли. Сочинитель какъ будто желаетъ успокоить Максимовну, „увѣдомляетъ о радостной перемѣнѣ“, а въ чемъ состоитъ эта перемѣна,—не объясняетъ и совѣтуетъ положиться на власть Господню. Съ фабрики „навсегда скрылся“. Какъ нужно это понимать? Нашелъ ли Варнава какую новую должность, или съ мастеромъ онъ пошелъ слоны продавать? Никакъ невозможно постигнуть! Но пуще всего сбивало насъ слово „каплекція“. Карпъ Минеичъ на что ужь начетчикъ—всѣ онъ старинныя книги перечиталъ и волосъ отъ натуги лишился,—а не разъяснилъ прямое значеніе этого слова.

— По теченію мысли я догадываюсь, что это касается вина,—говоритъ,—но такой ли смыслъ, по начертанію своему, оно имѣетъ, точно опредѣлить не могу. Въ связи же съ другими словами утѣшительнаго оно не предвѣщаетъ. „Можетъ вынести еще и не то“: по моему разумѣнію, здѣсь одно толкованіе допустимо—сколько бы Варнава дальше не пьянствовалъ, здоровье его выдержитъ, и онъ въ одночасьи не помретъ.

Иного смысла не открыли. Всѣ остались при толкованіи, какое далъ Минеичъ.

V.

Поговорили на деревнѣ о Варнавѣ да и перестали: чего ужь языками чесать—пропалъ человѣкъ! Старики про себя тутъ заповѣдь крѣпкую положили: ребятъ на фабрики больше не отпускать, а которые еще жили—потребовали ко дворамъ.

Время къ зимѣ подвигалось. Наши подрядились у лѣсо-

Digitized by Google

промышленниковъ: изъ казенныхъ, удѣльныхъ и купеческихъ дачъ бревна, доски, тесъ и дрова вывозить. Какъ снѣжокъ хорошій выпалъ, по первопутку обозы съ лѣсомъ и потянулись. Но тутъ перерывъ на недѣлю пришлось сдѣлать: нашъ праздникъ Егорія великомученика подоспѣлъ. Надо справить престолъ-батюшку, винца съ бражкою попить и повеселиться съ гостями, какъ слѣдуетъ по-хорошему. Къ Шумилинымъ пріѣхали отданныя дочери съ мужьями, родители Марьи. Хоть нужду терпѣли, а гостей принять надо: таковъ деревенскій обычай. День погостили, а на другой и уѣхали. У прочихъ только самый развалъ, полны избы гостями, а онѣ проводили своихъ и остались вдвоемъ однѣ, горюхи. Вечеромъ на улицѣ народъ, пѣсни и гулянья,—не выдутъ, сидятъ въ избѣ...

Собрались ужинать... Послышатъ, въ сѣняхъ чѣмъ-то стукнуло, тихіе шаги къ двери направляются. Насторожились... Глядятъ—въ избу человѣкъ вошелъ, въ легкомъ одѣяніи, въ въ валеныхъ сапогахъ, а поверхъ головы старымъ верблюжьимъ башлыкомъ повязенъ—носъ да глаза только видны. Не скидая башлыка, помолился на иконы, ступилъ шага два къ столу и упалъ въ ноги Максимовнѣ...

— Сынокъ! роженый,—завопила старуха.—Да ты ли это?.. тебя ли я вижу?

— Прости, матушка,—не вставая съ полу, проговорилъ сынъ.

Марья къ нему кинулась, поднимаетъ мужа, а онъ и у жены прощенья проситъ.

— Что ты! Да развѣ мы...—лопочутъ обѣ.—Слава Тебѣ, Господи! воротился, живымъ тебя видимъ.

На ту пору Акулина, сосѣдка, къ нимъ въ избу заглянула и увидѣла, какъ мать и жена, обѣ плача и радуючись, около Варнавы хлопотали, голову раскутали и пальтишко, вѣтромъ подбитое съ него стаскивали.

— Вотъ и у насъ праздникъ,—говорятъ:—хозяинъ домой пришелъ.

Digitized by Google

А хозяинъ весь дрожитъ, руки чуть не окоченѣли и съ лица опавшій, худой такой. Марья ему вина, что въ бутылкѣ отъ гостей осталось, живо спроворила, стакашекъ наливаетъ.

— Не безпокойся,—говоритъ Варнава,—не пью... Мнѣ только бы вотъ руки поотогрѣть.

— Такъ полѣзай скорѣе на печь,—перебиваетъ мать.— Поди, весь ты зазябъ... Согрѣйся, да ужинать слѣзай съ нами.

На другой день, съ утра, къ Шумилинымъ посѣтительницы: одна не успѣетъ присѣсть, другая—въ дверь, за нею третья появляется... Ужь очень всѣмъ любопытно: хоть глазкомъ взглянуть на Варнаву Спиридоныча! Посидятъ, поспрошаютъ кое о чемъ, глазами на палати вскинутъ и по стѣнамъ поводятъ, не виситъ-ли гдѣ тулупъ или пальто, въ какомъ фабричный котъ домой пришелъ,—подымутся и распрощаются. Максимовна имъ на дорогу:

— Поотдохнетъ Варнава, за работу сядетъ,—молвитъ,— кому что изъ одежки понадобиться шить—приносите, онъ дорого не возьметъ,—а сработаетъ хорошо.

— Неужто?! Да развѣ онъ швецъ?

— Выучился. Не оставьте, милыя, коли наверняется работка.

— Полтара года у хорошаго мастера жилъ,—прибавитъ Марья.—Сказывалъ вечерось, что какую угодно вещь сдѣлаетъ.

Недѣлю, двѣ живетъ Варнава, на улицу не показывается, живетъ тихо, смирно, ровно его и на деревнѣ нѣтъ. Зайдетъ кто въ избу къ Шумилинымъ, видятъ, хозяинъ съ иголкой, подогнувши подъ себя ноги, какъ настоящій мастеръ, на лавкѣ сидитъ и шьетъ. Сперва женѣ шубу перешилъ: мѣхъ-то еще хорошій былъ, а покрышка износилась, такъ онъ покрылъ и заново отдѣлалъ. Матери также старое перебралъ и сшилъ. Сосѣдка Акулина принесла работы,ребятишкамъ своимъ пальтецы зимнія сдѣлать: къ Егорьеву дню не успѣла,—портные завалены были работою,—такъ теперь надумала, чтобы малыши

Digitized by Google

объ Рождествѣ въ обновкахъ гуляли. Видятъ работу Варнавы, слышатъ объ его мастерствѣ и диву даются.

— Гдѣ ты это, Варнава Спиридонычъ, мастерству своему шаучился?—спрашиваютъ его деревенскіе

— Отъ товарища занялся,—скромно отвѣтилъ первый,—онъ портной на фабрикѣ... Я теперь всякую мужскую и женскую одежду могу дѣлать: шубы, дипломаты, сюртуки...

— Вотъ какъ!.. Выходитъ, ты это мастерство насквозь произошелъ?

— Да, Богъ мнѣ открылъ...

— Хорошее дѣло. Поживешь, узнаютъ про твое искусство работу станутъ тебѣ отдавать.

— Очень желательно... Если бы дѣло пошло, я бы помощниковъ себѣ взялъ.

Поглядѣли мы на Варнаву. Никакой перемѣны съ того времени, какъ онъ впослѣдніе на фабрику ушелъ, не примѣтно, словно бы еще возмужалъ, черная кудрявая бородка побольше отросла, только темные глаза у него безперечь мигаютъ,—вотъ знай, какъ рябь когда на рѣкѣ.

Смирно ведетъ себя Варнава, работенкой своей перебивается. Хорошей-то ему не даютъ,—прежніе заправскіе портные шьютъ,—дешевенькое что-нибудь принесутъ. Довѣрія, значитъ, еще не оказываютъ Варнавѣ. Такъ мѣсяца три продолжалось. Пріобыкъ онъ въ деревнѣ, въ праздники на бесѣдку къ намъ придетъ, разговариваетъ.

— Какъ дѣла идутъ?—спросятъ.

— Похвалиться не молу, но и обижаться нельзя,—отвѣтилъ съ большой скромностью,—работка есть, только незавидная.

— А ты подожди!—подхватилъ Савелій Савельевъ Щербачевъ, человѣкъ торговый, лавочку мелочную въ деревнѣ содержалъ.—Ты долженъ сперва искусство свое показать.

— Случая еще не представлялось показать.

— Потерпи. Удостовѣрятся, что ты настоящій портной, тогда и большую работу довѣрятъ,—обнадеживалъ Щербачевъ.

Digitized by Google

— Да ты основаться хочешь на этомъ дѣлѣ?

— Имѣю твердое намѣреніе.

— А отъ фабричнаго мастерства совсѣмъ отсталъ?

Позамялся Варнава Спиридонычъ.

— Сказать вамъ правду,—началъ въ смущеніи,—я отъ фабрики едва не потерялъ себя.

— Почему? Развѣ какая незадача?

— А вотъ какая незадача-то,—тихо докладывалъ Варнава Спиридонычъ.—Послѣдній годъ я зарабатывалъ въ мѣсяцъ двадцать рублей, а денегъ у меня ничего не оставалось: половину въ хозяйскую лавочку отдашь,—цѣны тамъ на всѣ предметы и припасы дорогія; часть пойдетъ на одежду, потому на фабрикѣ народъ форсистый, скорѣе готовъ не доѣсть, но чтобы костюмъ былъ отличнѣйшій,—а остатки въ трактирѣ посѣешь.

— А какъ поживаетъ господинъ Кулебяшкинъ?

По лицу Варнавы что-то свѣтлое прошло, улыбнулся и отвѣтилъ:

— Хорошій человѣкъ... Не знаю, что съ нимъ въ настоящее время. Говорили, будто онъ... Да нѣтъ, быть этого не можетъ, пустяки!.. Андрюша—душа человѣкъ, веселый и образованный, меня читать выучилъ, и писать я уже начиналъ, но обстоятельства помѣшали.

— Ловокъ очень письма сочинять!

Улыбнулся Варнава.

— Бѣдовый по этой части,—продолжалъ.—Такое иногда письмо сочинитъ, что никто понять не можетъ: думаешь, онъ это пишетъ, анъ оказывается, совершенно напротивъ, смыслъ выходитъ иной; слова принимаешь въ сурьезъ, а онъ шутитъ! Человѣкъ очень примѣчательный... Только на фабрикѣ такихъ не любятъ.

— Почему?!

— „Умны“, говорятъ: “мы желаемъ попроще, а умники намъ не ко двору“... Вѣдь насъ, простыхъ рабочихъ, управ-

Digitized by Google

ляющій и прочія высшія лица на фабрикѣ за людей не почитаютъ... Табельщикъ, хожалый, младшій конторщикъ—и тѣ по имени, какъ должно, не назовутъ рабочаго. Всѣ надъ нами господа, а самъ хозяинъ—словно божество или настоящій идолъ.

Много занятнаго поразсказалъ намъ Варнава про фабричную жизнь. Видно, что съ понятіемъ человѣкъ, умъ свой не пропилъ и совѣсть окончательно въ себѣ не загубилъ. Помоги ему Богъ оправиться!

VI

Скоро ему представился случай показать свое мастерство. Въ рождественскій мясоѣдъ Карпъ Минеичъ дочку свою просваталъ. Женихъ дипломата за невѣстой пожелалъ. Портные, которые обшиваютъ деревни, берутся за эти дипломаты, но плохо умѣютъ. Татьяна Ивановна позвала Варнаву.

— Сдѣлаешь ли?

— Будьте спокойны. Я шилъ и дипломаты, и жакетки, и кофты дамскія...

Попросилъ карандашикъ и нарисовалъ на бумажкѣ форму. Невѣста посмотрѣла.

— Правильно,—сказала.—Я видѣла дипломатъ на подрядчиковой дочери,—ей въ Москвѣ дѣлали,—точь-въ-точь такой, какой нарисовалъ.

Препоручили Варнавѣ дипломатъ. Исполнилъ работу. Невѣста примѣрила, посмотрѣлась въ зеркало, повернулась и еще черезъ плечо полюбовалась, какъ дипломатъ сидитъ, и пришла въ большое восхищеніе.

— Мой лучше вышелъ, чѣмъ у подрядчиковой дочери!

Мало дипломата. Понадобилось свадебное платье—Варнава и платье сшилъ. Татьяна Ивановна только ахнула, какъ дочка надѣла новое платье.

Digitized by Google

— Да ты, Варнава Спиридонычъ, ужъ не волшебникъ ли какой?—спросила.—Всякую штуку умѣетъ дѣлать, да какъ хорошо!

Тутъ наши дѣвки взвоевались, когда увидѣли дипломатъ и платье на невѣстѣ.

— Варнавѣ будемъ отдавать. Пальты бросимъ, дипломаты станемъ носить.

Сразу Варнава у нихъ въ честь вошелъ: кому что нужно къ веснѣ сшить—Варнавѣ всѣ понесли. Только дѣвкамъ Копытовымъ и другимъ, отцы которыхъ у насъ считались богатыми, родители не позволили отдавать работу „фабричному коту". Да ничего, безъ нихъ работы у него довольно было: къ Свѣтлому дню Воскресенія Христова Варнава деньжонокъ посколотилъ.

До самой Пасхи крѣпился Варнава Спиридонычъ, а со втораго дня онъ и разрѣшилъ.

Мѣстоположеніе у насъ красивое: деревня расположена по возвышенности, въ обѣихъ улицахъ, по сторонамъ дороги, липы, ветлы и черемуха растутъ, посередкѣ прудъ, а внизу, съ полверсты отъ жилья, рѣка течетъ, вокругъ далеко лѣса синѣютъ... Очень хорошо. День красный стоялъ, народъ вездѣ гулялъ, дѣвки яйца катали. Вдругъ—пѣсня!.. Какъ, что такое? Трехъ дней не прошло, а ужь пѣсни начали!.. Поглядимъ—нашъ модный портной отличается, идетъ съ бутылкою въ рукѣ и такъ-то закатываетъ:

«Я съ хозяиномъ расчелся,
Ничего мнѣ не пришлось;
Изъ конторы вонъ пошелъ—
Кулакомъ слезы утеръ.
На машинушку садился,
Въ путь дороженьку пускался»...

— Христосъ воскресе, барышни!—кричитъ дѣвкамъ.—Съ праздникомъ честь имѣю васъ поздравить... Слѣдовало бы, по-христіански, намъ другъ-друга обнять и троекратно поцѣ-

Digitized by Google

ловаться, но отъ меня виномъ пахнетъ, и я не осмѣливаюсь васъ безпокоить... Эхъ!..

«Ты прощай, прощай, хозяинъ,
Со заводомъ со своимъ,,
Со заводомъ со своимъ,
Со дирректоромъ лихимъ».

— Ну, запилъ, Варнава.

Рябятишки за нимъ бѣгутъ, народъ глядитъ, смѣются, а онъ закатываетъ:

Фабриканты, музыканты
Хоть голы, да удалы.
На рукахъ-то кандалы.
Они ткутъ салфетки,
Все на разныя на клѣтки;
Тонку прѣжицу прядутъ
И въ трактиръ храбро идутъ;
Со мамошечкамъ гуляютъ,
Вино съ пивомъ распиваютъ.

— Что поетъ, что поетъ, еретикъ!—покачивая рыжеволосою головою, съ сердечнымъ сокрушеніемъ говоритъ старовѣръ Копытовъ.—Ребятъ-то нашихъ, пожалуй, совратитъ.

— Недолго продержался,—замѣчаетъ Лапшинъ, дядя Варнавы.—Мать-то съ женою ради великаго праздника обрадовалъ, удовольствіе большое доставилъ.

«Вино съ пивомъ распиваютъ,
Со мамошечкамъ гуляютъ».

— Вотъ мы какъ на фабрикѣ-то поживали!—кричитъ.—Эхъ, жаль, гармоніи нѣтъ! распотѣшилъ бы я все обчество... Христосъ воскресе, господа жители! съ праздникомъ!...

— Воистину воскресе,—отвѣчаютъ съ бесѣдки.—Ай, Варнава Спиридонычъ! хорошо гуляешь... Только что же ты безъ товарища? Одному не такъ повадно?

А онъ бутылку привзниметъ, поведетъ ею по сторонамъ и отвѣтъ даетъ:

Digitized by Google

— Вотъ у меня товарищъ-то задушевный! Другаго мнѣ не требуется,—и опять пѣсню заводитъ...

Копытовъ едва гнѣвъ сдерживаетъ.

— Да ты хоть бы до трехъ-то денъ подождалъ, — возвысилъ онъ голосъ. —Позабылъ, какой нынѣ праздникъ?.. Здѣсь не на фабрикѣ, соблазнъ производить не дозволимъ. Прекрати!

Варнава почтительно выслушалъ.

— Извините, — промолвилъ, и снялъ картузъ, съ учтивостью поклонился.—Успокойте вашъ гнѣвъ, г. Копытовъ, и не сердитесь, потому дни теперь—общей радости и прощенія... Но я повинуюсь и удаляюсь.

Тронулся съ мѣста, пошелъ тихимъ шагомъ и запѣлъ:

Изъ пустыни идетъ старецъ;
Несетъ старецъ зварецъ,
А навстрѣчу ему—бѣсъ,
Въ образѣ младой дѣвицы.
Началъ старца онъ смущати,
Окаянный началъ соблазняти:
Во сѣнницу старца звать».

— Хорошъ стишокъ, — похвалилъ, ухмыляясь, Щербачевъ.—Да на какой это онъ гласъ поетъ, Семенъ Алексѣичъ? — обратился съ вопросомъ къ старику Копытову.

— Стыдно тебѣ, Савельичъ!—сдвинувъ густыя рыжія брови, обрѣзалъ его Копытовъ.—Мужикъ ты обстоятельный, торговый, а слова пакостныя слушаешь.

— Зачѣмъ? Слова самыя умильныя?

Сознанья Варнава не терялъ, пока за градусы не перевалитъ: разгуливаетъ изъ конца въ конецъ по деревнѣ, пѣсенки распѣваетъ и танцуетъ, дѣвкамъ скажетъ что-нибудь смѣшное, тѣ рукавами закроются, а сами хохочутъ, заливаются, и ребятенкамъ разные фокусы съ бутылкою показываетъ. Но какъ наспиртуется, въ градусы высокіе войдетъ, такъ и примется лютовать. Въ трезвомъ видѣ—смирный мужикъ, комара, какъ говорится, не тронетъ, а во хмелю совсѣмъ негоденъ. Дома у себя шумитъ, воюетъ, безобразничаетъ... Особливо женѣ отъ

Digitized by Google

него много приходилось: всячески бранитъ, съ кулаками на нее лѣзетъ. Свекровь за сноху вступится.

— За что ты это, сынокъ, на жену-то напустился? Ничѣмъ она передъ тобою не провинилась, а ты ее понапрасну обижаешь!

— Родительница!—отвѣтитъ,—ты сдѣлай милость, отстрани себя... Въ мои дѣла не вмѣшивайся. Я мужъ, глава надъ своей женою, что хочу, то съ нею и дѣлаю... Зачѣмъ ты меня рано женила?.. Я хотя человѣкъ неученый, но, живши на фабрикѣ, всего насмотрѣлся и могу обо всемъ понятіе имѣть, ни передъ кѣмъ себя въ грязь лицомъ не ударю. Развѣ по моимъ качествамъ и таланту такой жены я стою? Мнѣ нужна супруга, а эта—неотесанная баба, никакой политики не знаетъ. Взгляни: корова! На фабрикѣ я какихъ милокъ зналъ? Съ лица—картинка, на каблучкахъ повернется, за душу хватитъ, а ручкой поманитъ, такъ хоть на край свѣта за ней побѣжишь.

— Ой, Варнавушка!—промолвитъ Максимовна,—все-то у тебя непутевое на разумѣ... Ты человѣкъ женатый, у тебя свой есть законъ возлюбленный, а ты все про фабричныхъ дѣвокъ.

— Законъ?—вопрошаетъ и хлопнетъ стаканъ.—Это, что-ли, законъ-то мой возлюбленный?—и кулакомъ передъ лицомъ жены поводитъ.—Вонъ изъ дома!

Бабы наши опять на всю деревню ревутъ.

— Пьяница! Котъ... На-ко жену ужъ сталъ бить!

Святую и Ѳомину недѣлю медвѣдя за уши водилъ, а на Женъ-Мироносицъ разомъ оборвалъ и за работу сѣлъ. Матери ему стыдно, на жену и глазъ не смѣетъ поднять, мучится... Опять Варнава Спиридонычъ какъ быть человѣкъ, смирный и работящій, вина капли въ ротъ не беретъ. Въ праздники у него только и развлеченіе одно: уйдетъ въ лѣсъ или на рѣку и гуляетъ до вечера. Не разъ видали его на бережкѣ. Вырѣжетъ себѣ дудку и играетъ... Очень хорошо игралъ, но печально, жалобно такъ дудка у него пѣла, словно о чемъ плакала.

Digitized by Google

VII.

Нравилось Варнавѣ портновское мастерство. Старательно, чисто и прочно шилъ: сдѣлаетъ какую штуку и самъ ею любуется. За работою сидитъ довольный, веселый и мечтаніямъ предается.

— Стану теперь копить деньги и машинку куплю, помощниковъ себѣ наберу. Я знаю, работы у меня всегда будетъ: за одни фасоны мнѣ понесутъ. Я вонъ гляжу на дѣвокъ: моихъ рукъ на комъ вещь, или чужихъ, прежнихъ мастеровъ,— разница большая! Въ кофтѣ или пальтѣ моей работы дѣвка словно барыня, а другихъ—колода. Про дипломаты и жакетки ужь не говорю,—кромѣ меня, никто не сдѣлаетъ! Потому— талантъ особый я имѣю... Только Господь бы меня укрѣпилъ!..

Лѣтомъ у портныхъ дѣло перемежается: наступитъ рабочая пора—не до нарядовъ, и сами они за полевыя работы принимаются. Держался нашъ мастеръ, а какъ послѣднюю работку окончилъ—прорвался и закружилъ. Мать съ женою на работѣ убиваются, косятъ и жнутъ, а онъ безобразничаетъ. Ожидали, что запой скоро пройдетъ, — нѣтъ, продолжается... На короткое время поопомнится, ляжетъ на печи и стонетъ. Мать или жена иногда слышали, какъ онъ вздыхалъ и скорбѣлъ:

— Господи! Да что же это я дѣлаю? Неужели я со врагомъ своимъ не совладаю?

Осенью къ нему опять работу понесли. Сошьетъ, деньги получитъ и въ Панфилиху закатится, а то дома пьетъ, буянитъ и колотитъ жену! Видятъ, запой у Варнавы затяжной... Сколько по мастерству своему опущенія сдѣлалъ! Работою его всѣ оставались довольны, цѣну бралъ недорогую и остатками отъ матеріала не пользовался. Удивлялись даже такой его честности.

Digitized by Google

— Простой онъ мужикъ,—говорили о немъ заказчицы.— Портные за грѣхъ не почитаютъ отъ сукна или матеріи утаить, а Варнава-то до послѣдняго обрѣзочка все тебѣ возвратитъ. Только вотъ долго ждать приходится: мало онъ тверезый бываетъ.

Но что хуже всего—Марью свою безъ всякой причины обижалъ.

— Скажи, что я есть за человѣкъ?—съ хмѣльной головы пытаетъ жену.

Та забьется въ уголъ, сидитъ безгласно и ждетъ, что вотъ-вотъ мужъ вразумлять ее примется.

— Слышишь? Можешь ты меня понимать или нѣтъ? Отвѣчай!

— Да въ чемъ тебя понимать прикажешь, Варнава Спиридонычъ?—подастъ боязливо голосъ жена.

— Въ чемъ?.. Умная женщина сама должна постигнуть. Ну, почему я вино лопаю?

— Не могу знать... можетъ, характера недсотаетъ, попустилъ себя...

— Дура! Я самъ не знаю, отчего пью... Развѣ ты не примѣчала, какъ я себя преобораю? И работа мнѣ теперешняя мила, а пью... На фабрикѣ причина была... Я человѣкъ съ понятіемъ, и самъ знаю, что дурно поступаю... Ежели бы я смолоду наукамъ разнымъ былъ обученъ, то какой бы изъ меня человѣкъ вышелъ!.. А ты этого не понимаешь!.. Какая же ты мнѣ послѣ того жена, какой ты мнѣ законъ? Нѣтъ, долго, видно, мнѣ еще придется тебя учить, долго образовывать?— и подымется съ лавки, пойдетъ, пошатываясь, къ женѣ и примется ее по-своему учить да образовывать.

Отъ мужнина ученья рѣдко когда синяки у Марьи съ лица сходили. Терпѣла... Бабы, жалѣючи ее, сколько разъ говорили, чтобы она кинула мужа и ушла къ отцу. Не послушалась.

— Можетъ, онъ установится,—отвѣчала.—Въ немъ это,

Digitized by Google

по моему худому разуму, старое отрыгается. Со-временемъ пообойдется. Станетъ къ мастерству своему прилежать и утишится.

— Долго ли же тебѣ этого дожидаться? По его поступкамъ, какъ мы замѣчаемъ, чѣмъ дальше, тѣмъ онъ съ тобой хуже, и утроба у него чаще вина требуетъ.

— Ахъ, милыя!—вымолвитъ горюха, и въ глазахъ ея сѣрыхъ что-то затеплится,—вѣдь, мнѣ жалко его... Когда онъ трезвый, дурного я отъ него не вижу, словомъ не обидитъ... А что же дѣлать, коли въ немъ слабость—онъ и самъ не радъ!

Разговоры промежду бабъ ходили, что Варнаву на фабрикѣ одна дѣвка отъ жены отворотила. Часто, сказываютъ, такіе случаи бываютъ... Правду ли говорятъ, или врутъ—дѣло ихъ, а не мужицкое.

Варнава не исправлялся, слабость больше въ него вкоренялась, и онъ рѣже приходилъ въ чувство. Особливо лѣтомъ—на человѣка непохожъ! Терпѣла Марья, все отъ мужа переносила; свекровь за нее уже не заступалась,—сынокъ и родительницу свою бранилъ... Неизвѣстно, какая участь постигла бы женщину, если бы отецъ не пріѣхалъ и своими глазами не увидѣлъ, какъ мужъ съ нею обращается. Забралъ все дочернее имѣніе и увезъ Марью къ себѣ домой.

— Чортъ съ вами!—послалъ имъ въ догонку Варнава,—съ хлѣба долой и въ избѣ просторнѣе.

Безъ жены не лучше себя повелъ. Пить стало не на что, отправился въ амбаръ, но тамъ—ни зерна!.. Мать-то съ женою, какъ обмолотили, къ сосѣдямъ весь хлѣбъ свезли, чтобы цѣлѣе былъ. Хватился лошади—продана, мать оброкъ уплатила. Только обругалъ родительницу. Работа началась. Деньги получитъ и гуляетъ. Ночью когда взберется на крышу, сядетъ за трубу и закричитъ филиномъ. А то сдѣлаетъ особую дудку, уйдетъ за гумна, въ овинъ спрячется и оттуда по-лѣшиному выводитъ: вечеромъ-то чутко, голосъ далеко слыхать! Мужики

Digitized by Google

догадывались, какой это лѣшій, а бабы съ дѣвками пугались. Разные фокусы выкидывалъ... Чудесникъ! Мы не обижались,— шутки его безвредныя,—но богатѣи надъ Варнавой ехидно посмѣивались. Выдастся недѣля—двѣ, успокоится и работаетъ; воскреснымъ днемъ на улицу покажется и къ намъ на бѣсѣдку подойдетъ. Одежонка у него плохая. Подойдетъ, послушаетъ, о чемъ старшіе говорятъ.

— Варнава Спиридонычъ,—начнетъ Копытовъ,—что это ты самъ портной и, сказываютъ, первый мастеръ, а не сошьешь себѣ новой шубы? Видно, за чужою работою времени у тебя недостаетъ собою заняться?

Варнава нѣсколько смутится, глаза у него еще чаще замигаютъ.

— Средства не позволяютъ, — отвѣтитъ и въ короткіе рукавишки спѣшитъ запрятать свои руки.

— Какъ такъ?! Времени довольно мастерствомъ своимъ новымъ занимаешься, кажется, пора бы и капиталецъ тебѣ составить.

— Должно-быть, расходовъ у него много, — подпуститъ Усановъ.

Дядя Лапшинъ добавитъ:

— Мало ли расходовъ! Семейство у него большое, а добычникъ въ дому одинъ.

Варнава промолчитъ; отойдетъ къ сторонкѣ, сдѣлаетъ вертушку и закуритъ.

— Вишь, проклятую траву запалилъ, — говоритъ Копытовъ: — дымища смраднаго напустилъ... На цыгарки да вино денегъ хватаетъ.

Всякій разъ, когда Варнаву увидятъ, найдутъ чѣмъ-нибудь уколоть его да посмѣяться. Слова имъ не отвѣтитъ— смирный трезвый-то,—и вида не покажетъ, что понимаетъ ихъ насмѣшки. Крѣпился долго, про себя таилъ; но потомъ, видя, что богатѣи не унимаются, войну имъ объявилъ.

Digitized by Google

VIII.

Какъ только выпьетъ, пойдетъ улицею и вызыветъ непріятелей. Остановится противъ дома Копытова и кричитъ:

— Семенъ Алексѣичъ, дома ли? Выглянь-ка!

Тотъ къ окошку подойдетъ, глядитъ сквозь стекло.

— Скажи мнѣ, пожалуйста, правда-ли, что я отъ людей слышалъ: будто по ночамъ ты огненнымъ змѣемъ летаешь къ одной молоденькой солдаткѣ?

Потемнѣетъ весь Копытовъ, плюнетъ и отойдетъ. Народъ на улицѣ слышитъ,—извѣстно смѣются.

— Что́ же ты? — продолжаетъ Варнава. — Подожди, я стишокъ тебѣ пропою:

Позабылъ пустыню старецъ.
Воздыханья тяжки, слезны,
Розлилъ зварецъ старецъ,
Бѣсомъ женскимъ соблазненный:
Во сѣнницу безъ молитвы шелъ!

Побѣдилъ Копытова, пошелъ на Усанова. Тотъ за воротами на скамеечкѣ у дома сидѣлъ, разговаривалъ съ Багровымъ, Карпомъ Минеичемъ.

— Василію Гаврилычу нижайшее почтеніе,—началъ Варнава, скидая съ головы худую шапку. — Добраго здоровья, Карпъ Минеичъ. Съ праздникомъ.

Багровъ поздоровался какъ слѣдовало, а Усановъ только слегка головой кивнулъ и спросилъ:

— Тебѣ чего надобно?

Въ полушубченкѣ старомъ, въ шапченкѣ худой и валенцахъ стоптанныхъ остановился Варнава, видъ принялъ почтительный и съ учтивостью отвѣчалъ:

— Подошелъ рѣчей вашихъ разумныхъ послушать.

— Мы про себя разговоръ ведемъ,—сказалъ Усановъ.— До тебя не касается.

Digitized by Google

— Очень жаль... Понимаю, Варнава не достоинъ. Такъ, можетъ, притчу отъ меня желаете послушать?

Усановъ отвернулся.

— Пойдемъ-ка въ горницу, Карпъ Минеичъ,—сказалъ,— поди, самоваръ готовъ?

— Обожди,—отвѣтилъ Багровъ.—Какую ты притчу хочешь разсказать, Варнава Спиридонычъ?

— А притча очень назидательная,—отвѣчалъ Варнава.— Коротенькая, долго не задержу.

— Разсказывай. Послушаемъ его, Василій Гаврилычъ.

— Въ недальнемъ разстояніи отъ насъ пустошь находится,—Погорѣлою она называется. Вамъ хорошо извѣстно, что мѣсто это слыветъ *нечистымъ*: пугаетъ часто людей, и разныя навожденія проѣзжіе видятъ. Недавно мнѣ въ Памфилихѣ случилось быть, — въ кабакъ заходилъ. Нынче, знаете, строго: въ заведеніи пить запрещено, возьми бутылку или штофъ и уходи, а то цѣловальникъ самъ покупателя выставитъ. Но для пріятнаго времяпровожденія гостямъ лѣсочекъ предоставленъ, — рядомъ, шагахъ въ тридцати; тамъ столики, скамеечки подѣланы, — очень прекрасно на вольномъ воздухѣ вино кушать...

— А ты притчу-то намъ подавай! — перебилъ Багровъ.

— Сію минуту. Захватилъ я сорокоушку и въ лѣсокъ. Тамъ — публика, впрочемъ, больше сѣрый народъ, только за однимъ столикомъ двое, по костюмамъ на купцовъ или приказчиковъ похожи, бесѣдуютъ за смирновскою нумеръ двадцать первый, а поблизости ихъ тарантасъ и хорошая лошадь стоитъ. Мужики про эту пустошь ведутъ рѣчи, разсказываютъ, кому въ какомъ видѣ и образѣ діаволъ представлялся и навожденія какія видѣли: одному супоростной свиньей подъ ноги метнулся, другому огромнымъ лохматымъ чортомъ показался, за бороду мужика ухватилъ и всего обшарилъ, третьему еще страшнѣе... Купцы слушаютъ внимательно. Одинъ изъ нихъ полюбопытствовалъ, спросилъ. „Вы о Погорѣловой пустоши?“ — „Да, отвѣ-

Digitized by Google

чаютъ,—про нее толкуемъ: мѣсто нечистое". — «Справедливо,— отвѣчаетъ купецъ, — нечисто у васъ тутъ мѣсто. Лѣтъ пять тому назадъ случилось мнѣ проѣзжать этой пустошью, деньги большія съ собою везъ. Ѣхалъ благополучно. Вдругъ изъ лѣса трое вышли—лѣшіе или черти, не знаю, загородили дорогу и человѣческимъ голосомъ: «Давай бумажникъ!» Поглядѣлъ я на этихъ нечистыхъ—народъ все крупный, съ здоровыми дубинами. Отдалъ бумажникъ. Взяли и сказывать не велѣли».

— Пойдемъ, Карпъ Минеичъ!—всталъ Усановъ. — Что намъ пьянаго человѣка слушать.

— Подожди, Василій Гаврилычъ!—останавливаетъ Варнава.— Объясни, какой породы были эти черти, и не знаешь ли, кто такой этотъ купецъ или приказчикъ?

— Идемъ, Карпъ Минеичъ!—торопитъ Усановъ, и самъ, не дожидаясь пріятеля, поскорѣе—въ калитку.

— А, клыканъ, ушелъ!

Багровъ посмотрѣлъ зеленоватыми глазками на Варнаву, метнулъ бородою съ сѣдью и тихонько усмѣхнулся.

— Мудреную притчу ты разсказалъ,—промолвилъ.—Надо, однако, идти: хозяинъ, пожалуй, обидится...

— Ступай, Карпъ Минеичъ, да разспроси брюхана про чертей-то. Любопытно!

Разговоры эти давно идутъ, что на Погорѣловой пустоши стращаютъ и съ людьми затменіе ума случается. О купцѣ тоже слухъ былъ, но темный...

Варнава къ дядѣ направился, и того отчиталъ по-хорошему. Да съ этого раза и пошелъ ихъ честить: ни одного праздника не обходилось, чтобы онъ про кого изъ богатѣевъ стишка ни пропѣлъ, пѣсни ни сложилъ и на всю деревню ни потѣшался надъ ними. На бѣду Щербачевъ съ новаго года въ деревнѣ питейную лавочку открылъ. Варнавѣ теперь близко: въ Памфилиху надо за четыре версты идти, отъ работы не всегда удобно отрываться, а теперь — подъ руками; добѣжать развѣ долго? Первымъ покупателемъ онъ у Савелія Савельича счи-

Digitized by Google

тался. Заложитъ, вертушку закуритъ и пойдетъ мимо непріятелей.

— Гляди, какъ пышетъ, мошенникъ!—въ гнѣвѣ говоритъ Копытовъ.—Затуши огонь, брось свою мерзость!—кричитъ.—Долго-ли до грѣха? Жительство спалишь.

Варнава пріостановится.

— А, боишься, рыжій демонъ!—посылаетъ въ отвѣтъ съ дороги Копытову. — Опасаешься, что снѣгъ загорится. Лицемѣръ! Подожди, дай лѣту придти, я тебѣ краснаго пѣтуха подпущу!

Семена Алексѣевича словно чѣмъ сверху придавитъ, широкую спину и голову наклонитъ, сидитъ на скамейкѣ безъ движенія, только про себя глухо бормочетъ:

— Спалитъ, еретикъ, спалитъ Варнашка, мошенникъ. Никакого въ немъ страха Божьяго нѣтъ: Великій постъ, люди по единожды въ день хлѣба принимаютъ, а онъ табачище куритъ, бѣса тѣшитъ.

Другіе жители про себя только посмѣивались, какъ Варнава богатѣевъ пробиралъ и куражился надъ ними. До Ѳоминой шло все благополучно: Шумиловъ чудитъ, а богатѣи злятся. Пасху почти всю на мельницѣ пробылъ; тамъ нашелъ развлеченіе и забавы, а можетъ и порабатывалъ что на мельника. Въ концѣ Святой воротился и дома ужъ пилъ.

Отлучилась куда-то изъ дома Максимовна, а Варнава, выпивши, на печи курилъ, свѣсивши ноги на казенку, гдѣ рунье всякое—одеженка негодная. Душно ему показалось, слѣзъ и вышелъ на волю. Насупротивъ ихъ избы, среди улицы, прудъ и ветлами кругомъ обсаженъ. Онъ подъ ветлы и легъ, заснулъ крѣпкимъ сномъ. Вскорѣ сосѣди замѣтили дымъ въ его избѣ. Выбѣжали, закричали; поднялась тревога. Ребята ударили въ колоколъ,—про несчастный случай у насъ на столбѣ колоколъ виситъ. Услыхали частые удары, народъ сбѣжался. Огня не видать, а только дымъ идетъ, и смрадный такой дымъ. На-скоро потушили.

Digitized by Google

— Грозилъ поджечь-то! — ревѣлъ Копытовъ. — Вотъ, чуть, разбойникъ, не спалилъ нашу деревню. Староста, въ волость его!

— Къ начальству!—шумѣли другіе.—Да гдѣ онъ?

Увидѣли, подъ ветлами почиваетъ. Разбудили, руки ему связали и съ десятскими въ село отправили. Старшина при бумагѣ въ городъ препроводилъ, а тамъ въ острогъ его посадили. Вскорѣ къ намъ въ деревню слѣдователь пріѣхалъ, созвалъ жителей и началъ допрашивать.

— Я не видалъ, ваше благородіе,—первый показалъ нашъ староста,—какъ Варнава у себя въ домѣ запалилъ. Только угрозы его слыхалъ, онъ не однова провозглашалъ: „Пѣтуха краснаго подпущу“.

Прочіе жители въ такихъ же словахъ показали. Спросилъ вдову Маремьяну—она насупротивъ дома Варнавы жила.

— А ты что, бабушка, знаешь?

Маремьяна была шустрая, востроносая да рѣчистая старуха.

— Какъ же, какъ же, я все знаю,—зачастила.—Вотъ что, баринъ: Варнава какъ напьется пьяный, такъ и начнетъ выхваляться: „Пѣтуха краснаго подпущу“, „сожгу я васъ!“ Ну вотъ, онъ и поджегъ.

— Да ты видѣла?

— Не видала, сударикъ. Чего я не видала, такъ ужъ не скажу понапрасну, грѣха на душу не возьму.

Опросилъ свидѣтелей и уѣхалъ баринъ, а дѣло о Варнавѣ передалъ земскому начальнику.

— Отчего у тебя въ домѣ пожаръ случился?

Варнава обстоятельно разсказалъ:

— Я былъ выпивши, ваше высокоблагородіе. Курилъ табакъ, и, должно быть, отъ вертушки искра попала въ рунье. Я ничего не замѣтилъ и на улицу вышелъ, заснулъ около пруда. Меня разбудили, связали и представили. Я не знаю, почему на меня клевету возложили, что будто я нарочно зажегъ?

— Значитъ, ты не умышленно заронилъ?

Digitized by Google

— Помилуйте, ваше высокоблагородіе! Развѣ я какой лиходѣй своему имуществу?

За неосторожное обращеніе съ огнемъ земскій начальникъ оштрафовалъ Варнаву на рубль.

— Слѣдовало тебя подвергнуть болѣе строгому взысканію,— объявилъ начальникъ,—но ты просидѣлъ три недѣли въ острогѣ, и я сдѣлалъ тебѣ снисхожденіе. Ступай.

Съ тѣмъ и отпустилъ.

IX.

Недолго, мѣсяцъ съ чѣмъ-нибудь, Варнава находился въ отсутствіи: увели его отъ насъ на Ѳоминой, а къ пятницѣ шестой онъ ужъ воротился. Бабы живо пронюхали и разузнали, что его отпустили. Вструхнули мужики. Субботу пропустилъ, не видали его, а въ воскресенье показался. Отдохнувши послѣ обѣда, добрые люди на улицу вышли, расположились кто у своихъ домовъ въ тѣни, кто подъ липами и ветлами; бесѣдуютъ мирно, разговоры ведутъ.

— Вотъ они! — раздался грубый голосъ.—Со стороны на нихъ посмотрѣть—святые, чисто ангелы! Что, пузаны, не ожидали меня?

Не замѣтили, какъ Варнава успѣлъ въ лавкѣ Щербачева побывать, храбрости тамъ набраться, но когда услыхали его голосъ, сразу догадались, что онъ съ войной идетъ. Въ пиджачишкѣ, штанишкахъ клѣтчатыхъ, босой и безъ картуза шагаетъ, черными волосами потряхиваетъ, глазами страшно мигаетъ и кулаками грозитъ.

— Хотѣли безвиннаго человѣка утопить! Такъ я вамъ покажу себя... Будете уважать и бояться Варнавы! Работу брошу, обложу, кого знаю, оброкомъ и стану жить господиномъ. Всѣ беззаконныя дѣла пузановъ мнѣ до тонкости извѣстны, я теперь самъ могу ихъ въ Сибирь сослать.

Digitized by Google

Помалкиваютъ мужики, переглядываются. Варнава побывалъ въ острогѣ,—слыхали, какими оттуда люди образованными да ловкими на всякое дѣло выходятъ: надо теперь отъ него новаго ожидать.

На другой же день онъ началъ со своего дяди. Видятъ, ходитъ съ саженью вокругъ дома Лапшина и мѣряетъ. Пріостановится и про себя говоритъ:

— Не на планѣ... Какъ же это ему дозволили?.. Не ошибся ли я? Обойду-ка еще разъ.

Дядя поглядываетъ и слышитъ, что новый землемѣръ бормочетъ. А Варнава помѣряетъ, бумагу какую-то вынетъ и посмотритъ.

— Такъ, правильно я измѣрялъ,—говоритъ. Половина дома на землѣ Ивана Елисѣева стоитъ,—значитъ, дядя старосту задарилъ. Чтобы по плану вышло, какъ требуетъ законъ, надобно половину избы снести.

Лапшинъ не утерпѣлъ, подалъ свой голосъ:

— Да что ты утруждаешь себя, чужую-то землю мѣряешь?

— Порученіе отъ начальства мнѣ дано—провѣрить усадьбы, согласно ли онѣ съ планомъ расположены. Ты захватилъ много чужой земли...

— Что зря брешешь!—возразилъ Лапшинъ.—Послѣ пожара отводили землю съ понятыми, строились каждый на своемъ участкѣ.

— Съ понятыми! За вино понятые не столько бы еще чужой земли отхватили,—говоритъ Варнава и бумагу развертываетъ.

— Вотъ казенный планъ, гляди!

— Чего глядѣть? Сколько ни разглядывай—не поймешь, что красками у него на бумагѣ размалевано. Оробѣлъ Лапшинъ.

— Давай синій билетъ,—сказалъ племянникъ.—А то представлю высшему начальству,—домъ раскидаютъ и хозяина не спросятъ.

Digitized by Google

— Ты хоть дядю то пожалѣй, — чуть не заревелъ проситъ Лапшинъ.—Рублевки съ тебя довольно..

— И не торгуйся! Я только по-родственному съ тебя пять рублей назначилъ, а съ другого менѣе трехъ красныхъ билетовъ не взялъ бы. Снисхожденіе окажу: выдай сейчасъ трешницу, а остальныя я подожду за тебою.

Получилъ съ родственника и—къ Щербачеву... Мало погодя, видимъ Копытова усадьбу обмѣриваетъ. Скупой человѣкъ Семенъ Алексѣичъ, самого Варнаву видѣть не могъ, но поплатился и онъ. Недѣли не прошло, мѣряетъ землю Усанова.

— Мнѣ нужно костюмъ новый сдѣлать,— говоритъ Варнава, — а то городской то, въ которомъ я вернулся, плохъ сталъ. Безсовѣстныя работы на городахъ: въ самомъ лучшемъ магазинѣ купилъ, а долго ли вотъ проносилъ? По швамъ расползся и дыра на дырѣ. Хотя при настоящемъ моемъ положеніи за иголку мнѣ неприлично браться, но городскимъ не довѣрю, испортятъ матеріалъ и самъ ужъ побезпокоюсь, сошью.

Смѣется. Такой чудесникъ!

Обмѣривать еще не у кого, деньги переносилъ къ Щербачеву, и самъ въ прежнемъ костюмѣ щеголяетъ.

— Лѣтомъ жарко, — говоритъ, — похожу въ старомъ, а осенью новый справлю. Пойду недоимки собирать.

Въ правду ли чужой земли захватили богатѣи, или ужъ очень боялись, что Варнава примется ихъ по прежнему золотить, неизвѣстно, но давали ему безотказно на вино. Побольше мѣсяца они дань платили. Затѣмъ тяжко имъ показалось,— Варнава одолѣлъ требованіями. Стали отъ него прятаться.

— Усановъ!— взываетъ подъ окошкомъ Варнава. — Ты куда запропастился? Пора тебѣ поплатиться!

Не показывается Усановъ. Покричитъ Варнава и пойдетъ къ другому.

— Эй, красный!.. Да что же это? Ни одинъ не выглянетъ. Или водяные, соскучившись по ихъ душамъ, въ омутъ къ себѣ затащили?.. Найду. Я столько грѣха на душу черезъ

Digitized by Google

васъ принялъ, допустилъ чужой землей пользоваться, а вы добродѣтель мою позабыли!

Должники уклоняются, сидятъ по уголкамъ и голоса не подаютъ.

Варнава днями гулялъ, а ночи всегда спалъ, такое у него было заведеніе. Но тутъ ему пришлось нарушить порядокъ. Зная, что по ночамъ хозяева дома, спятъ крѣпко, сталъ къ должникамъ около полуночи навѣдываться. Подойдетъ къ окошку и застучитъ.

Спросонья не разберутъ чей голосъ, подымется Копытовъ, выглянетъ изъ окошка и узнаетъ.

— Ахъ, чтобъ тебя, полуночника!— и захлоннетъ.

— Не уйду,—шумитъ Варнава.— До утра просижу. Подавай долгъ. Даромъ, что ли, я буду себя безпокоить да ночи черезъ васъ, пузановъ, безъ сна проводить? — и запоетъ про старца или какой новый стишокъ.

Выкинетъ Копытовъ ему на сорокоушку.

Не тому мы дивимся, что пьетъ Шумиловъ, а тому, какъ отъ подобной жизни долго еще человѣкъ существовать можетъ. Правду о немъ Кулебяшкинъ писалъ, что „канплекція“ его „и не то вынесетъ“... Но все же опустился Варнава Спиридонычъ. Лицо у него сдѣлалось нехорошее и взглядъ дикій, моргаетъ безперечь... Должники перестали совсѣмъ платить, такъ онъ началъ безъ разбора къ другимъ приставать и грозить.

— Спалю! Пѣтуха краснаго пущу!

На сутки, двое, пріостановится, а дальше ужъ не протерпитъ. Мать ему иногда скажетъ:

— Варнавушка, ты хоть бы немножко пожалѣлъ себя... Помилуй Богъ, умрешь безъ покаянія.

— Борюсь,—промолвитъ.— Терпѣнія моего нѣтъ... Вотъ сейчасъ: чадъ изъ головы повышелъ, сразу бы покончить, а нѣтъ, знаю, потянетъ къ Щербачеву.

— Богу молись. Ты совсѣмъ про Него позабылъ...

Digitized by Google

Раньше ты хоть воздыхалъ, призывалъ его къ себѣ на помощь, а послѣднее то — время никогда про Него не помянешь...

— Вѣрно, матушка. Духа у меня не хватаетъ къ Нему обратиться... Хуже я всякой негодной свиньи и до крайности себя довелъ... Выдешь на улицу, народъ смотритъ, и кажется, что глаза всякаго говорятъ: пьяница, въ острогѣ сидѣлъ... Ну, скорѣе за вино, чтобы отуманить себя и останную совѣсть заглушить... Ахъ, хоть бы Кулебяшкина мнѣ увидѣть. Андрюша! — и зареветъ.

Зашелъ разъ въ домъ къ Карпу Минеичу. У того Семенъ Алексѣевичъ сидѣлъ, читали старинную книгу и о божественномъ бесѣдовали. Варнава съ мельницы должно быть: весь то въ мукѣ и босой!

— Мельникъ пришелъ,—говоритъ.—Миръ честной вашей бесѣдѣ.

— Просимъ милости, — отвѣчаетъ хозяинъ.

Хозяйкѣ дома мельникъ поклонился, постоялъ, глазами мигаючи, и къ хозяину:

— Карпъ Минеичъ, дай пожалуйста гривенникъ.

— А на что тебѣ?

— Извѣстно, на какую нужду я прошу...

— На вино и на табакъ — копейки не дамъ. Если хочешь поѣсть, накормлю.

— Что мнѣ ѣда! Мнѣ бы теперь стаканъ: голова не своя и подъ ложечкой сосетъ.

— Этого отъ меня не будетъ, Варнава Спиридонычъ. Ступай, промышляй гдѣ въ другомъ мѣстѣ.

Не уходитъ, переминается на мѣстѣ и только глазами хлопаетъ. Видать, что не по себѣ человѣку. Семенъ Алексѣичъ пристально смотрѣлъ на мельника. Захотѣлось ему злобу, какая накопилась, сорвать на Варнавѣ: зналъ, что у Минеича онъ безопасенъ.

— Вотъ, Карпъ Минеичъ, — заговорилъ,— сказано ему,

Digitized by Google

что ничего не будетъ, а онъ стоитъ, словно не понимаетъ. Чего еще ему ждать!

— Ахъ ты, рыжій дьяволъ! — обругалъ его Варнава.— Да хочешь ли, я всю вашу старую вѣру разнесу?

— Ну, что съ тобой, негодяемъ, разговаривать-то,— промолвилъ Семенъ Алексѣичъ и занялся опять съ хозяиномъ.

Подождалъ Варнава; ни хозяинъ, ни гость вниманія не обращаютъ, подсѣлъ къ хозяйкѣ и завелъ съ нею свою бесѣду. Началъ разсказывать про свои похожденія, когда, лишившись на фабрикѣ должности, онъ въ коты поступилъ. Прежде объ этомъ Варнава никому словомъ не заикался, а тутъ,—съ какой цѣлью, неизвѣстно,—нараспашку повелъ дѣло и выложилъ все до подноготной. Повѣдалъ, какъ онъ съ товарищами по деревнямъ путешествовалъ, амбары и клѣти обхаживали, слѣпца-старика придушили и бабу зарѣзали.

— Слышишь, что говоритъ?—изъ-за божественнаго спрашивалъ хозяина Семенъ Алексѣичъ.

— Пустое мелетъ,—отвѣчалъ Минеичъ.

Татьяна Ивановна въ ужасъ приходитъ.

— Неужли въ правду душу загубили?

— Зачѣмъ? Мученическую кончину тѣлеса ихъ приняли, а душамъ черезъ это спасеніе предоставили: на глазахъ нашихъ взвились и прямо въ рай полетѣли. Я лично въ этихъ дѣлахъ не участвовалъ, а только деньги розыскивалъ. Самому всего одинъ разъ довелось.

— Господи, Іисусе Христе,—осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, шепчетъ Татьяна Ивановна.

— Жилъ я на дачѣ,—это у насъ лѣсъ такъ прозывается, и лежалъ въ ямѣ; два дня не только ничего не ѣлъ, а капли вина во рту не было... Гляжу, отъ фабрики идетъ женщина и ситецъ несетъ. Какъ она посравнялась съ моей дачей, я выскочилъ и къ ней. „Отдай ситецъ!“—говорю.—„Что ты шутишь, почтенный“—отвѣчаетъ.—„Я за ситецъ деньги платила!“—„Отдай! Ты себѣ другого купишь...“ Не покоряется,

Digitized by Google

упорствуетъ. Не говоря лишняго слова, выхватилъ я изъ кармана ножикъ и пырнулъ ей... Отдала ситецъ безъ всякой канители. Я на него и погулялъ.

— Какими онъ дѣлами выхваляется! — съ большимъ сокрушеніемъ въ голосѣ, вздохнувъ, сказалъ Копытовъ.—Да за эти слова его удавить бы надо, разбойника... Если бы моя воля была, я минуты бы ему, пропойцѣ, не далъ жить.

Всталъ пропоецъ.

— Молчи!—крикнулъ на рыжаго.—Ежели поземельное не выплатишь, я весь твой лѣсъ спалю или когда ножемъ хвачу.

Сказалъ и въ дверь. Хозяйка слѣдомъ за нимъ пошла подъ предлогомъ дверь на крыльцѣ запереть, а въ сѣняхъ потихоньку сунула ему въ руку гривенникъ.

— Помалкивай,—шепнула,—никому не сказывай.

— Понимаю,—отвѣтилъ Варнава. — Да ты не опасайся меня,—прибавилъ, усмѣхнувшись.—Пожалѣла ты меня. Спасибо, добрая душа.

Копытовъ въ тотъ же день разнесъ по деревнѣ слова, какими Варнава у Минеича передъ Татьяной Ивановной выхвалялся. Такого страха нагналъ, что отъ пропойцы всѣ на запорѣ ворота стали держать. Чего добраго, подожжетъ или что стянетъ отчаянная голова: отъ него всего надо ожидать! А Варнавѣ-то и любо, что его боятся! Поди ты вотъ: наши—бывалый народъ, по разнымъ городамъ и въ Москвѣ работаютъ, всякаго начальства и людей насмотрѣлись, никого не опасались, а у себя дома, въ деревнѣ, слабый человѣкъ ихъ въ трепетъ приводилъ.

X.

Богатѣи къ міру: надобно пропойцу ограничить, поучить что ли хорошенько или приговоромъ изъ общества его исключить. Міръ призадумался:

Digitized by Google

— Больно-то худого отъ него мы еще не видали,—говорили.—Оброками только донимаетъ.

— А деревню-то на Ѳоминой было сжегъ да за-все стращаетъ спалить или зарѣзать. Чего вамъ еще?

— Вѣрно, стращаетъ... Но, можетъ, онъ это только спьяна. Повыждемъ, увидимъ, что дальше отъ него будетъ.

Не повезло съ мужиками, къ бабамъ забѣжали, чтобы ихъ возмутить и на мужей натравить. Особенно Копытовъ усердствовалъ. Глаза его круглые, словно у быка, кровью налились, бородой красной, широкой поводитъ и глухо таково рычитъ:

— Обворуетъ васъ, избы на вѣтеръ пуститъ и начисто жительство погубитъ. Куда вы съ малыми ребятишками дѣнетесь?

Самъ настраиваетъ, и жена его бабъ разжигаетъ.

— Охъ, бабоньки, сердце у меня изъ-за васъ изболѣлось,—говорила Копытиха.—Мы хоть съ мужемъ и пострадаемъ, да у насъ про черный день копеечка спрятана, а съ вами-то, горемычными, что станется?

Возмутились.

— Вонъ разбойника, вонъ изъ нашего селенія!—кричатъ по избамъ.—Чтобъ духомъ его у насъ не пахло.

Послабѣе кто характеромъ или головой — подавались, съ женами были согласны, но самостоятельные мужики отпоръ давали.

— Ну, чего вопите? Ничей домъ еще не спалилъ, никого изъ васъ не обворовалъ?..

— Все равно—послѣ украдетъ...

— Тогда и разговаривайте.

— Поздно ужъ будетъ, когда на улицѣ жить придется.

— Перестаньте!

А если какая горячая что еще скажетъ, то мужъ сразу ее охладитъ.

Торжествуетъ надъ врагами Шумиловъ. Но тутъ несчастье съ нимъ повстрѣчалось. Заходитъ какъ-то онъ къ своему дружку

Digitized by Google

Савелью Савельичу, по обыкновенію подходитъ къ самому буфету и требуетъ:

— Сорокоушку!

— Деньги,—отвѣчаетъ Щербачевъ.

— Отдамъ. Не пропадетъ.

— Принесешь деньги, сколько хочешь отпущу, а въ кредитъ я ноньче не торгую.

— Ну, полно смѣяться. Самъ знаешь, съ похмелья мнѣ нельзя... Мучитъ.

— Деньги!

— Заплачу, ей-Богу, принесу... Савелій Савельичъ! Поимѣй же въ душѣ жалость, — молитъ пропойца, — сколько я тебѣ денегъ переносилъ, самъ ты меня первымъ своимъ покупателемъ почитаешь, и я тебѣ гроша не долженъ, а ты сорокоушки не довѣряешь?

Щербачевъ былъ не въ духѣ. Вскинулъ темными длинными волосами, повелъ сердито раскосыми глазами и съ сердцемъ крикнулъ:

— Сказано тебѣ, что безъ денегъ не дамъ. Проваливай!

Больно кольнули эти слова Варнаву.

— Кровопивецъ ты!—закричалъ,—а не человѣкъ. Развѣ я не знаю, что ты отъ парней воровское принимаешь и пополамъ съ водой вино продаешь.

Щербачевъ какъ развернется да хватитъ по виску обличителя—здоровый мужикъ! Пошатнулся Варнава, руку къ виску приложилъ и озирается, точно бы что онъ потерялъ...

— За что же ты... ударилъ?—выговорилъ.

— Уходи, уходи, а то на-двое расшибу!

Повернулся тихо Варнава, глаза у него еще чаще замигали, и слезы, слезы покатились...

Послѣ этого несчастія онъ съ недѣлю пропадалъ. Видѣли его на водяной мельницѣ: ковалъ съ мельникомъ новый жерновъ и еще что-то мастерилъ.

Стоялъ праздникъ Успенія Пресвятой Богородицы. Часть

Digitized by Google

народа работала, на помочахъ были. Управившись съ помочами хозяинъ добрымъ людямъ угощеніе сдѣлалъ, виномъ какъ слѣдуетъ попоилъ. Поразъѣло губу у мужичковъ, съ помочи отъ хозяина къ Щербачеву направились. Солнышко сѣло, заря алая разливается, а мужики около винной лавки. Хозяйки ужинать накрываютъ, парни съ дѣвками и ребятенки съ улицы къ домамъ торопятся. Опустѣла деревня. У воротъ своего дома стоитъ одинъ Григорій Иванычъ Куделинъ, старикъ лѣтъ семидесяти, но бодрый и здоровый старикъ, стоитъ и самъ про себя чему-то усмѣхается,—выпилъ онъ на помочахъ и на сердцѣ у него веселитъ. Хотѣлъ въ калитку повернуть, но замѣтилъ, что человѣкъ идетъ, раздѣтый и босикомъ, идетъ, держась къ стройкѣ, словно таясь кого и озираючись.

— Никакъ Варнава?—окликнулъ Куделинъ, давъ поравняться человѣку съ калиткою.

— Я самый,—отвѣтилъ Варнава.—Здравствуй, Григорій Иванычъ.

Остановилъ его старикъ.

— Небойсь, пьяный ты?—спросилъ и смѣется.

— Достаточно,—отвѣчаетъ Варнава.—Мельникъ хорошо меня попотчивалъ и сверхъ того далъ за мои труды деньжонокъ.

— Добычникъ ты, но слабость тебя задолѣваетъ. А ну-ка, разскажи ты мнѣ про свое приключеніе въ городѣ. Я не слыхалъ, такъ мнѣ любопытно отъ тебя выслушать.

— Оставь,—промолвилъ Варнава.—Мнѣ противно про это и вспоминать.

— Что такъ? Нѣтъ, разскажи!—пристаетъ Куделинъ.

— Брось, старикъ! Что про дурное разсказывать... Съѣли было вы меня, но чужіе начальники пожалѣли: увидѣли, что я безвинно страдаю, и отпустили на всѣ четыре стороны.

Куделинъ человѣкъ хорошій, добрый, но пообидѣлся должно быть отвѣтомъ Варнавы или въ головѣ у него довольно-таки шумѣло, только онъ и выпусти такое слово:

Digitized by Google

— Напрасно они это сдѣлали. Слѣдовало бы тебя на вольное поселеніе сослать.

— За что?!

— А за то, что ты распутной жизни человѣкъ, мать родную не почитаешь, пьяница и котъ фабричный. Самъ ты разсказывалъ, какими дѣлами въ котахъ занимался. Воръ ты, грабитель и душегубъ!

Варнава осатанѣлъ: не ожидалъ такой обиды отъ Куделина. Схватилъ полѣно, сшибъ Куделина на землю, сѣлъ на него верхомъ и принялся нахаживать; отлудилъ, какъ ему на сердце пало, и благополучно отправился домой.

На дворѣ темнѣло. Петръ, сынъ Куделина, возвращался изъ винной лавки ко дворамъ; самъ Щербачевъ, тоже выпивши довольно, провожалъ его. Набрели на тѣло.

— Кто это передъ чужими воротами расположился?— спрашиваетъ Петръ Григорьевъ.—Что за безчинство!—прибавилъ и понаклонился.—Да никакъ это родитель?! Савелій Савельичъ, вѣдь это мой родитель... Батюшка, родитель! Аль ты откуда изъ гостей?

А родитель черезъ силу голосъ подаетъ:

— Изъ гостей... употчивали... Варнашка разбойникъ...

Копытовъ съ Усановымъ подошли: услыхали восклицанія Петра Григорьева.

— Что за происшествіе?

— Семенъ Алексѣичъ! Василій Гаврилычъ, вы? — съ вопросомъ къ нимъ Петръ Григорьевъ. — Не угодно ли посмотрѣть, какіе безпорядки въ нашемъ селеніи? Видите, мой родитель? Разбойникъ, Шумиловъ... ниспровергъ!

Домашніе выбѣжали.

— Надо въ домъ нести,—промолвилъ Копытовъ.—Тамъ посовѣтуемся.

Подняли старичка, вчетверомъ мужики внесли въ горницу и накровать его положили.

Сноха, дочери около избитаго хлопочутъ, не знаютъ, что

Digitized by Google

дѣлать и чѣмъ помочь. Петръ изъ себя выходитъ, Копытовъ съ Усановымъ совѣтъ держатъ.

— Нѣтъ моего терпѣнія, — говоритъ Петръ.—Я побѣгу, изобью Варнашку.

— Поди, воздай!—одобрилъ Копытовъ.—А мы пока обдумаемъ.

— Смотри, осторожнѣе, — предупредилъ Усановъ, — при немъ долженъ быть ножъ.

— Какой ножъ!—засмѣялся Щербачевъ.—Намедни онъ мнѣ согрубилъ; я какъ свиснулъ его по виску, такъ онъ смирнѣе овцы сдѣлался. Шумиловъ грозенъ на словахъ, а на дѣлѣ онъ—что весенняя муха.

Петръ не дослушалъ, убѣжалъ.

Въ избѣ Шумиловыхъ ночникъ теплился. Варнава сидѣлъ на лавкѣ, табачекъ покуривалъ; Максимовна со стола прибирала. Влетѣлъ Петръ Григорьевъ, безъ дальнихъ разговоровъ одной рукой Варнаву за густые волосы принагнулъ хорошо, а другою со всего усердія по шеѣ и хребту принялся молотить. Старуха успѣла только вымолвить:

— Да за что ты его, Петръ?

— Онъ знаетъ за что!

Варнава какъ-то вывернулся, къ печкѣ метнулся, живо повернулся и Петра чѣмъ-то подъ самую ложечку ударилъ. Мужикъ испугался, въ дверь и на улицу выбѣжалъ.

— Караулъ! Батюшки, помогите, зарѣзалъ меня!

Ребята съ дѣвками, поужинавши, гулять вышли; услыхали голосъ.

— Что такое?

— Ножемъ пырнулъ... Убилъ! Батюшки, смерть моя!..— реветъ молодой здоровенный мужикъ и къ пруду бѣжитъ.

Какъ былъ въ красной рубашкѣ и штанахъ, съ сапогами, такъ въ воду и кинулся, окунулся разъ пятокъ—кровь чтобы унять. Ребята подъ руки его взяли, повели... На деревнѣ

Digitized by Google

замѣшательство: изъ окошекъ вездѣ бабы повысунулись, за ворота мужики выбѣжали, ребятишки шумъ подняли.

Десятскіе, староста и ночной сторожъ на происшествіе явились. Нельзя, дѣло большое.

Богатѣи съ Щербачевымъ совѣтъ держали, а въ горницу Петра ужь ведутъ... Съ лица даже измѣнились, какъ взглянули и поняли, въ чемъ дѣло.

Петра Григорьева на лавку положили. Побѣлѣлъ онъ, какъ береста, и говорить не можетъ, только бородкой русой вздергиваетъ. А родитель на кровати лежитъ, тоже въ большой слабости, и время отъ времени, чуть слышно, тонкимъ да жалобнымъ голосомъ проситъ:

— Попа... попа... Скорѣе за попомъ...

Тутъ Семенъ Алексѣичъ провозгласилъ:

— Оставаться намъ дольше не зачѣмъ. Идемъ.

XI.

На улицѣ Копытовъ объявилъ мужикамъ свое рѣшеніе. Староста позаупрямился.

— По-моему,—сказалъ онъ,—Шумилова слѣдуетъ арестовать, а самимъ учить его не приходится.

— Мы арестуемъ,—отвѣчалъ Копытовъ.—Только сперва поучимъ.

Онъ будетъ людей убивать, а мы ему спустимъ?—говорилъ Усановъ.—Тогда онъ всѣхъ переколетъ.

— Поучить не мѣшаетъ!—подалъ голосъ Щербачевъ.—Міръ отвѣчать не будетъ.

— Поучимъ!—весело подхватили мужики, которые были съ мухою въ головѣ.

— Поступайте, какъ знаете,—сказалъ староста,—а я съ вами не пойду.

Десятскіе и трезвые крестьяне сторону старосты приняли,

Digitized by Google

не послѣдовали за предводителями, а всѣ прочіе двинулись съ ними къ дому Шумиловыхъ. Ребята къ нимъ изъ любопытства пристали.

Осторожно подступили, обложили усадьбу; легонько въ окошко постучали:

— Максимовна! отопри-ка...

Старуха отперла, пріотворила на крыльцо дверь, и сразу догадалась.

— Да нѣту его дома, нѣтъ!

— А вотъ мы сами поглядимъ.

Человѣкъ десятокъ въ избу ввалилось, огонь вздули, принялись вездѣ обыскивать да шарить, въ подполье слазили. Нѣтъ Варнавы!

— Куда ты, старая, его схоронила?—гнѣвно допрашиваетъ Копытовъ.

— Никуда я его не хоронила, — отвѣчаетъ старуха. — Вѣрно, со страху убѣгъ въ лѣсъ.

Поискали въ сѣняхъ, на подволоку слазили, дворъ оглядѣли,—нѣтъ Варнавы, слѣдъ его запропалъ. Предводители изъ себя выходятъ, прочіе сердятся... Тронулись на задворки, искать по гумнамъ, сѣнницамъ и овинамъ.

Ночь стояла теплая да свѣтлая, синее небо въ звѣздахъ, и мѣсяцъ глядитъ, все далеко видать, таково-то кругомъ явственно. Сѣномъ свѣжимъ попахиваетъ, воздухъ хорошій, пріятный и вездѣ тишина непробудная... Разбились на кучки мужики, ходятъ вездѣ, ищутъ и бранятся, что никакъ на разбойника не набредутъ.

— Не укроется, найдемъ! — распаляется Копытовъ.—А это что за ноги?—замѣтилъ онъ у одной копны.—Здѣ-ѣсь, здѣ-ѣсь!—и ухватилъ за ногу.—Наваливайся, вяжи его!

— Нашли, нашли!—раздались крики.

Сбѣжались всѣ, окружили преступника. Связали по рукамъ и ногамъ.

— Ножъ-то при немъ?

Digitized by Google

— Никакой орудины не оказалось.

— Такъ давайте колотить! Всыпай...

— Постойте, — спокойно проговорилъ Копытовъ. — Бить его мы не станемъ, онъ человѣкъ хорошій и нужный: побережемъ его для острога. Мы только его поучимъ.

— Какое же ученье, ежели не отколотимъ?

— Другое средство найдемъ. Ну-ка, честь честью подымайте да понесемте Варнаву Спиридоныча къ воротцамъ.

Нѣкоторые пообидѣлись было, не понявши замысловатой рѣчи Копытова, и по собственному расположенію принялись награждать Варнаву, кто по головѣ, кто по скулѣ.

— Что вы, что вы?! — закричалъ Копытовъ. — Развѣ сами вмѣсто его хотите въ острогъ?

Пріостановились, глядятъ.

— Что за недогадливый народъ! — воскликнулъ Щербачевъ.—Сообразить простой вещи не могутъ: Семенъ Алесѣичъ поумнѣе насъ, науку занятнѣе придумалъ.

— Ой-ли? А мы, дураки, слушаемъ... Такъ несемъ скорѣе къ воротцамъ.

Притихъ Варнава. Его несутъ съ разговорами веселыми, а онъ хоть бы слово какое промолвилъ! Молчитъ.

Въ деревнѣ у насъ между сараями и гумнами, черезъ дорогу, прясломъ огорожено, чтобы скотина не заходила; въ пряслѣ для прохода небольшія воротца продѣланы. Къ однимъ такимъ воротцамъ и принесли Варнаву...

— Ну-ка, пораскачайте да перекиньте его! — отдалъ приказаніе Семенъ Алексѣичъ.

— Ха-ха-ха! Вонъ что измыслилъ.

Раскачали и перекинули на другую сторону. Грузно шлепнулся о землю Варнава, только крякнулъ.

— За старика, не бей полѣномъ, — поучаетъ Копытовъ.— Зайдите кто на ту сторону, встаньте тамъ да перебрасывайте къ намъ!.. Вотъ такъ, хорошо... Мягко ли на землѣ, Варнава Спиридонычъ? А это за Петра...

Digitized by Google

— Ха-ха-ха!.. Ловко!..

Слышатъ, Максимовна голоситъ.

— Родимые! Христіяне православные! Пожалѣйте, вѣдь онъ у меня одинъ.

Сквозь народъ хочетъ протѣсниться, но ее не пускаютъ.

— Куда ты? Впереди, пожалуй, еще ненарокомъ зашибутъ тебя. Погляди издальки: вонъ, мѣсяцъ свѣтитъ, хорошо видать.

— Убьете вы его, убьете!—вопитъ старуха.—Пожалѣйте!

— Мы, жалѣючи тебя, и учимъ сына, чтобы онъ кормильцемъ тебѣ былъ,—успокаивалъ Усановъ.—Послѣ сама міръ поблагодаришь.

Продолжаютъ. Копытовъ только приговариваетъ:

— За пустыню и старца... Вотъ — за огненнаго змѣя... Это тебѣ—поземельное...

— Ха-ха-ха!

— Да пустите меня!—порывается мать.—Ой! Духъ изъ него вышибете. Коли онъ виноватъ, доставляйте его къ начальству.

Народа прибываетъ, со всей деревни валятъ. Занятно: впервые такое зрѣлище привелось увидѣть. Багровъ показался.

— Не довольно ли?

— Что ты, Карпъ Минеичъ? Мы вѣдь легонько его.

— Довольно, будетъ!—раздались другіе голоса.

— Ну, инъ быть по-вашему, — уступилъ Копытовъ. — Можетъ, взаправду довольно. — Ну-ка, наверхъ-то сытъ разокъ повыше!

Ни слова отъ Варнавы, только покряхтываетъ.

— Слѣдуетъ еще разокъ, — говоритъ Щербачевъ, — за грубость мнѣ.

— А я что въ полѣ за обсѣвокъ?—добавляетъ Усановъ.— Онъ поносилъ такими словами...

— Довольно, довольно!.. Въ немъ, чай, тоже душа человѣческая.

— Прекратите,—повторилъ Багровъ.

Digitized by Google

Оставили Варнаву. Хотѣли по домамъ расходиться, но вспомнили о Куделиныхъ.

— А какъ же мы одного его покинемъ? Ну, какъ старикъ-то къ утру скончается? Придется Варнаву передъ начальство представить.

— Не уйдетъ онъ,—горько плача надъ сыномъ, вымолвила старуха Агаѳья.—До того ли ужь ему теперь?

— Смотри, чтобъ онъ въ сохранности былъ, а то сама будешь за него отвѣчать.

Разошлись.

— Что, родной, шибко знать тебя убили?—спрашиваетъ мать, развязывая сыну руки.

— Особенной боли не чувствую, — отвѣчаетъ. — Только грудь и спина ровно не свои... Да руки вотъ бичевкой изрѣзало.

— Вишь, вишь, болѣзный! Безъ всякой-то они жалости съ тобою.

Варнава приподнялся, присѣлъ на землю: встать-то должно быть, сразу не могъ.

— А что, матушка, правдули мужики про Куделиныхъ толковали? Чѣмъ я Петра-то ударилъ?

— Желѣзиной, Варнавушка! Отъ сломаннаго ножа желѣзинка у насъ сохранялась.

— Ну, такъ пустяки... А старикъ выходится... Оба они здоровые... Погодите, жители, я вамъ теперь покажу себя: всѣмъ отомщу.

— Полно тебѣ, глупый! Бога на помощь лучше призови.

Понуривъ голову, помолчалъ Варнава.

— Ахъ, до чего я себя довелъ!—простоналъ.—Самымъ-то послѣднимъ, низкимъ человѣкомъ я сталъ. Погибель моя пришла!

Утромъ на другой день, какъ только встали, первымъ дѣломъ мужички о Куделиныхъ освѣдомились. Ничего, все слава Богу! Рану у Петра за ночь позатянуло, а старикъ,

Digitized by Google

поотоспавшись, облегченье почувствовалъ; проснулся и сейчасъ же винца попросилъ. Сынъ тоже, глядя на родителя, выкушалъ стаканчикъ.

— Только у самого дядюшки Григорія очень голосъ слабъ,—докладывали мужьямъ бабы.—Пискливо таково, словно новорожденный младенецъ, попросилъ сноху: „Мареа, дай винца!“

— Ну, ежели они вина пожелали, такъ никакой опасности нѣтъ,—порѣшили мужики.—Богъ дастъ, скоро оправятся... А что про Варнаву слыхать?

— Въ сѣнцахъ лежитъ. Максимовна сказывала, что ему нѣшь занездоровилось.

— Что такъ? Развѣ вечерось позашибли? Винца бы, что ли, хворому снести. Не сказывала мать-то, аппетитъ у него есть на вино?

— Она виномъ его обтирала, а про аппетитъ не упомянула. Вишь, пожелалъ сперва въ корытѣ съ теплой водой выкупаться, а послѣ виномъ натереться.

— Экій чудесникъ!.. Вылежится. Человѣкъ онъ еще молодой... Начальству о немъ ужъ не станемъ докладывать: Господь съ нимъ!

XII.

День спустя Петръ Григорьевъ на работу вышелъ, и старикъ обошелся, ходилъ и дѣлалъ все, что по хозяйству надобно, но только за обѣдъ и ужинъ еще съ осторожностью садился. Шумиловъ тоже оправился: на мельницу переселился и тамъ ужь пьянствовалъ, а отъ своей деревни его отворотило. Мельникъ не нашъ былъ, изъ казенныхъ деревень, и снималъ у бывшей нашей помѣщицы на рѣкѣ мельницу. Варнава часто ему кое-что подѣлывалъ, исправлялъ, что у того не заладится, — на всякое мастерство у него дарованье было,

Digitized by Google

и по мельничной части разумѣлъ больше самого хозяина. Мельникъ возлюбилъ Шумилова, далъ ему у себя пристанище, кормилъ и виномъ каждый день поилъ. Совѣтовалъ онъ ему пожаловаться на міръ,—за ученье-то,—но тотъ не принималъ его совѣта... Изъ нашихъ, кто съ зерномъ поѣдетъ на мельницу, видали Шумилова. Идетъ бережкомъ, весь съежится, ступитъ шагъ—два и пріостановится, все словно чего боится, плечами вздергиваетъ, на воду смотритъ и глазами мигаетъ. Но самъ онъ встрѣчи съ своими избѣгалъ: если увидитъ кого, за кусты схоронится, и какъ будто нѣтъ его. Слыхали также, на дудкѣ играетъ, утѣшается.

Недолго однако Варнава на мельницѣ побылъ: около Воздвиженья простился съ своимъ пріятелемъ и ушелъ. Мать сказывала, будто бы сынъ отправился на богомолье въ Кіевъ и другія святыя мѣста... Хорошее дѣло! Можетъ, угодники и чудотворцы Господни, услышавъ его молитвы, пожалѣютъ заблудшаго и обратятъ на истинный путь. Одинъ Копытовъ сомнѣвался.

— Какія теперь святыя мѣста!—говорилъ.—Настоящіе богомольцы весной ходятъ молиться, а не осенью. Навѣрно опять въ коты ударился.

Къ своему престольному празднику Варнава не вернулся, на Рождество Христово его нѣтъ, и къ Пасхѣ не пришелъ. Пропалъ Шумиловъ... Да больше года о немъ никакого слуха не было. На деревнѣ про него позабыли; только мать одна помнила, ждала и горевала по сынѣ. Максимовна одна жила, подаяніями отъ добрыхъ людей питалась. Дочери ее къ себѣ звали—не согласилась.

— А ну какъ Варнавушка-то придетъ?

На другой годъ, вскорѣ послѣ Покрова, у насъ снѣжокъ выпалъ, сразу путь установился, и морозцы пошли. Наши по обыкновенію за возку лѣснаго матеріала принялись. Вотъ тутъ неожиданно Варнава Спиридонычъ и объявился. На лошадкѣ пріѣхалъ, одѣтъ во все теплое, мальчугана какого-то и кладь

Digitized by Google

съ собою привезъ, прямо къ родительскому дому подъѣхалъ. Глазамъ своимъ не вѣрили, что это Шумиловъ! Но видятъ, Максимовна, какъ сидѣла въ избѣ, въ одномъ сарафанишкѣ на волю выбѣжала, платка на голову не повязавши какъ слѣдуетъ, и, ровно обезумѣвшая, кинулась на шею пріѣзжему, креститъ его и цѣлуетъ...

— Да что это, не привидѣнье ли намъ,—говорили у колодца бабы,—Варнава будто и не Варнава?!. Безпремѣнно онъ: Максимовна его обнимаетъ и въ избу ведетъ... А паренекъ-отъ это съ нимъ чей?

Сильно потянуло любопытницъ въ избу Шумиловыхъ, но чего-то позасовѣстились... Одна Акулина, сосѣдка, побѣжала,—они съ мужемъ никогда Максимовну не покидали и сына ея жалѣли. Ласково съ ней Варнава поздоровался, чай пить оставилъ: самоваръ привезъ,—матери гостинецъ и подарокъ. Пока самоваръ грѣлся, они съ мальчуганомъ расшили рогожу, вынули какую-то большую „штуку“ и поставили ее къ окошкамъ, бумажными листами покрыли. Акулина спросила, что за вещь такая.

— Швейная машинка,—отвѣчалъ.—Я стану на ней работать. А вотъ это,—показалъ на паренька,—помошникъ мой будетъ. Если тебѣ что потребуется,—приноси, сошьемъ теперь скоро.

— Какъ не потребоваться?—та отвѣчаетъ.—Праздникъ близко...

По правдѣ сказать, дѣвки съ парнями обрадовались Варнавѣ, когда узнали, что онъ снова за мастерство свое примется, машинку поставилъ и помощника еще привезъ. Къ тому же — Егорій не за горами!.. Глядимъ, Шумиловъ, въ крытомъ тулупѣ, новыхъ валеныхъ сапогахъ и шапкѣ, на мельницу пошелъ, а оттуда воротился съ узломъ: работы приволокъ. Понесли и свои, деревенскіе. Придутъ къ нему въ избу, посмотрятъ: мастеръ за машинкой сидитъ, колесико вертится и что-то постукиваетъ, а паренекъ шьетъ. Передняя стѣна вся картинами оклеена, на которыхъ—барыни, господа, дѣтки.

Digitized by Google

— Фасоны,—кивнетъ головою на стѣну Варнава.—Смотрите, какіе носятъ костюмы.

— Вишь, барыни-то всѣ пригожія да модныя!—любуются дѣвки.

Стучитъ машинка, идетъ дѣло.

Много уже позже Шумиловъ намъ разсказывалъ о своемъ путешествіи. Мельникъ въ разговорѣ упомянулъ, что Кулебяшкинъ одной съ нимъ волости и что фабрику тотъ покинулъ, въ деревнѣ живетъ и хлѣбопашествомъ занимается. Богъ милость ихъ деревнѣ послалъ: общество какъ-то ухитрилось рядомъ землю купить—пашни, луговъ и лѣса, всего довольно,—и зажили теперь хорошо, на сторону бросили ходить. Варнава прямо и махнулъ къ своему пріятелю: въ то время онъ душою очень скорбѣлъ. „Хоть взгляну разъ на Андрюшу, а тамъ и покончу!..“

Любовно, съ полнымъ радушіемъ принялъ странника Кулебяшкинъ. Семья у нихъ большая, два брата съ женами и дѣтьми, и онъ старшій, большой надъ всѣми; домъ хорошій, живутъ согласно и достатки имѣютъ. Пріютилъ его у себя, одѣлъ и на ноги поставилъ: помогъ ему машинку купить и работу промыслилъ. Деревня находилась близко отъ станціи желѣзной дороги и торговаго села, работы сколько угодно. Кулебяшкинъ про искусство пріятеля желѣзнодорожнымъ разсказалъ, духовнымъ и прочимъ. Варнава работою потрафилъ, на господъ даже шилъ и двоихъ мальчиковъ въ ученьѣ къ себѣ взялъ. Кулебяшкинъ и своимъ домашнимъ, и знакомымъ постоянно расхваливалъ Шумилова. „Вотъ мой истинный другъ и покровитель. Ежели бы не онъ,—я свободно могъ на фабрикѣ испортиться; но Варнава Спиридонычъ всегда меня соблюдалъ и охранялъ, а впослѣдствіи даже такой примѣръ мнѣ на одномъ человѣкѣ представилъ, что я въ ужасъ пришелъ... А человѣкъ тотъ хоро-о-шій былъ!.. Видите сами, каковъ я? Вина не пью и живу слава Богу! Долженъ я вѣчно за это благодарить одного господина Шумилова“. Въ свободное время

Digitized by Google

Кулебяшкинъ съ нимъ хорошія книжки читалъ, про жизнь разсуждали и разное. Душевными разговорами да расположеніемъ своимъ побѣдилъ онъ въ пріятелѣ врага его... „Увидѣлъ я, какіе хорошіе люди бываютъ, какъ они живутъ союзно и къ ближнему своему относятся, и содрогнулся я всѣмъ существомъ“, разсказывалъ Варнава. „Прозрѣлъ я, словно за-ново родился, другимъ человѣкомъ сдѣлался, и теперь радостно гляжу на бѣлый свѣтъ. Не отпускали они меня домой, но родительницу захотѣлось видѣть да успокоить и передъ женой своей вины загладить. Одного мальчугана взялъ,—не былъ увѣренъ, что работы здѣсь столько будетъ,—а вотъ теперь и другой у меня. Богъ дастъ, больше распространю свое дѣло,—вонъ попадьи изъ села за мной присылаютъ...“ О богомольяхъ словомъ не обмолвился: должно, постѣснился этимъ выхваляться или не удосужился исполнить свое желаніе; но Максимовна потихоньку сказывала, что онъ ходилъ къ святымъ мѣстамъ, молился угодникамъ и чудотворцамъ Господнимъ, „съ горькими слезами припадалъ и просилъ, чтобы помогли ему въ порядокъ-то себя привести, душеньку свою сохранить“.

Живетъ по-хорошему, работаетъ съ пареньками-то. За недѣлю такъ до престола попросилъ мать къ женѣ сходить, звать ее къ себѣ и подарочекъ ей послалъ. Отецъ Марью не отпустилъ: сказалъ, что онъ посмотритъ, какъ дальше поведетъ себя Варнава... Опечалился, услышавъ такой отвѣтъ тестя, вздохнулъ и промолвилъ:

— Онъ справедливо поступаетъ. Я женѣ своей большой досадчикъ и мучитель былъ.

На храмовомъ праздникѣ Варнава Спиридонычъ не гулялъ, принялъ въ гости сестеръ съ мужьями и другихъ родственниковъ, но самъ вина не пилъ; а съ третьяго дня, проводивши гостей, принялся на машинкѣ постукивать—съ чужой деревни работы принесли... Но матери примѣтно было, что сынъ по временамъ задумывался и вздыхалъ. Боялась старуха: какъ бы съ нимъ чего не случилось, къ вину его не потянуло. Нѣтъ,

Digitized by Google

все съ нимъ благополучно, и жизнь ведетъ трезвую... А задумывается и вздыхаетъ!

О Рождествѣ Христовѣ Максимовна успокоилась. Сынъ въ село сходилъ, утреню и обѣдню въ церкви отстоялъ и воротился, а дома жена сидитъ: не стерпѣла Марья, пожелалось ей мужа увидѣть и отпросилась у отца къ Шумилинымъ на денекъ. Обрадовался ей Варнава!.. За обѣдомъ вина упросилъ ее выпить—мать попотчивалъ и самъ, ради праздника и свиданія съ женою, пропустилъ стаканчикъ и тотчасъ же бутылку въ шкафъ поставилъ. Марья пришла погостить, да такъ и осталась. Варнава съ этого дня пересталъ задумываться и повеселѣлъ.

XIII.

Хорошо зажили Шумиловы. Варнава съ женою — какъ молодые, недавно повѣнчанные; Максимовна ногъ подъ собою не слышитъ, ожила, и морщинки на лицѣ у нея поспрятались. Всѣ за работою да въ трудахъ. Въ домѣ у нихъ тихо, свѣтло и привѣтно. Машинка перестанетъ стучать, пѣсенки заведутъ: работаютъ и поютъ — не фабричныя пѣсни, какія раньше Варнава пѣлъ, а настоящія, деревенскія, протяжныя и на голоса. Бабы за прялками: Марья отъ мужиковъ не отстаетъ и держитъ свой голосъ, а Максимовна прядетъ и слушаетъ... Великое дѣло, какъ въ семействѣ согласіе и люди нужды не терпятъ! По воскресеньямъ Варнава Спиридонычъ съ помощниками книжку почитаютъ,—славные оба паренька, смирные и грамотные; а то съ женою выйдутъ на улицу, погуляютъ, съ добрыми людьми побесѣдуютъ.

— Дай имъ Богъ!—желаютъ на деревнѣ.—Мужикъ онъ разумный, что говоритъ, одно портило его маленько—слабость. А теперь уставился Варнава Спиридонычъ.

— И жена-то—долго ли въ спокоѣ пожила?—пригожею

Digitized by Google

стала, щеки ровно яблоки румяныя, и, полнѣть зачала,—вверну́ть слово бабы.

— Гляди, какъ бы она теперь носъ не задрала.

Самъ Варнава Спиридонычъ измѣнился, и люди къ нему стали по другому. О прошломъ и не намекнутъ, развѣ за глаза, да и то рѣдко вспомянутъ. Правда, были и невѣры, сомнѣвались въ постоянствѣ Шумилова. Разъ на бесѣдкѣ, въ разговорахъ, Щербачевъ съ веселостью сказалъ:

— Да, господа жители, много значитъ наука. Не поучи мы его въ позапрошломъ году—окончательно бы пропалъ, а теперь Варнава Спиридонычъ настоящій человѣкъ, свое заведеніе имѣетъ, машинку купилъ и деньги зарабатываетъ.

Копытовъ сердито повелъ на него своими бычачьими глазами.

— Не удержится, Савелій Савельичъ,—злорадно и разстановисто говоритъ.—Если бы ты слышалъ, какими онъ тогда дѣлами въ домѣ Минеича выхвалялся, такъ узналъ бы, какой онъ есть человѣкъ. Много на душѣ его тяжкихъ грѣховъ, и совѣсть въ немъ не можетъ быть спокойною: заговоритъ она, и Варнава сопьется. Я такъ полагаю, великій онъ еретикъ.

— Ну, Семенъ Алексѣичъ, ты ужь очень строгъ,—заступился Антонъ Елисѣевъ, сосѣдъ Варнавы.—Что Шумиловъ не вашей вѣры и ходитъ въ великороссійскую церковь, такъ ужъ онъ и еретикъ! Поэтому мы всѣ, по-твоему, будемъ еретики. А что насчетъ его фабричныхъ похожденій, про слѣпаго тамъ и бабу, что ли, такъ я это за одну похвальбу и пустыя слова почитаю. Въ дикомъ образѣ человѣкъ всячину на себя наплететъ.

Старикъ Куделинъ, добродушно посмѣиваясь, отъ себя прибавилъ:

— Не знаю я, еретикъ или душегубъ Варнава, а только полѣномъ онъ меня важно угостилъ.

Засмѣялись мужики.

— Память далъ, Григорій Иванычъ?

Digitized by Google

— Да таки долгонько помнилось. Вотъ теперь думаю: надо мнѣ съ него за безчестье хоть трешницу взыскать.

— Ну?!—обрадовался Копытовъ. — Четвертной билетъ требуй!

Работою завалили Шумилова. Изъ чужихъ деревень несутъ, въ село и барскія усадьбы, какія въ окрестности, зовутъ нашего мастера. Счастье большое ему повезло. Марью свою пріучаетъ къ машинкѣ, самъ рукъ не покладываетъ, дни и ночи трудится.

— Надо работать,—говоритъ.—Переднюю избу хочу проконопатить, мохъ мѣстами посгнилъ и тепло на волю пропускаетъ; а заднюю перестрою, расширю помѣщеніе и обоями оклею.

Мать уважаетъ, за женою ухаживаетъ, ровно за какой барыней—ужь очень она ему люба да по сердцу стала... Съ помощниками своими, пареньками, обходится ласково, работой не загоняетъ, содержитъ хорошо и соблюдаетъ какъ родныхъ. Хотя и много онъ трудился, но видъ имѣлъ свѣжій, лицо чистое, и рябь въ глазахъ прошла, не мигалъ часто, какъ прежде, всегда довольный и веселый... Покашливалъ, но изрѣдка и легонько.

Осенью, на Ивана Богослова, Марья сынка родила, первенькаго,—до этого дѣтокъ у нихъ не было. Вотъ радости-то было! Кажется, счастливѣе-то Варнавы Спиридоныча и человѣка на свѣтѣ не сыщешь. То-и-знай, что къ рожденицѣ все подбѣгаетъ, спрашиваетъ, не желаетъ ли она чего, на младенчика заглядываетъ, радуется... Пріятелю своему Кулебяшкину далъ знать: съ мужичкомъ нарочно телеграмму на станцію отправилъ. Черезъ два дня тотъ явился: въ кумовья его Шумиловъ позвалъ. Со всей деревни народъ собрался посмотрѣть на господина Кулебяшкина, когда онъ съ кумою Акулиною и новорожденнымъ въ село поѣхали. Молодой, изъ себя красивый, темнорусый и высокій, лицо сурьезное и чуть примѣтная улыбочка на устахъ,—видятъ, что степенный и обстоятельный че-

Digitized by Google

ловѣкъ, но на языкъ ему не попадайся!.. Послѣ крестинъ родильницѣ подарокъ онъ сдѣлалъ, а крестнику на зубокъ положилъ золотой. Вотъ какой отецъ крестный! Большое уваженіе у насъ къ нему возымѣли.

Двое сутокъ прогостилъ Андрей Петровичъ Кулебяшкинъ. Карпъ Минеичъ къ Шумиловымъ приходилъ, велъ съ гостемъ разные разговоры, — ума пыталъ, объ истинной вѣрѣ началъ бесѣдовать, но господинъ Кулебяшкинъ нѣсколькими словами прекратилъ объ этомъ бесѣду.

— Разница, — сказалъ, — въ обрядахъ и словахъ, а не въ духѣ. Какъ вы, такъ и мы вѣримъ въ святую Троицу, почитаемъ Бога-Отца, Сына и Святаго Духа. Если каждый будетъ поступать по евангелію, то спасеніе души человѣкъ одинаково получитъ, что въ вашей вѣрѣ, что въ нашей.

Багровъ спросилъ:

— По вашимъ словамъ выходитъ, что и язычникъ можетъ спастись, если будетъ послѣдовать ученію Исуса Христа?..

— Полагать надо, что спасется.

— Какъ такъ?!

— А какъ же? Вѣдь ужъ тогда онъ не язычникъ будетъ.

Сразилъ!

— Постой... Нѣтъ, ты что-то не туда гнешь.

— Туда! — перебилъ Кулебяшкинъ. — Вѣрно, почтенный старичекъ. Я очень уважаю ваше рвеніе и, пытливость ума, но спорить о такомъ предметѣ мы не станемъ. Поговоримте лучше о нашихъ крестьянскихъ нуждахъ, о землепашествѣ и промыслахъ. Вотъ я слышалъ, что вы на фабрику лѣсной матеріалъ доставляете. Интересно мнѣ узнать, почему, примѣрно, цѣну за дрова управляющій или фабрикантъ назначаютъ съ сажени, а кладку производятъ въ три съ половиною длиннику и столько же кверху?

— Справедливо, — отвѣчаетъ Багровъ: — „у насъ сажень такая“, говорятъ.

— Да развѣ мѣра не одна въ Россіи? Казенная сажень

Digitized by Google

три аршина ровно. Слѣдовательно, фабрика должна принимать по казенной, а не по своей мѣрѣ.

— Тогда работы не станутъ намъ давать.

— Пусть такъ,—послѣ мы этотъ вопросъ съ вами разсмотримъ. Скажите, цѣну объявляютъ словесно, а въ книжкѣ вамъ не обозначаютъ?

— Нѣтъ... При разсчетѣ противъ словесной цѣны четверть рубля или полтинникъ съ сажени-то еще скостятъ.

— Остановимся. Вотъ теперь и потолкуемъ, разберемъ дѣло со всѣхъ сторонъ...

И пошелъ, и пошелъ. Остроту ума и сообразительность великія показалъ.

— Ну, башка!—удивлялся послѣ Багровъ.—Мозги здоровые имѣетъ. Этакой башки я еще въ жизнь свою не встрѣчалъ!

Передъ отъѣздомъ Андрей Петровичъ обратилъ вниманіе на кашель своего пріятеля.

— Варнава Спиридонычъ, что ты, я замѣчаю, покашливаешь?

— Вѣрно отъ табаку... Надо бросить.

— Прекрасно сдѣлаешь. А еще лучше, если обратишься къ доктору.

— Пустяки.. Кашель меня не безпокоитъ. Рѣдко, вѣдь, я кашляю...

Кумъ проницательно таково посмотрѣлъ на Варнаву Спиридоныча.

— Конечно, пустяки,—промолвилъ.—Но все же, при случаѣ, ты посовѣтуйся: лѣкарства дадутъ и освободишься.

Собрался въ путь.

— Кумушка! Смотрите же, ростите и берегите моего крестника,—наказывалъ роженицѣ.—Выростетъ,—мы въ училище его отдадимъ. По нынѣшнему времени безъ образованія человѣку невозможно. Будьте здоровы. Давайте мнѣ вѣсти о себѣ и крестникѣ.

Digitized by Google

— Покорно васъ благодарю, Андрей Петровичъ, за ваше расположеніе къ намъ и труды,—отвѣчала кума...

— Не говорите!—перебилъ кумъ:—я даже очень радъ и счастливъ... Вы представить себѣ не можете, какъ я многимъ обязанъ вашему супругу!... Любезнѣйшая Агаѳья Максимовна! до пріятнаго свиданія. Заочно съ вами я давно былъ знакомъ, а вотъ теперь и лично Господь привелъ познакомиться и внучка вашего отъ купели воспринять.

— Ой, батюшка, родимый ты мой! Спасибо тебѣ,—въ умиленіи сердца говорила старуха.—Какой ты доброжелательный, да къ людямъ-то участливый... Недаромъ Варнавушка-то за-все о тебѣ поминалъ да свиданьице съ тобой желалъ имѣть.

Шумиловъ на лошадкѣ самъ отвезъ пріятеля на станцію желѣзной дороги. Максимовна разсказывала, что всю дорогу они проговорили, и Андрей Петровичъ, между прочимъ, сказалъ Шумилову:

— Расширяй дѣло. Набери артель и орудуй.

Денегъ будто радужный билетъ далъ своему дружку.

— Дѣло свое поставишь и вернешь мнѣ,—промолвилъ.— Но, Бога ради, побывай ты у доктора. Исполни ты эту мою просьбу, сердечный другъ и милый кумъ!..

Въ глазахъ деревни Варнава Спиридонычъ теперь очень возвысился: шутка сказать, какого онъ друга имѣетъ! Андрей Петровичъ, человѣкъ значительный и, по всей видимости, съ капиталомъ, не сталъ бы поддерживать знакомство и дружбу съ пустымъ человѣкомъ.

А Варнава Спиридонычъ, посиживая за работою, говорилъ своимъ семейнымъ:

— Что у насъ въ дому за радость и спокой! Дѣло у насъ чистое, людямъ полезное, обиды или притѣсненія отъ нашего мастерства никому нѣтъ, и сами мы живемъ господами... Если бы я съ дѣтства по портновской части пошелъ, то я никогда бы слабости не поддался... Но, видно, не отъ насъ зависитъ благополучіе жизни... А безъ фабрики не зналъ бы

Digitized by Google

я такого человѣка, какъ мой другъ Андрей Петровичъ. Что за душа! И за что онъ такъ много меня возлюбилъ? Что я для него полезнаго сдѣлалъ? Одно, что самъ я полюбилъ его, всячески оберегалъ и предостерегалъ отъ дурного на фабрикѣ, зная по собственному опыту, какъ молодой человѣкъ легко можетъ спокачнуться, на всю жизнь сдѣлаться несчастнымъ. Такъ въ этомъ моей заслуги никакой не было. А онъ? Есть же на свѣтѣ такіе люди!

XIV.

Три года прошло. Слава о нашемъ мастерѣ далеко распространилась. Работы—только поспѣшай, всей не передѣлаешь; новыхъ учениковъ набралъ, а прежніе двое за подмастерьевъ работаютъ. Заднюю горницу передѣлалъ, сложилъ въ ней печь и перевелъ туда мастерскую, а переднюю проконопатилъ и обоями свѣтлыми оклеилъ: исполнилъ, какъ ему желалось. Крестьянства не оставлялъ: на лѣто работника нанималъ, и бабы съ нимъ хозяйство справляли. Ни разу въ три года не дозволилъ себѣ разрѣшить. Въ храмовой праздникъ или когда по особому случаю стаканчикъ выпьетъ и тѣмъ ограничитъ. Со стороны люди глядятъ на благополучіе Шумиловыхъ и только дивуются.

— Откуда что у нихъ берется?—толковали наши умницы.—Экое счастье имъ повалило. Ровно бы ужъ это и неспроста.

— То-то вотъ: „неспроста“,—покрывала Копытиха.—Если Варнава не ограбилъ кого, такъ онъ волшебникъ: безпремѣнно душу свою нечисти продалъ. Ну-ка, сообразитесь: много ли нажили денегъ портные, которые съизмалѣтства своимъ мастерствомъ занимаются, а Варнава въ короткое время разбогатѣлъ, домъ исправилъ и мастерскую большую содержитъ. Смекните-ка?

Digitized by Google

А Семенъ Алексѣевичъ внушалъ мужикамъ:

— Темная его жизнь была, темная, во злѣ и нечестіи протекла. Развѣ старые грѣхи не возопіютъ? Вина не потребляетъ, такъ во что другое ударится. Бѣси не дадутъ ему въ покоѣ жить. А въ предбудущемъ-то что его ожидаетъ?

Благочестивый мужъ былъ этотъ Семенъ Алексѣевичъ, всѣхъ-то онъ застращивалъ воздаяніемъ да муками грѣшнымъ въ будущемъ, а самъ, при своей строгой жизни, любилъ на молодыхъ бабъ заглядываться и никогда, въ какой бы нуждѣ человѣкъ ни находился и какъ ни молилъ бы его выручить, ни за что не пожалѣетъ и не поможетъ: деньги въ ростъ отдавалъ—въ кассу клалъ.

Весною и лѣтомъ самымъ любимымъ развлеченіемъ Варнавы Спиридоныча было на рѣку ходить. Заберетъ семейство, помощниковъ и отправится къ пріятелю своему мельнику. Расположится тамъ на лужечкѣ и проводитъ время за самоваромъ. Бесѣдуютъ за пріятность. На травкѣ сыночекъ цвѣточками забавляется. Отецъ полюбуется на него, посмотритъ на рѣку, какъ солнышко по ней золотыми искрами блещетъ, рыба всплескивается, и когда на дудкѣ поиграетъ.

Но, видно, Господь не судилъ долго Варнавѣ Спиридонычу жизнью прекрасной наслаждаться.

Давно онъ покашливалъ, но чѣмъ дальше, тѣмъ кашель хуже его безпокоилъ. Лѣто и зиму ничего, какъ будто поостановитъ и Варнава Спиридонычъ чувствуетъ себя лучше, а въ концѣ зимы снова подымется и еще хуже донимаетъ. Третьюто весну и очень тяжело ему приходилось. Фельдшеру показывался, нарочно къ доктору за сорокъ верстъ ѣздилъ: давалъ какихъ-то порошковъ и питья, но пользы лѣкарства мало ему принесли. „Пей больше парного молока и гуляй на чистомъ воздухѣ“,—наказалъ докторъ. На четвертомъ году онъ и зиму всю кашлялъ и нехорошо — кусками да съ кровью кашлялъ, худѣть началъ, за-все въ поту, особливо по ночамъ. Неможется

Digitized by Google

ему, а работаетъ, отдыха себѣ не знаетъ. Такъ вплоть до Великаго поста тянулось.

— Варнава Спиридонычъ,—скажетъ ему Марья,—да ты хоть бы на денекъ безъ работы побылъ... Вѣдь, хуже себя утомишь.

— Нельзя, Мариша, работы много и на Страстной надо окончить, чтобы добрые люди на насъ послѣ не огнѣвались.

— Да развѣ мы не управимся? — настаиваетъ жена. — Отдохни.

— Отстань, Марья,—сердится больной.—Я себя понимаю. Передъ весной и въ прошломъ году меня томило, а какъ ледъ прошелъ, такъ я и здоровъ сталъ.

За половину постъ перевалилъ, Варнавѣ Спиридонычу нѣтъ легче: въ знобъ его и жаръ кидаетъ, голосъ слабый, съ хрипотой, и весь-то онъ въ поту. Ужь самъ теперь, безъ напоминанія домашнихъ, изъ-за работы приляжетъ и отдохнетъ.

— Что это со мною? — говоритъ. — Словно у меня все тѣло не свое, не чувствую я его, а вотъ только одно дыханіе трудное и кашель.

Сынка увидитъ, поманитъ къ себѣ; тотъ подойдетъ къ отцу—бѣгалъ ужь и лопоталъ мальченочка.

— Андрюша, сынокъ!

Поотдохнетъ немного, подымется и опять за работу. Такъ до самой Страстной перемогался: здоровья нѣтъ, а работаетъ. Жена и мать не смѣютъ заикнуться: разсердится и пуще закашляется.

На Страстной однако совсѣмъ обезсилѣлъ: свалился, лежитъ и подняться не можетъ. Только подзоветъ подмастерья или ученика, поглядитъ на шовъ, покажетъ что не такъ, самъ ужь ни до чего не притронется.

На дворѣ тепло стоитъ, грачи давно прилетѣли, и скворушки показались; снѣгъ день ото дня ѣстъ, ручейки весело по улицѣ бѣгутъ, по рѣкѣ вездѣ наслузы разлились.

— Весна, — говоритъ больной. — Скоро рѣка тронется...

Digitized by Google

Только бы вотъ ледъ прошелъ, а я опять буду здоровъ... Мариша, окончите ли до Святой?

— Все окончимъ,—отвѣчаетъ Марья:—до четверга работу сдадимъ.—Не тревожь ты себя, родной...

— Ну, коли такъ, слава Богу. Больно мнѣ не хочется, чтобы кто безъ обновки остался, не огорчить бы кого для Свѣтлаго дня. Ужь вы постарайтесь.

— Будь спокоенъ, хозяинъ,—отвѣчаютъ подмастерья.—Ночи насквозь просидимъ, а ужь заказчиковъ всѣхъ ублаготворимъ.

Дѣвки прибѣгаютъ, бабы и парни насчетъ своихъ пальто, дипломатовъ и разныхъ жакетокъ справляются, готовы ли. Примѣряютъ. Варнава Спиридонычъ, не вставая съ постели, самъ оглядитъ, хорошо ли на комъ все сидитъ, покажетъ, гдѣ вынуть нужно и что поправить.

— А тебѣ, знать, дядюшка Варнава, больно неможется?—спроситъ какая изъ дѣвокъ.

— Весь ослабѣлъ, — промолвитъ. — Должно ледъ скоро взломаетъ.

— Ну, дай Богъ тебѣ здоровья! Спасибо, что работку мнѣ окончилъ, съ праздникомъ меня сдѣлалъ.

Въ Великій четвергъ больному очень тяжко сдѣлалось: грудь завалило и дыханія не даетъ. Попросилъ за священникомъ съѣздить:

— Можетъ, полегче будетъ...

Исповѣдался и причастился. Батюшка пожелалъ ему здоровья и прибавилъ:

— На Всевышняго уповай, Варнава Спиридонычъ. Никто намъ не поможетъ, какъ только Онъ единый и податель всѣхъ благъ.

Марья проводить вышла священника и на крылечкѣ спросила:

— Какъ, батюшка, по-вашему, поправится ли Варнава Спиридонычъ?

Digitized by Google

— Весьма сомнительно,—отвѣчалъ.—По моимъ замѣчаніямъ надъ трудно больными, не жилецъ онъ на семъ свѣтѣ. Долго не протянетъ... Впрочемъ, въ животѣ и смерти одинъ Господь воленъ.

Тосковалъ больной... Андрея Петровича постоянно вспоминалъ, — желалось ему на дружка взглянуть. Пятницу и до полудня субботы у больнаго горломъ все куски съ кровью выходили. Домашніе полагали, что онъ помретъ. Максимовна и жена какъ убитыя ходили. Но къ вечеру Варнава Спиридонычъ поуспокоился.

— Ледъ не тронулся? — спросилъ.

— Собирается. Окрайны показались, отъ береговъ отъѣло. Гляди, въ ночь пойдетъ.

— Поскорѣе бы онъ прошелъ...

Поотвернулся къ стѣнкѣ и замолкъ.

Максимовна отвела сноху къ сторонкѣ и шепнула.

— Теперь я догадываюсь, отчего у него хворь то: нутренность отбита.

Въ послѣдніе дни чуть не вся деревня перебывала у Шумиловыхъ: мужики и бабы прощенья у Варнавы Спиридоныча просили, что, можетъ, когда въ чемъ не пообидѣли ли его, словомъ какимъ не оскорбили ли.

— Не въ чемъ васъ... прощать мнѣ, — чуть слышно отвѣчалъ больной. — Я всѣмъ... своими дерзкими рѣчами... огорченья причинялъ. Меня вы, Христа ради, простите... Да нѣтъ... я еще поживу съ вами...

Всю ночь на Свѣтлое Воскресенье спалъ. Домашніе тревожились очень, не умеръ ли, дыханья не слышно, но дотронутся до головы или руки—теплыя.

Утро занялось, солнышко-батюшко ради Великаго дня Христова Воскресенія на восходѣ взыграло, небеса и земля радуются, на голыхъ ветлахъ, липахъ и березкахъ сворушки весело распѣваютъ, а внизу деревни — шумъ пріятный, ледъ тростниками шуршитъ, — въ ночь рѣка тронулась. Марья со

Digitized by Google

сверковью давно печку истопили, управились и въ избѣ прибрались, а Варнава Спиридонычъ все еще спалъ. На улицѣ голоса послышались, скрипъ телѣгъ, — изъ села отъ утрени и обѣдни народъ возвращается. Больной открылъ глаза, — большіе они у него стали и глубокіе, — глядитъ такъ хорошо и улыбается.

— Да какой у насъ нынче день? — освѣдомился.

Услыхали бабы, возрадовались и поспѣшили къ нему.

— Свѣтлое Христово Воскресенье, родимый.

Перекрестился.

— Христосъ воскресе, Варнава Спиридонычъ!—жена наклонилась и хотѣла поцѣловать.

— Постой, Мариша, — промолвилъ.—Я сперва умоюсь и Богу помолюсь.

Хотѣла ему помочь, а онъ рукой отстранилъ и самъ поднялся. Умылся, помолился Богу и похристосовался.

— Слава Богу,—благодарно вздохнулъ:—легкость я большую чувствую... Дайте мнѣ пороодѣться, — и присѣлъ на лавку. — А гдѣ Андрюша? Или спитъ?

— Вставалъ, да опять заснулъ.

Подмастерья съ учениками пришли и похристосовались съ хозяевами. На столѣ чистый самоваръ шумѣлъ, старуха яйца поставила, пасху и куличъ. Всѣ усѣлись вокругъ, принялись разговляться и чай пить. Прояснились лица, увидавъ хозяина за столомъ, на сердцѣ повеселѣло.

— Что это? Словно гдѣ шумитъ?—спросилъ Варнава Спиридонычъ.

— Ледъ идетъ.

Просвѣтлѣлъ, и глаза на иконы возвелъ — опять перекрестился.

— Вотъ отчего мнѣ такъ и легко, — сказалъ.—Теперь я поправлюсь, выздоровѣю,— и въ окошко посмотрѣлъ.—Какъ на водѣ-то прекрасно!

Digitized by Google

Проснулся сынокъ. Мать умыла его, нарядила во все новое и къ отцу повела.

— Христосъ воскресе, сынокъ!

Мальченочка обнялъ изо всей силушки отда, цѣлуетъ его и въ глаза ему глядитъ.

— Тятя, тятя,—лопочетъ. — На мнѣ рубашка новая... поясокъ какой!

Днемъ кое-кто заглянулъ къ больному.

— Ну, вотъ, слава Богу, на поправку дѣло пошло!

Куделины приходили, отецъ съ сыномъ, Савелій Савельичъ, Усановъ и Багровъ, бесѣдовали съ больнымъ и рѣчами его добрыми занимали. Щербачеву съ чего то вздумалось о причинѣ недуга освѣдомиться.

— Отчего такая скорбь къ тебѣ привязалась? Кажется, здоровье у тебя всегда было хорошее!

Услышала Максимовна. Не стерпѣло ея материнское сердце.

— А скорбь эта, Савелій Савельичъ,—отвѣчала,—зачалась у Варнавушки съ того раза, какъ вы его черезъ воротцы-то перекидывали. Только она долго не сказывалась, хоронилась, а послѣ кусками да кровью изъ него стала выходить.

Краска на щекахъ больного выступила.

— Нѣтъ, матушка, не оттого,—промолвилъ:—фабричное житье во мнѣ эту хворь заложило.

Татьяна Ивановна, жена Багрова, пришла, съ хозяевами похристосовалась и подсѣла къ больному.

— Да ты бы прилегъ, Варнава Спиридонычъ,—говоритъ жена.

— Нѣтъ, я посижу,—отвѣчаетъ. — Належался я, да и спалъ нынче хорошо.

Бесѣдуетъ съ Татьяной Ивановной. Подмастерья и ученики на улицѣ гуляютъ, Марья съ Андрюшенькою подъ окошко вышла, а мать во дворѣ скотину поитъ. Татьяна Ивановна заговорила, да къ хозяину съ такимъ вопросомъ:

— Развяжи ты меня,—начала тихо,—не вѣрю я, а все

Digitized by Google

какъ будто въ сомнѣніи... Скажи ты мнѣ,—нынче день избавленія рода человѣческаго! Правду ли ты говорилъ... про старика и бабу? Помнишь?

Посмотрѣлъ такъ ясно на собесѣдницу Варнава Спиридонычъ, только улыбочка горькая на устахъ его шевельнулась.

— Ни въ чемъ подобномъ я не повиненъ, Татьяна Ивановна,—отвѣтилъ кротко.—Не я, вѣдь, тогда говорилъ, а голова моя шальная... Хотя фабрика поразвратила меня, но грѣхамъ такимъ я не причастенъ. Богу на страшномъ судѣ въ этомъ не покаюсь и передъ людьми не потаюсь: безгрѣшенъ.

Встала Татьяна Ивановна, поклонилась въ ноги больному и сказала:

— Прости меня, родимый. Спаси тебя Христосъ, развязалъ ты мою душу.

Поусталъ больной. Говорилъ ли онъ много, или слабость опять начала въ него вступать, только захотѣлъ прилечь. Всталъ, пошатывается; подхватили его подъ руки, довели до мѣста и положили. Ночь тревожно провелъ и другой день страдалъ. Женѣ съ матерью говорилъ:

— Не вѣрьте, что про слѣпого и женщину разсказываютъ... Все неправда... Вралъ... Одно хвастовство... пьянаго человѣка ..

— Да ты не тревожь себя! Знаемъ, что ты напраслину на себя клепалъ. Успокойся!

Поглядитъ на жену, на мать и на сынка, и слезы, слезы у него изъ глазъ.

— Поднеси ко мнѣ Андрюшу... Я благословлю его.

Вспомнилъ, что Копытовъ у него не былъ. Попросилъ сходить къ нему и позвать.

Пришелъ старикъ.

— Прости меня, Семенъ Алексѣичъ, — говоритъ: — я тебя словами и поступками своими оскорблялъ... Не я, вино... Прости, Христа ради...

Дрогнуло что-то въ суровомъ лицѣ старика, и онъ спѣшно таково ему отвѣтилъ:

Digitized by Google

— Богъ проститъ. И ты прости меня, ежели я въ чемъ передъ тобою прегрѣшилъ.

Ночь Варнава Спиридонычъ метался, дыханья у него не доставало, и въ мукахъ то своихъ предсмертныхъ все спрашивалъ:

— Прошла рѣка?

— Вечеромъ льду немного ужъ оставалось. Къ утру очистится.

А то объ Андреѣ Петровичѣ затоскуетъ.

— Взглянулъ бы я на него... впослѣдніи!

До утра дотянулъ, но еле ужъ въ немъ духъ держался, весь разслабъ. Въ полномъ сознаніи однако, смотритъ съ печалью на милыхъ сердцу... За дверью постучали. Марья вышла. Минуты двѣ спустя воротилась и къ кровати мужа подошла.

— Гость къ тебѣ,—сказала.

Дверь отворилась, и вошелъ Андрей Петровичъ Кулебяшкинъ — паренки-то, подмастерья, отъ себя вѣсть ему дали о хозяинѣ.

Увидѣлъ его умирающій, румянецъ по блѣднымъ, впалымъ щекамъ разлился, глаза радостно затеплились.

— Андрюша, — слабо вымолвилъ, — Христосъ воскресе! Пріѣхалъ... Богъ... наградитъ тебя... за все..

— Другъ мой, Варнава Спиридонычъ! — началъ тихо пріѣзжій.—Какъ я радъ, что вижу тебя.

Присѣлъ къ кровати, руку друга держитъ и словами успокаиваетъ. Мать, жена съ сынкомъ стоятъ. Повелъ на всѣхъ очами Варнава Спиридонычъ, слезинки выкатились и къ Андрею Петровичу:

— Не оставь,—губами пошевельнулъ.—Сироты...

Рѣка прошла, разлились воды и унесли Варнаву Спиридоныча. Тихо, безъ всякихъ страданій скончался, словно заснулъ сладко. Въ послѣднюю минуту улыбнулся кому то свѣтло, вздохнулъ легонько и отдалъ Господу Богу свою душеньку...

Digitized by Google

Стеня Дубковъ.

ПОВѢСТЬ.

Слава о Стенѣ Дубковѣ и его подвигахъ гремитъ по всей округѣ. Ему всего двадцать лѣтъ, а онъ второй годъ деревенскимъ судьею. Стеня пользуется общимъ уваженіемъ, имя его парнями всегда произносится съ почтеніемъ, а дѣвицами и съ какимъ-то еще веселымъ оживленіемъ. Стеню хорошо знаютъ и фабричные, особливо имъ памятна его рука! И надо отдать справедливость Стенѣ,—онъ вполнѣ заслуживалъ громкую извѣстность и общій почетъ.

Стоило разъ взглянуть на эту высокую, широкоплечую и словно отлитую изъ бронзы фигуру, увѣнчанную темной шапкою кудрявыхъ волосъ, мужественное лицо съ большими сѣрыми глазами и мягкимъ носомъ, и руки, похожія на двѣ здоровенныя слеги, чтобы невольно проникнуться къ деревенскому юношѣ должнымъ уваженіемъ и одновременно почувствовать передъ нимъ все свое физическое ничтожество. А голосъ? Не однѣ птицы въ страхѣ летѣли прочь,—коровы шарахались въ сторону, а взрослые люди, если невзначай услышатъ, пугались и торопливо крестились.

Деревня до сихъ поръ чтитъ и уважаетъ силачей, но Стенѣ почетъ оказывали не за одну только эту грубую силу: въ ха-

Digitized by Google

рактерѣ его были другія черты. Стеня никогда первый никого не задиралъ и не трогалъ, не отвѣчалъ на грубую брань, которою осыпали его фабричные; оставался равнодушнымъ даже къ продѣлкамъ деревенскаго забіяки, желавшаго хвастнуть передъ товарищами, что вотъ, молъ, вы Стеньки-то боитесь, а я надъ нимъ куражусь. Самое большое, что въ подобныхъ случаяхъ позволялъ себѣ Дубковъ, такъ это, не возвышая голоса, спокойно промолвитъ: „Чего тебѣ?—и подниметъ палецъ, только одинъ палецъ.—Видѣлъ?“ Храбрецъ отскочитъ, съежится и завиляетъ: „Я, Стеня, ничего... я, вѣдь, такъ, шутя, играю съ тобою...“—„Ну, такъ ступай въ телятникъ!—отвѣтитъ Стеня,—тамъ по себѣ найдешь товарища, а намъ не мѣшай бесѣдовать“. Но если Стеня видѣлъ для себя оскорбленіе, „измѣну“ или „подлость“, тогда онъ вспыхивалъ, какъ порохъ, и ловко расправлялся съ врагами; если кого безъ всякой причины обижали, Стеня горой вставалъ за пострадавшаго, и долго обидчики чувствовали слѣды желѣзной руки. „Вотъ чортъ-отъ, вотъ лѣшій-то копнинскій!“ — плакались они, почесываясь и оглядывая въ разныхъ мѣстахъ на тѣлѣ кровоподтеки. А какъ Стеня стоялъ за интересы и честь родной деревни!.. За непомѣрную силу, „правильность“ и другія высокія достоинства Стеня былъ выбранъ молодежью въ судьи. Поводомъ къ созданію въ деревнѣ новой власти послужилъ цѣлый рядъ обстоятельствъ.

Лѣтнею порой, на гулянкѣ или въ хороводѣ, изъ-за какихъ-нибудь пустяковъ ребята между собою поспорятъ и подерутся. Зимою на посидѣнкахъ, въ самый разгаръ игръ и оживленія, одинъ пріятель ни съ того, ни съ сего съѣздитъ другого по уху. Другой отвѣтитъ по зубамъ или щекѣ. И такъ бываетъ: молодецъ, любезничая и цѣлуясь съ дѣвицею, безъ всякой причины ухватитъ ее за честную красоту, то-есть за косу. Такая неожиданность и вмѣстѣ съ тѣмъ „неочесливость“ обращенія вызоветъ протестъ со стороны парня, неравнодушнаго, можетъ быть, къ оскорбленой дѣвушкѣ. Одно мгновеніе—и

Digitized by Google

удалецъ оглушенъ, а черезъ минуту-двѣ сидитъ ужъ съ украшеніемъ на переносицѣ, похожимъ на хорошую рѣпу. Но это, такъ сказать, домашніе счеты или внутреннія недоразумѣнія. Гораздо важнѣе и значительнѣе оказывались недоразумѣнія международныя, то-есть когда схватывались копнинскіе съ парнями другихъ селеній. Поводомъ опять—дѣвицы и водка. Дѣло въ томъ, что на посѣдкахъ красавицы оказываютъ „чужимъ“ парнямъ особенное вниманіе и привѣтливость. Происходитъ ли это изъ невинной хитрости заставить „своихъ“ больше цѣнить и уважать себя, или просто свои имъ очень ужъ приглядѣлись и надоѣли,—добраться тутъ до настоящей причины положительно невозможно. Свои немедленно предъявляли къ чужимъ требованіе: за участіе въ бесѣдахъ и за пріятныя игры съ дѣвицами пришлые обязаны мѣстнымъ поставить вина. Одни безпрекословно подчинялись этому обычному требованію, зная хорошо, что и сами они съ копнинскихъ сорвутъ, когда тѣ придутъ къ нимъ на вечерку; но другіе отказывались и упорствовали, продолжая въ то же время заниматься съ дѣвицами. Недоразумѣніе увеличивалось и росло. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ—молодецкая схватка, нерѣдко переходившая въ отчаянную битву, причемъ въ большинствѣ случаевъ, побѣдные лавры доставались пришлецамъ, а на долю туземцевъ, до появленія на сцену дѣйствій Степи Дубкова, выпадали одни терніи, по-просту сказать, значительныя тѣлесныя поврежденія. Общіе результаты какъ международныхъ битвъ, такъ и внутреннихъ распрей—болѣе или менѣе продолжительное сидѣніе или лежаніе въ четырехъ стѣнахъ. Копнинскіе ребята не показывались въ чужихъ деревняхъ, они не рѣшались появляться и на посидѣнкахъ въ своей: какъ-то неловко стѣснительно красоваться передъ дѣвицами съ разбитой скулой, съ носомъ лепешкою или съ фонаремъ! Но это не велика бѣда: стоило разъ пойти на бесѣдку, и дѣвки поприглядѣлись бы, дѣло сошло по-хорошему. На-зло бабы вмѣшались, стали надъ ребятами смѣятся: „Экіе у насъ парни-то пригожіе! Ни на одномъ-то образа человѣческаго нѣтъ!“

Digitized by Google

Долѣе терпѣть было ужъ не въ моготу: копнинцы порѣшили на будущее время оградить свои молодецкія лица и соколиныя очи отъ всякихъ поврежденій. Съ этой цѣлью собрались они въ праздничный день потолковать, посовѣтоваться и изыскать цѣлесообразныя средства.

Послѣ долгаго обсужденія, пришли къ тому, что необходимо имъ выбрать изъ своей среды „праведнаго“ судью, который предупреждалъ бы возможность столкновеній и наказалъ зачинщиковъ. Затѣмъ перешли къ самому главному вопросу: кто же въ состояніи выполнить столь важныя и нелегкія обязанности? Общее мнѣніе назвало Стеню Дубкова. Выбравъ кандидата, парни всѣмъ сходомъ направились къ большой избѣ, которую дѣвки нанимали для посидѣлокъ, и позвали на собраніе Стеню.

— Дубковъ,—объявилъ одинъ изъ выборщиковъ, Миша Ковригинъ, черноволосый парень средняго роста, съ карими глазами и серьезнымъ выраженіемъ продолговатаго лица, — мы всѣмъ обществомъ желаемъ тебя имѣть своимъ судьей.

Дубковъ не заломался.

— Что-жъ, я, пожалуй,—благодушно отвѣтилъ великанъ.

— Будешь разбирать дѣла по правдѣ, по совѣсти?

— А то какъ же?... Кривулять, что ли, стану? Грѣха на душу брать не охота.

Никто не сомнѣвался въ правдѣ и безпристрастіи Стени.

— Защиту и помощь противу непріятеля подашь?

— Вона! Неужели своихъ-то я выдамъ?

— Теперь ты намъ повѣдай,— продолжалъ все тотъ же Ковригинъ,—какой твой будетъ законъ?

Стеня позамялся.

— А вотъ, братцы, объ этомъ я еще не подумалъ... Законъ? Законъ... Подождите! Я сейчасъ...

Стеня отошелъ и уставился лицомъ въ уголъ...

Выборщики мигомъ догадались, что Дубкову предстоитъ большая головоломная работа, и стали переглядываться: не по-

Digitized by Google

выйти ли, молъ, на волю и не пройтись ли по деревнѣ съ гармоникою, пока Стеня въ уединеніи и тишинѣ изготовляетъ свой законъ? Но каково же было общее изумленіе, когда не больше, какъ всего черезъ минуту, богатырь выдвинулся изъ угла, показалъ свое умное, сіяющее лицо и возвѣстилъ:

— Готово!

— Что ты?..

— Объявляю: законъ у меня будетъ простой, легкій... Чего еще вамъ отъ меня желательно?

— Какой же законъ твой?—спросилъ Миша Ковригинъ.— Ты намъ поразъясни.

— Чего разъяснять-то? Извѣстно, сперва внушеніе словесное, а потомъ, ежели не подѣйствуетъ, леща дамъ... За малую вину—малаго леща получитъ, за вину, какая побольше,— средственнаго... Ну, такъ и пойдетъ, по винѣ глядя и чего стоитъ человѣкъ... Матерого леща дамъ только за самую большую вину.

Законъ Стени былъ принятъ единодушно.

— А правый чѣмъ долженъ поблагодарить тебя?—полюбопытствовалъ Семенъ Прибытковъ, малый годовъ восемнадцати, съ льняными волосами и вздернутымъ носомъ, и, какъ говорится, „раскачная“ головушка парень.

Стеня широко открылъ глаза.

— За что? Нѣтъ, братцы, это ужъ не годится. Развѣ судьямъ полагается съ кого брать?

— Судьи получаютъ жалованье, а ты—изъ одного усердія. Ну, коли ты стѣсняешься, мы поставимъ такъ: по состоянію и желанію за безпокойство правый поитъ тебя чаемъ или виномъ?

— Не согласенъ!

— Да, вѣдь, безъ принужденія! Каждый, значитъ, по своей волѣ и расположенію угощаетъ. Кому не охота или не по капиталу, тотъ освабождается.

Стеня махнулъ рукой.

Digitized by Google

— Постановляйте, какъ знаете, а я отъ правды не отступлюсь: буду законъ соблюдать.

Оставалось дѣло за утвержденіемъ авторитета судьи на твердой, незыблемой почвѣ. Для достиженія этой цѣли избиратели воспользовались извѣстнымъ обычаемъ, какого придерживаются волостные судьи.

— А къ Богу ты пойдешь, Стеня?—предложилъ вопросъ Миша Ковригинъ.

— Пойду, коли требуется. Зажигайте свѣчку.

— Избрали мы тебя на три года.

— Много. Годъ прослужу, а тамъ увидите, стою ли я.

Передъ божницей затеплили восковую свѣчу. Избиратели встали *).

Среди наступившей тишины и строгаго молчанія, багатырь положилъ три земныхъ поклона, потомъ снялъ икону и громовымъ голосомъ произнесъ торжественное обѣщаніе:

— Судить буду по совѣсти и закону, никого понапрасну не завинять. За товарищей, ежели на нихъ пойдутъ драчею чужіе парни или огарки-фабричные, буду всегда заступаться и бить непріятелей безъ всякой кротости.

Покраснѣвъ до самыхъ корней своихъ темныхъ кудрявыхъ волосъ, новый судья поцѣловалъ икону и поклонился на три стороны.

— Честь имѣемъ поздравить, Степанъ Васильевичъ!—раздались довольные голоса.—Учреждай промежъ насъ порядокъ, твори надъ нами судъ и обороняй отъ враговъ!

Стеня тотчасъ же сѣлъ на лавку подъ божницу, чтобы приступить къ отправленію своихъ обязанностей.

---

*) Обычай «ходить къ Богу»—явленіе, широко распространенное на Руси. Волостные судьи прибѣгаютъ къ нему въ тѣхъ дѣлахъ гражданскаго характера, когда стороны не имѣютъ никакихъ документовъ, а въ уголовныхъ—когда нѣтъ свидѣтелей. Обычай этотъ замѣняетъ присягу. Въ нѣкоторыхъ судахъ выносятъ самодѣльную корону, оклеенную золотой бумагою, съ образкомъ или крестикомъ. Значеніе то же самое что «ходить къ Богу» или «до Бога».

Digitized by Google

— Кого мнѣ судить? Подходите!

Желающихъ судиться на первый разъ не выискалось.

— Теперь, Стеня, — заявилъ Семенъ Прибытковъ, — за честь ты долженъ намъ четвертку винца поставить!

— А на другую четвертку мы отъ себя прибавимъ, — подхватили товарищи, — обществомъ сложимся.

I.

Стеню десяти лѣтъ отецъ отдалъ въ земскую школу, которая находилась въ девяти верстахъ отъ Копнина, въ селѣ Урвановѣ.

— Примите мальченышку, Григорій Николаевичъ, — обратился Дубковъ къ учителю.

Григорій Николаевичъ посмотрѣлъ на мальченышку.

— Онъ у васъ гдѣ-нибудь учился? — спросилъ учитель.

— Совсѣмъ безграмотный: азовъ не знаетъ.

— Да сколько же ему лѣтъ?

Дубковъ сказалъ.

— Не можетъ быть! — удивился наставникъ. — Пареньку, по крайней мѣрѣ, годовъ четырнадцать.

— Никакъ нѣтъ. Порода наша такая крупная, а ему только десять годковъ... Вотъ — метрики.

Въ это время въ комнату вошелъ еще одинъ крестьянинъ съ мальчуганомъ. Стеня взглянулъ и узналъ въ немъ Костю Бѣлова изъ сосѣдней деревни Вязовки. Новый мальчуганъ былъ на три мѣсяца моложе Стени, не такъ плотенъ, но высокаго роста и широкъ костью.

— Однако, мальченышки у васъ крупные, — замѣтилъ учитель, записывая въ книгу имена новобранцевъ. — Занятія у насъ начнутся послѣ-завтра.

Отцы пареньковъ были между собою хорошо знакомые люди и устроили ихъ на одной квартирѣ. Уѣзжая, они, купили

Digitized by Google

дѣтямъ гостинцевъ, велѣли хорошенько учиться и простились, обѣщавъ изрѣдка брать ихъ домой. Проводили ребятишки отцовъ и всплакнули немного. Будущимъ школьникамъ почему-то казалось, что домовъ своихъ они больше не увидятъ, что навсегда останутся въ этомъ селѣ Урвановѣ, гдѣ люди все чужіе и непривѣтливые, а пьяные фабричные, шатавшіеся по улицѣ, своимъ ухарствомъ и бранью наводили на обоихъ страхъ. Грустя по родной деревнѣ и печалясь о своей судьбѣ, мальчуганы очень усердно уничтожали пряники и орѣхи.

— Матушка-то, чай, какъ жалѣетъ меня! — вымолвилъ и вздохнулъ Костя.

— Жалѣетъ, — уныло подхватилъ Стеня. — Всѣ теперь насъ дома жалѣютъ.

Замолчали. Вздыхаютъ и щелкаютъ орѣхи.

— А что, Стеня, не походить ли намъ по селу? — прервалъ молчаніе Костя.—Къ лавкамъ сходить, поглядимъ, что тамъ продаютъ.

— Пожалуй, — согласился товарищъ.

Поднялись съ заваленки, пересыпали изъ бумаги остатки гостинцевъ въ карманы новыхъ полушубочковъ и, взявшись за руки, отправились гулять.

На другой день послѣ праздника Покрова Богородицы началось ученіе. Классная комната была свѣтлая и большая, съ развѣшанными по стѣнамъ картинами и географическою картою Россіи. Всѣхъ ребятъ набралось до семидесяти человѣкъ. Живые глазенки были устремлены на учителя, молодого, съ сосредоточеннымъ выраженіемъ лица, русыми вьющимися волосами, и въ очкахъ. Послѣ молитвы Григорій Николаевичъ повелъ съ учениками бесѣду, знакомилъ ихъ съ окружающими предметами и показывалъ картины. Весь классъ былъ страшно заинтересованъ. Въ слѣдующіе дни начались уроки. Наставникъ познакомилъ ребятокъ со звукомъ *а*, потомъ написалъ на черной классной доскѣ и спросилъ:

— Запомнили?.. Теперь повторите всѣ за мною: а-а...

Digitized by Google

— А-а-а... — подхватили и протянули десятки голосовъ. Учитель обратился къ каждому отдѣльно.

— Дубковъ! Съ какимъ звукомъ мы познакомились?

У Стени на большомъ лбу выступилъ потъ.

— Ну?... Да сейчасъ же вы его всѣмъ классомъ произносили... Взгляни на доску.

Дубковъ посмотрѣлъ на доску, задергалъ локтями и своимъ баскомъ пустилъ:

— А-а-а!..

Въ классѣ раздался смѣхъ.

— Чему? — окинувъ скамейки, произнесъ учитель. — Теперь произнеси тотъ же звукъ коротко... Вотъ такъ: а.

Стеня покраснѣлъ и выпалилъ:

— А!

Наставникъ перешелъ къ Бѣлову. У Стени поотлегло отъ сердца. Костя произнесъ какъ слѣдуетъ.

За первымъ испытаніемъ послѣдовалъ рядъ новыхъ.

Наставникъ велѣлъ списать съ доски тотъ знакъ, которымъ обозначался первый звукъ и который теперь ребятки хорошо знали. Всѣ схватились за грифеля. Костя быстро написалъ на своей дощечкѣ, но для Стени встрѣтилось затрудненіе: онъ провелъ черту, и вышелъ багоръ; провелъ другую, явилась клюка. Стеня стеръ, понажалъ на грифель и — ахнулъ.

— Что? — тихо спросилъ Бѣловъ.

Палочка у меня переломилась! — услыхалъ весь классъ Стенинъ басокъ.

Даже по губамъ серьезнаго Григорія Николаевича скользнула легкая улыбка.

— Пиши одной половинкой, — сказалъ учитель. — Кто написалъ? — обратился онъ къ другимъ.

Многіе повернули къ нему свои дощечки.

Стеня пыхтѣлъ и торопился.

— Да ты знаешь, какъ шалашики мы дѣлаемъ? — шепталъ

Digitized by Google

ему Бѣловъ:—поставь двѣ палочки наискось, а по середочкѣ проведи еще коротенькую, вродѣ перекладинки.

Стеня представилъ себѣ шалашикъ и написалъ, но буква вышла у него исполинскихъ размѣровъ и съ рогами.

— Рогульку-то наверху сотри,—посовѣтовалъ Бѣловъ.

Слѣдующій звукъ стоилъ Дубкову еще большаго труда.

Насилу-то дождался Стеня перемѣны. Онъ вылѣзъ изъ-за стола, словно изъ бани. Товарищи обступили его.

— Что, Дубковъ, упарился?

— Экое диво, экое диво!—бормоталъ Стеня, переступая съ ноги на ногу.

— Побѣжимъ-ка на волю,—позвали его ребятки,—освѣжимся!

— Не охота. Я лучше тутъ погозомнусь.

Но впереди Стеню ожидали новыя огорченія. Что другимъ давалось легко и точно бы шутя, то ему стоило неимовѣрныхъ усилій и напряженія. Онъ не былъ лѣнивъ или разсѣянъ, но физическая сила и ростъ не по годамъ какъ будто придавляли его умственныя способности, и онѣ не могли пробиться изъ-подъ нагнета. Если прибавить, что мальчуганъ не умѣлъ говорить и отличался страшной застѣнчивостью, то будетъ ясно, чего стоили ученыя упражненія Стенѣ Дубкову. Положеніе осложнялось еще тѣмъ, что фигура его постоянно кидалась въ глаза учителю, и когда послѣдній начиналъ объяснять что-нибудь новое или о чемъ спрашивать, то Стеня первымъ долженъ былъ отдуваться. Бѣловъ сначала пробовалъ подсказывать товарищу, но тотъ движеніемъ локотка давалъ понять, что обойдется безъ его помощи, и стоялъ передъ учителемъ безгласнымъ. Въ перемѣну мальчуганъ говорилъ своему пріятелю:

— Ты, Костя, мнѣ не подсказывай, я хуже спутаюсь... Да ежели бы и отвѣтилъ твоими словами, а самъ все равно бы ничего не зналъ... Ну, и обманъ тутъ... Негоже.

Бѣловъ не спорилъ, но, вернувшись на квартиру, старался повторить съ товарищемъ все, что слышали въ классѣ.

Digitized by Google

Два мѣсяца минуло, а дѣла Дубкова не улучшались. Онъ замѣтно началъ худѣть, меньше ѣлъ и тревожно спалъ. Возвращаясь иногда изъ училища, онъ жаловался пріятелю:

— Лучше бы мнѣ дали что поработать, чѣмъ учиться-то,—безпонятливый я, никогда, видно не выучусь.

— Что ты!—ободрялъ его Бѣловъ.—Подожди... выровняешься... Вѣдь ты хорошо знаешь, только передъ учителемъ робѣешь и въ отвѣтахъ путаешь.

Правда, Дубковъ, что усвоивалъ, то въ головѣ у него засѣдало прочно и ужъ послѣ ничѣмъ оттуда нельзя было вышибить; но отвѣчалъ онъ плохо или невпопадъ, шелъ черепашьимъ шагомъ и въ настольномъ журналѣ стоялъ въ числѣ малоуспѣвающихъ. Несмотря, однако, на всѣ эти обстоятельства, Григорій Николаевичъ никогда не сердился на мальчугана, ни разу даже не сдѣлалъ ему выговора; только не переставалъ какъ Стеню, такъ и всѣхъ слабыхъ донимать вопросами и добиваться отъ нихъ толковыхъ отвѣтовъ. Товарищи къ Дубкову относились съ большой пріязнью и довѣріемъ; ихъ что-то влекло къ „медвѣженку“, какъ они прозвали Стеню. Такъ, въ спорахъ, обойдя лучшихъ учениковъ, они обращались къ нему; въ случаѣ нанесенія кому обиды—опять къ нему же шли. Въ первомъ случаѣ, Дубковъ становился на ту сторону, которая казалась ему правою, и всѣ съ нимъ соглашались; во второмъ принималъ подъ свое покровительство слабаго, и его приговору безпрекословно подчинялась другая сторона. Будущій судья вонъ еще когда сказался въ Дубковѣ!

На рождественскіе праздники Стеня уѣхалъ въ Копнино. Дома не узнали мальчугана: такъ онъ въ короткое время перемѣнился и похудѣлъ.

На другой день святокъ къ Дубкову пріѣхалъ въ гости Бѣловъ. Едва Стеня завидѣлъ изъ окна товарища, какъ сорвался съ лавки и бросился вонъ, чуть не кубаремъ скатился съ лѣстницы и вылетѣлъ на улицу. Бѣловъ подъѣхалъ съ отцомъ.

Digitized by Google

— Пойдемъ, пойдемъ,—задыхаясь отъ волненія и радости, говорилъ Стеня и тащилъ изъ саней пріятеля.

— А тятенька твой дома ли?—спросилъ Бѣловъ-отецъ.

Въ нижнемъ этажѣ открылась форточка, показалось бородатое лицо хозяина и раздался его голосъ:

— Дома, дома! Просимъ милости, Гаврило Петровичъ.

Два дня товарищи гуляли по деревнѣ, бѣгали за ряжёными, ходили на „игрища“ и „посѣдки“, слушали пѣсни и гармонику. На третій день гость предложилъ хозяину:

— А что, Стеня, не повторить ли намъ съ тобой, что мы за первое полугодіе прошли?

Стеня насупился и повернулся бокомъ.

— Тебѣ чего повторять-то,—промолвилъ онъ нехотя и глядя въ сторону:—ты знаешь.

— А все же лучше, коли подучимся, а то послѣ святокъ трудно намъ будетъ. Ну-ка, давай, гдѣ у тебя книжки-то?

Стеня, постоявъ, круто повернулся къ товарищу, и лицо его преобразилось.

— Ахъ, братъ!— не своимъ голосомъ вскричалъ Стеня.— Вѣдь ты, я знаю, мнѣ это радѣешь.

И, не прибавивъ больше слова, онъ съ проворностью хорошаго медвѣженка, подбѣжалъ къ шкафчику, въ которомъ хранились у него учебники и тетрадки.

Со второго полугодія Дубковъ началъ оказывать нѣкоторые успѣхи, весьма сочувственно встрѣченные учителемъ. Но первые шаги были колеблющіеся, неувѣренные: ступитъ и пріостановится, точно боясь впереди ямы или колоды; потомъ Стеня пошелъ смѣлѣе, а черезъ мѣсяцъ, послѣ одного обстоятельнаго солиднаго отвѣта, за который много хвалилъ его Григорій Николаевичъ, мальчуганъ двинулся и зашагалъ... Товарищи только подивились.

— Гляньте-ка, Стеня-то какъ лупитъ,—говорили они.— Дюжо поперъ, медвѣженокъ.

Но въ этихъ словахъ не слышалось ни малѣйшей нотки

Digitized by Google

зависти,—наоборотъ, они выражали совершенное одобреніе, сочувствіе, и ребятки еще больше проникнулись расположеніемъ къ Стенѣ.

— Что, Стеня, ты теперь радъ? — говорилъ Костя Бѣловъ.—Вѣдь, я зналъ, что ты выровняешься.

— Да, Богъ теперь мнѣ открылъ,—благодушно отвѣтилъ Дубковъ.—Но безъ тебя я застрялъ бы: ты, Костя, много подсобилъ.

— Ну, толкуй еще!.. Григорію Николаевичу скажи спасибо: умный онъ, Стеня, провидѣлъ, что изъ тебя хорошій ученикъ выйдетъ.

Въ слѣдующемъ году Дубковъ уже шелъ однимъ изъ первыхъ, уступая Бѣлову и лучшимъ по успѣхамъ ученикамъ только въ одномъ чистописаніи: его пальцы какъ будто не были созданы для пера. Въ третье отдѣленіе онъ перешелъ съ наградою.

Лѣтомъ праздники они проводили вмѣстѣ съ Костею и не знали, какъ дождаться осени, когда возобновятся въ училищѣ занятія. Шумно и съ большой радостью они явились въ школу, Стеня принялся за дѣло со всей силой и ревностью, приводя въ восхищеніе успѣхами Григорія Николаевича и батюшку-законоучителя .. Но въ половинѣ ноября пріѣхала за нимъ лошадь.

— Братецъ въ службу поступаетъ,—сказалъ работникъ,—ближній жребій вынулъ. Тятенька велѣлъ тебѣ домой пріѣзжать.

Отчего-то сердце вдругъ упало у Стени. Онъ уѣхалъ. А черезъ недѣлю пришла изъ Копнина вѣсть, что Дубковъ въ школу не вернется и останется дома. Товарищи сильно жалѣли Стеню, а учитель даже вспылилъ.

— Вотъ и учи ихъ! Удивительные люди эти крестьяне.

Digitized by Google

II.

Деревня Копнино, начинаясь у самой рѣки, вскинулась своими постройками на косогоръ и, пробѣжавъ около версты по ровной возвышенности, остановилась у всполья. Деревня построена въ два посада, съ широкой улицей, по которой, мѣстами, растутъ высокія липы, ветлы и березы, позади обоихъ посадовъ безпорядочно раскидано множество сараевъ, амбаровъ и т. п. Старые дома, здоровые, изъ толстаго лѣса, пятистѣнные и двухъэтажные, съ большими дворами, крытыми тесомъ и обнесенными крѣпкими бревенчатыми заборами; есть и каменные, съ желѣзными кровлями. Новые, съ узорчатыми наличниками на окошкахъ и съ расписанными, двухстворчатыми ставнями уступаютъ старымъ какъ по размѣрамъ, такъ и по матеріалу: срублены изъ жиденькихъ бревешекъ, небольшіе, въ три и два окна домики и съ такими же скромными, недолговѣчными дворами. Съ трехъ сторонъ Копнина разстилаются далеко поля, упираясь въ большой лѣсъ, который огибаетъ ихъ исполинскою дугою. Деревня стояла на коммерческомъ трактѣ. Копнинскіе крестьяне, бывшіе казенные, пахотной земли, луговъ и лѣса имѣли вдоволь. Промыслы процвѣтали. Мимо ежедневно и почти непрерывно съ Волги въ Москву тянулись обозы съ рыбой, мукой и солью, извозчики дѣлали здѣсь пряжку, кормили и ковали лошадей, перетягивали на колесахъ шины и т. п., сами обѣдали, ужинали и пили чай. Въ Копнинѣ насчитывалось тогда восемь постоялыхъ дворовъ, девять кузницъ, три бѣлыхъ харчевни и нѣсколько мелочныхъ лавочекъ. Но провели по-близости желѣзную дорогу, извозный промыселъ упалъ, а съ нимъ сократились и доходы копнинскихъ крестьянъ. Отъ прошлаго уцѣлѣли одинъ постоялый дворъ, мелочная лавочка и двѣ кузницы; отъ новаго времени пріобрѣли только кабакъ, но, по минованіи срока условія съ сидѣльцемъ, вынуждены были отказаться отъ этого пріобрѣтенія: ужъ очень

Digitized by Google

усердно всѣ посѣщали новое учрежденіе. Далеко не въ прежнихъ размѣрахъ копнинцы пользуются теперь и землей. Отъ Москвы Копнино находилось въ ста тридцати верстахъ, а отъ своего губернскаго города въ сорока двухъ. Въ Москвѣ изъ копнинцевъ рѣдкій кто бывалъ, немногіе ѣздили и въ „губернію“,—развѣ весной сходятъ встрѣтить чудотворную икону. Жили и промышляли отъ земли, дома, на-сторону работать не уходили, какъ уходили изъ другихъ окрестныхъ селеній.

Отецъ Стени Дубкова, Василій Павловичъ, принадлежалъ къ числу самыхъ зажиточныхъ и уважаемыхъ крестьянъ не только въ одной своей деревнѣ, но и во всей своей волости; его знали и въ губернскомъ городѣ, куда онъ, случалось, отвозилъ хлѣбъ или ѣздилъ за какими покупками. У Василья Павловича былъ двухъэтажный домъ, съ каменною кладовою и кузница съ плавильною; надѣлъ имѣлъ на восемь душъ и хозяйство велъ большое. Сыновья у него всѣ удались: здоровяки и превосходные работники; двѣ дочери, такія-же здоровыя, мало уступали въ работѣ мужикамъ. Самъ большакъ русоволосый, съ волнистою бородой, свѣжій и могутный, годовъ сорока съ чѣмъ-нибудь, тоже никогда не сидѣлъ сложа руки и постоянно работалъ, а жена его, высокая и крѣпка женщина, вела домашнее хозяйство и не строго, но умѣла держать семью. Жили всѣ хорошо и согласно, а Стеня, какъ младшій, былъ любимцемъ отца съ матерью. Но какъ отецъ ни любилъ его, какъ ни „жалѣлъ“, а не далъ ему окончить школы: не нанимать еще другого работника! Да чужой человѣкъ не свой, за нимъ нуженъ глазъ да глазъ, а Стеня —свой, родной сынъ, если и не вполнѣ замѣнитъ Ивана, то все же понадежнѣе, чѣмъ наемный.

Вырванный изъ школы, Стеня очутился въ отцовской кузницѣ за желѣзнымъ молоткомъ и раздувальными мѣхами. Ничего въ этой перемѣнѣ положенія особеннаго или необычайнаго для него не было: еще до поступленія въ училище, онъ хорошо зналъ отцовскую кузницу, часто въ нее забѣгалъ, коло-

Digitized by Google

тилъ по наковальнѣ, раздувалъ мѣхами и проч. Зналъ также, что по окончаніи ученія онъ станетъ дѣлать то же самое, что дѣлали отецъ съ братьями: пахать, косить, кузнечить, лудить посуду и т. п. Зналъ,—и все же Стенѣ было горько: поступленіе на службу брата помѣшало ему кончить ученье.

И работаетъ Стеня. Въ старомъ короткомъ полушубкѣ, завѣшанномъ спереди толстымъ холщовымъ передникомъ, въ старой облѣзлой шапчонкѣ на головѣ, въ большихъ кожаныхъ рукавицахъ и валеныхъ сапогахъ, весь прокопченный дымомъ и въ угольной пыли,—парень бьетъ по наковальнѣ раскаленныя на горнѣ подковы, вбиваетъ гвозди въ лошадиныя копыта и цѣлый день, съ утра до ночи, не присядетъ, все на ногахъ и работаетъ.

Отъ глазъ любящей матери, однако, не укрылось, что Стеня за обѣдомъ или ужиномъ сидитъ точно бы туманный, а по ночамъ,—она сама слышитъ,—вздыхаетъ и подолгу не спитъ.

— Стенюшка,—молвитъ сыну Акулина Захаровна,—ты небольно на работу налягай!.. Вѣдь ты еще малолѣтокъ: отецъ много съ тебя не спроситъ.

— Ничего, матушка,—отвѣчаетъ малолѣтокъ, ростомъ по плечо матери,—я работу по себѣ правлю, черезъ силу не перемогаюсь.

— То-то, не надорвись, дитятко.

Василій Павловичъ одобрительно посматриваетъ на младшаго сына: лютъ паренёкъ къ работѣ, никакое дѣло изъ рукъ у него не вываливается и, хотя годами младъ, отъ большихъ не отстаетъ, со всѣми вровень идетъ.

Не утерпѣла мать, повѣдала отцу свою заботу.

— Ты ничего не видишь?—приступила Акулина Захаровна.

— А что?

— Да Стеня-то нашъ...

— Что Стеня?—перебилъ большакъ.—Работать золъ, ѣстъ исправно.

Digitized by Google

— Съ личика онъ нѣшь сумный, ровно у него печаль какая.

Мужъ вскинулъ на жену проницательный взглядъ.

— А, ты вотъ о чемъ!... Догадываюсь. Не тревожься, пройдетъ.

Зимою, въ первое же воскресенье, утромъ за самоваромъ, Василій Павловичъ, какъ будто невзначай, спросилъ „малолѣтка“:

— Давно ли Стеня, дружка своего, Бѣлова, видѣлъ?

Стеня потупился.

— Давно... съ тѣхъ поръ не видался, какъ меня изъ училища взяли.

— А ты бы съѣздилъ, провѣдалъ его!

Покраснѣлъ Стеня.

— Я и то, батюшка, думалъ,—вымолвилъ онъ, поднимая на отца большіе сѣрые глаза.

— Такъ зачѣмъ же дѣло? Заложи въ саночки жеребенка, и валяй съ Богомъ!... Можетъ, работника тебѣ дать, — съ улыбкой добавилъ большакъ: — одинъ, пожалуй, не совладаешь съ жеребенкомъ.

— Чай, справлюсь,—отвѣчалъ съ улыбкой сынъ, вылѣзая изъ за стола.

Братъ Андрей, сестры и сноха, жена солдата, поспѣшили на улицу, чтобы посмотрѣть, какъ поѣдетъ ихъ Стеня. Вскорѣ работникъ отворилъ настежь переднія ворота, и Стеня, одѣтый по праздничному, выѣхалъ на вороном конѣ съ широкаго двора. Отецъ съ матерью любовались на паренька изъ окошекъ.

Въ полчаса съ небольшимъ Стеня былъ въ Урвановѣ. Какой-то острякъ фабричный, только что дружественною рукою выставленный изъ двери трактира, увидалъ его и заоралъ:

— А вонъ лѣшевъ дѣтенышъ на вороном жеребенкѣ катитъ!

Стеня остался равнодушенъ къ этому замѣчанію. Еще изда-

Digitized by Google

лека онъ увидѣлъ знакомый домъ, въ которомъ стоялъ на квартирѣ, толпу школьныхъ своихъ товарищей и въ числѣ нихъ Бѣлова. Ему сдѣлалось весело, и онъ вздумалъ пошутить: не доѣзжая саженъ двадцати, придержалъ коня, раздвинулъ широко локти и крикнулъ:

— Поберегитесь, малыши!—и пустилъ во всю рысь жеребенка.

Ребятки отшатнулись, нѣкоторые ткнулись въ снѣгъ, но басъ молодца всѣ узнали.

— Стеня! Дубковъ!—раздались голоса, и школяры кинулись вслѣдъ за санками.

Лошадь съ лихимъ ѣздокомъ остановилась у воротъ квартиры.

Убравши подъ навѣсъ лошадь, ребятки направились въ избу. Хозяйка встрѣтила радушно своего прежняго жильца и хотѣла поставить про него самоваръ.

— Ты подожди, тетушка Маремьяма, не хлопочи пока,— сказалъ гость.—Мнѣ сперва надобно дойти недалечко... А чаю п своего куплю: денежекъ мнѣ батюшка далъ.

Посидѣлъ, не раздѣваясь, Дубковъ съ товарищами, поговорилъ, узналъ, чему теперь они учатся и спросилъ:

— Не знаете, дома ли Григорій Николаичъ?

— Дома,—поспѣшилъ отвѣтить Костя, онъ сидѣлъ подлѣ яріятеля, не выпускалъ его руки изъ своей и все заглядывалъ ему въ лицо. — Въ эти часы Григорій Николаевичъ всегда дома!

— Такъ я пойду, —вставая съ лавки, промолвилъ Дубковъ.

— Мы тебя проводимъ!—хоромъ сказали товарищи.

Урваново—село большое, изъ двухсотъ слишкомъ дворовъ, торговое, съ обширной площадью, двумя трактирами и множествомъ винныхъ лавочекъ: постройки расположены по низминѣ и угорамъ; въ базарные и праздничные дни—пьяно-шумное и драчливое. Подъ бокомъ—бумагопрядильныя и ткацкія фабрики, съ тысячами рабочихъ, изъ которыхъ многіе размѣщаются по

Digitized by Google

квартирамъ въ Урвановѣ. Училищный домъ стоялъ на верху, и путь нашихъ пріятелей лежалъ черезъ базарную площадь, гдѣ кучились около увеселительныхъ заведеній фабричные, пѣлись нескладно безсмысленныя пѣсни и неслась по всей площади отборная руготня.

Ребятишки спѣшили поскорѣе пройти мимо.

Григорій Николаевичъ сидѣлъ въ своей маленькой комнаткѣ, съ двумя окошками, за простымъ столомъ, покрытымъ вмѣсто клеенки газетными листами, и внимательно просматривалъ ученическія тетрадки. Короткій стукъ въ дверь снаружи заставилъ его приподнять голову.

— Войдите.

Показались двое мальчугановъ.

— А, Дубковъ!—привѣтствовалъ учитель.—Здравствуй, какъ поживаешь?

— Къ вамъ, Григорій Николаевичъ,—отвѣсивъ поклонъ, началъ Стеня.

— Учиться?

— Нѣтъ,—потупляясь, уныло отвѣчалъ Стеня.—Видно, не судьба мнѣ учиться: батюшку управа не беретъ...

— Знаю, слышалъ... Ну, что же дѣлать?

Учитель точно также узналъ, что Василій Павловичъ Дубковъ въ состояніи былъ нанять и другого работника, не отрывая сына отъ школы.

— Ежели бы не работа, такъ батюшка не взялъ бы меня,—продолжалъ Стеня.—Такъ я вотъ пришелъ... Покорно благодарю тебя за неоставленіе, за науку.

Слабый румянецъ выступилъ на щекахъ Григорія Николаевича.

— Читаешь ли ты?—полюбопытствовалъ учитель.—Есть ли у тебя свободное время?

— Времени нашлось бы, да читать-то нечего.

— Ну, это дѣло поправимое: бери изъ нашей библіотечки.

Съ послѣднимъ словомъ Григорій Николаевичъ открылъ

Digitized by Google

шкапчикъ, въ которомъ виднѣлись на полкахъ съ полсотни тощихъ книжекъ. Онъ выбралъ двѣ и подалъ Дубкову.

— Прочитаешь,—сказалъ онъ,—пришли, въ обмѣнъ я новыхъ дамъ. А тебѣ Бѣловъ?

— Позвольте. Я ту прочиталъ, позабылъ только принести.

Получивъ книжки, оба стали прощаться съ учителемъ.

— Прощайте... Читай, Дубковъ, читай!

Товарищи поклонились. Перешагнули за порогъ, Стеня обернулся и пробасилъ:

— Спасибо, Григорій Николаевичъ? Вѣкъ тебя буду помнить,—и захлопнулъ дверь.—Не забуду!—послышался голосъ Дубкова, уже изъ коридора.

Въ глазахъ Григорія Николаевича что-то блеснуло, румянецъ ярче вспыхнулъ и разлился по щекамъ, онъ постоялъ съ минуту, молча смотря на дверь.

— Вотъ кому бы учиться,—проговорилъ онъ вслухъ.—Какія способности въ этомъ мальчикѣ!..

Дубковъ пробѣжалъ длинный коридоръ, въ которомъ раздѣвались ученики и играли во время большой перемѣны, но у выхода онъ пріостановился, точно что вспомнивъ, и сказалъ товарищу:

— Костя, зайдемъ-ка въ училище! Я хоть погляжу тамъ въ послѣдній разокъ.

Посмотрѣлъ Стеня на классную комнату, раза два вздохнулъ, и вышелъ съ Бѣловымъ на улицу. Завернули въ лавку: Дубковъ купилъ чаю съ сахаромъ, разныхъ лакомствъ и, вернувшись на прежнюю свою квартиру, задалъ ребятишкамъ угощеніе.

Стеня пріѣхалъ домой веселымъ: у него были теперь книжки и впереди—надежда видѣться часто съ Бѣловымъ: тотъ весною долженъ былъ окончить курсъ.

Прилетѣла весна, Бѣловъ окончилъ курсъ, получилъ свидѣтельство и награду. Друзья все лѣто проводили почти неразлучно. Но осенью Гаврила Петровичъ увезъ Костю въ Москву

Digitized by Google

и отдалъ въ контору, гдѣ служилъ его старшій сынъ, а мѣсяцъ спустя и самъ поступилъ на должность приказчика по лѣсной торговлѣ: дома не у чего было жить, земли мало и одни пески.

III.

Прошло пять лѣтъ. Стеня выросъ и возмужалъ. Работникъ изъ него удался на диво; въ полѣ, на сѣнокосѣ, въ кузницѣ — вездѣ онъ идетъ первымъ, ломитъ за троихъ, и все у него ладится. Другому послѣ работы какъ бы поскорѣе поужинать и доползти до постели, а Стенѣ и заботы-нѣтъ: поѣстъ, расправитъ свои могучіе члены и хоть снова на работу. Никакой-то устали не зналъ парень!

— Должно, у Дубкова младшенькой-то паренекъ трехжильный,—говорили мужики, поглядывая на Стенину работу.— Экъ, претъ-то, что твой медвѣдь чащой!

Вернулся со службы Иванъ, старшій братъ, ушелъ средній, Андрей. Иванъ поотвыкъ отъ крестьянской работы, но хозяйство не страдало: младшій вывозилъ и за старшаго брата.

Стеня не жалѣлъ силы и для постороннихъ. Позовутъ на „помочи“,— онъ первымъ явится и ужъ поработаетъ хорошо; понадобится одинокому мужику вывезти лѣсины съ дѣлянки,— Стеня выпроситъ у отца лошадь и праздникомъ вывезетъ мужику лѣсъ; случится какой вдовѣ или бобылкѣ поправить свой дворишко, ухитить хлѣвушекъ и т. п.,—Стеня охотно справитъ всѣ бабьи нуждишки,—словомъ, парень всегда и охотно шелъ на помощь ко всякому.

Стеня охотникъ былъ читать. Книжки изъ школьной библіотеки онъ всѣ прочиталъ, и Григорій Николаевичъ снабжалъ его изъ своихъ, какія у него имѣлись и какія были доступны для пониманія Дубкова. Пріѣзжая когда въ Урваново, Стеня навѣщалъ своего учителя; тотъ бесѣдовалъ съ

Digitized by Google

нимъ по поводу прочитанной книжки и всякій разъ говорилъ:

— Молодецъ! читай, Дубковъ!

Года черезъ три нежданно пріѣхалъ на родину Бѣловъ,— въ Вязовкѣ жила его тетка, - и какъ обрадовался ему Дубковъ!.. Оставшись вдвоемъ, Костя разсказалъ пріятелю о своемъ московскомъ житьѣ-бытьѣ: въ конторѣ у нихъ получаютъ газеты и журналы, книги берутъ изъ библіотеки, а въ праздники ходятъ на чтенія съ туманными картинами и въ театръ. Костя большой любитель театра и говорилъ о немъ съ жаромъ.

Сперва Стеня только съ вниманіемъ слушалъ, потомъ началъ краснѣтъ и блѣднѣть, волноваться; а когда Костя принялся разсказывать, что въ театрѣ представляютъ, то весь задрожалъ и заревѣлъ.

— Ахъ, братъ, ежели бы и мнѣ съ тобою въ Москву-то!..

Памятенъ былъ ему этотъ пріѣздъ Бѣлова... Послѣ отъѣзда его Дубковъ съ какой-то жадностію накинулся на книги; но и года не прошло,—умеръ отъ скоротечной чахотки Григорій Николаевичъ, и со смертью разомъ прекратился источникъ чтенія для Стени. Горько оплакавъ смерть бывшаго своего учителя, онъ впалъ въ какую-то задумчивость, и его потянуло вонъ изъ родной деревни.

Прошелъ еще годъ. Онъ по-прежнему работалъ, и никто не зналъ, что съ парнемъ творилось. По временамъ на Стеню находила не то скука, не то тоска: тогда онъ не зналъ, куда идти, что ему дѣлать... Лѣтомъ забьется въ садъ или уйдетъ въ лѣсъ, ляжетъ на траву и долго глядитъ на высокое небо; одни и тѣ же воспоминанія передъ нимъ встаютъ: школьные годы, Костя, Григорій Николаевичъ... Уѣхать мнѣ въ Москву или въ другой городъ, а здѣсь что,—пропаду я...“

Силы требовали исхода, одинъ трудъ не удовлетворялъ парня. Василій Павловичъ собрался ѣхать въ городъ; Стеня попросилъ отца, чтобы тотъ взялъ и его съ собою. Губернскій городъ поразилъ Стеню своими златоглавыми храмами, множествомъ большихъ каменныхъ зданій и улицами, — особенно

Digitized by Google

главная улица была оживлена и многолюдна. Онъ на все глядѣлъ, ахалъ и удивлялся, заходилъ въ богато украшенные соборы, всматривался въ городскихъ обывателей, купцовъ, чиновниковъ въ мундирахъ съ свѣтлыми пуговицами и кокардами на разноцвѣтныхъ околышахъ фуражекъ, на военныхъ и полицейскихъ; прислушивался на базарной площади къ разговорамъ и проч. Но къ вечеру ему сдѣлалось скучно въ городѣ, и на слѣдующій день онъ торопилъ отца скорѣе уѣхать домой...

„Нѣтъ, мнѣ въ деревнѣ мѣсто, и никуда я отсюда не уйду, — рѣшилъ, наконецъ, Стеня послѣ нѣмыхъ, но страшныхъ душевныхъ мукъ. Рѣшилъ, и сдѣлался всегдашнимъ посѣтителемъ дѣвичьихъ посидѣлокъ, страстнымъ любителемъ пѣсенъ и всякихъ деревенскихъ игръ.

Семнадцати лѣтъ Дубкову пришлось совершить свой первый богатырскій подвигъ. Во время весеннихъ хороводовъ, пьяные фабричные, желая показать свою „образованность“, начали смѣяться надъ деревенщиною и бранить дѣвицъ. Стеня заступился и, во главѣ товарищей, прогналъ безобразниковъ за деревню и гналъ ихъ съ четверть версты, щедро награждая чувствительными подзатыльниками. „Не позорьте впередъ отеческихъ дочерей!“ — внушалъ богатырь и, раздавъ послѣднія награды, съ пѣснями возвратился обратно въ Копнино.

Зимою, во время своего храмового праздника, Дубкову представился случай для новаго и болѣе труднаго подвига. Храмовой праздникъ справляется однимъ, двумя, тремя селеніями и цѣлой волостью. Только отпразднуютъ крутогорскіе, начинаютъ ивановскіе, тамъ семеновскіе и т. д. На праздникъ съѣзжаются гости изъ деревень, ближнихъ и дальнихъ, а мѣстные, если живутъ гдѣ на сторонѣ, поіѣзжаютъ за сотни верстъ: такъ велико уваженіе къ престолу! Степень почитанія храмового праздника опредѣляется количествомъ ведеръ вина и пива: чѣмъ больше выпито, тѣмъ славнѣе былъ праздникъ. А разливъ праздничнаго веселья измѣряется числомъ дракъ и

Digitized by Google

побоищъ, безъ которыхъ деревенскимъ людямъ и праздникъ — не праздникъ.

Бой въ Копнинѣ, какъ это почти всегда бываетъ, начался между чужими парнями изъ-за дѣвицъ: крутогорскіе позаспорили съ кузьминскими; ни та, ни другая сторона не хотѣли уступить и завязалась драка. Копнинцы старались умиротворить и прекратить битву; но посредничество ихъ только разожгло страсти. Тогда хозяева поспѣшили гостей буяновъ выпроводить изъ деревни. Отцы изгнанныхъ обидѣлись, и стали большакамъ говорить, что такъ съ гостями обходиться „не очестливо“; послѣдніе вступились за своихъ парней. Слово за слово, и дошло дѣло до кулаковъ. Гости уступили и бѣжали. На слѣдующій день они снова явились, но въ большемъ числѣ, какъ и слѣдуетъ, встрѣтили непріятелей и дали сраженіе. Стеня на это время отлучился, ѣздилъ въ Вязовку, а когда вернулся, то замѣтилъ, что дома не совсѣмъ благополучно: съ напольнаго конца раздавались громкіе крики и въ улицѣ показывались лица съ печатью огорченія и слѣдами порчи. Въ Стенѣ все поднялось. Дѣломъ нѣсколькихъ минутъ было поспѣть на мѣсто сраженія.

— Куда? За мной!

Голосъ и появленіе Стени произвели впечатлѣніе. Свои пріободрились, а враждебная сторона разразилась насмѣшками.

— Опоздалъ! Ну-ка, подойди, испробуй счастья...

Стеня быстро отдалъ распоряженія: мужикамъ велѣлъ раздѣлиться на два крыла, тѣ безпрекословно повиновались, а самъ съ ребятами сталъ въ центрѣ и немедленно открылъ наступленіе. Копнинцы почувствовали себя отважными и сильными и, по командѣ Дубкова, ринулись впередъ... Враги сначала выдержали натискъ, но такъ какъ между ними не было настоящаго предводителя, то скоро подались.

— Напирай! Правое крыло обходи крутогорскихъ!.. Лѣвое угощай кузьминскихъ!—отдавалъ приказаніе Дубковъ.

Непріятели бросились врассыпную... Но тутъ на помощь

Digitized by Google

къ нимъ подоспѣли свѣжія силы: толпа мужиковъ и фабричныхъ, человѣкъ въ шестьдесятъ, вооруженныхъ кольями, жердями и палками, валила на-встрѣчу. Бѣглецы пріостановились, сообразивъ, что силы ихъ удвоилось. Копнинцы же—одни и безъ всякаго оружія.

— Бросьте припасы!—грянулъ Стеня.—Мы съ вами по чести,—дѣло ведемъ на однихъ кулакахъ.

Какъ же, бросили! Прямо, кто съ чѣмъ былъ, и накинулись на безоружныхъ! При видѣ такого зрѣлища, Стеня вышелъ изъ себя.

— Ахъ, вы, нехристи!.. Стой наши, не разбѣгайся,— и съ послѣднимъ словомъ онъ вырвалъ изъ рукъ одного фабричнаго здоровую жердь и принялся дѣйствовать.

Стеня отнятой жердью выбивалъ „припасы“ изъ рукъ непріятелей, приказывая своимъ, чтобы и они тоже самое дѣлали. Пока враги не были обезоружены, копнинцы испытывали нѣкоторую непріятность и самъ предводитель что-то получилъ. Но громадная сила, ловкость и находчивость истиннаго полководца, какія онъ показалъ въ этотъ достопамятный день, отстаивая честь своей деревни, сдѣлали то, что непріятель, значительно превосходившій численностью, отступилъ, смѣшался и ударился въ постыдное бѣгство. Многіе падали въ снѣгъ и боялись привстать, а остальные ударились во всѣ лопатки, усердно преслѣдуемые побѣдителями.

— Подлецы!—негодовалъ Стеня.—На-ка, съ чѣмъ они на насъ вышли... Наддай, наддай Никешкѣ... Гарьку тресни! Будете помнить копнинцевъ!

Если кузьминскіе съ крутогорскими, равно и фабричные вернулись съ поля брани сильно помятыми и разрисованными, то и копнинцы принесли кое-что къ домамъ: побитыхъ и съ разными поврежденіями оказалось много. Но какъ побѣжденные, такъ и побѣдители остались совершенно довольны: первые сознали, что съ копнинцами ничего подѣлать нельзя, въ другой разъ объявлять имъ войны не слѣдуетъ, а послѣдніе проник-

Digitized by Google

нулись сознаніемъ своего превосходства и убѣжденіемъ, что со Стеней Дубковымъ они могутъ всѣ деревни покорить...

Пожилые и степенные мужики, а также старики, не принимавшіе участія въ сраженіи, издали наблюдали за ходомъ военныхъ дѣйствій. Когда побѣдители возвратились, вся деревня съ торжествомъ ихъ встрѣтила, и еще три дня пили, какъ ради самого праздника, такъ и въ ознаменованіе сокрушенія непріятельскихъ силъ.

Подвигъ этотъ былъ совершенъ Стенею восемнадцати лѣтъ, а въ исходѣ девятнадцатаго вотъ что съ нимъ случилось.

Разъ съ товарищами и дѣвицами онъ былъ въ сафроновскомъ трактирѣ (въ двухъ верстахъ отъ Копнина). Молодежь потребовала вина и чаю. Пили всѣ, какъ парни, такъ и дѣвицы, одинъ Дубковъ не прикасался къ рюмкѣ,—онъ вина не пилъ. Ребята начали приставать къ нему:

Что ты сидишь-то безъ вниманія?.. Дѣвки пьютъ, а ты отказываешься?

— Пускай пьютъ, коли желаніе имѣютъ. А я не хочу.

— Уважь, Стеня, выкушай!—больше всѣхъ настаивалъ Семенъ Прибытковъ.

Дубковъ посмотрѣлъ на парня.

— Эхъ, Семенъ, не ладно ты дѣлаешь!—не вытерпѣлъ Дубковъ.—Вѣдь, ты въ училищѣ былъ... Развѣ не помнишь, что Григорій Николаевичъ о пьянствѣ читалъ?

Прибытковъ обидѣлся.

— Какой наставникъ выискался!—отвѣтилъ онъ, задирательно.—Кажется, ты напрасно объ этомъ безпокоишься... Я окончилъ курсъ и свидѣтельство получилъ, а ты всего два года проучился.

Стеню словно что обожгло. Ни слова не говоря, онъ схватилъ бутылку, налилъ чайную чашку и залпомъ выпилъ.

— Ну, вотъ я уважилъ тебя, выпилъ,—проговорилъ Дубковъ. – Легче тебѣ отъ этого стало, доволенъ ты?

Digitized by Google

— Ахъ, милый!—воскликнулъ Семенъ.—За это спасибо, другъ!—и парень потянулся цѣловаться.

— Не лѣзь, —отстранился Дубковъ и, наливъ опять чашку, также залпомъ выпилъ.

За столомъ переглянулись, а Семенъ пришелъ въ умиленіе.

— Стеня! Герой!—завопилъ подгулявшій парень.—Вотъ уважилъ-то, такъ ужъ уважилъ. Люблю!..

А Стеня выплеснулъ послѣднее изъ бутылки и выпилъ.

Дѣвки ужаснулись, а ребята, на всякій случай, поотодвинулись.

— Дуракъ ты, дуракъ, Сенька!—вставая со стула, отблагодарилъ Дубковъ пріятеля за угощенье!—А еще училище окончилъ, свидѣтельство получилъ... Дуракъ!

Нахлобучилъ шапку и ушелъ, ни съ кѣмъ не простившись.

— Пообидѣлся,—замѣтила одна дѣвица.

— Обидѣлся?—спросилъ Семенъ.—Это Стеня-то? Нѣтъ, онъ парень добрый, сердце у него отходчивое.

— А вина-то ужъ ничего не осталось, — проговорилъ кто-то изъ парней.

— Какъ!?

— Видишь?—показали на пустую бутылку.

— Вотъ такъ ловко—похвалилъ Прибытковъ.—Молодецъ у насъ Стеня, герой!

А Дубковъ валилъ къ лѣсу и бормоталъ:

— Вина выпилъ... Тпф!.. Попрекнулъ училищемъ... Ахъ, что я съ собою только сдѣлалъ!

„Ахъ, что я съ собою только сдѣлалъ!“—эхомъ повторилъ лѣсъ.

IV.

Стряслось это горе съ Дубковымъ въ день празднества Рождества Богородицы, съ котораго по деревнямъ начинаются засидки, а черезъ недѣлю въ Копнинѣ произошло событіе громаднаго значенія—выборы молодежью деревенскаго судьи.

Digitized by Google

Стеня немедленно и со всею молодою энергіей принялся „учреждать порядокъ“ среди молодежи, творить судъ и искоренять пороки. Прежде всего онъ возсталъ противъ дурного обычая, служившаго поводомъ къ непріятнымъ недоразумѣніямъ: онъ уничтожилъ „срывы“ съ чужихъ парней, приходившихъ въ Копнино на посидѣлки. Затѣмъ строго воспретилъ говорить „нехорошія“ слова, особенно при женщинахъ и дѣвицахъ. Далѣе потребовалъ, чтобы впредь не производилось не только разныхъ увѣчій и порчи физіономій, но и самаго легкаго оскорбленія дѣйствіемъ. Нарушители порядка и ослушники подвергались взысканію. Временемъ и мѣстомъ отправленія служебныхъ обязанностей Дубковъ не стѣснялся: судилъ днемъ, вечеромъ и во всякій часъ ночи, разбиралъ дѣла на улицѣ, на посидѣлкахъ, словомъ, вездѣ, гдѣ только требовалось правосудіе. Услышитъ, напримѣръ, шумъ или брань на лугу,—онъ ужъ и тутъ, на мѣстѣ безпорядка.

— Стойте!—загремитъ.—Въ чемъ дѣло?

Шумъ разомъ смолкалъ. Одни изъ парней потуплялись, другіе—неловко переступали съ ноги на ногу.

— Кто зачинщикъ, и кто кого обидѣлъ?.. Свидѣтели, впередъ!

По опросѣ свидѣтелей, вызывался потерпѣвшій.

— Не распространяйся... Понимаю... довольно... Отвѣтчикъ!

Тутъ судья вперялъ проницательный взоръ на подсудимаго и предупреждалъ:

— Словами не закидывай. Говори дѣло, показывай, что слѣдуетъ, по совѣсти.

Не спуская проникновеннаго взора съ обвиняемаго, судья внимательно и до конца его выслушивалъ. Если лицо подсудимаго выражало смущеніе или грусть и въ голосѣ слышалось раскаяніе, дѣло ограничивалось однимъ словеснымъ внушеніемъ, съ обѣщаніемъ, впрочемъ, что въ случаѣ повторенія проступка, виновный подвергнется болѣе строгому взысканію. Но если обвиняемый не выражалъ раскаянія и въ лицѣ его играли по-

Digitized by Google

рочныя страсти, если онъ старался провести судью и увильнуть отъ законнаго наказанія, то Дубковъ останавливалъ хитреца, объявляя судъ оконченнымъ, и возглашалъ:

— Получай!

Слѣдовалъ подзатыльникъ, и приговоръ приведенъ въ исполненіе.

Точно такъ же Дубковъ поступалъ и съ рецидивистами. Размѣры наказанія, то-есть, леща, зависѣли отъ вины или тяжести проступка: легкаго—двумя пальцами по затылку, средняго—тремя и такъ далѣе, до величины всей ладони и разной крѣпости удара. Отъ перваго наказуемый только головой кивнетъ, отъ второго—отскочитъ, но отъ полнаго, или „настоящаго“, пролетитъ впередъ нѣсколько саженъ. При отправленіи правосудія, Дубковъ сохранялъ полное спокойствіе духа и замѣчательное безпристрастіе. Сейчасъ же по исполненіи судебнаго рѣшенія правый и виноватый вступали въ дружественныя отношенія, какъ ни въ чемъ не бывало, или мирно и съ легкимъ сердцемъ расходились по домамъ. Нерѣдко обѣ стороны, правый и виноватый — разборъ дѣла происходилъ чаще по праздникамъ — вели судью въ ближайшій трактиръ, усаживались тамъ за одинъ столъ, пили чай и вино и бесѣдовали между собою по душамъ. За угощенье расплачивался обыкновенно самъ судья, хотя вина онъ или совсѣмъ не пилъ, или пилъ очень умѣренно.

Разбору копнинскаго Стени одинаково подвергались и проступки парней изъ чужихъ селеній, и фабричныхъ, разъ преступныя дѣянія были совершены ими въ предѣлахъ надѣльной земли крестьянъ деревни Копнина.

Первый годъ работы судьѣ было страшно много. Шутка сказать; кромѣ своей деревни, онъ имѣлъ дѣло съ молодежью еще пятнадцати чужихъ селеній. Но за то и результаты достигались блистательные. Года еще не прошло, какъ „срывы“ въ Копнинѣ и во многихъ деревняхъ прекратились. „Крѣпкія“ слова, которыми, по примѣру большаковъ, любили ще-

Digitized by Google

гольнуть парни и подростки, теперь, если когда и вырывались, то скорѣй по старой привычкѣ или неумышленно, но отнюдь не съ цѣлью оскорбленія или рисовки. Драки сократились и стали отходить въ область преданій: ни одного съ поврежденнымъ лицомъ въ Копнинѣ не встрѣтишь, Для всѣхъ стало ясно, что жизнь молодежи потекла по новому руслу.

Не говоря о признательности парней и женской половины населенія, почтенные домохозяева, отцы семействъ и древніе старцы отзывались о деревенскомъ судьѣ съ великой похвалою:

— Каковъ Стеня то! Талантъ большой въ немъ заложенъ. Словно и деревня теперь ужъ не та, просвѣтилась!

Василій Павловичъ, улыбаясь себѣ въ русую бороду, говорилъ сыну:

— Ты, Стеня, не очень усердствуй: не ровенъ часъ— зашибешь.

— Нѣтъ, я, вѣдь, съ опаскою.

Задумалъ, было, Стеня поограничить среди молодежи употребленіе вина, но, разсмотрѣвъ этотъ вопросъ съ разныхъ сторонъ, вширь и вглубь, пришелъ къ заключенію, что подобнаго рода реформа несвоевременна.

Слава о деревенскомъ судьѣ росла и распространялась по округѣ. Но на всѣхъ и Богъ не угодитъ; не всѣмъ, конечно, по сердцу приходился и Стеня. Такъ, фабричные, получившіе за свое ухарство довольно чувствительныя внушенія, обнаружили духъ строптивости и протеста. Мало того, что Дубковъ сокращалъ на своей территоріи ихъ буйные нравы, онъ положительно не давалъ имъ хода и въ проявленіи любознательности. Такъ нѣкоторые изъ фабричныхъ и, частію, мужичковъ изъ чужихъ деревень, отличались наклонностью къ изслѣдованію копнинскихъ погребовъ и амбаровъ, да за одно ужъ и рыбачьихъ снастей, которыя ставились на ночь въ рѣку. Тутъ Стеня выступалъ на сцену уже не въ качествѣ присяжнаго судьи, а скромнаго помощника ночного сторожа, Самея Ѳомича, извѣстнаго всѣмъ подъ кличкою Сморчка,— кличкою,

Digitized by Google

данною старичку за его сморщенное въ кулачокъ лицо, съ жиденькою бороденкой, тщедушность и низенькій ростъ. Стоило Ѳомичу только стукнуть въ подоконницу дома Дубковыхъ, какъ Стеня, въ одной рубашкѣ и штанахъ, безъ шапки и босикомъ, выбѣгалъ на улицу и, съ трудомъ удерживая душившій его смѣхъ, полушепотомъ спрашивалъ:

— Гдѣ?.. У кого?..

— Пойдемъ-ка, сударикъ,—отвѣчалъ тихо Сморчокъ:—я тебя доведу, на мѣстѣ ихъ накроемъ.

Изслѣдователи успѣли насыпать въ мѣшки пшена и муки, собираясь взвалить на спины, какъ, подобно грому, надъ ихъ головами раздавался страшный голосъ:

— А, такъ вы здѣсь форсуны-огарки?—хваталъ перваго за шиворотъ и накладывалъ почемъ попало амбарному посѣтителю.—А вы не трогайтесь, не шевелитесь, пока я съ нимъ...

— Степанъ Васильичъ!—взмолится первый, съ которымъ управлялся Дубковъ.—Пусти душу на покаяніе!

— А, о душѣ теперь вспомнилъ?—И Степанъ Васильевичъ сейчасъ же давалъ отпускную грѣшнику, поддавъ ему, въ видѣ очищенія, разъ киселя, и принимался за остальныхъ... Но если попадался кто изъ захудалыхъ деревенскихъ, то Стеня, движимый чувствомъ состраданія къ бѣдняку, ограничивался двумя-тремя малыми лещами,—нельзя же такъ отпустить, для памяти все же слѣдовало поучить!—и выпроваживалъ мужичонку съ напутствіемъ:

— Ступай, ступай!... Въ другой разъ не попадайся: прибью!... Силенки у пакостнаго никакой, а тоже воровать лѣзетъ... Грѣхъ только одинъ съ вами, оглашенными!

Послѣ нѣсколькихъ такихъ вразумленій, ночныя экспедиціи въ Копнинѣ надолго прекращались, но память о Стениной наукѣ запечатлѣвалась въ участникахъ прочно, особенно у фабричныхъ. Засѣдая по трактирамъ и кабакамъ, они грозились, что Стенькѣ не сносить головы, и что они фабричные, рано или поздно до него доберутся. Выражали недовольство и нѣкоторые

Digitized by Google

изъ парней сосѣднихъ деревень. Недовольство обнаружилось и въ самомъ Копнинѣ: староста возсталъ противъ Стени за своего внука, награжденнаго по суду лещомъ. Фабричные только еще грозились, парни чужихъ селеній таили про себя отместку, а староста, какъ человѣкъ ближній, немедленно осадилъ Дубкова.

— Скажи, пожалуйста, кто тебѣ дозволилъ увѣчить ребятъ?—приступилъ онъ къ новому судьѣ.

— Увѣчья по моему закону не полагается, — отвѣчалъ Дубковъ.

— Не полагается!—передразнилъ староста. — Какое же ты имѣлъ полное право моего Петра по загривку съѣздить?

— Я дѣйствую по закону: ребята сами мой законъ приняли. Петръ твой получилъ должное.

— Да нѣтъ, какъ ты смѣлъ, какъ ты дерзнулъ самоуправствовать?

Стеня заволновался.

— А какъ твой Петръ при всемъ честномъ народѣ Ульяну, вдовы Матрены дочь, поносилъ всяческими словами и выхвалялся, что онъ къ ней по ночамъ ходитъ? Да за такія его пакостныя слова не такъ бы еще слѣдовало поучить!

— Не твое дѣло разбирать: мало ли что промежъ дѣвкой съ парнемъ водится...

Стеня заревѣлъ.

— И ты мнѣ это говоришь?!.. Старикъ, борода сѣдая по поясъ и выбранный ты обществомъ человѣкъ, а не стыдишься оправлять своего внука!... Да уходи ты, пожалуйста, уходи отъ грѣха.

— Ну, я на тебя управу найду — пригрозилъ староста, поспѣшно, однако, убираясь отъ богатыря.

Онъ не пошелъ съ жалобою на Стеню къ отцу его, не собралъ и деревенскаго схода, чтобы доложить обществу, а въ первый свой пріѣздъ въ волость обратился къ предсѣдателю волостного суда. Тотъ выслушалъ и посовѣтовалъ не жаловаться.

Digitized by Google

— Примемъ мы твою просьбу,—говорилъ онъ: — присудимъ ли мы къ чему Стеню, или нѣтъ,—я напередъ ничего сказать не могу. А что Матрена подастъ жалобу на твоего внука, это вѣрно, и судъ за обносъ дѣвки дурными словами приговоритъ его на высидку.

— Такъ что же мнѣ дѣлать?—спросилъ недовольный староста.

— А ничего. Оставь безъ вниманія. Стеня, по слухамъ, парень справедливый, и обиды отъ него никто не видалъ, а ежели онъ расправляется за озорство съ ребятами, такъ это пускай они промежъ себя вѣдаются. Они же сами и судьей его выбрали.

Староста не угомонился, отправился къ писарю, но того не засталъ дома,—уѣхалъ въ городъ; тогда онъ ухватился за урядника. Скоро обоихъ ихъ видѣли въ трактирѣ за виномъ и закускою. Урядникъ принялъ живое участіе.

— Ваше начальство что: — говорилъ урядникъ, видный мужчина съ рыжими бакенбардами, закусывая колбасой выпитый стаканъ водки.—Толкуютъ про какой-то обычай, а безъ писаря ни одного рѣшенія не сумѣютъ написать. Никакого понятія не имѣютъ, и только одна ихъ необразованность (урядникъ былъ изъ крестьянъ, но получилъ солидное юридическое образованіе въ ротной канцеляріи, гдѣ служилъ писаремъ). Вотъ я на практикѣ имъ покажу, какъ нужно дѣйствовать... У меня, чуть мало что—живо протоколъ,—мнѣ помощниковъ не потребуется, я всегда собственною рукой пишу!... Дѣло твоего внука, я такъ полагаю, надо бросить, а повыждемъ со стороны Дубкова новыхъ поступковъ.

Староста поогорчился и промолвилъ:

— Новыхъ-то поступковъ, можетъ, долго придется ждать.

— Не безпокойся!—обнадежилъ урядникъ:—у меня живо найдется... Я знаю, гдѣ онъ попадетъ мнѣ въ лапки, и не я буду, если не упеку Дубкова подъ уголовный! Даю тебѣ честное благородное слово.

Digitized by Google

И, желая придать честному благородному слову большую цѣну и убѣдительность, урядникъ попросилъ у старосты взаймы пять рублей.

Староста отличался ужасной скупостью и дрожалъ за всякій мѣдный грошъ, но тутъ онъ даже не поежился, полѣзъ за пазуху и вытащилъ кожаный бумажникъ.

— Такъ ужъ ты, Валерьянъ Капитонычъ, постарайся!

— Будь вполнѣ благонадеженъ, Климъ Ѳедосѣичъ,—отвѣчалъ урядникъ, ловко пряча за обшлагъ рукава синій билетъ.

Но неужели только изъ-за леща староста домогался насолить парню, не пожалѣлъ разстаться съ дорогою его сердцу „пятишницей?“ Раньше, до закона Степана, ребята другъ отъ друга получали и не такую благодать, но никто уряднику не жаловался, да и самъ Петръ, хотя сгоряча и обмолвился при своемъ дѣдушкѣ, понялъ, что лещъ былъ имъ заслуженъ, и на другой же день, по полученіи, встрѣтился съ Дубковымъ по-пріятельски. Причина настойчивости крылась глубже. Климъ Ѳедосѣичъ былъ честолюбивъ. Имѣя у себя десятокъ серій и два билета внутренняго займа, онъ слылъ за тысячника; но никакимъ почетомъ въ своей деревнѣ не пользовался. Самолюбіе его страдало, и онъ во что бы то ни стало хотѣлъ добиться уваженія. Должность старшины, волостного судьи или казначея сдѣлались его любимой мечтой; но всѣ старанія не привели ни къ чему: при выборахъ на эти должности его всякій разъ обходили. Тогда онъ сталъ пробовать ближе почву, въ своей деревнѣ, и труды его увѣнчались успѣхомъ: Клима Ѳедосѣича выбрали въ сельскіе старосты. Обыкновенно на эту должность изъ хорошихъ крестьянъ охотниковъ мало выискивается: жалованье ничтожное, хлопотъ и возни много, а почетъ – быть посаженнымъ въ кутузку исправникомъ или земскимъ начальникомъ,—почетъ не особенно завидный. Но Климъ Ѳедосѣичъ былъ доволенъ: все же онъ теперь человѣкъ выборный, какой ни-на-есть начальникъ, собираетъ съ мужиковъ

Digitized by Google

подати, наряжаетъ мірской сходъ, руководитъ на немъ и проч. Кромѣ того, въ волости староста ужъ свой человѣкъ, съ нимъ здоровается за ручку старшина, волостной писарь, предсѣдатель суда и самъ господинъ урядникъ. А это чего-нибудь да стоитъ, изъ-за этого можно когда и въ кутузкѣ посидѣть, тѣмъ болѣе, что отъ этого почета не освобождаются ни старшина, ни писарь. Но уваженія со стороны однодеревенцевъ Климъ Ѳедосѣичъ все-таки не добился, а своею кичливостью и неумными распоряженіями въ три года до того всѣмъ опротивѣлъ, что мужики не знали, какъ отъ него отдѣлаться. Передъ новыми выборами „Ѳедосѣичъ" чудеснымъ образомъ измѣнился: сдѣлался такимъ мягкимъ и покладистымъ, ко всѣмъ забѣгалъ въ глаза и передъ всякимъ такъ заискивалъ, что когда стали выбирать новаго старосту, то огромное большинство голосовъ оказалось на сторонѣ Клима Ѳедосѣича, а двѣ добрыхъ половины выборщиковъ, послѣ схода, были найдены бабами подъ заборами, въ канавахъ и разныхъ уютныхъ мѣстахъ. Теперь честолюбіе старосты разыгралось: онъ требовалъ почета не къ одной своей особѣ, но и ко всему семейству: къ сыну, снохѣ и внучатамъ. Избраніе молодежью въ судьи младшаго Дубкова было для него тяжкимъ оскорбленіемъ. Вотъ почему онъ принялъ къ сердцу лещъ своего Петра и старался теперь доѣхать Стеню.

А Стеня ничего не подозрѣвалъ: совѣсть его была спокойна, какъ у человѣка, стоящаго и дѣйствующаго на твердой почвѣ закона. Объ интригахъ старосты онъ узналъ отъ своего отца, которому передалъ тотъ же предсѣдатель волостного суда. Стеня вскипѣлъ.

— Глупый онъ человѣкъ!—выпалилъ парень. — Да не боюсь я его, и напрасно онъ мнѣ грозитъ: я по обычаю поступаю. За меня всѣ парни встанутъ, и Петръ его противъ меня не покажетъ.

— Такъ, Стеня,—говорилъ Василій Павловичъ,—знаю, что никто о тебѣ дурного не скажетъ, и волостной судъ тебя

Digitized by Google

не завинитъ... Да, видишь ли, Ѳедосѣичъ-то къ уряднику забѣжалъ... Не люблю я этихъ урядниковъ, мздоимщики они и большіе кляузники, ни за что тебя подъ отвѣтъ подведутъ.

— Долго ли до грѣха,—встревожилась Акулина Захарьевна,—спаси Христосъ? Остерегайся дитятко, не наткнись ты на урядника-то!

— Уряднкъ мнѣ не страшенъ,—отрѣзалъ дитятко,—себя я соблюдаю.

Василій Павловичъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на сына.

— Неужели, Стеня, ты урядника не боишься?

— Нисколько. Чай, онъ тоже по закону поступаетъ, а не самопроизвольно.

— Ну, смотри, держи ухо востро.

Ребята пришли въ негодованіе, когда услышали про козни старосты.

— Чего онъ суетъ носъ не въ свое дѣло? — говорилъ Ковригинъ.—Мы не лѣземъ на сходы и не указываемъ старостѣ... Такъ зачѣмъ же онъ-то въ наши дѣла вступается? У насъ свои обычаи, и мы живемъ по-молодому и большаковъ не касаемся.

— Надо Ѳедосѣича хорошенько проучить, — предлагалъ Семенъ Прибытковъ.

На другой день, въ праздникъ Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи, Стеня Дубковъ отправился съ товарищами къ обѣднѣ въ ближнее село, а отъ обѣдни попали они къ знакомымъ и прогостили тамъ до шести часовъ.

Передъ вечеромъ пріятели возвращались къ домамъ. Ребята были на-веселѣ, но никто не мотался, крѣпко держались на ногахъ и вели оживленный разговоръ. Одинъ Степанъ Васильевичъ молча совершалъ свой путь. Между темными густыми бровями великана лежала складка, и выраженіе лица было сосредоточенное, очевидно, въ умной головизнѣ его шла гигантская работа мысли, нарождался смѣлый замыселъ, или, можетъ, созрѣвалъ уже давно обдумываемый законопроектъ на благо и

Digitized by Google

славу родной деревни. Парни торопились домой, чтобы поспѣть къ ужину; до Копнина оставалось не болѣе ста саженъ. Вдругъ по всему полю раскатился страшный хохотъ:

— Ха-ха-ха-ха-о!

Ребята пріостановились.

— Что ты, Стеня, чему? — спросилъ Миша Ковригинъ.

— Какую штуку, братцы, я придумалъ!

— Ну, скажи? — подхватилъ разбитной Сеня.

— Ужо, послѣ ужина, открою... Ха-ха-ха-о-о-!

V.

Въ праздничный день деревенская улица оживлена. Такою она была и въ праздникъ 29 августа. Съ утра гуляютъ парни, сопровождаемые подростками и ребятенками, а послѣ обѣда выйдутъ на улицу и большаки даже старики и старушки. На заваленкахъ и скамейкахъ у палисадниковъ и погребовъ сидятъ нарядно одѣтыя женщины и мужчины, ведутъ разговоры, подъ липами и на травѣ играютъ ребятки, кричатъ и спорятъ, а на лугу поютъ дѣвки и парни. Улицею ходятъ невѣдомые странники, неизвѣстно къ какимъ святымъ мѣсамъ направляющіе свои стопы; величаво и тихо, мѣрною поступью, держась за палки мальчугановъ-поводырей, выступаютъ здоровые и высокіе старцы-слѣпцы, распѣвающіе своеобразными и сильными голосами про убогаго Лазаря или про мудраго царя Давыда Евсеевича; проѣдетъ въ лѣсныя дачи приказчикъ или какой торговецъ; прокатятся на лихихъ коняхъ, въ блестящей сбруѣ и съ бубенцами, въ коляскѣ дамы, супруги и дочери фабрикантовъ или ихъ управляющихъ и директоровъ.

Не задолго до заката, хрюканье и частый глухой топотъ возвѣщаютъ о приближеніи овечьяго стада, впереди котораго рядами и вразсыпную несутся свиньи. Погодя, возвращается и второе стадо, крупный скотъ. Многія изъ женщинъ, хозяйки,

Digitized by Google

покидаютъ бесѣду и спѣшатъ во дворы, чтобъ убрать скотину. Вотъ незамѣтно скрылось солнце, и въ воздухѣ потянуло легкою сыростью.

Золотисто-бирюзовая заря еще не потухла, а на землю спустились ужъ сумерки.

Безлюдье и тишина... Ярко и привѣтливо свѣтятся двумя линіями огненныя точки; порою, гдѣ-нибудь въ окнѣ, мелькнетъ рука или плечо, на бѣлую занавѣску упадетъ тѣнь головы или широкой спины. И сдается, что жизнь опять вырвется на улицу, хлынетъ по ней волнами и зашумитъ. И точно, какъ только успѣли семьи отужинать, деревня изъ конца въ конецъ наполнилась молодыми голосами, смѣхомъ и весельемъ. Пока бабки, матери и снохи, передъ отходомъ ко сну, управляются по хозяйству, парни съ дѣвками урвутъ отъ жизни свое: съ пѣснью проходитъ толпа, за нею вслѣдъ, съ пляскою, несется другая, взлетаетъ чье-то бойкое слово, подхватываемое взрывомъ здороваго мужского хохота, надрывается и рыдаетъ итальянка-гармоника въ рукахъ искуснаго игрока и звенитъ дѣвичій смѣхъ. Надъ всѣмъ этимъ властительно стоитъ могучій басъ Стени Дубкова, мягко раскатывающійся по деревнѣ и окрестности:

«Ахъ, ты ноченька, ночка темная!...»

А подъ тесовыми навѣсами воротъ ведутся тайныя рѣчи, прерываемыя тихими, но пламенными поцѣлуями... Молодость! Жизнь!..

Но вотъ въ чуткомъ воздухѣ раздались и посыпались короткіе, частые звуки деревянной колотушки: это Самей Ѳомичъ, ночной сторожъ, даетъ о себѣ знать жителямъ, что онъ уже вышелъ на улицу и отправляется въ обходъ по селенію.

„По-ра спать, по-ра спать!“.

Выколачиваетъ юркій старичокъ, мелкими шажками подвигаясь впередъ и зорко всматриваясь въ темныя фигуры, двигавшіяся тамъ и тутъ.

Digitized by Google

Заслышавъ стукъ колотушки, заботливыя хозяйки спѣшатъ помолиться Богу и поскорѣе лечь: завтра надо пораньше вставать, выбирать изъ грядъ картофель и выдергивать послѣдній ленъ, оставшійся кое-гдѣ на полосахъ. То въ одномъ, то въ другомъ домѣ мигаютъ и гаснутъ огни, линіи свѣтлыхъ точекъ прерываются, образуя черные промежутки; голоса, пѣсни и гармоника смолкаютъ и жизнь отливаетъ. Слышны побрякиванье кольцомъ, стукъ желѣзной защелки и хлопанье калитками.

— Маш-у-тка-а! прощай...

— Прощай, Ѳеня-я!

Все рѣже и рѣже огоньки; все тише и темнѣе на улицѣ; развѣ еще гдѣ подъ навѣсомъ услышишь шепотъ:

— Пора мнѣ, желанный,—домашніе ужъ легли...

Самей Ѳомичъ, продолжая свой обходъ, неустанно бьетъ колотушкой, и подъ сладкую музыку ея скоро и безмятежно засыпаютъ деревенскіе люди, а лихой человѣкъ хоронится или бѣжитъ въ сторону, чтобы не попасться на рысьи глаза неусыпнаго сторожа... Но что это? За угломъ шорохъ и цѣлуются?.. Самей Ѳомичъ всматривается и видитъ...

— Миръ на страдованьи, — говоритъ старикъ, кланяясь и проходя мимо счастливой парочки.—Вишь, ты, должно, въ невѣсты себѣ прочитъ... Что-жъ, время Петрухѣ жениться, а Варвара—дѣвка знатная, работящая... Только не надулъ бы онъ! Больно ужъ плутистъ парнишка и ловокъ обхаживать ихнюю сестру...

Самей Ѳомичъ шагаетъ дальше, проходитъ мимо вдовиной избушки, гдѣ онъ живетъ на квартирѣ. Впереди изъ ночного мрака выдвинулась громадная фигура, и гурьба молодыхъ гулякъ преградила сторожу дальнѣйшій путь.

— Кто иде-е-етъ?—басомъ окликаетъ сторожъ.

— Жители... Ѳомичъ, ты?

Ѳомичъ закидываетъ голову, чтобы разсмотрѣть лицо великана, и сразу узнаетъ Дубкова.

Digitized by Google

— Степанъ Васильевичъ! — воскликнулъ сторожъ.—Все ли вы въ добромъ здоровьѣ, батюшка, какъ Господь Богъ хранитъ вашу милость?

— Ничего,—отвѣтилъ Стеня.—Хвори никакой пока за собой не знаю. На-ка, вотъ тебѣ гостинецъ,—прибавилъ онъ, подавая сторожу какую-то вещь, завернутую въ бумагу.—Мы сегодня къ Егорью молиться ходили, такъ я нарошно для тебя и прихватилъ.

— Ахъ ты, мой родимый, ахъ ты, мой болѣзный!— несказанно обрадовался Самей Ѳомичъ, чутьемъ опредѣливъ сущность гостинца.

— А закусить-то у тебя есть ли?—освѣдомился Дубковъ.

— Какъ же, сударикъ, имѣется: за пазухой у меня краюшка хлѣба.

Тутъ вмѣшался Сеня Прибытковъ.

— Нечего, значитъ, тебя и задерживать,—сказалъ разбитной парень,—твое дѣло служащее,—ходи, колоти и охраняй жительство, а намъ пора на боковую... Да струментъ-то при тебѣ находится?

— Какой струментъ?

— Экій ты, недогадливый! Гостинецъ-то, вѣдь, за печатью: чѣмъ ты пробку выковырнешь?

Довольный Самей Ѳомичъ пустилъ легкимъ смѣшкомъ:

— Хе-хе-хе... Караульщичекъ безъ запаса, касатикъ, не ходитъ: у меня завсе при себѣ шильце...

— Ну, коли такъ, мы за тебя спокойны,—шутилъ Прибытковъ.—Да спрячь, спрячь ты гостинку-то! Время теперь ночное, еще обронишь...

— Не оброню, сударикъ,—съ ласковою увѣренностью отвѣчалъ Ѳомичъ.—Я вотъ къ дару Господнему ее, за пазушку, спрячу... Какъ возможно, чтобъ этакое сокровище да обронить!

Разошлись. Парни отправились, спать, а Самей Ѳомичъ— въ обходъ, пугать воровъ.

— Прощай!—услышалъ караульный голосъ Дубкова.—

Digitized by Google

Въ случаѣ нашествія, прямо лети ко мнѣ и буди! я помощь тебѣ подамъ.

— Спасибо, радѣльникъ!... Ужъ въ случаѣ какого несчастья,—не оставь, окажи способіе...

— Окажу. Надѣйся!

Самей Ѳомичъ постоялъ, ощупалъ гостинецъ и крикнулъ:

— Ангелъ!.. Спокойной тебѣ ночи...

Вмѣсто Дубкова въ отвѣтъ отозвался Прибытковъ:

— Прощай, Сморчокъ!

Самей Ѳомичъ тряхнулъ головой.

— Ладно, „Сморчокъ!"—промолвилъ онъ, трогаясь снова въ путь.—Доживи-ка ты до моихъ-то годовъ, такъ самъ будешь сморчкомъ... А я вотъ постучу разокъ-другой, да благословясь, на свободѣ и займусь гостинкою-то... Экій парень хорошій, этотъ Степанушка! Ну-ка, попеченіе о Самеѣ поимѣлъ, не забылъ чужестранняго человѣка (старикъ былъ изъ другого уѣзда верстъ за тридцать). Богъ пошлетъ ему за добродѣтель... А хорошо теперь пропустить малость...

Самей Ѳомичъ почувствовалъ свѣжесть: съ рѣки вставалъ туманъ. Сморчокъ постучалъ, неизвѣстно для чего крикнулъ: „слу-у-ша-ай!" и, не дойдя до послѣдней избы, повернулъ обратно, въ верхній конецъ. Онъ не захотѣлъ больше забивать ногъ, очутившись у вдовиной избушки, присѣлъ на заваленку и рѣшилъ заняться пріятнымъ дѣломъ.

Надъ Копнинымъ стояла глухая ночь. Нигдѣ огонька не блеснетъ, дома и надворныя постройки слились; однѣ крыши съ трубами, да вершины березъ, съ засѣвшими на нихъ черными гнѣздами, выдѣляются на сводѣ синяго неба, усѣяннаго безчисленнымъ множествомъ звѣздъ. Все тихо и безлюдно, ни въ одномъ дворѣ не тявкнетъ собака.

Сторожъ трудился надъ Стенинымъ гостинцемъ: бережно вынувъ пробку, онъ прямо изъ горлышка пропустилъ нѣсколько глотковъ и съ чувствомъ проговорилъ:

— Ув-важаю!

Digitized by Google

Пріятная теплота разлилась по всѣмъ членамъ Самея Ѳомича, какая то дѣтская улыбка шевельнула его усы и бороду; онъ прислонился къ стѣнѣ и принялся глядѣть на звѣзды.

Туманъ поднялся и заглянулъ въ верхній конецъ деревни. Постоялъ немного, колыхнулся и медлительно, точно нехотя, направился вдоль улицы: тонкой кисеей стелется онъ по землѣ, обнимаетъ у корней толстые стволы деревьевъ и растягивается дальше, все дальше, ширясь и расползаясь по низкорослой травѣ, выбитой скотиной. Среди ночного безмолвія и покоя, подъ повѣтью вдовина двора, всхлопнулъ крыльями пѣтухъ, и звучно по деревнѣ разнеслось его первое „кукуре-ку-у!“ Встрепенулся и запѣлъ на сосѣднемъ дворѣ, за нимъ третій... Пѣніе деревенскихъ „обужателей“ нарушило блаженное состояніе ночного сторожа и возвратило его къ дѣйствительности.

— Слава Тебѣ, Господи!—проснулся Самей Ѳомичъ.—Пѣтушки ужъ поговариваютъ... И не примѣтилъ, какъ времячко-то въ мечтаніи прошло... Пора, думаю, постучать?..

Нащупавъ сперва на груди подъ овчиною гостинецъ, сторожъ приподнялся съ заваленки и, не торопясь, побрелъ; доплелся до средины улицы и принялся неистово стучать колотушкою, наводя страхъ и трепетъ на лихихъ людей. Исполнивъ добросовѣстно свою обязанность, онъ не замедлилъ вернуться на облюбованное имъ мѣстечко, расположился поудобнѣе и булькнулъ раза два изъ бутылки.

— Довольно, — промолвилъ Самей Ѳомичъ,—поберегу... Экій туманъ-то большой!

Старикъ плотнѣе завернулся въ дырявый армякъ, напяленный поверхъ стараго вытертаго полушубчонка, и предался размышленіямъ о суетѣ человѣческой жизни... Часъ или полчаса сторожъ вздремнулъ, точно опредѣлить трудно, но когда онъ снова открылъ глаза, то былъ крайне озадаченъ: весь противоположный порядокъ строеній исчезъ, потонувши въ туманѣ, только одни кони съ трубами, да вершины деревьевъ виднѣлись, а вверху надъ головою, по прежнему сверкали

Digitized by Google

звѣзды. Но не это смутило духъ Самсея Ѳомича. На высокихъ березахъ, тамъ, гдѣ недавно еще жили грачи, онъ увидѣлъ новыхъ обитателей, нисколько, однако, на птицъ не похожихъ, а хорошихъ медвѣдей. Не успѣлъ сторожъ въ умѣ рѣшить, какія въ настоящемъ случаѣ принять мѣры,—произвести ли въ селеніи тревогу или безшумно юркнуть въ калитку,—какъ замѣтилъ па березахъ картузы и шапки, какихъ настоящіе медвѣди никогда не носятъ, и отъ сердца у него разомъ отлегло.

— Да вѣдь это— ребята, догадался старикъ и тихонько засмѣялся.—Озоруйте, озоруйте, пареньки, а я на васъ погляжу!.. Да что они затѣваютъ? Развѣ попужать?.. Хе, хе, хе... Нѣтъ, заопасятся, пожалуй, а люди они уважительные... Что за диво! Куда-жъ это гнѣзда-то?..

Черныя грачиныя гнѣзда, похожія на чудовищныя бороды, застрявшія между сучьями, одно за другимъ падали и тонули въ туманѣ... Сторожъ выронилъ колотушку.

— Господи Іисусе Христе! — выговорилъ и сдернулъ съ головы шапку...

Дрожащей рукою осѣнилъ онъ себя крестнымъ знаменіемъ, и *тѣ*, кого онъ принялъ сперва за медвѣдей, а потомъ за деревенскихъ парней, взвильнули хвостами и бултыхнулись рожками внизъ (Сморчекъ отлично разсмотрѣлъ на нихъ эти украшенія) и праха отъ нихъ не осталось! Только теперь Ѳомичъ какъ должно уразумѣлъ, *кого* пришлось ему увидѣть... Но онъ не потерялъ сознанія и твердости духа: очнувшись черезъ минуту, проворно вытащилъ бутылочку и живо прогналъ холодъ, который забрался къ нему подъ полушубокъ и прохватилъ до костей.

— Ну, а теперь я подожду, что еще отъ васъ будетъ?— смѣло и вслухъ заговорилъ храбрый Сморчокъ. — Вишь ты, нечесть объявилась!.. Шестой годъ я здѣсь служу, каждую ночь караулю, а ни раза еще этой погани не видалъ... Да я, вѣдь, *ихъ* не очень то боюсь: сотворилъ молитву, положилъ

Digitized by Google

на себя крестъ — и провалились до единаго всѣ, окаянные!.. Пойду, осмотрю жительство да постучу.

Самей Ѳомичъ поднялъ съ земли колотушку, выпавшую у него изъ рукъ при появленіи „нечистыхъ“, сдѣлалъ шаговъ двадцать и заколотилъ; потомъ въ раздумьѣ постоялъ недолго и повернулъ опять къ заваленкѣ.

„Надобно бы на задворкахъ понавѣдаться, все-ли тамъ благополучно? — размышлялъ заботливый сторожъ.—Да кому въ эдакій туманъ охота воровать?.. А ужъ ежели кто забрался въ амбаръ или клѣть, такъ и будетъ тамъ смирнехонько посиживать,—въ теми-то и не разглядишь его... Лучше я здѣсь посижу... Замокъ гдѣ сшибутъ, али шумъ заслышу, такъ я всегда успѣю кликнуть Стенюшку... Опасности никакой не предвидится“.

Успокоивъ себя такими доводами насчетъ благополучія деревни, Самей Ѳомичъ усѣлся въ уголъ и сталъ караулить.

Запѣли вторые пѣтухи.

„Вотъ, опять кочетки перекликаются!—думалъ сторожъ.—Великій разумъ этой птицѣ отъ Бога даденъ: по голосу ея человѣкъ завсегда время узнаетъ!.. Премудрость!.. Нѣшь постучать? Ну, добро и такъ... А глоточекъ еще не мѣшаетъ пропустить, потому сыро, и отъ сырости человѣку всякая болѣзнь приключается, а вино сырость и болѣзнь отшибаетъ“.

За словомъ послѣдовало дѣло: послышалось „буль, буль“ и довольный голосъ:

— У-у-важ-жаю!

Сморчковъ тряхнулъ головой и беззвучно засмѣялся.

— Не худо бы теперь немножко вздремнуть...

Но исполненію этого естественнаго желанія помѣшало новое видѣніе. Наискосокъ, черезъ дорогу, на крышѣ одного высокаго дома изъ тумана выросъ и поднялся до звѣздъ какой-то исполинъ, весь черный, лохматый и страшный...

— Это еще что?!

Сморчокъ зашепталъ молитву и перекрестился. Не пропа-

Digitized by Google

даетъ! Во второй разъ перекрестился—стоитъ... Сотворилъ молитву въ третій разъ—не проваливается, наоборотъ,—растетъ и, повидимому, хочетъ своей башкой небо подпереть... Вотъ, за трубу ухватился...

— Не-е-ужъ... воръ?! — пролепеталъ сторожъ.—Экой я дуракъ!—выбранилъ онъ себя и смѣло прибавилъ:—Кого не узналъ? Домовой это на крышѣ старостина дома... Такъ и есть — онъ? Гм... вѣрно, разгуляться вышелъ... Вонъ, рукой машетъ, — вѣдьму должно къ себѣ манитъ?.. Да что это я никакъ не разберу, въ какую онъ одёжду вырядился?.. Ахъ, дуй тя горой! бураками онъ убрался!..

Самой Ѳомичъ отлично зналъ, что „хозяинъ“ или домовой всегда съ добрыми людьми въ ладахъ живетъ и человѣку вреда не сдѣлаетъ. Поэтому, вмѣсто страха, Ѳомичомъ овладѣло теперь любопытство, и онъ съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать появленія вѣдьмы, а вѣдьмою, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, была нестарая еще бобылка Ѳекла: она лечила отъ дурного глаза, снабжала дѣвокъ приворотными корешками и однимъ духомъ у мужиковъ снимала килы... Какъ же не вѣдьма? Настоящая она и есть вѣдьма.

— Погляжу, погляжу, чѣмъ они будутъ заниматься,— говорилъ Сморчокъ, потирая отъ удовольствія руки. — Очень это любопытно!.. Все еще машетъ!.. Что-жъ она задерживаетъ, томитъ понапрасну человѣка?.. Дура, баба... Э, да на шеѣ-то у него не бураки, ей-Богу, право, не бураки! Лукошками онъ обвѣшался... Вишь, какимъ большущимъ помахиваетъ!.. Да гдѣ онъ столько ихъ досталъ? Безпремѣнно у старостихи изъ клѣтки наворовалъ... Вонъ, началъ скидывать и хоронить... Опрогнѣвался, знать, на вѣдьму-то: пообѣщала прійти на свиданьице, а слово-то не подержала... Гляди, не работникъ-ли Дубкова теперь у ней въ гостяхъ?.. Экій ты большущій да могутный, батюшка домовой! И какъ есть въ полномъ видѣ человѣкъ, только вотъ съ обличья черный, не

Digitized by Google

различишь: нашъ, мужичій на немъ ликъ, али скотскій?... Ну, да куда жъ это онъ?

Точно съ ледяной горы, домовой покатился съ коня и нырнулъ въ туманъ... Въ ту же минуту послышался сдержанный, но здоровый смѣхъ, и до слуха Ѳомича отчетливо донеслось:

— Живъ ли ты, Сморчокъ?

Самей Ѳомичъ вздрогнулъ, но тотчасъ же оправился.

— Вишь, глазастый,—промолвилъ,—узналъ!

Въ продолженіе остальной ночи какія видѣнія безпокоили сторожа и безпокоили ли,—неизвѣстно: по крайней мѣрѣ, самъ онъ послѣ, на вопросы любопытныхъ, отвѣчалъ какъ-то уклончиво и таинственно. Достовѣрно лишь одно: когда на разсвѣтѣ Ѳомичъ проснулся, то подлѣ себя, на заваленкѣ, нашелъ не одну, а двѣ бутылочки и, къ большому своему огорченію, обѣ пустыя.

Утромъ на деревнѣ затопили печки. Съ земли и луговъ поднимался кверху паръ, насквозь пронизанный теплыми лучами солнца, а изъ трубъ бѣжалъ столбиками дымъ. Не прошло получаса времени, какъ въ деревнѣ послышалась тревога. Хозяйки поспѣшили къ окошкамъ, выглянули: мужики, парни и ребятишки бѣгутъ по улицѣ, а домъ старосты весь стоитъ въ густомъ дымѣ.

— Батюшки, пожаръ! у старосты загорѣлось...

Но пожара никакого не было: почему-то не шелъ въ трубу дымъ и выбивалъ изъ печи, такъ что пришлось открыть всѣ окна. Послѣ долгой суетни, недоумѣній и тревогъ выискался смышленный человѣкъ и притащилъ лѣстницу, приставилъ къ стѣнѣ и взобрался на крышу, чтобъ осмотрѣть трубу. Залѣзъ на конь, заглянулъ—темно въ трубѣ; запустилъ руку—и съ трудомъ вытащилъ оттуда грачиное гнѣздо.

— Э, э! да ихъ тутъ и не оберешься,—промолвилъ весело мужикъ:—до самаго борова натискали.

Замѣшательство и всѣ тревоги смѣнились общимъ смѣхомъ, бранью старосты.

Digitized by Google

— Мошенники! Разбойники! — вопилъ Климъ Ѳедосѣевичъ. — Сегодня же погоню въ волость... заявлю уряднику!

— Да кто это эдакую штуку удумалъ?—задавались съ разныхъ сторонъ вопросами.—Нутка, кому взойдетъ въ голову: полну трубу гнѣздами наколотили? Навѣрно, кто изъ ребятъ.

— Я знаю кто...—началъ было староста.

— Не грѣшите понапрасну! — раздался голосъ, и Самей Ѳомичъ показался въ толпѣ.—Ребята здѣсь ни въ чемъ не причинны, — продолжалъ вѣрный сторожъ. — Это — домового штуки! Я своими глазами все видѣлъ.

Онъ обстоятельно и добросовѣстно, со всѣми подробностями, разсказалъ о страшныхъ событіяхъ минувшей ночи. Мужики внимательно слушали и глубокомысленно покачивали головами, а бабы вздыхали и жалостливо говорили:

— Ахъ, ахъ, матушки! Экія страсти на бѣломъ свѣтѣ водятся... Ѳомича-то больно жалко: старичекъ ужъ онъ, худенькій, мозглявенькій, а сколько отъ нечистыхъ напасти всякой наисприниматся.

Не мало послѣ ребята смѣялись. Но Василій Павловичъ, также про себя посмѣиваясь, счелъ нужнымъ сдѣлать замѣчаніе сыну:

— Стеня, ты не дури!

— Ничего, батюшка,—отвѣтилъ парень,—опасности нѣтъ, а старостѣ будетъ памятно.

VII.

Осень подкрадывалась незамѣтно. Дождей не было, погода стояла ясная, но по утрамъ начались уже морозцы. Листъ вездѣ желтѣлъ и осыпался, деревья рѣдѣли и больше сквозили, только однѣ ели да сосны гуще и свѣжѣе зеленѣлись; изъ перелетныхъ птицъ остались одни журавли,—ихъ крики, раздававшіеся порою, звучали печально по роднымъ болотамъ; на за-

Digitized by Google

дворкахъ и гумнахъ стаями носились вороны, галки и сороки. Надъ овинами постоянно разстилался небольшой дымокъ; на токѣ слышался частый, веселый стукъ цѣповъ.

До самаго октября погода стояла хорошая.

Степанъ Васильевичъ снова и единогласно былъ избранъ въ судьи.

Воскресенье. Стеня подковалъ двухъ лошадей, вылудилъ самоваръ и потомъ, вмѣстѣ съ домашними, пообѣдалъ. Еще утромъ принесли ему письмо со станціи отъ Бѣлова и Стеню разомъ потянуло изъ дома. Это съ нимъ всегда случалось, когда получалъ онъ письма отъ московскаго пріятеля.

— Батюшка,—промолвилъ онъ,—я снесу трактирщику самоваръ.

— Твое дѣло,—отвѣчалъ Василій Павловичъ.—Аль деньжонки понадобились.

— Нѣтъ, денегъ у меня еще хватитъ... Вздумалось поразгуляться; такъ за одно бы...

Василій Павловичъ, подобно всѣмъ зажиточнымъ мужикамъ и настоящимъ хозяевамъ, цѣнилъ трудовыя деньги и отличался бережливостью. Но, какъ человѣкъ практическаго ума, онъ понималъ, что нельзя молодому парню обойтись безъ нѣкоторыхъ расходовъ: надо когда съ товарищами въ трактиръ зайти купить гостинцевъ дѣвкамъ и проч. Не желая лишать своего любимца удовольствій, какими обыкновенно пользуется деревенская молодежь, онъ позволилъ Стенѣ въ праздники работать на себя: у парня будутъ свои деньги, и деньги трудовыя, а потому не станетъ онъ тратить ихъ по пустякамъ.

Получивъ родительское одобреніе, Стеня надѣлъ суконную поддевку, нахлобучилъ картузъ на голову и, закинувъ на спину мѣшокъ съ двухведернымъ самоваромъ, отправился въ Сафроново.

Онъ не пошелъ прямою дорогой, которою всѣ ходятъ, а взялъ берегомъ, на версту дальше. День былъ превосходный, солнечный. Внизу, все еще по зеленѣющей атавѣ, на многіе

Digitized by Google

версты, изгибалась синей лентой рѣка, сверкая мѣстами серебристыми косами; орѣшникъ, дубнякъ, рябина и вязки, заполнявшіе пойму, горѣли въ багрянцѣ и золотѣ. Стеня шагалъ и глядѣлъ на эту увядающую красоту природы; въ душѣ его опять поднимались давнишнія воспоминанія,—Костя, учитель, школа... И опять, и сильнѣе его куда-то манило, влекло. Но по мѣрѣ того, какъ онъ подвигался впередъ и вдыхалъ полными легкими свѣжій, здоровый воздухъ, на сердцѣ у него постепенно затихало, на душѣ дѣлалось какъ-то спокойнѣе.

Трактиръ стоялъ на торчкѣ, особнякомъ, въ четверти версты отъ деревни Сафроново. Подъ навѣсомъ Стеня замѣтилъ осѣдланную лошадь; изъ открытыхъ кое-гдѣ окошекъ неслись голоса и пѣсни. Парень толкнулъ наружную дверь—его такъ и обдало запахомъ перегорѣлаго масла и тютюна—и очутился въ большой комнатѣ, набитой посѣтителями, въ числѣ которыхъ увидѣлъ и своихъ копнинскихъ. За буфетомъ суетился хозяинъ, упитанный и темноволосый, лѣтъ сорока, въ клѣтчатомъ пиджакѣ. Дубковъ махнулъ прямо къ буфету.

— Ужъ готовъ? —съ дѣловитой улыбкою на рябомъ лицѣ проговорилъ трактирщикъ, вылупливая изъ мѣшка самоваръ. — Все ли вы здоровы, Степанъ Васильевичъ? Какъ папаша?

— Слава Богу,—отвѣтилъ Стеня,—наши всѣ здоровы. Прикажи-ка мнѣ чайку собрать.

— Къ намъ присаживайся,—позвали Дубкова копнинскіе ребята.

— Послѣ,—сказалъ Дубковъ и направился къ окошку, у котораго оставался свободный столикъ, вблизи закрытыхъ дверей, за которыми пряталась особая комната.

Онъ снялъ поддевку, положилъ ее вмѣстѣ съ фуражкою на другой стулъ и принялся за чай. Выпилъ двѣ чашки, досталъ изъ кармана письмо и углубился въ чтеніе.

За другими столами закусывали, пили вино, пиво и чай. Большинство посѣтителей составляли сафроновскіе и крестьяне ближнихъ селеній; человѣкъ пять фабричныхъ, и трое мужич-

Digitized by Google

ковъ, съ запыленными лицами, въ протертыхъ зипунахъ, съ котомками и мѣшками, лежавшими около нихъ на полу, утоптанному сапогами и лаптями. Съ появленіемъ Стени, пѣсни и гармоника замолкли. Слышались только громкіе разговоры и споры.

Окончивъ чтеніе или, вѣрнѣе, перечитываніе письма, Дубковъ задумался... Погодя, онъ вздохнулъ, повелъ глазами на незнакомыхъ мужиковъ и негромко запѣлъ:

«Эхъ, ты доля, эхъ ты доля,
Доля бѣдняка!...»

Разговоры и споры за столиками стихли, лица повернулись въ сторону окна, гдѣ сидѣлъ Дубковъ.

«Тяжела ты, безотрадна,
Тяжела, горька!...»

Но тутъ половина двери изъ сосѣдней комнатки пріотворилась и раздался повелительный голосъ.

— Прекратить! Что за безобразіе?

Пѣвецъ не принялъ этого приказанія на свой счетъ и выводилъ:

«Не твою ли это хату,
Вѣтеръ пошатнулъ?...»

Распахнулись настежь обѣ половинки двери, и высокій, плотный мужчина, съ рыжими бакенбардами, въ форменномъ сюртукѣ и при шашкѣ, предсталъ передъ глазами трактирной публики — грозный и важный, какимъ только грознымъ и важнымъ можетъ быть полицейскій урядникъ.

— Я же приказываю замолчать!—гаркнулъ онъ на Дубкова.—Безобразія здѣсь не допускается.

Стеня посмотрѣлъ на грознаго блюстителя порядка.

— Вы это мнѣ, что ли?

— А то кому же? Ты одинъ позволяешь въ публичномъ мѣстѣ безчинства.

— Безчинства съ моей стороны нѣту,—отвѣчалъ Стеня,

«Съ крыши ветхую солому,
Разметалъ, раздулъ...»

Digitized by Google

не обращая вниманія на бакенбарды и форменный сюртукъ, продолжалъ съ чувствамъ Дубковъ.

Довольно увѣсистая рука упала на плечо пѣвца, и онъ услышалъ:

— Тебѣ же приказываютъ замолчать! Ослушаніе начальства?

Стеня повелъ слегка плечомъ. Урядникъ шага на два отступилъ.

— А, такъ ты вотъ какъ?—произнесъ онъ и обнажилъ шашку.

По всей вѣроятности, голова спина или плечо Стени подвергнулись бы непріятности, еслибы тутъ не произошло нѣчто непостижимое и неожиданное. Никто глазомъ не успѣлъ моргнуть, какъ богатырь ужъ стоялъ выпрямившись во весь ростъ, быстрымъ движеніемъ руки вырвалъ шашку, такъ же быстро переломилъ ее пополамъ и обломки вышвырнулъ за окно. Покончивъ дѣло, богатырь опустился на стулъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, принялся за чай.

Все это совершилось такъ внезапно и стремительно, что зрители не имѣли времени дать себѣ отчета: всѣ сидѣли положительно въ оцѣпенѣніи. Самъ урядникъ былъ ошеломленъ въ высокой степени и стоялъ неподвижно. Придя, наконецъ, въ себя, онъ возопилъ:

— Почтенная публика! Видѣли? Сопротивленіе начальству... Протоколъ! — и съ послѣднимъ словомъ бросился въ каморку.

Публика очнулась. Первою мыслью, какъ ударила въ головы посѣтителямъ, жившимъ въ одномъ полицейскомъ участкѣ, это—выкинуть на столъ деньги и, не прощаясь съ хозяиномъ, бѣжать вонъ изъ трактира.

Когда урядникъ вернулся съ чернильницей и отрепаннымъ кожанымъ портфелемъ, то общая комната оказалась уже опустѣвшею на двѣ трети гостей.

— Вы свидѣтели!—объявилъ онъ, присаживаясь къ одному изъ столиковъ и вынимая листъ бумаги.—Савелій Купріянычъ, никого изъ заведенія не выпускать.

Digitized by Google

Копнинскіе ребята переглянулись.

— Дозвольте спросить, господинъ урядникъ, — началъ Ковригинъ, — въ чемъ мы должны быть свидѣтелями?

— А въ томъ, что вы здѣсь видѣли и слышали: въ нарушеніи публичной тишины, безобразничаньѣ и сопротивленіи начальству.

— Мы этого ничего не видали и не слыхали.

— Какъ?!.

— А такъ, — отвѣтилъ Ковригинъ, — мы только слышали, что вы очень кричали и замѣтили, какъ вы шашкой на Дубкова замахнулись.

— Въ этомъ мы всѣ будемъ свидѣтелями, — подхватили остальные копнинцы.

Урядникъ былъ озадаченъ, но скоро нашелся.

— Понимаю. Одной, значитъ, шайки. Ну, я и васъ въ число участниковъ запишу.

Трое мужичковъ, оторванные событіемъ отъ пріятныхъ своихъ занятій за бутылкою и слушанія пѣсни, все время оставались въ состояніи созерцательномъ, весьма близкомъ къ столбняку. Теперь одинъ изъ нихъ открылъ уста.

— Господинъ урядникъ, заговорилъ онъ, — мы тоже, выходитъ, свидѣтели?.. Ладно... Сдѣлай такую милость, побезпокой себя, запиши отъ моего лица и вотъ отъ нихъ, моихъ товарищей, мы всѣ трое — опёнковскіе, Спасскаго уѣзда, крестьяне. Пиши: такъ, молъ, и такъ, допрежде въ трактирѣ ребята пѣли пѣсни и шибко промежъ себя кричали, — урядникъ до нихъ не касался; а какъ запѣлъ вонъ этотъ, большой-то парень, — пѣлъ же онъ чудесно! — ты выскочилъ изъ каморки, — извини, не видалъ, что ты пилъ и кушалъ тамъ, — и орудьей своей хотѣлъ зашибить парня, но Богъ тебя отъ грѣха этого избавилъ: самъ паренекъ орудью у тебя вырвалъ — погляди, вонъ она за окошкомъ-то валяется! Такъ все ты и запиши.

— Миронъ справедливо показываетъ, — отозвались това-

Digitized by Google

рищи, опенковцы.—Урядникъ, дѣйствительно, человѣка хотѣлъ зарубить.

Фабричные и остальные всѣ, кто находились въ трактирѣ, также заявили, что господинъ урядникъ хотѣлъ ударить Дубкова шашкою.

Савелій Кипріяновичъ, отлично понимавшій положеніе дѣлъ, нашелъ причину отозвать урядника въ сторону.

— Бросьте вы это дѣло, Валерьянъ Капитонычъ, сказалъ онъ ему вполголоса,—легко можетъ выйти и для васъ непріятность.

— Но какъ же я теперь могу оставить?—спросилъ урядникъ, обливаясь потомъ.

— Не тревожьтесь, я вамъ подсоблю... Валерьянъ Капитонычъ! — громко началъ трактирщикъ. — Покорнѣйше васъ прошу, изъ уваженія ко мнѣ, оставить дѣло это безъ вниманія. Первую вину можно простить.

Конечно, изъ уваженія къ почтенному Савелію Кипріяновичу г. урядникъ не прочь оказать снисхожденіе, но Дубковъ, помимо ослушанія, сломалъ казенную шашку.

— Это ничего-съ!—успокоилъ Савелій Кипріяновичъ, кинувъ ласково-просительный взглядъ на Дубкова.—Степанъ Васильевичъ, по моей просьбѣ, вамъ эту шашечку починятъ, лучше новой-съ будетъ... Такъ ли я говорю, Степанъ Васильевичъ?

— Такъ,—коротко отвѣтилъ Дубковъ, попивая чай.

— Ну, да, я въ этомъ не сомнѣваюсь,—подавался урядникъ, показывая видъ, что такая съ его стороны уступчивость дѣлается исключительно ради хозяина и доброй славы его заведенія.—Но такъ какъ публично, то... Дубковъ обязанъ передо мною...

— Все, все будетъ исполнено! — съ живостью перебилъ Савелій Кипріяновичъ, уловивъ набѣжавшую на высокій лобъ Дубкова морщинку.—Только на этотъ счетъ вы потомъ объяснитесь, а сейчасъ, ради пріятства и союза, вамъ, господа, непремѣнно слѣдуетъ потребовать чего-нибудь изъ-за буфета.

Digitized by Google

Стеня привсталъ.

— Господинъ урядникъ, —промолвилъ,—мнѣ нужно вамъ пару словъ сказать. Повыйдемъ-те на минуту.

Урядникъ хотя не совсѣмъ охотно, но послѣдовалъ въ каморку.

Дубковъ притворилъ двери и обратился къ нему съ вопросомъ:

— Скажи, за что ты меня оскорбилъ?

— Помилуй, братецъ! Ты ведешь себя неприлично...

— Ну, не сказывай, коли не хочешь говорить правды. Мнѣ извѣстно: это по наущенію старосты ты на меня набросился. Хорошо. Тебѣ еще одно слово: ежели ты наскочишь на меня беззаконно въ другой разъ, или что учинишь противъ копнинскихъ ребятъ, такъ я напередъ тебѣ сказываю, и ты это знай: плохо тебѣ будетъ... Убить я тебя не убью, но здоровья ты лишенъ будешь окончательно, и въ урядникахъ тебѣ больше не служить. Такъ ты и заруби себѣ. А теперь пойдемъ вино пить. Я угощаю.

Возвращеніе Дубкова съ урядникомъ хозяинъ привѣтствовалъ самымъ восторженнымъ образомъ:

— Вотъ это превосходно!.. Объяснились? Такъ гораздо лучше... А то изъ-за пустяковъ и такое безпокойство...

— Бутылку смирновской и закуски! —приказалъ Стеня.— Садись, урядникъ! Ребята,—обратился онъ къ своимъ,—пейте! Савелій Кипріянычъ, бутылку на этотъ столъ. Можетъ, кто изъ васъ желаетъ?—повелъ онъ глазами на фабричныхъ и троихъ мужичковъ.—Требуйте... Я за все отвѣчаю.

— Вотъ это настоящее дѣло?—восхищался Савелій Кипріяновичъ, откупоривая одну за другою бутылки.—А то—протоколъ!.. Напрасный переводъ бумаги съ чернилами, а для публики одно только огорченіе... Васютка, бери подносъ, неси сперва начальникамъ!.. Нѣтъ, я самъ имъ подамъ, а ты вонъ на этотъ столъ поставь, за которымъ господа копнинскіе... Опенковцы повременятъ... Ильюшка, что ты съ закускою тамъ застрялъ?.. Несешь? Подай эту бутылку нашимъ парнямъ.

Digitized by Google

Меньше чѣмъ минутъ черезъ десять публика находилась уже въ состояніи элегическомъ, какое обыкновенно наступаетъ, когда деревенскіе люди выкушаютъ по два или по три стакашка, иногда и по пяти,—это зависитъ прямо отъ натуры человѣка. Дубковъ первый встряхнулъ своей курчавой головой и сказалъ:

— Миша, начинай!

Ковригинъ не заставилъ себя ждать. Онъ провелъ рукою по своимъ мягкимъ чернымъ волосамъ и тихо, пріятнымъ теноромъ началъ:

«Ахъ, ты, воля, моя воля,
Золотая ты моя!»

Стоня и вся молодежь сразу и стройно подняли:

«Воля—соколъ поднебесный,
Воля свѣтлая заря!»

Изъ двери, которая вела на собственную половину трактирщика, высыпали дѣти, за ними выплыла дородная супруга Савелія Кипріяновича и показалась работница. Служащіе мальчуганы и самъ хозяинъ, сложивши на груди руки, стояли какъ вкопаные и слушали; опенковцы, приподнявъ свои запыленныя лица, замерли на мѣстѣ и сидѣли съ открытыми ртами. Пѣсня росла и крѣпла, разливаясь широкой волной:

«Не съ росою-ль ты спустилась?
Не во снѣ ли вижу я?»

Среди молодыхъ, сильныхъ голосовъ слышался и голосъ урядника: растегнувши мундиръ и оттопыривъ нижнюю губу, онъ пускалъ октавою, и въ общемъ выходило это у него очень недурно.

Когда пѣсня окончилась, одинъ изъ опенковцевъ, обладавшій болѣе другихъ чувствительной душой, привсталъ съ мѣста и принялся хвалить и упрашивать Дубкова:

— Хорошо!.. Сейчасъ умереть — впервой слышу такое чудесное пѣніе... Милый, паренекъ хорошій, спой ты опять

Digitized by Google

про бѣднякову долю... Очень намъ желательно. Уважь, молодчикъ!

— Отличная пѣсня!—подхватилъ урядникъ и налилъ себѣ стаканъ.—Савелій Купріянычъ, подбавьте закусочки... Запѣвай, Степанъ Васильичъ!

Дубковъ обвелъ глазами компанію и сказалъ:

— Хоромъ лучше выйдетъ.

И снова трактиръ услышалъ про долю бѣдняка. Высоко поднимался теноръ Ковригина, выражая все горе обойденнаго судьбою человѣка, и сдержанными рыданіями вторили ему сильные басы.

Не одни опенковцы, опустивъ головы, проливали на столъ слезы, слушая про долю бѣдняка; плакала и хозяйская работница, вытираясь часто рукавомъ миткалевой рубашки; даже на глазахъ полнолицой трактирщицы навертывались слезинки: Савелій Купріяновичъ, раскачиваясь подъ пѣсню, испытывалъ эстетическое наслажденіе и благодарно вполголоса говорилъ:

— Прево-осходно! Экая у меня въ заведеніи прелесть! Въ Урвановѣ никогда этого не услышишь...

Затѣмъ, болѣе уже разсудочно и безъ всякой благодарности въ тонѣ, онъ продолжалъ:

— Чудакъ Капитонычъ: вздумалъ протоколомъ стращать! Да тогда нашему брату, если протоколы заведутся, житья не будетъ — всѣхъ гостей отвадимъ. А мужичкамъ съ ребятами куда дѣваться? Гдѣ они, отъ скуки или съ устатка, развлеченіе найдутъ, въ хорошей компаніи разговорами антиресными займутся? Вѣдь, это тоже нельзя бы оставлять безъ вниманія, надо бы въ соображеніе принять... Нонче, вѣдь, и мужичокъ тоже чувствуетъ... Надо полагать, сейчасъ ребята вина или пива потребуютъ: люди они совѣстливые, постыдятся опивать одного Дубкова. Притомъ и крѣпки же они,—дай Богъ имъ добраго здоровья! — пить много могутъ. А хорошо поютъ!.. Кажется, стучатъ? Сію минуту, господа! Чего прикажете?

— Полдюжины пива!

Digitized by Google

— Сію минуту! Самаго лучшаго подадимъ, —вчера только изъ Москвы получили.

VIII.

Случай въ сафроновскомъ трактирѣ поднялъ авторитетъ Стени на недосягаемую высоту: урядника самого побѣдилъ! Теперь копнинскій староста, при встрѣчѣ съ Дубковымъ, первый хватался за шапку и кланялся, говоря: „Степану Васильевичу, добраго здоровья!“ Мало того, Климъ Ѳедосѣевичъ просто боялся парня: почему-то всякій разъ Стеня напоминалъ ему о продѣлкѣ домового...

Подкатила зима, и Стеня показалъ свой талантъ съ новой стороны.

Кто на Руси не знаетъ, какое мученіе ѣздить зимою по нашимъ дорогамъ? При встрѣчѣ не разъѣдешься, постоянныя остановки, свертываніе и сидѣніе въ глубокихъ сугробахъ; жестокая брань и калѣченіе измученныхъ лошадей, вязнувшихъ по брюхо иногда по шею въ снѣгу, вывертываніе оглоблей и проч., и проч. Изъ года въ годъ повторяется одно и то же, сотни лѣтъ ѣздятъ по одному и тому же проложенному пути, терпятъ всевозможнаго рода мученія, проклинаютъ дороги и даже часъ своего рожденія, но никто не подумаетъ, какъ избавиться отъ всѣхъ этихъ страданій.

Стеня первый напалъ на счастливую мысль и произвелъ въ своемъ околодкѣ дорожную реформу. Только запорошило въ воздухѣ, полетѣли сверху на землю легкія снѣжинки, онъ кликнулъ ребятамъ, собралъ молодежь и объявилъ:

— Слушайте, братцы, что я удумалъ. Зима идетъ, черезъ день или два мы на саняхъ выѣдемъ: кто за дровами, кто въ село, кто... Ну, кому куда понадобится. Такъ вотъ отъ меня будетъ какой законъ: дорогу прокладывать не въ одни сани а въ двои... Поняли?

Digitized by Google

— Догадываемся... Вали дальше!

— Сейчасъ это я вамъ растолкую. Выѣхали мы изъ деревни. Ѣдемъ не другъ за дружкою, а попарно, рядомъ: я, примѣрно, съ Петромъ, а ты съ Михайломъ. Промежутокъ между санями хоть аршина два. Такъ мы ѣдемъ въ лѣсъ, или въ село, такъ ѣдемъ и обратно домой. Когда дорогу наѣздимъ, учредимъ новый порядокъ: изъ домовъ ѣздить правой стороной и возвращаться назадъ тоже правою — отъ деревни ежели глядѣть лѣвая будетъ... Каждый станетъ держаться одного обряда, и тогда никому не придется сидѣть въ сугробахъ и заколачивать лошадей.

— А, вѣдь, это ты ловко измыслилъ! — раздались голоса.—Молодецъ, Стеня!

— Но, а ежели кто, по незнанію, просто изъ упрямства или не захочетъ, поѣдетъ по одному пути и встрѣтится съ другимъ, тогда какъ же имъ разъѣхаться то? — потребовали разъясненія.

— Одинъ свернетъ, увидитъ, что рядомъ другой путь проложенъ, и свободно разъѣдутся. Да неужели крестьяне не догадаются, для чего двѣ дороги рядомъ проложены?

Всѣ согласились, что должны догадаться.

— Такъ принимаете, братцы, мой законъ? — спросилъ Дубковъ.

— Принимаемъ!.. Утремъ носы старикамъ!

И дѣйствительно, когда новый законъ получилъ примѣненіе, мужики увидѣли и поняли, то хлопнули себя по шапкамъ и воскликнули:

— Вотъ такъ штука! Отчего же это намъ никому въ голову не пришло, а вотъ ребята, молокососы, придумали?...

— Слѣдовало бы воспрепятствовать,—подалъ голосъ одинъ старикъ,—и затѣи ихнія нарушить. Яйца курицу не учатъ, а дѣти родителямъ не указъ. Добра ужъ тутъ не жди, коли парнишки старину пошибаютъ.

Но голосъ старика остался единичнымъ: деревня пого-

Digitized by Google

ловно приняла нововведеніе, убѣдившись на опытѣ, что оно полезно.

Съ началомъ зимы по деревнямъ пошли храмовые праздники: гдѣ престолъ „Введенья“, гдѣ „Егорья“, гдѣ „Николы“ и т. д. Копнинскіе гостили на всѣхъ праздникахъ. Стеню таскали изъ одного селенія въ другое, вездѣ онъ находилъ радушный пріемъ и обильное угощеніе, служилъ предметомъ общаго любопытства, похвалъ и удивленія. Ни въ одномъ побоищѣ онъ участія не принималъ, держался въ сторонѣ, какъ почетный гость и судья. Но такова судьба выдающагося общественнаго дѣятеля: у него не мало было завистниковъ, поносителей его добраго и славнаго имени, и злобныхъ враговъ, которые искали случая осрамить Дубкова... Крутогорскіе молодцы даже составили противъ его заговоръ. Стеня встрѣтился съ ними на посидѣлкахъ, въ Максимовкѣ. Главаремъ заговора явился парень, когда-то получившій отъ Стени леща... Надо полагать, лещъ оказался костистъ, и парень не могъ его переварить. Стеня пробылъ съ часъ, поигралъ съ дѣвушками и повеселился, а потомъ задумалъ отправиться на бесѣдку въ деревню Ивашкино. Крутогорскіе ребята, лебезившіе передъ Дубковымъ, тоже поднялись.

— Стеня, мы тебя подвеземъ,—сказалъ главарь:—намъ туда же путь.

— Подвезите, коли есть усердіе.

У крутогорскихъ ребятъ стояли на улицѣ широкія пошевни, заложенныя парою. Усѣлись. Двое помѣстились въ повозку, Стеня между ними, а двое на облучкѣ. Ребята, надо сказать, были не изъ плохихъ, здоровьемъ и силою Богъ не обидѣлъ ихъ. Отъѣхавъ съ версту, одинъ изъ сидѣвшихъ на облучкѣ, самъ главарь, оборотился и, ни слова не говоря, навалился на Стеню.

— Попался, копнинскій чортъ!—закричалъ парень.—Ребята, принимайтесь за него, колотите!

— Какъ, измѣна?!!

Digitized by Google

Стеня, двинувъ локтями въ стороны, такъ неосторожно задѣлъ по носамъ боковымъ, что тѣ не взвидѣли бѣлаго свѣта и запрокинулись назадъ головами, причемъ съ нихъ попадали шапки; грудью подался богатырь впередъ, ухватилъ правою рукою главаря за волосы и принагнулъ къ нахлесткѣ, а лѣвою перекувырнулъ его изъ саней вверхъ ногами и прямо въ снѣгъ; вскочилъ, ударомъ кулака сшибъ сидѣвшаго на облучкѣ; затѣмъ, повернувшись, схватилъ одного за кушакъ, потрясъ и далеко кинулъ въ сторону, а другой, не дожидаясь своей участи, заблагоразсудилъ самъ выкатиться. Расправившись окончательно, Стеня повернулъ лошадей и помчался обратно въ Максимовку.

— Что̀, паршивцы, будете помнить Дубкова!—послалъ Стеня врагамъ, барахтавшимся въ снѣгу.—Не такъ бы еще васъ слѣдовало за измѣну и подлость.

Вернувшись въ деревню, остановился у посѣдокъ, привязалъ къ вереѣ коренника и вошелъ въ избу.

— Степанъ Васильичъ!—обрадовались дѣвки. — Что больно скоро изъ Ивашкина?

— А вотъ узнаете, — отвѣтилъ Стеня.—Подойдутъ крутогорскіе, такъ скажите имъ, что лошадей я у воротъ поставилъ.

Сказалъ и ушелъ.

Благополучно и въ добромъ здоровьи копнинцы справили свой праздникъ „Николы“, недѣлю пили и веселились!

По минованіи храмоваго праздника, Стеня немедленно приступилъ къ судебной реформѣ, именно къ коренному измѣненію уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. Идея объ этой реформѣ больше года засѣла въ его голову, но процессъ развитія и созрѣванія ея совершался очень медленно. Еще съ первыхъ шаговъ своей юридической дѣятельности, Дубковъ, человѣкъ ума обширнаго и проницательнаго, сознавалъ всѣ несовершенства системы, видѣлъ, что въ самой основѣ ея кроется духъ противорѣчія и что-то неладное. Судебная практика ему показала, что законъ его принесъ несомнѣнную пользу:

Digitized by Google

въ Копнинѣ драки и увѣчья прекратились, во многихъ ближнихъ селеніяхъ уменьшились и ослабѣли, а „срывы“ повсѣмѣстно уничтожились. Но та же практика и наблюденія говорили, что лещъ, хотя самый законный лещъ, едва ли въ корнѣ истребитъ зло и обезпечитъ процвѣтаніе добрыхъ нравовъ, а насчетъ благодарности или благородства чувствъ и думать ужъ нечего... „Въ самомъ дѣлѣ,—размышлялъ Дубковъ:—искореняю я драки, побоища и всякія дурныя дѣла, а самъ раздаю лещи!.. Нескладно выходитъ“... Справедливо, число недовольныхъ, получившихъ отъ Стени внушеніе, не уменьшилось, а фактъ гнуснаго нападенія крутогорскихъ парней открылъ, что лещи, вмѣсто исправленія, вызываютъ злобу и „отмазку“... Это вдругъ осѣнило Стеню, дало сильный толчокъ мыслительному аппарату деревенскаго законодателя, идея разомъ и окончательно созрѣла, вылившись въ строго опредѣленную форму. „Надо отмѣнить“, рѣшилъ онъ и, не терпя никакой проволочки, собралъ копнинскихъ ребятъ.

— Какого вы, господа, мнѣнія насчетъ лещей?—прямо ребромъ поставилъ вопросъ Дубковъ.

Неожиданность такого вопроса ошеломила собраніе: къ нему никто не былъ подготовленъ.

— Вотъ что я удумалъ,—началъ судья:—вы теперь ужъ не маленькіе, почитай что всѣ женихи и многіе изъ васъ надѣльную душу отъ міра приняли. Такъ учить васъ лещами словно бы не приходится... Законъ этотъ я ниспровергаю!

— Н-ну?!!

— Вѣрно. Хотя лещъ, повидимому, плевое дѣло, а все же, на повѣрку такъ выходитъ, онъ не краситъ человѣка...

Собраніе встрепенулось, ребята заговорили.

— Какая ужъ краса!.. Вонъ, дѣвки съ бабами смѣются, говорятъ: „ты, Иванъ“, или „ты, Кузьма, сегодня отъ Стени-то получилъ? Важно ли?“ Какъ-то ровно бы и совѣстно...

— Мы и то хотѣли объ этомъ съ тобою поговорить, а ты предупредилъ...

Digitized by Google

— Теперь будетъ новый законъ,—объявилъ Дубковъ:— на кого словесное внушеніе не подѣйствуетъ, того мы на недѣлю или больше, по винѣ глядя, отрѣшаемъ отъ своей компаніи.

— Хорошо. А какъ съ чужими?

— Наложу запретъ: столько-то времени не ходить въ нашу деревню. А ежели не послушаются, станемъ изгонять: возьмемъ ослушника подъ руки и проводимъ до околицы.

— Чудесно! — пришелъ въ восхищеніе Семенъ Прибытковъ.—Ай, Стеня! Герой.

Но Миша Ковригинъ, парень съ критическимъ умомъ, пожелалъ разъясненія.

— Все это такъ, Стеня, ты правильно законъ постановляешь,—началъ онъ.—А какъ ты распорядишься, если фабричные цѣлой оравой, или чужіе ребята всей деревней придутъ и станутъ безобразничать?

— Станемъ унимать, стыдить,

— А если они не уймутся?

— Тогда изгонимъ.

— А они полѣзутъ въ драку?

— Въ драку?.. Тогда другой законъ... Дадимъ отпоръ.

— Значитъ, съ врагами по-прежнему станемъ воевать?

— Воевать!

Реформа была принята единогласно и, что очень рѣдко замѣчается среди крестьянъ, съ выраженіемъ шумнаго восторга.

Реформаторъ, однако, не почилъ на лаврахъ и его умъ требовалъ дѣятельности. Постоянныя наблюденія надъ жизнью и вдумчивое отношеніе къ ея явленіямъ будили его мысль и наводили на вопросы первой важности. Такъ, онъ думалъ, мужики и ребята, пока трезвы, ведутъ себя какъ слѣдуетъ, по хорошему, а какъ только дорвались до вина, и на людей не похожи, звѣрями дѣлаются. Проспятся,—мучатся, и совѣстно имъ взглянуть на добрыхъ людей. „Выпить трудовому человѣку иногда не мѣшаетъ, но чтобы такъ-то... никуда ужъ не

Digitized by Google

годится“... Отчего же люди позабываютъ себя? По своимъ товарищамъ и лично по себѣ онъ зналъ, что никто изъ нихъ не пьяница, а всѣ пьютъ... „Какая же тому причина?---Стеня долго ломалъ голову, не находя разрѣшенія этого мудренаго вопроса. Онъ думалъ: народъ они молодой, жизнь въ нихъ бьетъ ключомъ, душа чего-то проситъ, хочется развернуться и показать мощь свою молодую... Но для души пищи нѣтъ, умъ безъ дѣла... И молодежь идетъ въ трактиръ, въ кабакъ. А большаки и старики пьютъ уже потому, чтъ съ молодыхъ лѣтъ впились и нажили привычку, а отъ привычки не легко отдѣлаться. „А какъ ребятамъ не пить, куда имъ свою молодость дѣвать, чѣмъ они себя займутъ?.. Вотъ еслибъ книжки были!.. Между нами, молодыми ребятами, есть и поученые и умомъ достаточные, въ свободный часъ когда, или въ праздникъ, занялись бы, съ удовольствіемъ почитали и узнали изъ книжки, что хорошее и полезное... Много ли я чего прочиталъ, когда былъ мальченкомъ и подросткомъ, а изъ книжекъ кое-что узналъ и понятіе у меня стало другое, а послѣ, когда пересталъ читать, опустилъ себя и вино началъ пить... Эхъ, если бы Григорій Николаевичъ былъ живъ! Какъ онъ, сердечный, заботился, старался, чтобы мы читали... Вотъ Бѣлову хорошо: книжекъ въ Москвѣ онъ не перечитаетъ, въ театры ходитъ, на чтеніяхъ разныхъ бываетъ... А въ деревнѣ ничего, вѣдь, нѣтъ, не знаешь, что и на бѣломъ свѣтѣ дѣлается... Еслибъ гдѣ достать занятныхъ книжекъ! Ребята станутъ чатать, они не разъ говорили, что хорошо бы книжечку почитать. Непремѣнно надо достать книжекъ, а то сопьемся и озвѣрѣемъ, ни за что пропадутъ наши молодыя головушки!“

Мысль эта всецѣло завладѣла Стенею, дни и ночи онъ думалъ, изыскивая средства, и наконецъ рѣшился написать Бѣлову... Но тутъ въ его жизни произошло событіе, которое на время выбило парня изъ колеи и отвлекло отъ общественной дѣятельности.

Digitized by Google

IX.

Стенѣ исполнилось двадцать одинъ годъ, но онъ былъ чистъ, какъ голубь, и непороченъ какъ младенецъ. У всѣхъ сверстниковъ его имѣлись зазнобушки, всѣ они „страдовали“ вечеромъ подъ навѣсами воротъ; одинъ Стеня былъ чуждъ сердечныхъ увлеченій и оставался беззаботнымъ на этотъ счетъ. Не одна дѣвица заглядывалась на парня, желала перемолвиться съ нимъ словомъ тайнымъ, приласкать и приголубить его буйную головушку, но Стеня ничего не зналъ о дѣвичьихъ помышленіяхъ и не давалъ себѣ труда подумать, почему румяная, точно маковъ цвѣтъ, Агаѳья поцѣловала его въ игрѣ необычайно крѣпко и горячо. Когда изъ товарищей кто намекалъ ему на любовь или на дѣвицъ сосѣднихъ деревень, работавшихъ на фабрикахъ, и приглашалъ куда-нибудь къ совмѣстному путешествію черезъ заборъ, Стеня только отмахивался и говорилъ: „Охота вамъ путаться! Поиграть съ дѣвушками, да пѣсенокъ попѣть— это я люблю, а на что другое меня не зовите“. Но всему свой очередь, и отъ судьбы своей человѣкъ никуда не убѣжитъ.

На Рождественскихъ праздникахъ Дубковъ въ первый разъ попалъ въ деревню Высоково, куда его давно уже приглашалъ одинъ высоковскій парень Никита Брусковъ. Крестьяне Высокова слыли за богатѣевъ: помимо хлѣбопашества, они промышляли развозкою по Россіи косъ и серповъ, торговля которыми давала имъ хорошіе барыши. Стройка въ Высоковѣ была отличная, дома изъ крупнаго лѣса и каменные, двухъэтажные и съ мезонинами, украшенными рѣзными подзорами и створчатыми фигурными ставнями. Въ деревнѣ была школа для мальчиковъ и дѣвочекъ. Высоково славилось щегольствомъ жителей, красивыми дѣвицами и выѣздными лошадьми.

Никита Памфиловичъ, широколицый и бѣлокурый парень, довольный посѣщеніемъ копнинцевъ, особенно Степана Василь-

Digitized by Google

евича, познакомилъ ихъ съ высоковскими ребятами и сдѣлалъ приличное угощеніе, а вечеромъ повелъ гостей на самую лучшую бесѣдку (въ Высоковѣ ихъ было три).

Дѣвичья бесѣдка помѣщалась въ просторной и высокой комнатѣ новаго дома, освѣщенной съ потолка большою керосиновою лампою. Вдоль чистыхъ стѣнъ стояли лавки и стулья; прялки и шитье, по случаю святокъ, были убраны. Дѣвицы въ шерстяныхъ и ситцевыхъ платьяхъ, простоволосыя или покрытыя шелковыми цвѣтными платочками, разбившись на кучки, вели не громкіе, но оживленные разговоры; нѣкоторыя гадали на картахъ. Молодыя красивыя лица цвѣли здоровьемъ, глаза смотрѣли прямо и смѣло.

Рядомъ, въ сосѣдней комнатѣ, служившей прихожею, послышались мужскіе голоса: пришли на бесѣдку парни. Высоковскіе проворно сбросили шубы.

— А намъ раздѣваться ли?—вполголоса спросилъ Дубковъ.

— У насъ въ тулупахъ и пальтахъ не полагается, — отвѣтилъ Никита Памфиловичъ, вѣшая на крючокъ свою барашковую шубу.

Всѣ раздѣлись, оправились и пригладили волосы. Многіе изъ высоковскихъ были въ пиджакахъ и брюкахъ, а модники —при часахъ съ бронзовыми и серебряными цѣпочками; остальные парни, также какъ и копнинскіе, были въ цвѣтныхъ сатиновыхъ и шерстяныхъ рубашкахъ, подпоясанные ремнями или шелковыми снурами, и въ черныхъ суконныхъ штанахъ, вправленныхъ за свѣтлыя голенища кожаныхъ сапоговъ. Войдя въ большую свѣтлую комнату, парни сперва помолились иконамъ, потомъ поздоровались съ дѣвицами.

— Просимъ милости!—встрѣтила гостей бесѣда. — Садитесь, молодцы!

Дѣвицы начали перешептываться.

— Который, который, Стеня-то?

Дубковъ сталъ позади своихъ товарищей, придерживаясь

Digitized by Google

двернаго косяка, и чего-то конфузился; но его ростъ и могучая фигура не укрылись отъ любопытныхъ взглядовъ бесѣдницъ.

— Должно быть, вонъ этотъ,—продолжали шептаться.— Онъ, непремѣнно онъ!

Парни начали подсаживаться къ дѣвицамъ: высоковскіе первыми, а за ними и копнинскіе: Петръ, внукъ старосты, Семенъ Прибытковъ, Миша Ковригинъ и Вася Колычевъ. Одинъ Стеня замѣшкался, и стоялъ въ двери,—онъ положительно стѣснялся въ незнакомомъ и такомъ щегольскомъ собраніи; желая скрыть свою неловкость, парень двинулся въ задній конецъ комнаты, показавъ себя во всей своей красѣ, и помѣстился особнякомъ на лавкѣ.

— Какой онъ большой!—не прекращался шепотъ въ переднемъ углу. — Я боюсь его, — и раздался тихій, веселый смѣхъ.

Виновницей этого смѣха оказалась семнадцатилѣтняя дѣвица, съ свѣтлорусою головкой, тонкими правильными чертами лица и нѣжнымъ румянцемъ на щекахъ.

Запѣли ходовую пѣсню. По обычаю, сперва вызывались „свои“, высоковскіе парни: каждый выступалъ на средину комнаты, выбиралъ любую дѣвушку, ходилъ съ нею вмѣстѣ подъ пѣсню и, когда пѣсня оканчивалась, цѣловалъ ее.

— А Стеня-то сердитый, — не унималась юная дѣвица, сообщая свои наблюденія подругѣ.—Сидитъ и ни на кого не взглянетъ... Ну, какъ онъ меня выберетъ?! Я лучше теперь же отъ него спрячусь.

Съ этой цѣлью, она поспѣшила оставить свое мѣсто и пересѣсть на другое, но второпяхъ, что-ли, или по разсѣянности очутилась гораздо ближе къ предмету своего страха: еслибы Дубковъ взглянулъ налѣво, то увидѣлъ бы красивое лицо, съ голубыми глазами и веселою, немного лукавою улыбкой на пунцовыхъ губкахъ. Но онъ сидѣлъ, глядя въ полъ, придерживая рукою на колѣняхъ „итальянку“, и слушалъ

Digitized by Google

пѣсни. А боязливая дѣвица, пользуясь такимъ благопріятнымъ для себя случаемъ, постаралась исправить свою ошибку и, незамѣтно для Стени, перемѣнила мѣсто на болѣе выгодное и безопасное.

„Свои“ парни успѣли „отходить“, дошла очередь до гостей. Предпочтеніе было отдано первому Дубкову.

Мимо сада,
Мимо сада,
Мимо зеленаго,
Тутъ и шелъ
Прошелъ молодчикъ,
Удалой молодецъ!
Удалой молодецъ,
Что Степанъ-отъ,
Свѣтъ Васильевичъ!..

Стеня поднялъ голову и встрѣтилъ голубые глаза: боязливая дѣвица сидѣла на противоположной сторонѣ, какъ разъ насупротивъ его. „Какая тонколиченькая!“ промелькнуло въ головѣ Стени. Онъ быстро всталъ и пошелъ на середину комнаты. Съ дѣвичьими и мужскими голосами запѣла и его гармонія.

Не прошедши зеленъ садъ,
Останавливался;
Останавливался,
Съ красной дѣвицей
Раскланивался.

Шаги Степана Васильевича позамедлились, богатырь въ какой-то нерѣшительности остановился передъ дѣвушкою съ голубыми глазами и неловко отвѣсилъ поклонъ. А пѣсня разливалась упреками добраго молодца:

Что же ты, моя милая,
Долго въ садѣ не была?
Долго въ садѣ не была,
Со мной не кланялася?

Съ легкостью поднялась дѣвушка, начала передъ молодцемъ оправдываться. Много разъ была она въ садѣ, по-долгу ждала

Digitized by Google

любезнаго и глядѣла, не увидитъ-ли гдѣ его: появлялся у сада милый, но не узнавалъ дѣвицу и проходилъ всякій разъ мимо. А потому онъ не узнавалъ дѣвицу, что любовь и печаль такъ измѣнили лицо ея... Когда Стеня наклонился, чтобы „проститься“ съ дѣвушкою, онъ близко увидѣлъ лицо ея и почувствовалъ поцѣлуй свѣжихъ теплыхъ губъ красавицы. Сердце въ немъ захолонуло, и комната съ парнями и дѣвицами словно туманомъ подвернулась.

„Что за диво!“—думалъ онъ, усѣвшись опять на лавку, и слѣдилъ за „тонколиченькой“ высокою и стройною дѣвушкой: ее постоянно выбирали въ играхъ, и ему не удавалось съ нею перемолвиться словомъ, да еслибъ и удалось, то врядъ ли, при всемъ своемъ желаніи, сказалъ что-нибудь путное... „Вотъ диво-то!“ — повторялъ онъ про себя, и въ его большихъ глазахъ, сѣрыхъ и хорошихъ, свѣтилось что-то новое. Онъ казался нѣсколько блѣднымъ, взволнованнымъ, игралъ на „итальянкѣ“ и пѣлъ... Красавица время отъ времени посматривала на Стеню и прислушивалась: въ его игрѣ и голосѣ пѣло молодое сильное чувство, внезапно пробужденное и изливавшееся изъ самой глубины души.

Вечеръ продолжался весело, съ большимъ оживленіемъ. Копнинскіе ребята, какъ говорится, разошлись и показали себя молодцами.

— Степанъ Васильевичъ!

Какъ это случилось, Степанъ Васильевичъ не замѣтилъ, но когда обернулся на пріятный голосокъ, то немного поотодвинулся: почти рядомъ съ нимъ сидѣла „тонколиченькая“. Стеня и просіялъ, и смутился.

— Полюбилось ли вамъ у насъ на бесѣдкѣ?—обратилась къ нему съ такимъ вопросомъ дѣвушка.

Овладѣвъ собою, Дубковъ поспѣшно отвѣтилъ:

— У васъ хорошо!... Что и говорить, бесѣдка такая... и призамолкъ.

— Опять-то къ намъ придете?

Digitized by Google

— Не знаю... Можетъ, надумаю.

— Приходите.

Стеню это слово такъ обрадовало, что онъ самъ отважился предложить вопросъ:

— Какъ васъ по имени звать?—спросилъ онъ.

— А вы развѣ не знаете? Натальею.

— Хорошо имечко. А по отчеству-то какъ величать?

— Отца величаютъ Дмитріемъ Андреичемъ, а меня— просто Натальею... Родители и подруги зовутъ меня еще Наташею.

Дѣвушка посматривала на Стеню и все лицо ея смѣялось.

— Вы, говорятъ, судьею въ Копнинѣ, и васъ парни ужасть какъ боятся?—начала Наташа.—Я тоже, какъ вы давеча вошли, очень испугалась!

Дубковъ покраснѣлъ.

— Теперь я ужъ не боюсь,—поправилась сосѣдка.—По началу только, когда вы сидѣли насупившись, видъ у васъ былъ серди-и-и-тый!

Волненіе Стени увеличилось, и онъ не въ состояніи былъ вымолвить слова.

— А Вотъ какъ я увидѣла ваши глаза, такъ страхъ у меня сейчасъ и пропалъ: „нѣтъ,—подумала, онъ не злой... не прибьетъ меня“...

Стеня быстро повернулся, увидалъ смѣющееся лицо и выпалилъ куда-то въ сторону.

— Ахъ, какая она веселая!

„Веселая“ не унималась:

— Понравилосъ еще мнѣ, какъ вы на гармоніи играли.

— Ну, что!—выговорилъ Стеня.—Ковригинъ лучше моего играетъ.

— Не знаю. А когда я послушала, какъ вы пѣли, то сказала себѣ: „да, вѣдь, Стеня-то добрый!“

Парня словно что охватило и подняло.

— Неужто, неужто, такъ и сказала?...

Digitized by Google

— Такъ и сказала.

Наташу крикнули подруги.

Въ концѣ вечера дѣвицы подали ребятамъ блиновъ и напоили ихъ чаемъ. Парни, въ свою очередь, положили на подносъ деньги: таковъ ужъ деревенскій обычай. Затѣмъ стали прощаться.

Ночь была свѣтлая, мѣсячная. Бесѣдницы вышли провожать гостей на улицу.

— Ходите къ намъ,—говорили дѣвушки, прощаясь окончательно съ гостями.—Мы всегда хорошимъ гостямъ рады.

Разстались.

— Прощай, Стеня!—прозвенѣлъ знакомый дѣвичій голосокъ.—Приходи же опять-то!

Дубковъ обернулся.

На улицѣ, вся облитая луннымъ свѣтомъ, стояла Наташа, и кивала головою. Парень громко, радостно отвѣтилъ:

— Приду, веселая!

Высковскіе ребята проводили копнинскихъ до околицы; здѣсь они пріостановились.

— Прощай, Никита Панфилычъ! Спасибо тебѣ за угощеніе и бесѣдку, — говорилъ Дубковъ, нѣсколько разъ потрясывая руку пріятеля. Больно ужъ у васъ хорошо!..

— Впередъ къ намъ жалуйте,—звалъ Никита.

— Нѣтъ, вы теперь къ намъ!... Мы у васъ были, очередь за вами. Пожалуйте.

— Не зайти ли намъ въ одно мѣстечко, — предложилъ кто-то изъ высковскихъ:—можетъ, чего-нибудь выкушали бы?

— Довольны. Спасибо. Приходите къ намъ.

Дубковъ завернулся въ тулупъ, закрылъ щеки воротникомъ и зашагалъ.

— Напрасно ты, Стеня, отказался,—пожалѣлъ Прибытковъ.—Ночь свѣжая, морозъ: важно бы на дорожку стаканчикъ—другой протащить!

Digitized by Google

— Послѣ хлѣба-соли мякиной не закусываютъ, — сурово отвѣтилъ Дубковъ.

Онъ шагалъ и думалъ о Наташѣ.

„Какая славная дѣвушка!... Тонколиченькая, веселая и, должно, умная“.

Петръ говорилъ:

— Мнѣ больше всѣхъ нравилась Глаша: здоровая, грудь высокая.

— Ты все про одно думаешь,— замѣтилъ Ковригинъ,— не оставляешь своей новадки.

— Ну, а я,—началъ робко Вася Колычевъ,—весь вечеръ любовался Натальею Дмитріевной: румянчикъ у нея нѣжный, рѣчь такая пріятная, и сама тоненькая, легенькая, ходитъ точно на крылышкахъ летаетъ.

„Вишь, ты, и Васѣ она полюбилась, а онъ паренекъ хорошій, не испорченный,—думалъ Стеня.—Ахъ, что за дѣвушка!“

— А по мнѣ, братцы,—промолвилъ Сеня Прибытковъ,— всѣ дѣвки равны: что здѣшнія, что наши.—Одѣваются вотъ только высоковскія не въ примѣръ наряднѣе и ведутъ себя по модному. Говорятъ на *вы*...

Весь мясоѣдъ Дубковъ не пропускалъ почти ни одного воскресенья, чтобы не побывать въ Высоковѣ. На масляницѣ ѣздилъ туда въ новыхъ санкахъ на рысакѣ и каталъ дѣвицъ, но чаще другихъ видѣли его съ Наташей. Красивая дѣвушка, съ голубыми глазами и веселымъ смѣхомъ, положительно заполонила сердце и умъ копнинскаго богатыря.

X.

Миновалъ великій постъ, подошла и святая Пасха.

Тепломъ и лаской повѣяло въ чистомъ воздухѣ. Прилетѣли грачи, на обтаялыхъ вѣтвяхъ деревьевъ и скворешницъ

Digitized by Google

весело защебетали скворцы, на проталинахъ показались кулики и цапли. Вскрылись и прошли рѣки, прогремѣлъ гдѣ-то вдали первый громъ и пролился на землю теплый дождикъ; изъ свѣтлаго поднебесья посыпались на землю радостныя пѣсни жаворонка, а съ рѣки, озеръ и болотъ доносились крики журавлей, дикихъ утокъ и всякой налетѣвшей съ юга птицы. На поляхъ уже пашутъ крестьяне, по пастбищамъ разбрелась скотина. Зазеленѣлись озими и на лугахъ проступила молодая травка; треснули почки и деревья быстро начали одѣваться свѣжею пушистою листвой; зацвѣла черемуха и блѣдно-розовымъ цвѣтомъ покрылись яблони. Все кругомъ обновилось, ожило и затрепетало полною, могучею жизнью. По воскресеньямъ въ деревняхъ идутъ гульбища, на лугахъ пестрѣютъ хороводы и разливаются веселыя пѣсни.

Съ Дубковымъ что-то творилось. Отъ Масляницы до Пасхи показалось ему чуть не за вѣкъ: великій постъ онъ ни разу не побывалъ въ Высоковѣ. Стеня не зналъ, что съ собою дѣлать и куда дѣвать время. Въ будни онъ работалъ въ кузницѣ и плавильной или валилъ въ лѣсу деревья и вывозилъ бревна на отцовскую усадьбу; но въ воскресные дни свободнаго времени много оставалось! «Хоть бы книжку гдѣ добыть и почитать!—думалъ парень.» Эхъ, Григорій-то Николаевичъ!»... Стеня доставалъ старые учебники и наградную книжку, хранившіеся у него въ шкафчикѣ, садился гдѣ-нибудь въ уголъ и принимался за чтеніе. Но учебники и наградная книжка не занимали его ума, — все это онъ давно зналъ и не забылъ. Пробовалъ обдумывать законопроектъ,— куда!— мысль точно заколодило и ничѣмъ ее не сдвинешь... „Вотъ диво-то!“ И вездѣ, дома, въ лѣсу и въ кузницѣ передъ глазами его представляется милое лицо дѣвушки съ голубыми глазами, чудится ея веселый смѣхъ. Онъ началъ сторониться товарищей, дома молчалъ и искалъ уединенія: заляжетъ на кровать и лежитъ молча по цѣлымъ часамъ. Домашніе примѣтили.

Digitized by Google

— Что это у насъ съ парнемъ-то, — недоумѣвала Акулина Захаровна.

— Время намъ женить его, — разрѣшалъ большакъ. — Ежели осенью не уйдетъ на службу, такъ станемъ невѣсту искать, а тамъ честнымъ пиркомъ да и за свадебку.

— Чего намъ искать, — сказала Акулина Захаровна: — самъ, поди, намѣтилъ ужъ себѣ невѣсту.

— Тѣмъ лучше, намъ безъ лишнихъ хлопотъ. Только бы хорошаго дома дѣвушку и работницу.

Не зная, какъ выйти изъ своего новаго положенія, Стеня рѣшилъ просить совѣта у Бѣлова. Недѣлю промучился онъ за сочиненіемъ письма, слова одно съ другимъ не вязались, и мысли, сколько онъ ни трудился, ни потѣлъ, не повиновались автору и на бумагу не выкладывались. Выбившись, наконецъ, изъ силъ, хотѣлъ обратиться за помощью къ Мишѣ Ковригину, но устыдился самого себя; въ отчаяніи схватилъ новый листъ и въ одинъ присѣстъ «написалъ», и отправилъ письмо въ Москву.

Школьный товарищъ скоро отозвался. Онъ совѣтовалъ пріятелю не падать духомъ и читать, обѣщая, при первомъ случаѣ, выслать книжекъ, а если чтеніе не прогонитъ «хандры», то, не теряя времени, повидаться съ дѣвушкою и поговорить съ нею. „Объяснись и будешь, по крайней мѣрѣ, знать: надѣяться-ли тебѣ, или же отложить всякое попеченіе“. Въ заключеніе Бѣловъ писалъ, что осенью побываетъ самъ на родинѣ: пріѣдетъ къ призыву. Нѣсколько разъ перечелъ Стеня письмо Бѣлова, подолгу останавливался надъ словомъ «объяснись» и ломалъ себѣ голову.

„Легко написать „объяснись“. А какъ ты къ дѣлу-то приступишь, съ чего рѣчь поведешь?.. Да я не сумѣю, какія тутъ и слова подыскать. Ляпнешь, а она какъ засмѣется?!.. Правда, дѣвушка привѣчала меня, словами хорошими со мною занималась... Ну, а что у нея на душѣ?.. Да неизвѣстно, останусь ли я еще дома. Хоть братъ не отслужился, а меня къ

Digitized by Google

жеребьевкѣ позовутъ: можетъ, уйду въ солдаты?.. Нѣтъ, видно, изъ головы это надо выкинуть и совсѣмъ не думать".

Но выкинуть «это» изъ головы и совсѣмъ не думать онъ не могъ. А тутъ весна съ своими призывами и чарами: воздухъ, лѣсъ, рѣка и земля поютъ про любовь, кругомъ все наполнено и дышитъ любовью. Чувство любви властно охватываетъ всѣмъ существомъ Стеню, на сердцѣ у него сладко и вмѣстѣ грустно, къ горлу подступаютъ рыданія.

Но судьба ему улыбнулась. На Ѳоминой недѣлѣ въ Копнино зашла нищенка и подала ему письмо.

— Изъ Высокова,—сказала она:—отъ парня, сына Памфила Антоныча.

Прочитавши письмо, Дубковъ сперва ничего не понялъ; потомъ, перечитавши снова и вдумавшись, подпрыгнулъ къ самому потолку и чуть не закричалъ. Содержаніе письма было не многословно, но ополоумѣть отъ него могъ всякій на мѣстѣ Стени.

«Что же это вы, Степанъ Васильевичъ, позабыли совсѣмъ Высоково? Кажется, у васъ въ нашей деревнѣ есть пріятели, которые васъ помнятъ. Но, и кромѣ нихъ, найдутся другіе, которые будутъ рады васъ видѣть, потому что давно и очень по васъ скучаютъ...

„Приходи, Стеня!

Н..."

Въ первое же воскресенье, нарядившись какъ нельзя лучше, Степанъ Васильевичъ махнулъ въ Высоково. Онъ направился прямо въ домъ Никиты Памфиловича.

— Вотъ это хорошо, что ты къ намъ пришелъ, Степанъ Васильичъ, — встрѣтилъ Никита Памфиловичъ, улыбаясь во всю ширину своего круглаго лица. — Мы тебя сколько разъ вспоминали.

Послѣ обѣда, молодежь высыпала на угоръ. Среди красивыхъ и нарядно одѣтыхъ дѣвушекъ, Наташа какъ-то особенно выдѣлялась: высокая, стройная, съ свѣжимъ румянцемъ на

Digitized by Google

щекахъ, алою лентой въ густой косѣ и въ голубомъ шерстяномъ платьѣ, она показалась Стенѣ въ тысячу разъ милѣе и красивѣе, чѣмъ прежде. Дѣвушка поздоровалась съ нимъ такъ привѣтливо и хорошо, что сердце у Стени взыграло, и онъ, безъ всякаго стѣсненія, освѣдомился о ея здоровьѣ.

„Теперь дѣло само пойдетъ“, ободрялъ себя онъ мысленно:—улучу минуту и скажу ей... „объяснись!“ вспомнилъ онъ выраженіе изъ письма Бѣлова.

Началась игра въ горѣлки. Стени пришлось ловить двухъ дѣвицъ, одну въ голубомъ платьѣ, а другую—въ розовомъ. Онъ ударился за первой и поймалъ ее.

— Вы получили мое письмецо? — спросила, потупляясь, дѣвушка, и лицо ея залило горячимъ румянцемъ.

— Такъ это точно отъ васъ?—вымолвилъ Стеня.—Я такъ и думалъ... Сама писала?

— Я умѣю писать.

— Красивый почеркъ,—похвалилъ парень.—А главное—искусно сочинено.

Умнѣе сказать ничего Стеня не нашелся.

Завели хороводъ. Дубкову съ Наташею не разъ приходилось стоять въ одной парѣ; Стеня все собирался сказать ей что-то „по-тайности“, но говорилъ о красивомъ мѣстоположеніи Высокова, о своей деревнѣ и Бѣловѣ, то-есть, говорилъ совершенную чепуху. А дѣвушка, видимо, ждала отъ него другихъ разговоровъ, иныхъ словъ: она не смѣялась, какъ всегда, лицо ея дышало радостью, а голубые глаза, изрѣдка поднимаемые на Стеню, словно о чемъ его спрашивали, и пріятный грудной голосъ ея переливчато разливался въ хороводной пѣснѣ. Какъ Стеня ни былъ озабоченъ своими думами, но отъ его наблюдательнаго взора, изощреннаго судебною практикой отгадывать по выраженію лица сокровенныя движенія человѣческой души, не могло ускользнуть въ Наташѣ то нѣчто новое, исполненное кроткой прелести и невыразимаго очарованія... „Скажу!“ рѣшилъ парень.

Digitized by Google

Между тѣмъ весенній день, сіяющій и радостный, незамѣтно куда-то улеталъ, и солнце, какъ будто любопытствуя, заглядывало теперь прямо въ лица молодежи, а Стеня все еще не улучилъ минуты, чтобы повѣдать дѣвушкѣ свою „заботу“. „Какъ тутъ скажешь“?.. кругомъ народъ... Пожалуй, еще услышатъ“, — успокоивалъ онъ себя, а сердце ныло и въ груди что-то сдавливало. „А, вѣдь, не увидишь, какъ и расходиться начнутъ“. Въ послѣдній разъ къ небу поднялась пѣсня, раскатилась широко по окрестности и тихо замерла въ предвечернемъ воздухѣ. Хороводъ окончился, и кругъ смѣшался... „Батюшки! что же я теперь буду дѣлать?“

— Степанъ Васильевичъ, мы домой уходимъ!

— Уходите!.. Какъ же это... А мнѣ надо бы два слова... Да нельзя ли гдѣ тутъ поговорить?

Волненіе, растерянность и голосъ Стени вырвали у дѣвушки:

— Ужо, попозднѣе... за нашимъ садомъ,—прерывисто и чуть слышно проговорила она.—Я выйду.

Прекрасная майская ночь. Ярко горятъ и трепетно блещутъ вверху звѣзды; вечерняя заря долго не гаснетъ, и золотистымъ пурпуромъ разливается на далекомъ западѣ; таинственный полусумракъ на поляхъ, деревьяхъ и вокругъ... Деревня спитъ... Въ кустахъ, надъ рѣчкою, громко поютъ соловьи.

За плетнемъ сада Дмитрія Андреева, тамъ, гдѣ растетъ семья липъ, широко раскинувъ свои вѣтви, только что одѣвшіяся молодыми листьями, стоятъ парень и дѣвушка. Переговорили они все, о чемъ хотѣли, или заслушались соловьевъ— неизвѣстно; но оба хранили молчаніе... Дѣвушка вздохнула.

— Такъ я пойду, Степанъ Васильевичъ,—сказала она и грустно посмотрѣла на парня.

— Подожди!—остановилъ Стеня.—Я, вѣдь, еще не сказалъ,—и голосъ его оборвался.

— Говори.

— Ахъ, напасть какая!.. Вотъ на языкѣ слово-то, а не выговоришь...

Digitized by Google

— Да говори! Мы одни, никто не услышитъ.

— Ну, что будетъ!—махнулъ рукой парень.—Господи, благослови... Ежели я не уйду на службу, такъ вы... нѣтъ, ты не пожелаешь ли... Такъ ли я говорю-то? Вѣрно!.. Не пожалаешь ли ты, Наталья Дмитріевна, за меня... замужъ?—закончилъ Стеня съ какимъ-то испугомъ. — Ну, что?.. Ты устрашилась?

Дѣвушка подняла на него голубые глаза. Лицо Стени было мертвенно блѣдно.

— Пойду,—отвѣтила она.

— Пойдешь? Правда?

— Только года полтора тебѣ придется подождать: меня раньше не выдадутъ, пока со службы братецъ не воротится... Станешь ли ты меня ждать?

— Стану, стану!.. А если меня возьмутъ въ солдаты, такъ ты... ты?..

— Я дождусь.

— Наташа! — и Стеня, въ порывѣ восторга и счастья, схватилъ дѣвушку на руки и поднялъ ее на воздухъ.—Родная, желанная!

— Что ты? — тревожно, смѣясь и какъ будто плача, вскликнула Наташа.—Опусти.

Стеня опомнился, бережно опустилъ дѣвушку и смутился.

— Что, видно, я неладно такъ-то сдѣлалъ?

Наташа молчала.

— Такъ и есть, огорчилъ я дѣвушку! — хлопнулъ себя руками парень.

Не поднимая головы, прикрытой легонькимъ шелковымъ платочкомъ, Наташа тихо заговорила:

— Скажи... ты ничего дурного не подумалъ, когда я тебѣ сказала, что выйду сюда?

— Я? Подумалъ?.. Господь съ тобою!

Дѣвушка взяла его за руку.

— Такъ слушай, —начала:—теперь я тебѣ все открою...

Digitized by Google

Съ перваго взгляда ты мнѣ понравился... Помнишь, на святкахъ-то приходилъ?

— Еще бы! Съ того самаго вечера я и рехнулся.

Наташа улыбнулась.

— Я давно, вѣдь, о тебѣ слышала, и мнѣ очень хотѣлось взглянуть на тебя,—продолжала дѣвушка.—Вотъ ты пришелъ... Я сразу отгадала, который ты. Всѣ товарищи сѣли къ дѣвушкамъ и стали разговорами съ ними заниматься, а ты въ сторонѣ отъ всѣхъ сѣлъ, и сидишь, такой-то большой, одинъ, словно обойденный или сиротинка... Меня такъ и потянуло къ тебѣ, захотѣлось посмотрѣть, какое у тебя лицо, глаза... Смѣялась я, не знаю сама чему, а когда ты взглянулъ, такъ мнѣ вдругъ такъ жалко тебя стало, такъ жалко...

— Неужто?.. Ахъ, родная... Вотъ диво-то!

Наташа продолжала разсказывать про тайны души своей, Стеня слушалъ, радовался, прерывалъ и опять радовался.

— И какой же ты, Стеня, недогадливый, — говорила Наташа, и въ голосѣ ея звучалъ веселый смѣхъ:—получилъ мое письмо, пришелъ и молчитъ. Замѣтилъ, поди, что дѣвушкѣ стыдно, а онъ хоть бы словомъ однимъ заикнулся?.. Вѣдь, экій ты, — и Наташа легонько ударила его по плечу и засмѣялась.

Стеня такъ весь и всполыхнулся.

— Цѣлый день на умѣ держалъ, но духу не хватало сказать!

— Ну, я и рѣшилась ужъ, превозмогла себя, указала, гдѣ намъ переговорить... Скажи, ты не осуждаешь меня за это?

— Осуждаю? А вотъ какъ я, — и Стеня, не прибавивъ слова, низко, низко поклонился дѣвушкѣ.

А надъ рѣчкою, въ кустахъ, такъ хорошо и сладко заливались соловьи. Что за раскаты, что за роскошь!

— Добрый, хорошій ты, Стеня, — говорила Наташа, не выпуская могучей руки парня изъ своей.—За это я и полюбила тебя.

Digitized by Google

— Ахъ, Господи! Да я совсѣмъ ополоумѣю.

— Слышишь, какъ соловьи хорошо поютъ?.. Про любовь, вѣдь, они поютъ, Стеня!

— Люба ты моя, жизнь!

XI.

Прошла весна, миновала пора деревенскихъ хороводовъ и гульбищъ. Наступило лѣто, съ его спѣшными работами и страдою. Въ праздничные дни молодежь и соберется гдѣ на лугу, и поводятъ круги, и попоютъ; но уже не такъ, какъ весною или во время храмовыхъ праздниковъ; хожденіе по чужимъ деревнямъ прекращается до глубокой осени или начала зимы, когда начнутся снова посидѣлки и „престолы“.

Степанъ Васильевичъ, вопреки своему обыкновенію, велъ очень дѣятельную переписку съ Бѣловымъ: въ теченіе короткаго лѣта онъ отправилъ два письма въ Москву и самъ получилъ четыре. Все время ломилъ на работѣ, былъ веселъ; изрѣдка—и то не надолго, — словно облачко въ ясный день, набѣгала легкая тѣнь на его высокій лобъ.

— Что, Стеня, о чемъ думаешь?—спрашивали товарищи.— Поди, новый законъ изготовляешь?

— Нѣтъ. Такъ, объ одномъ частномъ дѣлѣ...

Дубковъ, это всѣмъ извѣстно, стоялъ съ товарищами въ добрыхъ отношеніяхъ, былъ съ ними хорошъ и искрененъ; но, это тоже всѣмъ извѣстно, о своихъ законопроектахъ не говорилъ, пока мысль окончательно не созрѣетъ и новый законъ не будетъ преподнесенъ, какъ облупленное яичко. Одному Ковригину иногда онъ кое-что сообщалъ.

— Думаю, я Миша,—посвящалъ пріятеля въ свои планы Дубковъ, — какъ бы намъ отъ вина отстать и поумнѣе сдѣлаться?

— Ну, что же, придумалъ ли?

Digitized by Google

— Придумалъ. Только до осени никому не заикнусь... Вотъ, на-ка, почитай, что мнѣ объ этомъ Бѣловъ пишетъ,— и Стеня вынулъ изъ кармана письмо и подалъ его Ковригину.

Серьезный парень внимательно прочелъ, и каріе глаза его засвѣтились.

— Хорошо, Стеня! Давно бы намъ пора за умъ взяться.

— Ребята согласны ли будутъ?—спросилъ Дубковъ.

— Полагаю, согласятся... Но какъ устроить дѣло?

— Бѣловъ пріѣдетъ и все намъ растолкуетъ.

За полевыми работами и уборкою хлѣбовъ никто не видалъ, какъ пронеслось красное лѣто, и на дворъ заглянула осень. Богъ послалъ урожай и деревенскіе люди веселы, довольны.

Съ двадцатыхъ чиселъ сентября, а гдѣ и раньше, по нашимъ селамъ и деревнямъ, вотъ что начинается и ярко бьетъ въ глаза. Въ тихіе будни внезапно раздадутся ухарскія пѣсни, звуки стального треугольника, гармоники и бубна, съ лихими выкриками и посвистами. Женщины, какъ заслышатъ, бросаются къ окошкамъ, дѣвки выбѣгаютъ за ворота. Улицею идутъ по двое и по трое, иногда и цѣлой толпою молодые парни, одѣтые всѣ по-праздничному: на картузахъ и шапкахъ у нихъ цвѣты и ленты; цвѣтами изукрашены и гармоники... Ребята проходятъ шумно, съ пляскою, и топотомъ, выдѣлывая ногами бойкія колѣна.

— Вишь, лобовые!—слышится изъ оконъ и у воротъ.— Гуляютъ, веселятся на послѣдяхъ-то, сердечные!

Но тутъ голоса и музыка какъ-то разомъ обрываются, все смолкнетъ и замретъ. Помолчатъ такъ съ минуту да какъ грянутъ:

Ты подуй, подуй, погодушка,
Со восточной со сторонушки,
Со восточной, со полуночной!
Ты развѣй, развѣй
Желты мелки пески:
Ты лети, лети каленая стрѣла,

Digitized by Google

Расколи ты гробову нову доску.
Ты востань, кормилецъ-матушка,
На мое на безвремяньецо:
Что везутъ меня въ солдатушки,
Что въ солдатушки,
Въ горькое житье...

А по избамъ въ это время, гдѣ „лобовые“, слышатся частые вздохи и проливаются слезы: то вздыхаютъ и плачутъ матери, сестры и жены...

За два дня до призыва, семья Дубковыхъ собралась въ большой комнатѣ пить чай. За самоваромъ сидѣла молодая и здоровая женщина — жена Ивана, а подлѣ нея краснощекій трехлѣтній сынишка, крестникъ и любимецъ Стени; дочерей не было, — онѣ давно вышли замужъ. Акулина Захаровна разливала чай и, время отъ времени, тихо вздыхала, поглядывая на младшаго сына, и крупная слеза выкатывалась изъ ея сѣрыхъ глазъ и дрожала на темныхъ рѣсницахъ.

— Ну, что загодя горевать,—началъ большакъ, проводя рукой по свѣтлорусымъ волосамъ. — Можетъ, Богъ дастъ, и освободится: Стеня льготный. Ежели лобовыхъ хватитъ, такъ нашъ не уйдетъ.

— Такъ-то оно такъ,—промолвила Акулина Захаровна,— а у матери на сердцѣ все гребтится! Андрей еще не вернулся со службы, да вотъ и Стеня готовься.

Старшій сынъ, Иванъ, хотѣлъ что-то сказать, но за дверью постучали, и въ ту же минуту въ комнату вошелъ молодой человѣкъ, въ драповомъ пальто съ бобровымъ воротникомъ. Передъ хозяевами стоялъ господинъ, одинаковаго роста со Стенею, но болѣе дюжій, съ лицомъ умнымъ и полнымъ, нѣсколько блѣдноватымъ, съ легкимъ пушкомъ на бородѣ и усахъ. Никто изъ домашнихъ не узналъ гостя. Онъ помолился, отдалъ всѣмъ поклонъ и съ улыбкою сказалъ:

— Здравствуйте!

По голосу и улыбкѣ узнали гостя. Стеня выронилъ изъ рукъ чайное блюдечко, вскочилъ и бросился къ нему.

Digitized by Google

— Костя! Другъ, товарищъ!.. Да неужто это ты?

Семья очень обрадовалась Бѣлову. Онъ раздѣлся, придвинулъ къ столу стулъ и сѣлъ. На немъ была черная пара, сюртукъ застегнутъ на всѣ пуговицы, изъ-за чернаго шелковаго галстука бѣлѣлся чистый воротничокъ рубашки. За столомъ всѣ оживились; посыпались вопросы. Бѣловъ отвѣчалъ спокойно, голосомъ сдержаннымъ, и просто, какъ свой человѣкъ, хорошая молодая улыбка почти не сходила съ его полныхъ розовыхъ губъ.

— Папаша-то, Гаврило Петровичъ, какъ поживаетъ?— освѣдомился большакъ.

— На Мологѣ, въ лѣсной конторѣ служитъ. Хорошо они живутъ.

— А мамаша-то здорова ли? — спросила Акулина Захаровна.

— Всѣ здоровы. Писали, чтобы я отъ нихъ поклонился вамъ.

Послѣ ужина оба товарища ушли спать въ новую пристройку. Теперь-то вотъ Стеня и наговорится съ Бѣловымъ, усладитъ свою душу бесѣдою съ нимъ и разрѣшитъ тѣ вопросы, какіе возникали въ его головѣ и оставались нерѣшенными. Больше шести лѣтъ невидались друзья, и было о чемъ поговорить.

На простомъ дубовомъ столикѣ, покрытомъ льняной скатертью, горѣла лампочка; сосновыя чистыя стѣны тихо свѣтились, привѣтливо глядѣла изъ угла изразцовая печка; вдоль стѣнъ стояли двѣ желѣзныхъ кровати, а въ простѣнкѣ полдюжины стульевъ.

— Какъ славно здѣсь пахнетъ,— сказалъ Бѣловъ, войдя въ комнату.

— Воздухъ легкій, — отвѣтилъ Стеня. — Новая, сосной отдаетъ.

Школьные товарищи присѣли къ столику.

— Ну, Костя?—началъ Дубковъ, устремивъ взоръ на гостя.

Digitized by Google

— Ну, Стеня?

— Теперь мы съ тобой потолкуемъ!

— Потолкуемъ,—и Бѣловъ снялъ черный сюртукъ.—Начинай. Разсказывай, какъ ты живешь, что подѣлываешь...

— Нѣтъ, ты мнѣ разсказывай,—перебилъ Стеня.—Я послѣ... Ахъ, какъ ты выросъ!

Бѣловъ улыбнулся.

— Да и ты поднялся,—отвѣтилъ онъ.—Много времени прошло,—и на лицо его набѣжала тѣнь.—Вотъ и нашъ Григорій Николаевичъ въ сырой землѣ,—прибавилъ и грустно посмотрѣлъ на Стеню.

— Да, братъ, успокоился нашъ Григорій Николаевичъ! Годъ спустя, какъ ты сюда пріѣзжалъ, онъ скончался... Писалъ я тогда тебѣ?

Бѣловъ кивнулъ головою.

— Съѣздимъ въ Урваново,—продолжалъ Стеня,—сходимъ къ нему на могилку?

— Непремѣнно. Мы много ему обязаны. Я часто о немъ вспоминаю, и мнѣ всякій разъ становится больно... Съ осени и до лѣта человѣкъ неустанно работалъ, не досыпалъ ночей, вкладывалъ всю душу въ свой трудъ, получая за это двадцать пять рублей въ мѣсяцъ, и нажилъ чахотку, умеръ въ молодыхъ годахъ. Какая горькая несправедливость!

Стеня заволновался.

— Да, да!—заговорилъ онъ порывисто.—Ну-ка, вотъ, скажи ты мнѣ: почему это хорошій человѣкъ рѣдко бываетъ счастливъ, всю жизнь мается, и надъ нимъ же еще смѣются люди?...

Бѣловъ помолчалъ, потомъ началъ говорить, постепенно оживляясь, но говорилъ тихо и неторопливо. Говорилъ и разсказывалъ онъ много и о такихъ предметахъ, о которыхъ не только слышать, но и думать Стенѣ никогда не приходилось. Онъ жадно ловилъ каждое слово пріятеля, весь какъ-то разгорался и только изрѣдка дѣлалъ краткія замѣчанія: „такъ

Digitized by Google

вотъ что!“ или: „понялъ теперь... ну?“ и слушалъ, слушалъ... Бѣловъ оказался довольно развитымъ и начитаннымъ юношею, онъ интересовался разными вопросами, долго надъ ними думалъ и говорилъ продуманное; онъ не ограничивался тѣснымъ кругомъ знакомства съ одними конторскими, но бывалъ въ студенческихъ кружкахъ, гдѣ много слышалъ и многому научился. Дубковъ слушалъ, не спуская съ него глазъ: Стеню поражали знаніе и умъ Бѣлова. Наконецъ, онъ не вытерпѣлъ и выпалилъ:

— Братъ: какой же ты ученый и умница. Все-то ты знаешь и про все думалъ...

Бѣловъ улыбнулся.

— Думать-то я думаю,—сказалъ онъ,—но знаю мало. Для того нужно пройти гимназію, окончить университетъ...

— Такъ неужели есть люди ученѣе тебя!—удивился Дубковъ.

Пріятель засмѣялся.

— Какой ты, Стеня, простой, славный, — проговорилъ онъ.—Какимъ ты былъ въ школѣ, такимъ и теперь... Поговоримъ теперъ о твоемъ дѣлѣ.

— Ну, вотъ, вотъ!—подхватилъ Стеня.—Давай говорить.

Бѣловъ посмотрѣлъ на товарища.

— Ты хорошо надумалъ, Стеня,—началъ онъ,—нужно вамъ читать. Книги учатъ и развиваютъ человѣка: безъ книжки люди всю жизнь въ потемкахъ ходятъ.

— Знаю. Да какъ библіотеку-то намъ устроить?

— Зачѣмъ библіотеку?—Бѣловъ подчеркнулъ послѣднее слово.—А устроить-то просто. Я привезъ тебѣ разныхъ книжекъ,—коробъ съ ними я оставилъ въ Вязовкѣ. Для начала этихъ книжекъ будетъ достаточно, а потомъ, когда прочитаете, куплю новыхъ.

— А какъ же насчетъ денегъ?—спросилъ Дубковъ.— Тебѣ свои за насъ тратить не приходится.

— Слушай. На первыхъ порахъ, я зналъ, никто изъ ре-

Digitized by Google

бятъ гроша на книжку не дастъ,—скорѣе пропьютъ полтинникъ или рубль, чѣмъ гривенникъ дать за книжку. Такъ я, черезъ своихъ знакомыхъ, пріобрѣлъ всѣ книжки для васъ безплатно.

— Ну?! Какъ ты это ухитрился?

— Есть такіе добрые люди, которые рады помочь деревнѣ,—отвѣтилъ товарищъ,—они-то вотъ и пожертвовали...

— Ой? Спасибо имъ, большое спасибо!

— Ты будешь хозяиномъ книжекъ, — продолжалъ Бѣловъ:—читай самъ и давай всѣмъ, кто пожелаетъ читать. Не называй только библіотекою, — это слово очень ужъ громко...

— Ладно.

— Такъ и сдѣлай. Да старайся пріохотить школьниковъ и подростковъ, а потомъ, когда ребята заинтересуются и привыкнутъ къ чтенію, то сами не пожалѣютъ двугривеннаго или полтинника, чтобы пріобрѣсти новыхъ книжекъ.

— Да если бросятъ пить вино, такъ каждый въ годъ цѣлковый пожертвуетъ!—подхватилъ Стеня.

— А много ребята пьютъ?

— Пьютъ... не такъ, чтобъ ужъ очень много, какъ фабричные пьютъ, а все же прикладываются... Да что, братъ, покаюсь тебѣ: я тоже испиваю временемъ.

Долго пріятели бесѣдовали. Говорилъ и разсказывалъ больше гость: онъ много разспрашивалъ о деревнѣ и вполнѣ одобрилъ Стенинъ законъ объ отмѣнѣ лещей.

— А какъ твои сердечныя дѣла?—спросилъ Бѣловъ, ложась уже на кровать.—Ты что-то помалчиваешь, ничего въ послѣднемъ письмѣ не упомянулъ.

Стеня и покраснѣлъ, и просіялъ.

— Ахъ, Костя, братъ! Вотъ дѣвушка-то, такъ ужъ дѣвушка! Умная, веселая... и писать умѣетъ... Такое, братецъ, ко мнѣ письмо сочинила... Да я сейчасъ его достану, покажу тебѣ, самъ увидишь, что это за головка-дѣвушка!

Товарищи говорили часовъ до двухъ и всего не могли

Digitized by Google

переговорить. Гость заснулъ, а хозяинъ не спалъ,—ворочался съ боку на бокъ и шепталъ:

— Вѣрно, что онъ ни сказывалъ, все справедливо... Не даромъ меня въ Москву-то все тянуло... Много значитъ наука!... А что-то теперь Наташа?... Да что, поди, спитъ... Уволюсь ли я?... Но какой же умница этотъ Костя! Сладкаго тебѣ сна, веселая!

Утромъ Копнино знало уже о пріѣздѣ Бѣлова. Когда пріятели показались на улицѣ, то всѣ наперерывъ спѣшили взглянуть на москвича, а парни окружили его и съ разныхъ сторонъ раздавались голоса:

— Константинъ Гаврилычъ!... пріѣхалъ. Все ли здоровъ?... Вздумалъ провѣдать родную сторонку? Съ пріѣздомъ.

— Здравствуйте, братцы, здравствуйте!

Глядя на богатое пальто и каракулевую шапку пріѣзжаго, нѣкоторые полюбопыствовали узнать, какое онъ получаетъ жалованіе, и когда узнали, что въ мѣсяцъ сто рублей, то были чрезвычайно удивлены.

— Вотъ какъ наши-то!—воскликнулъ Прибытковъ.—Ты, Константинъ Гаврилычъ, я полагаю, ради своего пріѣзда и свиданія, попотчуешь нашихъ ребятъ?...

— Семенъ,—перебилъ Дубковъ,—постыдись...

Но Константинъ Гавриловичъ поддержалъ Стеню:

— Съ удовольствіемъ,—сказалъ онъ—будемъ въ Урвановѣ и зайдемъ въ трактиръ.

— Побесѣдуемъ, давно не видались,—промолвилъ Ковригинъ.

— Ужъ погуляемъ же мы, братцы!—возрадовался Стеня.

Призывной участокъ находился въ тридцати верстахъ отъ Копнина, въ селѣ Староносовѣ. Поэтому, какъ только пообѣдали, всѣ призывные начали собираться въ путь, а съ ними и нѣкоторые изъ товарищей.

Digitized by Google

XII.

Староносово—село большое, фабричное и торговое; въ немъ двѣ каменныя церкви, пять улицъ, четыре трактира и множество винныхъ лавочекъ.

Передъ большимъ каменымъ домомъ, въ которомъ открылось присутствіе, толпится народъ: мужики, бабы, дѣвки... Глаза всѣхъ устремлены на открытый дворъ и крыльцо. „Жеребьевка“ уже окончилась; стали выкликать „лобовыхъ“. На дворѣ, украшенные цвѣтами и лентами, стоятъ призывные. Среди деревенской молодежи, крѣпкой, рослой и цвѣтущей здоровьемъ, вниманіе толпы приковываютъ къ себѣ два колосса: это—Дубковъ и Бѣловъ.

— Вотъ богатыри-то!—переговариваются въ народѣ.—Такихъ и раздѣвать не надо: прямо отсылай въ гвардію.

— Оба, слышь, льготные!

За то какими жалкими и несчастными глядѣли фабричные парни: худые, изможденные, съ неестественнымъ желтымъ и землянистымъ цвѣтомъ лица, они казались точно выходцами съ того свѣта.

Со двора черезъ заднее крыльцо уходятъ по двое, по трое въ присутствіе. На крыльцо, которое съ улицы, выбѣгаетъ полураздѣтый фабричный заморышъ, держа въ рукахъ пальто, и кричитъ.

— Гуляй,—забракованъ!

Слѣдомъ показывается другой, здоровый парень, нѣсколько взволнованный, но старающійся казаться спокойнымъ и веселымъ.

— Принятъ,—говоритъ.

Въ толпѣ послышался женскій плачъ и голосъ.

— Ахъ, ты мое родимое ди-и-тя-тко!...

И, по мѣрѣ того, какъ на крыльцо выходятъ принятые, женскій плачъ и причитанія усиливаются; говоръ становится

Digitized by Google

громче. Нѣкоторые изъ новобранцевъ идутъ съ родными въ трактиръ; другіе ждутъ товарищей или утѣшаютъ своихъ матерей и женъ.

— Гляди,—говоритъ какой-то мужичокъ, немного подгулявшій,—фабричные-то, должно, всѣ въ браковку поступятъ, а только одни деревенскіе уйдутъ и станутъ проливать кровь за отечество.

— Тебя бы вотъ еще взять!—посмѣялось какое-то пальто съ фуражкой набекрень,—первый бы воинъ и защитникъ былъ.

— А ты какъ обо мнѣ полагаешь?—повернулся тотъ на голосъ.—Дай мнѣ въ руки ружье, да положи сухарей въ ранецъ, такъ я сейчасъ ударю на врага.

— Не лучше ли тебѣ сейчасъ въ кабакъ: ты, кажется, мало еще храбрости захватилъ?

Въ толпѣ смѣхъ, хохотъ.

— А что, развѣ не пойду? Меня и въ кабакѣ, и въ трактирѣ примутъ: я за свои трудовыя денежки пристанище вездѣ найду. Вотъ ты такъ прощалыжникъ!

Опять смѣхъ.

А тутъ же, въ сторонкѣ, мать-старушка, положивши на плечи красиваго сына руки, тихо и скорбно причитаетъ:

«Угонятъ тебя, мое дитятко,
Въ города дальные, заукрайные,
Подъ сабельки вострыя,
Подъ пушечки мѣдныя.
Не спознаю я, горюха, не свѣдаю,
Когда смерточка съ тобой станется...»

Близко вечеръ. Присутствіе закрывается до слѣдующаго дня. Начальство спѣшитъ на обѣдъ къ становому приставу. Послѣдніе призывные, льготные, принятые и забракованные расходятся по трактирамъ, виннымъ лавочкамъ и постоялымъ дворамъ.

Всѣ заведенія биткомъ набиты. Въ одномъ изъ трактировъ сидятъ копнинскіе, пьютъ чай, закусываютъ и посматриваютъ. Въ заведеніи много фабричныхъ, только что получив-

Digitized by Google

шихъ мѣсячную изъ конторы „дачку“. Отъ смѣшанныхъ голосовъ, криковъ и звуковъ музыкальныхъ инструментовъ стонъ и ревъ стоитъ, а отъ топота и пляски ходуномъ ходитъ полъ.

— Дѣлай! Жги!—кричатъ.—Эхъ, вы, молодчики!...

«Гуляй дѣвка, гуляй баба,
Гуляй я, ходи милая моя!»

— Жарь! Покажемъ себя деревенщинѣ! Гуляемъ!

За ближнимъ столомъ, болѣе трезвые и, видимо, не простые фабричные молодцы чувствительно выводятъ:

«Ковой-то нѣтъ, ковой-то жаль,
И сердце все балитъ па-немъ!»

Пѣсни прерываются возгласами за сосѣднимъ столомъ:

— Я первый прядильщикъ на фабрикѣ!

— Такъ что? Я самъ, по своему дѣлу, первый мастеръ... Меня и хозяинъ лично знаетъ. Такъ ты учить другихъ погоди.

— А хочешь, я тебѣ въ морду дамъ!

— Какъ ты сказа-ллъ? Повтори!

— Морду разобью!

— Морду?! Это ты лицо-то... образъ и подобіе!.. Такъ я-жъ тебя разува-ажу!

Деревенщина также заявляетъ себя, но по-другому:

«Эко сердце, эко бѣдно...»

Одни плачутъ, другіе цѣлуются, кричатъ и обнимаются.

— Я тебя не спокину... Ты теперь, выходитъ, защитникъ Россіи, православный воинъ!... Такъ неужто я, старшій братъ и попечитель, забуду тебя на чужой сторонѣ... Цалуй!

— Соспокой себя, братецъ—говоритъ молодой паренекъ.— Богъ дастъ, окончу службу и ворочусь въ родительскій домъ.

— Не въ перре-носъ!—обливаясь слезами и колотя себя изо всей силы кулакомъ въ грудь, восклицаетъ братецъ, высокій черномазый мужикъ, въ посконной рубахѣ и порткахъ.— Какъ мнѣ теперича ни трудно будетъ одному, а все же я въ

Digitized by Google

годъ тебѣ цалковый-два пришлю. Надѣйся на брата, какъ на каменную стѣну. Да выпей ты, выпей! Легше будетъ...

Бѣловъ пилъ чай и наблюдалъ.

Передъ копнинскими стояла всего одна бутылка. Хотя высказывалось желаніе потребовать и другую, но удержались въ виду угощенія, какое имъ было обѣщано московскимъ гостемъ: день какъ-нибудь ужъ перетерпятъ!

На слѣдующій день, часа въ два, копнинскіе были отпущены: двѣнадцать человѣкъ принято; внукъ старосты, Петръ получилъ отсрочку для поправленія здоровья, Дубковъ и Бѣловъ отчислены въ ополченіе. Немедленно всѣ отправились къ домамъ, но съ тѣмъ, чтобы по дорогѣ завернуть въ Урваново и тамъ погулять. Пріѣхали они туда передъ вечернею. Дубковъ съ Бѣловымъ пошли къ священнику, чтобы попросить его отслужить панихиду на могилѣ по Григоріи Николаевичѣ; къ нимъ присоединились Ковригинъ, Прибытковъ и еще человѣкъ пять, также бывшихъ учениковъ покойнаго, а остальные отправились въ трактиръ Максимыча, почему-то болѣе привлекавшій гостей, чѣмъ другой—Кузьмича.

Трактиръ Максимыча былъ двухъэтажный, обитый снаружи тесомъ и окрашенный въ кофейный цвѣтъ. Копнинцы махнули вверхъ, откуда неслись голоса и музыка: тамъ фабричные ухлопывали послѣдніе рубли отъ мѣсячной „дачки“, полученной ими наканунѣ, пятнадцатаго числа.

— Пожалуйте, господа!—встрѣтилъ копнинскихъ изъ-за буфета Максимычъ, небольшого роста, молодой еще человѣкъ, но успѣвшій уже оплѣшивѣть.—Чего будетъ угодно приказать?

— Да мы не всѣ тутъ,—отвѣтилъ одинъ парень,—сейчасъ подойдутъ другіе. Пока такъ посидимъ, а потомъ всего потребуемъ.

— Очень пріятно слышать, — улыбнулся Максимычъ.— Пожалуйте, я прикажу столики для вашей компаніи сдвинуть.

Фабричные узнали копнинцевъ.

Digitized by Google

— Съ призыва значитъ,—проговорилъ кто-то.—Что-жъ они безъ своего атамана?

— Видно, тотъ прямо домой проѣхалъ.

Но черезъ полчаса фабричные увидѣли и „атамана“.

— Прежде закусимъ, что ли?—обратился съ вопросомъ къ своимъ Бѣловъ.

Ребята переглянулись.

— Сперва водочки, Константинъ Гаврилычъ,—отвѣтилъ за всѣхъ Стеня Прибытовъ.—А тамъ, что будетъ кому желательно...

Бѣловъ сдѣлалъ распоряженіе.

Максимычъ различалъ „публику“ и не ударилъ себя въ грязь передъ московскимъ гостемъ и копнинскимъ судьёю. Прибытковъ, Петръ старостинъ и Вася Калычевъ сидѣли по лѣвую руку Бѣлова, а Ковригинъ и Стеня—по правую, съ новою и отличною гармоніей, привезенною ему изъ Москвы въ подарокъ Бѣловымъ..

— Что же, товарищи, можно бы и пѣсенку завести,—сказалъ Бѣловъ.

— И то, надо повеселить себя.

Дубковъ взялъ въ руки новую итальянку, а Миша Ковригинъ запѣлъ:

«Изъ-за лѣса, лѣса темнаго...»

Давно фабричные посматривали на копнинцевъ, любуясь батареями разныхъ бутылокъ. У тѣхъ, которые успѣли спустить всю дачку и потому сидѣли теперь праздно,—Максимычъ, спасибо ему, не выгонялъ изъ заведенія такихъ гостей,—зрѣлище обильнаго угощенія возбуждало аппетитъ. Глаза другихъ разгарались на итальянку Дубкова; они переговаривались о чемъ-то, косясь въ сторону деревенской компаніи. Долго фабричные крѣпились. Первыми не выдержали пропойцы. Сначала одинъ осмѣлился, подошелъ къ Дубкову и, конфузясь, попросилъ:

— Степанъ Васильичъ! ежели бы милость ваша была... рюмочку или стакашекъ?...

Digitized by Google

— Костя, дозволяешь?

— Пожалуйста!... распоряжайся.

— Пей!—разрѣшилъ Степанъ Васильевичъ.—Намъ не жалко этого добра. Бери стаканъ да наливай.

— За первымъ другой осмѣлился, подошелъ за нимъ третій и т. д. Не усидѣли на своихъ мѣстахъ и денежные люди.

— Степанъ Васильичъ!—подлетѣлъ одинъ молодецъ.—Очень у васъ прекрасна итальянка. Дозвольте на одну минуту поиграть.

— Да умѣешь ли?—спросилъ Стеня.

— А вотъ услышите.

— Играй. Только, смотри—не повреди!

Фабричный ловко взялъ гармонію и началъ какую-то польку—игралъ онъ бойко.

— Хорошо,—одобрилъ Стеня.—Но лучше бы ты русскую... Подожди... На-ка, выкушай!—и налилъ стаканъ.

— Покорнѣйча благодарю. Съ ба-альшимъ удовольствіемъ!

Прибытковъ и Вася Колычевъ подъ русскую пустились плясать Веселье расходилось въ заведеніи. Не утерпѣлъ и судья: вылѣзъ и такъ отдѣлалъ камаринскую, что самъ Максимычъ, человѣкъ много видавшій, повыдвинулся изъ-за буфета и полюбовался на судью, а Костя пришелъ въ восхищеніе и усердно хлопалъ. Музыкантъ окончилъ, вручилъ итальянку по принадлежности и хватилъ еще два стакана, но минутъ черезъ пять снова явился и попросилъ гармонію. Стеня занялся разговоромъ съ Костею и увлекся. Бѣловъ пилъ только пиво, а Стеня—и пиво, и водку, и вино,—ужъ очень доволенъ и счастливъ онъ былъ. Пѣсни, гармоника и пляска не прекращались ни на минуту.

— А ты, видно, одно пиво кушаешь?—спросилъ Дубковъ пріятеля.

— Я кромѣ пива ничего не пью,—отвѣтилъ Бѣловъ.—Да и то хочу оставить: разбухаешь съ него... Свинство!

— Такъ съ пива-то, должно, ты и пополнѣлъ?... Ахъ,

Digitized by Google

братъ, я тоже брошу! Сегодня въ послѣдній разъ—и больше ни капли въ ротъ не возьму... Развѣ когда въ храмовой праздникъ... Эхъ, поиграть, что ли, еще на своей итальянкѣ?

Стеня посмотрѣлъ въ сторону фабричныхъ,—гармониста нѣтъ.

— Гдѣ же онъ?

— Тебѣ Николая надобно?—отозвался кто-то изъ фабричныхъ.

— Его.

— Онъ на квартиру ушелъ съ товарищемъ. Навѣрно, вернутся. А то лучше дойди къ нему.

Стеня подождалъ; гармонистъ не возвращается. Тогда онъ спросилъ, гдѣ квартира Николая, и пошелъ на улицу.

— Весело!—раздавался голосъ Сени Прибыткова.—Гуляй наши, копнинскіе!... Костя, другъ, попляши со мной!... Ужъ очень ты насъ уважилъ... Поцѣлуемся!

На дворѣ ночь стояла темная-темная, въ сыромъ воздухѣ моросило. На селѣ уже спали, кое-гдѣ слабо мерцали рѣдкіе огоньки; но трактиры и винныя лавки были въ полномъ освѣщеніи. Дубковъ направился на угоръ, гдѣ стоялъ домъ, въ которомъ жилъ гармонистъ. Изъ окошекъ ярко билъ на улицу свѣтъ. Только въ этомъ домикѣ и горѣлъ огонь, остальные тонули въ теми. Дубковъ подошелъ и постучалъ въ окно. Выбѣжалъ гармонистъ и съ нимъ еще нѣсколько человѣкъ.

— Тебѣ что?—довольно грубо спросилъ Николай.

— За гармоніею пришелъ.

— Гармонію унесъ товарищъ,—онъ на фабрику ушелъ.

— Подавай! Я тебѣ далъ, а товарища твоего не знаю.

Николай началъ браниться, Другіе ввязались.

— Да почтò онъ пришелъ? Чего онъ пристаетъ?...

— Говорю вамъ: не уйду безъ гармоніи!—настаивалъ на своемъ Дубковъ.—Она мнѣ дареная, ей цѣны нѣтъ.

На голоса выбѣжали еще человѣкъ пять. Одинъ изъ нихъ, не говоря дурного слова, хватилъ Дубкова его же безцѣнной гармоніей по головѣ.

Digitized by Google

— А, такъ вы такъ-то за нашу добродѣтель?—воскликнулъ Стеня.—Заранѣ сговорились!—развернулся—и пошелъ...

— Окружай его, ребята, окружай!—громче всѣхъ кричалъ гармонистъ.—Никакъ меня треснулъ?... Да какъ больно... Ничего, съ однимъ-то справимся... Ой! еще влѣпилъ... За всѣ лещи теперь заплатимъ.

Въ трактирѣ хватились Стени. Узнавши, куда онъ ушелъ, Бѣловъ съ Ковригинымъ и еще съ троими копнинцами поспѣшилъ на поиски, догадываясь,—и не безъ причины,—что Дубковъ легко могъ наткнуться на какую-нибудь непріятность. Заслышавъ на угорѣ голоса и частые глухіе звуки, точно тамъ дубили полушубки, они кинулись на огонь.

Обложенный толпою фабричныхъ, число которыхъ прибавлялось, Дубковъ съ быстротою молніи и страшною энергіей сыпалъ по сторонамъ удары. Неизвѣстно, какой оборотъ приняло бы дѣло, еслибы во-время не подоспѣлъ Бѣловъ съ товарищами.

— Стеня! Не подсобить ли?

— Костя! Другъ! Лупи ихъ, измѣнниковъ...

И Костя, сбросивъ щегольское пальто, вступилъ въ бой. Ковригину и остальнымъ только пришлось смотрѣть. Кругомъ стояла темь; свѣтъ изъ окошекъ упадалъ на фигуры и лица бойцовъ. Подобно сказочнымъ богатырямъ, вырисовывались два гиганта, руки которыхъ то вздымались, то опускались. Раздавались одни удары, да порою богатырскій голосъ:

— Вишь, сколько ихъ повылѣзло! Откуда взялись?

Минутъ въ десять, не больше, все окончилось. Разбитые на голову, фабричные покинули поле сраженія и разбѣжались.

— Вотъ черти-то!—слышались уже издали голоса побѣжденныхъ.—Мы думали, Стенька одинъ, а къ нему присталъ и тотъ... Экія ручищи у нихъ, лѣшихъ!

Послѣ благополучнаго окончанія дѣла, пріятели снова возвратились къ Максимычу. За полночь гуляли копнинцы. Москвичъ угостилъ всѣхъ на славу!

Digitized by Google

Бѣловъ недолго гостилъ на родинѣ: черезъ три дня онъ уѣхалъ въ Москву. Дубковъ и многіе провожали гостя до станціи желѣзной дороги.

— Опять-то когда къ намъ пріѣдешь?—спрашивалъ Стеня.

— Побываю... Знаешь что?—сказалъ Бѣловъ.—Поживу я еще въ Москѣ лѣтъ пять, сколочу нѣсколько сотенъ рублей,—мнѣ на слѣдующій годъ жалованья прибавятъ,—и поселюсь я опять въ деревнѣ: куплю гдѣ-нибудь земли и займусь крестьянскимъ хозяйствомъ.

— Ну?.. Вотъ бы хорошо было...

Проводивъ своего друга, Стеня махнулъ въ Высоково и повидался тамъ съ одною дѣвушкой.

— Теперь все дѣло за тобой,—сказалъ парень.

— Жди, — отвѣтила Наташа, — годокъ съ небольшимъ осталось.

— Подожду, подожду, родная!.. Вино я теперь брошу пить.

Дѣвушка, вся расцвѣтая отъ удовольствія, вскинула на него свои голубые глаза и вымолвила:

— Я за это еще больше тебя стану любить!

Въ первое же воскресенье Дубковъ обратился къ молодежи съ такими словами:

— Братцы! Давайте кинемъ мы вино пить... Дурно мы это дѣлаемъ...

Парни позамялись, переглянулись; послышалось откашливанье.

— Трудно это будетъ, Стеня...

— Да хоть попробуемъ. Сперва посократимся кушать, а тамъ... можетъ не такъ ужъ тяжело покажется—и вовсе оставимъ... Самъ я теперь до вина больше не прикоснусь.

— Что же, попробуемъ, ребята?.. Ладно... Только что же мы теперь безъ вина станемъ дѣлать? Народъ мы молодой—скучно...

— А теперь, братцы, мы будемъ книжки читать, — ра-

Digitized by Google

достно объявилъ Стеня.—Бѣловъ мнѣ привезъ ихъ сотни двѣ... Разныя, хорошія книжки! Есть и съ картинками, много всякихъ...

— Ой-ли? Что-жъ, станемъ коли читать!

Копнинская молодежь принялась за чтеніе. Дѣло пошло на ладъ. Отъ мальчугановъ и подростковъ скоро отбою не стало: только подавай имъ книжекъ! Изъ взрослыхъ особенное усердіе выказываютъ: Миша Ковригинъ, Вася Колычевъ и самъ Дубковъ. Иногда они съ книжкою являются на посидѣлки, и тогда устраивается чтеніе вслухъ: дѣвки и парни слушаютъ съ большимъ интересомъ.

Изъ сосѣднихъ деревень также приходятъ за книжками. Степанъ Васильевичъ никому не отказываетъ, даетъ всѣмъ охотно и говоритъ:

— Читайте, книжекъ у меня — сколько угодно... Обращайтесь только съ книжкою какъ можно осторожнѣе: держите въ полной сохранности и чистотѣ, чтобы нигдѣ я пятнышка не видѣлъ. А главное—читайте съ понятіемъ!.. Надо же намъ когда-нибудь поумнѣть,—не маленькіе, слава Богу, вонъ какіе выросли!

Больше всѣхъ изъ чужихъ съ требованіями обращаются высоковскіе. Но никто, кажется, такъ много не читаетъ, какъ Наталья Дмитріевна.

Копнинскіе мужики только поглядываютъ, да дивуются.

— Чудеса, что съ нашими ребятами, — говорятъ, — за книжки принялись!

— А начальникъ всему—Стеня... Удивительный парень... Чѣмъ-то онъ себя окажетъ, когда въ совершенные года взойдетъ?..

Digitized by Google

На пружкахъ.

(Очеркъ).

Лѣто въ исходѣ, а дни стоятъ жаркіе, знойные. Дождей нѣтъ: въ теченіе мѣсяца хоть бы капля одна упала!.. Съ утра еще начинаетъ припекать; небо ясное, высокое, ни откуда легкаго облачка не набѣжитъ, и солнце палитъ цѣлый день. Только передъ вечеромъ немного посвѣжѣетъ.

Около половины августа по нашимъ деревнялъ и селамъ замѣчается среди молодежи особаго рода движеніе. На улицѣ, тамъ и здѣсь, даже на соломенныхъ крышахъ дворовъ, показывались пареньки, лѣтъ отъ восьми до двѣнадцати; по выраженію изъ загорѣлыхъ лицъ и сдержаннымъ разговорамъ нетрудно догадаться, что льняныя, русыя и темноволосыя головенки заняты чѣмъ-то серьезнымъ. Дѣйствительно, ребятки озабочены: пора ставить пружки, и надо одному пріятелю столковаться съ другимъ насчетъ совмѣстной охоты. Сговорившись, кто съ кѣмъ будетъ держать пружки, всѣ ребята направляются къ извѣстному пункту и составляютъ свой мірской сходъ. На общемъ собраніи рѣшаютъ вопросъ, кому и гдѣ на общественной землѣ ставить пружки. Какъ на всякой доброй сходкѣ, возникаютъ разногласія и споры: однимъ хочется примѣрно захватить Васютину гривку, и другіе желаютъ воспользоваться тою же Ва-

Digitized by Google

сютиною гривкою. Дѣтскіе голоса раздаются звончѣе, завязывается споръ, маленькія страстишки расходятся, и, глядишь, кто-нибудь изъ горячихъ показываетъ кулачишко, съ явнымъ намѣреніемъ силою расположить умы въ свою пользу. Тогда на помощь большинству выступаетъ мірской человѣкъ.

— Ну, что ты, Васька, съ кулаками насыкаешься?—говоритъ мірской человѣкъ, солидный мужичекъ, годовъ десяти.— Чай, драчею мы не сладимся; рѣшимъ дѣло лучше безгрѣшно: пойдемъ міромъ на мѣста, разобьемъ участки и метнемъ жеребья.

Страсти сейчасъ же стихаютъ, и мірское начало торжествуетъ. Шумной и веселой толпой ребячій міръ валитъ ужъ „на мѣста“.

Въ лѣсу, на поймѣ и вырубкахъ малыши выбираютъ прогалинки, гривки и полянки, покрытыя нечастымъ и молодымъ лѣсомъ; разбивъ на участки, кидаютъ жребій, и кому участокъ какой достанется, тотъ и будетъ хозяиномъ его до слѣдующаго года. Сверхъ этихъ участковъ, одинъ большой и признанный за самый привлекательный для птицы предоставляется въ общее пользованіе: здѣсь каждый получаетъ клочекъ на свою долю. Общественный участокъ это—право на пользованіе всѣхъ и каждаго одинаковыми выгодами.

Распредѣливъ „безгрѣшно“ участки, ребята на другой или на третій день приступаютъ къ установкѣ пружковъ. Не всѣ, однако, въ одно время поспѣваютъ. Прежде всего нужно запастись мочальными веревочками, а для этого сперва надо раздобыться матеріаломъ: предусмотрительные и заботливые съ весны еще выканючатъ у бабокъ или матерей своихъ, а то и просто стащатъ куль или рогожу; легкомысленные же и беззаботные спохватятся развѣ только тогда, когда надо приступать къ дѣлу. Заготовивши возможно больше веревочекъ, захватятъ съ собой ножи и топоры и, перекрестясь, отправятся на участки.

Сначала въ лѣсу или на поймѣ охотники нарѣжутъ тонкихъ прутиковъ различной длины; потомъ облюбуютъ то или другое молоденькое деревцо (березку, елку или сосенку), испро-

Digitized by Google

буютъ его гибкость и упругость, очистятъ ножемъ вершинку и привяжутъ за нее одинъ конецъ мочальной веревочки съ клячикомъ. Затѣмъ изъ тальника или можжевельника согнутъ лучокъ и заостренными концами крѣпко вбиваютъ его въ землю; на разстояніи вершковъ десяти - двѣнадцати отъ лучка утверждается такъ называемая „приманка“, то-есть вѣтка или прутикъ съ расщепомъ наверху, а внизу прилаживается на двухъ колышкахъ тонкая перекладинка; на нее вѣеромъ и скатцомъ къ внутреннимъ дужкамъ лучка кладутъ пять - шесть прутиковъ, одинъ подлѣ другого. Послѣ этого снова нагибаютъ верхушку деревца къ лучку, зацѣпляютъ за него клячикъ и веревочку съ широкою петлею раскидываютъ по вѣеру, а самую петлю слегка закрываютъ зелеными листьями. Конечное дѣло устроителей это—прикрѣпить къ приманкѣ нѣсколько калинныхъ ягодъ или кисть рябины, для куропатокъ разбрасываютъ по вѣеру сѣмечки—и пружокъ готовъ. Точно такъ устраиваютъ и всѣ остальные пружки. Разставивши вездѣ пружки, ребятки возвращаются домой, мечтая о предстоящей добычѣ.

Вмѣстѣ съ зарею просыпается дикая птица и летитъ искать себѣ корму. Завидя красныя ягоды или сѣмечки, птица опускается на землю, бѣжитъ къ пружку, взбирается на вѣеръ и начинаетъ жадно клевать; прутики подъ ногами птицы шевелятся, клячикъ выскакиваетъ, и — одно мгновеніе—деревцо поднялось, и тетеревъ или рябчикъ виситъ уже, опрокинувшись, между небомъ и землею, трепеща всѣмъ тѣломъ и раскинувъ крылья!.. Но если деревцо невысоко и очень гибко, то птица кружится около него и вспархиваетъ, стараясь высвободить свою ногу изъ петли, и если охотники позапоздаютъ, то, нерѣдко случается, сорветъ пружекъ. Поэтому заботливые ребятки стараются всегда придти какъ можно раньше утромъ, чтобы захватить добычу въ пружкѣ и скорѣе вынуть птицу.

Охота съ пружками много доставляетъ радости малышамъ. Она сама по себѣ пріятна, какъ охота—это во-первыхъ, во-вторыхъ, отъ продажи дикой птицы ребятки получаютъ деньги,

Digitized by Google

которыя поступаютъ въ полную ихъ собственность и распоряженіе: на деньги они всегда могутъ купить себѣ разныхъ гостинцевъ, шелковый поясокъ и даже кумачу на рубашку. А это—какое же большое счастье для деревенскихъ малышей!

Со второй половины сентября пружки ставятъ и мужики, но не всѣ,—исключая развѣ крестьянъ сѣверныхъ губерній, гдѣ ловля птицъ составляетъ главный промыселъ мѣстнаго населенія,—а изъ парней рѣдкій кто занимается этой охотой,—тѣ больше насчетъ дѣвокъ и гулянья думаютъ.

Петрушино раскинулось по большой горѣ. Деревня изъ семидесяти дворовъ, въ два порядка, съ широкою улицею, поросшею травою, десяткомъ колодцевъ и съ проточными прудами внизу, на сѣверъ, подъ горою, за которою на такой же горѣ расположена деревня Шепелиха. Петрушинцы занимаются хлѣбопашествомъ, но прокормиться годъ отъ земли не могутъ. Поэтому въ семьяхъ, гдѣ есть два—три работника, одинъ или двое уходятъ добывать хлѣбъ на-сторону, а зимою парни и дѣвки, за немногими исключеніями, покидаютъ родную деревню, работаютъ на фабрикѣ или въ городѣ. Старики и доможилы, покончивши возку дровъ для собственнаго отопленія, нанимаются вывозить лѣсъ изъ купеческихъ дачъ. Живутъ петрушинцы, какъ о нихъ сосѣди говорятъ, такъ себѣ, пополамъ съ нуждою, но не унываютъ, и въ Угрюмиху заглядываютъ, къ Акулинѣ Трифоновнѣ, содержательницѣ извѣстнаго кабачка.

Былъ праздникъ; утро стояло жаркое, и день обѣщалъ быть знойнымъ. Часовъ около десяти на улицу вышли ребята, парни и подростки; постояли передъ окошками, поглазѣли по сторонамъ и гурьбой направились, играя на гармоніи, въ край деревни, къ одной старой избѣ, доживавшей свой послѣдній вѣкъ: на половину сгнившая, она нагнулась верхомъ напередъ, какъ и сама дряхлая хозяйка ея, бобылка Коптилиха,—настоящее имя старухи давно позабыли. Отъ коптилихиной избы открывался широкій горизонтъ. Внизу, подъ горою, на югъ, тянулось небольшое поле, съ молодымъ лѣскомъ въ концѣ; за

Digitized by Google

лѣскомъ разстилался зеленый лугъ, называемый петрушинцами выпускомъ, съ разбросанными темными бревенчатыми сараями, куда крестьяне метали сѣно; далѣе, изъ-за сплошныхъ кустовъ поймы сверкали кованымъ серебромъ изгибы рѣки, а за рѣкою, на самомъ уже горизонтѣ, въ неясныхъ очертаніяхъ вставала сельская колокольня. Справа на западъ чередовались лѣса съ полями, кой-гдѣ выглядывали селенія и поднимались мрачныя— трубы фабрикъ, съ разстилающимися надъ ними черными клубами дыма. Слѣва къ востоку начинался большой петрушинскій лѣсъ, сильно порѣдѣвшій отъ частыхъ вырубокъ; за нимъ — кулиги и лѣсъ кононовскихъ мужиковъ, широкая, блещущая подъ солнцемъ зеркальная гладь озера, а дальше засинѣли и потянулись безъ конца лѣсныя дачи купцовъ. Надъ всѣмъ этимъ раскинулось безпредѣльное небо, голубое и яснее, исполненное кроткой ласки и чарующей прелести... Съ самой Пасхи и вплоть до глубокой осени къ старой избѣ собиралась вся деревенская молодежь. По зеленой муравѣ парни съ дѣвками затѣвали разныя игры и водили круги, оглашая воздухъ звонкими голосами пѣсенъ, а ветхая изба такъ внимательно, такъ любовно поглядывала и слушала, что, какъ будто, вспоминала она свои молодые годы и потихоньку вздыхала... А весною каждый годъ въ ближній лѣсочекъ прилеталъ соловей и жилъ тамъ все лѣто. По вечерамъ всѣ сходились къ избѣ Коптилихи и слушали: соловей пѣлъ и заливался отъ зари до зари. Вотъ почему молодежь всегда тянуло на этотъ конецъ деревни и почему теперь собрались сюда парни. Одни сидѣли на завалинкѣ, а другіе стояли около избы. А гдѣ парни, тамъ ужъ непремѣнно ютятся и ребятенки, прислушиваясь къ разговору большихъ, или вихрятся, бѣгая другъ за другомъ.

— Кто это, братцы, двое-то идутъ выпускомъ?—спросилъ кто-то изъ парней, указывая рукою на лугъ.

Какой-то малышъ, услышавъ этотъ вопросъ, кинулъ гоняться за товарищемъ и, посмотрѣвъ впередъ своими свѣтлыми глазенками, не замедлилъ доложить:

Digitized by Google

— Это, я такъ думаю,—началъ онъ,—идутъ Ермакъ да Павликъ. Они, еще гдѣ, до солнышка, ушли пружки осматривать.

— Да развѣ они ужъ поставили?

— Вона-а-а!—протянулъ малышъ:—они вечеросъ поставили, какъ только мы участочки подѣлили.

— Вишь, какіе проворные!.. А сколько они, Ванюшка, пружковъ-то поставили?

— А я почемъ знаю,—отвѣтилъ Ванюшка:—я, вѣдь, у нихъ не считалъ.

Ефимъ Щербаковъ, парень лѣтъ восемнадцати, темноволосый, съ бойкими карими глазами, также смотрѣвшій на лугъ, вдругъ засмѣялся и сказалъ:

— Смотрите-ка, ребята: глухой-отъ чортъ съ ружьемъ идетъ!..

Всѣ расхохотались.

— Навѣрно самъ думаетъ: „я охотникъ!“ А на десять шаговъ въ овинъ не попадаетъ.

Между тѣмъ двое мальчугановъ, служившихъ предметомъ вниманья и замѣчаній, подходили уже къ сараямъ. Теперь съ горы всѣ ихъ узнали. Немного погодя, охотники миновали сѣнницы, перешли поле и начали подниматься по косогору.

Одинъ широколицый парень снялъ съ головы поношенный картузъ и, протянувъ руку, закричалъ:

— Ермакъ, бей въ картузъ.

Мальчуганъ, повыше ростомъ и съ ружьемъ, изъ-подъ горы отозвался:

— Стану я ружье поганить — стрѣлять въ твой карту зишко! Онъ и безъ стрѣлянья какъ худое рѣшето.

Ефимъ Щербаковъ не утерпѣлъ, вскочилъ съ завальни и побѣжалъ на встрѣчу охотникамъ.

— Ермакъ, а Ермакъ, покажи, чего поймалъ?

Паренекъ съ ружьемъ, продолжая взбираться на гору, не удостоилъ отвѣтомъ любопытнаго, а товарищъ его, пониже ро-

Digitized by Google

стомъ, краснощекій девятилѣтній мальчуганъ, сказалъ Щербакову.

— Мы еще только ходили ставить пружки.

Щербаковъ на него съ сердцемъ крикнулъ:

— Не тебя, Павлушка, спрашиваютъ, — ты и молчи!.. Ермакъ, скажи правду: чего ты поймалъ?

— Тетерева,—отвѣтилъ, не останавливаясь Ермакъ.

— Ой, врешь! не тетеревъ...

— А мнѣ что!—промолвилъ Ермакъ,—не вѣрь.

Щербаковъ, парень гордый и настойчивый, — отецъ его содержалъ въ деревнѣ мелочную лавочку, — идетъ слѣдомъ за Ермакомъ, не отстаетъ, добивается своего.

— Я тебѣ сказалъ истинну правду, — отрѣзалъ охотникъ.—Не двадцать разъ мнѣ ломать языкъ.

— Такъ не покажешь?

Ермакъ пріостановился.

— Дашь куль, такъ покажу!

— А гдѣ же я возьму?

— У васъ ихъ много.

— Нѣтъ, у насъ, нѣтъ.

Ермакъ посмотрѣлъ на Ефима, покачалъ головою.

— Погоди, пожалуйста, душой-то кривлять!—говоритъ.— Еще душа-то тебѣ надобна... Кому же гдѣ и взять, коли не тебѣ? Вы народъ торговый. У васъ, — я видѣлъ своими глазами,—въ сараѣ кулей и рогожъ навалено гибель.

Щербаковъ какъ будто не понимаетъ или не слышитъ.

— Ну, покажи, что ли?

— Что я тебѣ говорю,—исполнишь, такъ покажу, а не исполнишь, — ничего не увидишь.

Щербаковъ осердился.

— Ну, чортъ съ тобой! — крикнулъ онъ. — Хоть бы былъ, какъ люди, а то глухая тетеря да еще модится... Не показывай, очень мнѣ нужно, — и съ послѣднимъ словомъ повернулъ и пошелъ къ старой избѣ.

Digitized by Google

Ермакъ съ Павликомъ направились дальше.

— Ну, что тебѣ показалъ Ермакъ?— встрѣтили Щербакова товарищи.

— Сказываетъ тетерева, а не показалъ.

— Что же это онъ не кажетъ то,—заговорили на завалинѣ.—Теперь, поди, думаетъ: кто я, я тетерева поймалъ. Мы по десятку вынимали, да и то не зазнавались.

Ванюша со всѣхъ ногъ ударился догонять Ермака.

— Ерма-а-а-акъ! Ермакъ, постойка-а-а!

Ермакъ оглянулся и подождалъ.

— Покажи-ка, что у тебя въ плетенкѣ-то?

— Гляди,—сказалъ охотникъ, и, сдернувъ тряпку, вытащилъ за лапу тетерева.

— Эхъ какого поймали!—удивился Ванюша.—Да какъ онъ эдакій большой да петлю-то не оборвалъ? Молодцы вы, парнишки!

И довольный мальчуганъ побѣжалъ обратно къ избѣ, чтобы подѣлиться вѣстью съ парнями и ребятенками.

— Тетерева поймали,—кричалъ малышъ на бѣгу.—Большо-о-о-ва!

— Ну?! Ахъ, глухой демонъ!

Щербакова зло взяло.

— Врешь ты, Ванюшка!.. Не вѣрьте ему...

Ванюшка въ свою очередь обидѣлся.

— Вретъ твоя верхняя губа,—сказалъ мальченышка,—а я еще не учился врать-то! Дойдите кто сами, увидите!

Кажется, одинъ глухарь не очень важная добыча, между тѣмъ онъ раздразнилъ и малышей, и большихъ. Сильнѣе другихъ кипятился Ефимъ Щербаковъ: упрямство и непочтительность, обнаруженныя Ермакомъ, бѣсили сына мелочнаго торговца. Малыши тотчасъ разсыпались всѣ по домамъ: кто навить поскорѣе петель, а кто добывать мочала. Подростки и парни, подстрекаемые Ефимомъ Щербаковымъ, тутъ же начали сговариваться, кому съ кѣмъ охоту держать. Самъ Щербаковъ

Digitized by Google

въ товарищи намѣтилъ широколицаго парня, предлагавшаго Ермаку стрѣлять въ свой картузъ. Простоватый малый охотно согласился, обѣщая сегодня же навить петель и разставить пружки.

— Ты, Ефимъ,—сказалъ простякъ,—дай мнѣ куль или рогожу, и я живо обработаю дѣло.

Но тутъ выискался разсудительный человѣкъ, который утишилъ горячку и охладилъ рвеніе товарищей.

— Подождите, ребята, — сказалъ онъ: — чего вы всполыхнулись-то?

— А что?

— Да, вѣдь, нонѣ же праздникъ; участки мы раздѣлимъ, а пружки ставить нельзя; старики забранятъ.

— Справедливо. Поликарпъ дѣло говоритъ.

— Да еще я вотъ что скажу,—продолжалъ Поликарпъ:— мы съ работами не управились. Есть ли когда за пружками доглядывать: птица либо сорветъ пружекъ, либо провиситъ дня три, и придется ее бросить.

— Такъ. Куда ужъ годится мертвая!

— А самое главное, ребята,—заключилъ свою рѣчь Поликарпъ,—время еще не наступило: теперь охота ребячья, а не наша.

Парни съ нимъ согласились. Одинъ Щербаковъ пожалѣлъ:

— Пока нашъ чередъ придетъ, глухой-то чортъ всю птицу переловитъ. Вотъ что досадно!

— Не переловитъ, — успокоилъ Поликарпъ. — Теперь птица вездѣ еще найдетъ себѣ пропитаніе, а вотъ когда морозцы тронутъ, тогда ей трудно корму добыть.

Ермакъ съ Павликомъ въ это время подошли къ своимъ домамъ—избы ихъ стояли рядомъ—и на время разстались.

— Матушка! — переступая за порогъ, весело возвѣстилъ Ермакъ:—мы глухаря поймали.

— Ну, слава Тебѣ, Господи!—встрѣтила мать:—начало

Digitized by Google

тебя порадовало. Раздѣвайся да садись за столъ: я скорехонько обѣдать соберу.

Мальчуганъ скинулъ понитокъ, разулся и умылся; расчесалъ мягкіе черные волосы костянымъ гребешкомъ, помолился на иконы въ передній уголъ и сѣлъ на лавку за столъ, накрытый чистымъ столешникомъ.

Ермаку было всего двѣнадцать годовъ; высокенькій, худенькій, съ правильнымъ загорѣлымъ оваломъ лица, носъ прямой, губы тонкія, брови черныя, трѣльчатыя; темнокаріе большіе глаза смотрѣли прямо и смѣло.

— Матушка, — сказалъ Ермакъ, — кому намъ птицу-то отнести?

Мать, женщина лѣтъ тридцати, съ повязанною темнымъ платкомъ головою и въ ситцевомъ сарафанѣ, повернула къ мальчугану лицо: заботы, горе и трудъ наложили уже свою печать на это еще молодое и когда то миловидное лицо.

— А снеси въ волость, сынокъ, — отвѣтила мать: — писарь возьметъ. Намеднись, когда пріѣзжалъ со старшиною, онъ говорилъ мнѣ: „Присылай дичину, я куплю“.

Стрѣльчатыя брови мальчугана шевельнулись.

— Не отнести ли на фабрику? — промолвилъ Ермакъ: — агличанинъ дороже дастъ... Вѣдь, тебѣ, матушка, денежки-то надобны? — добавилъ сынишко, и лицо его приняло совершенно дѣтское выраженіе; голосъ звучалъ нѣжно и любовно.

Теперь въ мальчикѣ трудно было узнать того Ермака, который недавно говорилъ съ Щербаковымъ.

— Что дѣлать, родимый: нельзя не уважить начальника. Агличану въ другой разъ отнесешь.

— А чего писарю-то уступать? — и черныя стрѣлки поднялись, между бровями легла морщинка. Ты это напрасно, матушка...

— Ахъ, сынокъ! — тревожно заговорила мать: — мы, вѣдь, съ тобою сироты, должны всячески уважать людей и покоряться имъ, чтобы они совсѣмъ насъ не заобидѣли... А ты норовишь

Digitized by Google

все насупротивъ да на перекоръ, — не слушаешь матки-то своей, упряменёкъ... Весь ты въ отца, покойника, вышелъ, царство небесное ему, голубчику моему бѣлому!

— Перестань, родная, не наводи ты на меня печаль словами о батюшкѣ, — какъ-то особенно грустно и подавляя вздохъ, проговорилъ сынъ.—Вѣдь, я тебя во всемъ слушаюсь, жалѣю тебя... А что мнѣ дѣлать, коли ребята сами задираютъ! Спусти имъ разъ, два, такъ они совсѣмъ на тебя верхомъ сядутъ и станутъ подхлестывать.

Ермакъ не помнилъ своего отца,—рано почему-то Гаврило Липатычъ отправился въ сырую землю, оставилъ молодую вдову съ двухгодовалымъ сынишкою. Трудно было женщинѣ одной вести крестьянство и поддерживать домъ, много всего перенесла вдова, натерпѣлась нужды, горя и всякой напраслины; но не умерла все-таки съ голода, сама выжила и сынишку выкормила и выростила, а отъ бабьихъ „сплетокъ“ и напраслины только втихомолку утиралась рукавомъ. А вотъ теперь и мальчуганъ подросъ, весною только окончилъ училище, помогаетъ въ хозяйствѣ матери и копѣйку дружками зарабатываетъ: другіе ребятки, что выручатъ отъ добычи, на себя изводятъ, а онъ все матери отдастъ. Смышленый, заботливый Ермакъ, съ лица пригоженькій, и ростомъ бы взялъ, только вотъ очень тощеватъ и на одно ухо крѣпонекъ: въ малолѣтствѣ съ нимъ что-то попритчилось, да такъ и не проходитъ. Но не это озабочивало вдову Ермакъ горденекъ и неуступчивъ: съ равными себѣ онъ привѣтливъ и мягокъ, а чуть кто постарше и характеромъ „поважнѣе“ или побогаче, Ермакъ носъ задираетъ и готовъ сцѣпиться, даромъ что сирота и мальченка,—точно сиротство на гордость его толкало. Онъ не выносилъ надменности и заносчивости въ другихъ, и самъ въ отношеніи къ нимъ былъ заносчивъ и надмененъ, насмѣшку отражалъ такою же насмѣшкою и давалъ еще противнику впередъ... „Вотъ такой точно былъ и покойникъ отецъ“,—думала мать... Водился за Ермакомъ еще недостатокъ. Подъ вліяніемъ сиротства у мальчика

Digitized by Google

своеобразно развилась фантазія; въ извѣстныхъ случаяхъ онъ выставлялъ свои дѣйствія нѣсколько въ преувеличенномъ видѣ, то есть, проще сказать, непрочь былъ иногда прихвастнуть. Но къ чести паренька надо замѣтить, онъ рѣдко хвасталъ, не любилъ лгать и говорилъ правду.

Мать съ сыномъ пообѣдали. Явился Павликъ; полныя щеки его еще больше раскраснѣлись, и самъ онъ весь былъ такой радостный, сіяющій.

— Аль ужъ и вы отобѣдали?— воскликнулъ мальчуганъ.— Здорово, тетушка Парасковья... Ермоша, теперь гулять, что ли, мы съ тобой пойдемъ?

— Надо сперва тетерева отнести,—отвѣтилъ Ермакъ.— Добѣжимъ-ка до волости?

— Ой!.. безъ мала, вѣдь, двѣ версты до правленья-то... Лучше бы намъ съ ребятками поиграть!

— Какъ знаешь, Павликъ.

Павликъ недолго колебался.

— Нѣтъ, я ужъ передумалъ, съ тобой пойду.

Несмотря на то, что Ермакъ былъ на три года старше Павлика, между ними существовала крѣпкая и неразрывная дружба. Они вмѣстѣ играли, вмѣстѣ охотились и дѣлили все пополамъ, ничего другъ отъ друга не таили, развѣ только когда допускали между собою невинное лукавство или такую же хитрость. Павликъ жилъ при отцѣ и матери, домъ ихъ считался въ деревнѣ зажиточнымъ, и мальчикъ не зналъ никакой заботы, росъ довольнымъ и веселымъ.

Шли дни, недѣли. Теперь всѣ петрушинскіе ребятки бѣгали на пружки. Не всѣ и не каждый день возвращались съ добычею: у однихъ птица сорветъ пружекъ, у другихъ поклюетъ ягоды, а то и совсѣмъ не заглянетъ. Счастливѣе всѣхъ были Ермакъ съ Павликомъ: всякій разъ хотя въ одинъ пружекъ у нихъ попадала птица.

— Глухому дьяволу везетъ,—завидовалъ Ефимъ Щерба-

Digitized by Google

ковъ.—Надо поскорѣе и намъ ставить, а то онъ всю дичь переловитъ... Ужъ не колдунъ ли онъ какой?!

„Счастье“ нашихъ пріятелей объяснялось просто. Большинство ребятокъ ставили пружки сплошь, рядомъ; если въ одинъ попадалъ рябчикъ или тетерька, то остальныя птицы ужъ не шли на приманку: онѣ пугались и летѣли прочь отъ опаснаго мѣста. Ермакъ съ Павликомъ поступали не такъ: они ставили съ промежутками, такъ, чтобы свободная птица не могла видѣть плѣнницы и шла на приманку безъ всякаго опасенія. Въ этомъ-то и заключался большій успѣхъ охоты.

Наканунѣ праздника Рождества Богородицы пріятели уговорились отправиться на слѣдующій день пораньше.

— Завтра намъ дѣла много,—сказалъ Ермакъ.—Будемъ ставить пружки на новомъ мѣстѣ.

— Гдѣ?

— Завтра самъ увидишь... Ты приходи ко мнѣ ночевать.

Съ вечера ребятки приготовились: запаслись новыми петлями, выставили на лавку корзины, положили топоръ, ножи и ружье,—оно досталось Ермаку послѣ отца, и мальчуганъ постоянно таскалъ его съ собою заряженнымъ, но птицы изъ него не билъ, такъ какъ запаснаго пороха не было, а достать негдѣ, и берегъ выстрѣлъ на всякій непредвидѣнный случай. Съ огонькомъ охотники поужинали, обулись въ лапотки и завалились спать. Хотя Прасковья обѣщала разбудить ребятокъ, но заботливый Ермакъ раньше проснулся,—на дворѣ еще не брезжило,—и закричалъ:

— Панька, вставай! Пора идти.

Товарищъ вскочилъ. Оба проворно спустились на полъ, наскоро умылись, помолились Богу и, захвативъ всѣ охотничьи „припасы“, выбѣжали на волю.

Четверть часа спустя, охотники подошли уже къ выпуску. На востокѣ только-что забѣлѣлось. Изъ травы, гдѣ-то близко, кричалъ дергачъ, въ лѣсочкѣ щебетали какія-то пичужки, под-

Digitized by Google

нимались и летѣли стаями галки. Въ воздухѣ чувствовался утренній холодокъ.

— Павелъ Нифонтычъ, теперь пойдемъ пошагистѣе, а то опоздаемъ.

Павелъ Нифонтовичъ отвѣтилъ:

— Пойдемъ, Ермакъ Гаврилычъ.

Теперь въ румяномъ свѣтѣ зари отчетливо вырисовывались на зеленой атавѣ фигурки обоихъ мальчугановъ. Худенькій и высокенькій Ермакъ, въ старой шляпенкѣ „криночкою", съ корзинкой черезъ плечо и ружьемъ на перевѣсъ, выступалъ прямо, дѣлая большіе шаги, а Павликъ, головою ниже товарища, плотный и краснощекій, въ картузѣ съ кожанымъ козырькомъ и корзинкою также черезъ плечо, трусилъ мелкими шажками, а гдѣ и въ припрыжку, чтобы не отстать отъ Ермака.

До мѣста оставалось версты полторы. Павликъ заговорилъ.

— Ермакъ, гдѣ ты думаешь еще пружки-то ставить?

Товарищъ чуть замѣтно улыбнулся.

— А тебѣ ужъ хочется узнать?—промолвилъ Ермакъ.— Какой ты нетерпѣливый!.. Ну, изволь, скажу: за пожнями Мишиныхъ, на вырубкѣ Михея Наумова.

— Да можно-ли намъ тутъ?—спросилъ Павликъ.—Земля чужая, мужики не велятъ.

— Не опасайся, другъ!—успокоилъ пріятеля Ермакъ.— Кононоскіе мужики намъ слова не скажутъ: Наумовъ мнѣ самъ дозволилъ.

— Развѣ что такъ. Наумовъ дозволилъ, тогда бояться намъ нечего.

— Понялъ?.. Теперь я тебѣ все повѣдаю, — продолжалъ Ермакъ. — Третьяго-дня я встрѣтился съ Михеемъ-то, и мы разговорились про охоту. Онъ мнѣ и открылъ, что за пожнями Мишиныхъ, на вырубкѣ, лонись *) онъ ставилъ пружки, и

*) Лонись—прошлогоднею осенью.

Digitized by Google

вотъ сколько тамъ, сказывалъ, дикой птицы водится, какъ весной галокъ, когда онѣ выведутъ дѣтей. Я тутъ и спросилъ Наумова: „А можно ли мнѣ, дядюшка Михей, на вырубкѣ твоей поставить пружки?“ Онъ сказалъ: „Ставь, сколько тебѣ будетъ желательно, я препятствовать не буду“.

— А что же Наумовъ самъ-то?—съ живостью спросилъ Павликъ.—Аль еще онъ съ работами не управился?

Ермакъ перекинулъ на другую сторону ружье и немного помолчалъ.

— Видишь ли, какая тутъ притча,—началъ онъ:—Михея-то на вырубкѣ напужало...

— Напужало?!..

— Да еще какъ!.. „Пошелъ я, „разсказывалъ Михей Наумовъ“, на свою вырубку осматривать пружки. Только это я подошелъ къ мѣсту, гляжу – страсть сколько дикой птицы въ петли попало! Я сейчасъ это, было, вынимать, а изъ-за чаплыжника медвѣдь лѣзетъ... Я какъ увидѣлъ его,—что есть духа, бѣжать! Бѣжалъ, не оглядываясь, вплоть до самого Кононова, инда брюхо надсадилъ и едва портки на себѣ судержалъ“...

— Вонъ что! — промолвилъ Павликъ. — Эдакій мужикъ здоровый Михей, а трусу тоже вотъ спраздновалъ!

— Поди ты! слышь: на-силу удержалъ... Говоритъ: „Ужъ очень я испужался! И съ тѣхъ поръ „говоритъ“, закаялся пружки ставить, въ лѣсъ теперь боюсь одинъ ходить“.

Ермакъ замолчалъ. Павликъ озирался по сторонамъ, чаще подпрыгивалъ и держался ближе къ товарищу.

— Ермакъ,—не утерцѣлъ онъ:—ну, какъ медвѣдь-то и къ намъ вылѣзетъ да кинется на насъ, да почнетъ ломать?

— А ружье-то у меня на что?—отвѣтилъ Ермакъ.

— Да оно стрѣляетъ ли?

— Выстрѣлитъ!.. Да ты не бойся, Павликъ, медвѣдь никогда на человѣка не кинется, если его не трогаютъ.

Пріятели скоро подошли къ лѣсу.

Digitized by Google

— Теперь помолчимъ,—сказалъ Ермакъ.

Теплой сыростью обдало охотниковъ, когда они вошли въ лѣсъ. Солнце еще не показывалось, но румянцемъ обливало листья деревьевъ; красные стволы сосенъ рдѣлись, точно пламень обхватилъ ихъ, а вершины слегка позолачивались. Подъ ногами разстилался изумрудный мохъ, мѣстами наносило запахомъ грибовъ.

— Эка, въ лѣсу-то какъ хорошо!—вымолвилъ Павликъ.

— Помолчи, сдѣлай милость!—тихо предостерегалъ товарища Ермакъ:—тетеревъ—птица чуткая!

Стали показываться пружки другихъ охотниковъ: ни въ одномъ не видать птицы. Заглянули въ „общественный“ участокъ—не замѣтно... Повернули къ своимъ; видятъ: на приманкѣ одного ягоды поклеваны, но петля лежитъ на мѣстѣ. Ермакъ прикрѣпилъ кисточку рябины. Пошли къ другому. Павликъ первый усмотрѣлъ.

— Гляди,—началъ вполголоса малышъ,—петля-то спущена, а не на-вовсе: веревочка кверху не вся поднялась и ровно что виситъ... Либо попалъ глухарь, либо бабы пенекъ втискали, когда по грибы ходили...

— Замолчишь ли ты?..

— Ай, не пень!—воскликнулъ Павликъ:—тетеря виситъ...

Оба порывисто бросились къ пружку. На согнутой тонкой елочкѣ, съ опущенною внизъ мочальною петлею, опрокинувшись, висѣлъ большой тетеревъ, раскинувъ крылья и судорожно ими всхлопывая... Ермакъ проворно схватилъ птицу, освободилъ ее и, связавъ крылья, положилъ въ корзину. Павликъ поставилъ пружекъ: заложилъ снова за лучекъ клячикъ, продернулъ сквозь прутики веревочку и раскинулъ петлю по вѣеру, а на приманкѣ прикрѣпилъ свѣжихъ ягодъ. Затѣмъ осмотрѣли, одинъ за другимъ, остальные пружки. Охота была удачна: ребята вынули еще двухъ рябчиковъ, куропатку и глухаря. Оба были въ восторгѣ; нисколько не пожалѣли, что въ двадцати пружкахъ ничего не попало.

Digitized by Google

— Ну, Павликъ, теперь мы пойдемъ на вырубку, за пожни Мишиныхъ,—сказалъ довольный Ермакъ.

— Надо бы посидѣть, отдохнуть маленько.

— Подожди. Сперва съ дѣлами управимся, а послѣ и отдыхать.

— Ну, ладно коли...

Верхушки лѣса освѣтились, сквозь вѣтви и стволы деревьевъ брызнули огненные лучи солнца, струи теплаго и веселаго свѣта ворвались и затопили весь лѣсъ.

— Глянь-ка, солнышко взошло!.. Экая благодать...

— Ахъ, ты, братецъ мой!.. Никакъ бѣлка прыгнула? Она и есть! Стрѣльни, Ермакъ!

— Богъ съ ней! Мы и такъ грѣшимъ: вольную птицу ловимъ...

— А нѣшто грѣхъ ее, вольную-то птицу, ловить?

— Всѣ ловятъ и бьютъ... Только слыхалъ я, что это грѣхъ.

— Такъ не надо бы ее ловить, коли это грѣхъ.

— Что дѣлать, Павликъ!.. Я, пожалуй, кинулъ бы пружки, да меня нужда заставляетъ: намъ съ матушкой надо чѣмъ-нибудь жить... Мнѣ жалко птицы: какъ она бьется, сердечная, и вся трепещется, когда въ петлю-то попадетъ.

Лѣсъ съ одной стороны порѣдѣлъ, и ребятки увидѣли лугъ и стога сѣна.

— Пожни Мишиныхъ,—сказалъ Ермакъ, выбираясь изъ лѣса.—А вотъ и Михеева вырубка!

— О, да недалечко,—весело подхватилъ Павликъ.—Надо поспѣшать.

Пріятели наддали и покатили къ вырубкѣ.

Саженяхъ въ сорока виднѣлись толстые, свѣжіе пни, на которыхъ еще недавно стояли и красовались могучія сосны; между пнями подымались молоденькіе дубки и клены, мѣстами поросло верескомъ, а дальше выбѣжалъ ужъ частый молодой березникъ.

Digitized by Google

— Ну, Павликъ,—сказалъ Ермакъ,—припасай петли. Пройдемъ чащу и поставимъ.

Пріятели свернули и пошли по узенькой тропинкѣ, миновали пни и вступили въ чащу вереска. Сдѣлали нѣсколько шаговъ, хотѣли перепрыгнуть черезъ валежину, но не потрафили и наступили на нее; валежина хрястнула, и ребята остановились, словно вкопанные... Между кочками, покрытыми пунцовыми крупными ягодами клюквы, приподнялась и выглянула широколобая голова медвѣдя... Павликъ обмеръ, а Ермакъ выронилъ ружье и заплакалъ... Побрасали охотники топоръ, ножи и корзинки и кинулись на утекъ ничего передъ собою не видя и не разбирая, что подъ ногами... Очутившись на пожнѣ, они ударились къ первому стогу, вскочили на изгородь, ухватились за веревки повязника и взобрались на верхушку стога. Повалились они на повязникъ и плачутъ, горько плачутъ, ожидая, что вотъ-вотъ выйдетъ медвѣдь, увидитъ,—и пропали ихъ бѣдныя головушки. Плакали, плакали и заснули оба крѣпкимъ сномъ...

Солнце перевалило уже за полдни, ребятки крѣпко спали, а медвѣдь нигдѣ не показывался. Наконецъ, Павликъ проснулся, оглядѣлся кругомъ и проговорилъ:

— Господи! куда это насъ нелегкая занесла?.. Ермакъ, а Ермакъ!..

Но Ермакъ спалъ, какъ убитый. Товарищъ принялся его трясти и громко будить.

— Ермакъ! Ермакъ, да вставай же!..

Тотъ открылъ глаза, смотритъ на пріятеля.

— Что ты кричишь?

Павликъ улыбнулся.

— Да гдѣ мы, знаешь ли ты?

Ермакъ посмотрѣлъ на небо и промолвилъ:

— А Богъ вѣдаетъ!

— Да, вѣдь мы на пожнѣ Мишиныхъ, на стогу, Ермакъ.

— Полно врать-то, Павликъ!

Digitized by Google

— Ей Богу, на Мишиныхъ, на стогу... Да ты встань-ка, обозрись.

Ермакъ приподнялся, глядитъ: пожни, стога и кругомъ дремучій лѣсъ...

— Куда это мы съ тобой зашли?—спрашиваетъ.

— Я тебѣ говорю, что мы на Мишиныхъ пожняхъ, на стогу.

Ермакъ повеселѣлъ.

— Такъ надо слѣзать... Мнѣ ужь ѣсть захотѣлось.

— А мнѣ-то, парень, какъ хочется!

Ермакъ, очевидно, забылъ о пружкахъ и нечаянной встрѣчѣ...

Павелъ схватился за повязникъ и, крѣпко держась обѣими руками за веревку, сталъ спускаться, норовя встать ногами на изгородь, но сорвался и хлопнулся о землю.

— Павелъ Нифонтычъ!—раздался сверху голосъ Ермака,—да никакъ ты легъ? Аль на стогу-то не выспался!

Павелъ Нифонтычъ засмѣялся.

— А вотъ я погляжу, какъ ты слѣзешь?

— Попробую. Можетъ, благополучно спущусь.

Ермакъ осторожно сталъ сползать и съ половины стога полетѣлъ на атаву.

— Что, Ермакъ Гаврилычъ, знать и ты удумалъ поспать,—и Павликъ закатился неудержимымъ смѣхомъ.

Отвѣчая товарищу такимъ же смѣхомъ, Ермакъ проворно вскочилъ на ноги и сказалъ:

— Да ты, Панька, видно, колдунъ?

— Я не колдунъ, а полколдуна есть: развѣ ты не примѣтилъ, что веревка-то гнилая?

— Ну, теперь трогаемся.

Не отошли они шаговъ двадцати, Ермакъ пріостановился.

— Павликъ,—промолвилъ,—а у насъ чего-то не хватаетъ.

Павелъ осмотрѣлся, взглянулъ на товарища.

— Не сдогадываюсь... Неужели я заспался?.. Скажи, чего не хватаетъ?

Digitized by Google

— Чего? смотри, чего,—ружья нѣтъ, топора и добычи...

— Такъ гдѣ же они?!.

— Я самъ не знаю,—отвѣчалъ Ермакъ и улыбнулся.— Подумай-ка, не вспомнишь ли?..

По лицу Павлика скользнула легкая тѣнь, быстро смѣнившаяся улыбкою, и онъ крикнулъ:

— Ой, знаю гдѣ, знаю!

— А гдѣ?

— Да гдѣ медвѣдя видѣли, такъ мы все и побросали...

— Вѣрно, — сказалъ Ермакъ. — Надо туда сходить и забрать...

— Ой! да идти ли намъ, Ермакъ?

— А чего нейти-то? Медвѣдь-то, чай, давно ушелъ.

— А какъ онъ тутъ... поджидаетъ насъ?

— Полно-ка, дурашка! станетъ медвѣдь дожидаться... Да, вѣдь, онъ,—сказывалъ я тебѣ — звѣрь смирный, вреда намъ не сдѣлаетъ... Не знаю, чего я давѣ такъ перепугался Должно, я за лѣшаго его почелъ.

Спокойствіе Ермака и увѣренность, съ какою онъ говорилъ, придали бодрости Павлику, и онъ съ храбростью сказалъ:

— Ну, такъ пойдемъ скорѣй!

Несмотря на испугъ, Ермакъ отлично запомнилъ мѣсто, гдѣ они встрѣтились съ медвѣдемъ, и когда они добрались до вереска, то, къ несказанной своей радости, нашли свои «припасы» и добычу на прежнемъ мѣстѣ.

— Давай-ка, выберемъ счастливое мѣстечко да и поставимъ хоть пятокъ пружковъ,—сказалъ Ермакъ.

— Нѣтъ, Ермакъ, я больно ѣсть хочу.

— Ну, отложимъ коли до завтра... А поглядимъ-ка, гдѣ медвѣдь-отъ лежалъ!

Павликъ тутъ выдалъ себя:

— Поди одинъ, а я боюсь...

Ермакъ сдѣлалъ нѣсколько прыжковъ и скрылся.

Digitized by Google

— Вотъ онъ гдѣ лежалъ, между кочками! — раздался голосъ Ермака. — Иди-ка сюда, Павликъ!

— А мнѣ наплевать, — отвѣтилъ малышъ. — Пойдемъ скорѣй домой!

Ермакъ вернулся.

— Эхъ, ты! — упрекнулъ онъ товарища, — чего забоялся? А я осмотрѣлъ все мѣсто, гдѣ медвѣдь-отъ хоронился, и слѣдъ его видѣлъ... Должно быть, Михайло-то Ивановичъ пуще нашего перепужался.

Въ тотъ же день, по возвращеніи въ Петрушино, Ермакъ и Павликъ, какъ только пообѣдали, отправились къ старой избѣ Коптилихи, гдѣ по обыкновенію собрались парни съ дѣвками и ребятенки.

— Что̀, охотникъ, много ли поймалъ? — насмѣшливо встрѣтилъ Ермака Ефимъ Щербаковъ.

— Съ насъ довольно, — отвѣтилъ коротко и сухо Ермакъ. Бойкій Ванюшка осадилъ вопросами Павлика.

— Нѣтъ, ты спроси, кого мы сегодня видѣли? — началъ Павликъ.

— Кого?

— Медвѣдя!

— Неужто?!

— Истинная правда.

Ванюшка оставилъ Павлика, метнулся къ большимъ и звонко оповѣстилъ:

— Ермакъ съ Павликомъ медвѣдя видѣли!

Извѣстіе это возбудило сильное любопытство, раздались голоса парней и дѣвокъ.

— Разскажи, разскажи намъ, Ермакъ, гдѣ вы его повстрѣчали?

Большіе и малые обступили кругомъ нашихъ пріятелей.

Ермакъ не заупрямился и разсказалъ обстоятельно про свое приключеніе, не пожалѣлъ и красокъ, чтобы придать разсказу живости и произвести впечатлѣніе. Его слушали съ глу-

Digitized by Google

бокимъ вниманіемъ, нѣкоторые даже затаивъ дыханіе, а малыши—съ разинутыми ртами. Общее вниманіе окрылило фантазію разсказчика, и онъ съ одушевленіемъ продолжалъ:

— Какъ мы только забрались въ чащеру, — поперекъ намъ валежина лежитъ. Я ка-а-акъ ломану валежину-то, она ка-а-къ хряснетъ, а медвѣдь изъ-за кочекъ ка-а-акъ вскувырнется!.. Увидѣвши его, я ка-а-акъ закричу: «Ой, Павликъ, глядико: медвѣдь!» Хотѣлъ я изъ ружья въ медвѣдя пальнуть, а онъ, — не успѣлъ я однова дохнуть, — медвѣдь-отъ, прямо въ березникъ порснулъ... А березничекъ-то, братцы, меленькій да частенькій, а медвѣдь-то толстый, большущій да лохматый,—березки-то такъ всѣ и гибаетъ, и гибаетъ!.. Эхъ, братцы, какой медвѣдище-то! уши — по большой рукавицѣ, хвоста ничего нѣтъ, такъ немножко виситъ, а мало...

«Уши» поиспортили дѣло.

— Не вѣрьте ему!—закричалъ Ефимъ Щербаковъ и помѣшалъ Ермаку довести разсказъ до конца.—Вретъ онъ все, глухой чортъ: вѣдь у медвѣдя-то уши маленькія!

Ермакъ не смутился.

— Ну, видно, я не досмотрѣлъ, — поправился мальчуганъ:—будя это его лохматая шерсть моталась, а мнѣ показалось, что уши... Гдѣ же было разглядѣть, когда — однова дохнуть не успѣлъ—медвѣдь съ испуга въ чашу порснулъ!.. А что мы повстрѣчали медвѣдя, такъ я вамъ правду сказываю. Спросите Павлика: онъ тутъ же былъ, видѣлъ медвѣдя-то.

Павликъ на обращенные къ нему вопросы подтвердилъ истину встрѣчи съ медвѣдемъ, опустивъ или позабывъ исправить нѣкоторыя подробности, не совсѣмъ согласовавшіяся въ разсказѣ Ермака съ дѣйствительностью.

Подъ давленіемъ Ефима Щербакова, а главное неточность въ опредѣленіи величины медвѣжьихъ ушей, нѣкоторые изъ слушателей не повѣрили Ермаку; но большинство осталось при убѣжденіи, что ребятенки не выдумывали, и Ермакъ разсказывалъ правду.

Digitized by Google

— Теперь намъ и на пружки страшно будетъ ходить,— слышалось въ кучкѣ малышей: — ну какъ медвѣдь выдетъ?!

— Не бойтесь! — обнадеживалъ товарищей бойкій Ванюшка:—Ермакъ съ Павликомъ видѣли медвѣдя на вырубкѣ, за пожнями Мишиныхъ, — тамъ мѣсто глухое, дикое, а къ намъ онъ на участки не придетъ.

Неустрашимые охотники, Ермакъ Гавриловичъ и Павелъ Нифонтовичъ, на другой же день махнули на вырубку, за пожни Мишиныхъ, и поставили тамъ три десятка пружковъ. Какъ ни уговаривала сына Прасковья, какъ ни упрашивала, чтобы онъ поберегъ себя и пожалѣлъ мать, Ермакъ не послушался и настоялъ на своемъ.

Между тѣмъ осень давала себя знать. Былъ легонькій морозецъ и расцвѣтилъ деревья: на вязахъ, дубахъ и кленѣ появились желтые листья, а на осинѣ постоянно трепещущіе и пожелтѣвшіе листья еще въ августѣ покрылись багрянцемъ. Кустарникъ порѣдѣлъ. Потомъ полили дожди, загудѣлъ холодный вѣтеръ. Петрушинцы торопились управиться съ работами, навозить и нарѣзать на зиму дровъ, а ребятенки неустанно бѣгали на пружки, не обращая ни на какую погоду вниманія. Медвѣдь никому не показывался, и малыши о немъ позабыли... Но скоро наступилъ конецъ ихъ охотѣ.

Молодой и здоровый мужикъ Алексѣй Уткинъ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ рѣзали въ лѣсу дрова, близъ рѣчки Теемки и неподалеку отъ ребячьихъ пружковъ. Алексѣй задумалъ самъ половить птицъ, чтобы зашибить рубль—два и въ праздникъ навѣстить Угрюмиху: мужика сильно тянуло въ кабачекъ Акулины Трифоновны.

На досаду, одинъ случай помѣшалъ его благимъ намѣреніямъ. Вотъ что онъ разсказалъ деревнѣ, прибѣжавши разъ съ вырубки бѣлымъ, какъ первый снѣгъ.

— Кончилъ это я рѣзку дровъ,—разсказывалъ Алексѣй.—

Digitized by Google

Батюшка съ возами поѣхалъ къ домамъ, а самъ я побѣжалъ на пружки. „Догоню я тебя, батюшка, я живо осмотрю“... Ну-ка, веселю себя мыслью, не попало ли хоть на полштофа. Качу съ легкимъ духомъ. Вышелъ на свою гривку, гдѣ у меня пружки. Слышу, облизъ кто-то фыркнулъ. Я вздрогнулъ... Ахъ, дѣло-то неладно! Присѣлъ за орѣшникъ, и выглядываю: шагахъ этакъ въ двадцати или побольше—медвѣдь муравьиное гнѣздо раскапываетъ!... Такъ духъ у меня и захватило: бѣда, увидитъ,—всего изломаетъ! Поопамятовался, однако, думаю: спасаться надо. Собрался съ силами и во всю-то мочь ухнулъ!.. Медвѣдь какъ кувырнется и побѣгъ въ сторону, а я вскочилъ да—въ Петрушино!.. Вотъ какъ бѣжалъ отъ гривки до деревни,—вся рубашка мокрая, словно кто въ рѣчкѣ выкупалъ.

Разсказъ Алексѣя навелъ такой страхъ на ребятишекъ, что они и охоту свою бросили.

— Вѣдь Алексѣй-то медвѣдя видѣлъ около нашихъ пружковъ,—говорили они:—пойдемъ мы завтра, а медвѣдь-отъ намъ навстрѣчу... Что намъ тогда дѣлать? Алексѣю-то ладно: вонъ онъ какой высокій да здоровый, показалъ медвѣдю однѣ пятки, а мы-то что будемъ дѣлать,—такъ на мѣстѣ всѣ и помремъ... Нѣтъ, больше не станемъ пружки ставить!

Не прекратили своей охоты только Ермакъ съ Павликомъ: они ежедневно приносили домой полныя корзины. Смѣльчакамъ особенно счастливилось за пожнями Мишиныхъ, на вырубкѣ Михея Наумова: штукъ по десяти они вынимали изъ петлей.

Вдова Прасковья всякій разъ только крестилась, встрѣчая съ добычею сына, и благодарно говорила:

— Слава Тебѣ, Христе, святые угодники! И сегодня пичужекъ несутъ... Ну-тка, я ужъ на десять рублей продала за осень!.. Добычникъ у меня сынокъ, радѣтеленъ и мать прытко жалѣетъ... Только вотъ упряменекъ!..

А Ермакъ, видя довольное лицо матери, говорилъ:

— Что, матушка, ты рада, нужду теперь поисправишь? — и темнокаріе глаза мальчугана свѣтились гордостью и счастіемъ.

Digitized by Google

Ефимъ Щербаковъ страшно завидовалъ удачѣ Ермака, злился и говорилъ:

— Вотъ счастье-то претъ глухому чорту! И медвѣдей вѣдь не боится... Безиремѣнно онъ колдунъ! Слѣдуетъ его, парни, оброкомъ какимъ обложить: пускай процентъ въ наше общество даетъ,—на выпивку намъ, ребята!

— Слѣдуетъ!—подхватывали молодцы.—Ты это ловко придумалъ, Щербаковъ. Обложимъ данью Ермошку!

Поликарпъ держался иного мнѣнія:

— Незаконно, братцы, и отъ Бога грѣхъ сиротъ обирать...

Digitized by Google

Десятникъ.

(Разсказъ).

... Изъ Уфы я выѣхалъ въ пять часовъ пополудни. Переправившись по мосту черезъ Бѣлую, мы взяли налѣво и поѣхали по оренбургскому тракту. Несмотря на конецъ августа, погода стояла теплая, день былъ совсѣмъ лѣтній, солнце жаркими лучами обливало всю урему (лиственный лѣсъ) и окрестность. Дорога шла превосходная, ровная и гладкая, словно убитая, съ развѣсистыми и веселыми, одѣтыми пышной листвою осокорями по обѣимъ сторонамъ. Слѣва изгибалась красавица Бѣлая и высились горы, изъ-за нихъ выдвигались другія и сверкали воды рѣки Уфы, а направо засѣла на многія версты урема, весною затопляемая разливами рѣкъ. Навстрѣчу намъ попадались русскіе и инородцы. Вотъ, лежа грудью на большомъ возѣ сѣна, ѣдетъ мордовская дѣвочка, повязанная краснымъ платкомъ съ концами на затылкѣ, въ видѣ небольшихъ остроконечныхъ ушей; рядомъ съ лошадью мѣрно выступаетъ рослый мордвинъ; татары и башкиры, съ женами и дѣтьми въ плетенкахъ; худые и бѣлорусые черемисы, съ меланхолическимъ выраженіемъ лицъ, и т. д... Я часто оглядываюсь назадъ... Съ громадной горы-полуострова насъ провожаетъ губернскій го-

Digitized by Google

родъ, весь въ зелени садовъ, съ высокой соборной колокольнею... Вездѣ—знакомыя мѣста! Вонъ, за бѣлыми зданіями дѣвичьяго монастыря, свѣтится новая дача; тутъ же — Чертово городище, съ котораго открывается видъ за р. Уфу: безпредѣльная зеленая ширь, по ней разметались стога; Богъ вѣсть, гдѣ синѣютъ лѣса, чуть виднѣются пріютившіяся селенія и мельницы, на горизонтѣ млѣютъ вершины горъ и даль, даль безъ конца!.. Поднимается рядъ воспоминаній, проносятся знакомые образы, звенитъ свѣжій молодой голосъ... Воскресаетъ давно ушедшее и позабытое, встаютъ молодыя лица друзей юности, съ ихъ чистыми стремленіями, съ глубокою вѣрою въ свои силы и вѣрою въ свѣтлое будущее... На душѣ становится грустно, и молодой голосъ, словно бы гдѣ-то ужъ близко, звенитъ и рыдаетъ:

«Но зачѣмъ же вы убиты
Силы мощныя души?»...

Дальше несите кони, несите скорѣе!

Передо мною разстилается широкая черная дорога; вдали „топятся“ вершины горъ; на ясномъ голубомъ небѣ мѣстами стоятъ бѣлыя облака, какія часто видишь въ іюнѣ,—движеніе ихъ незамѣтно, они словно остановились и застыли. Встрѣчныхъ попадается уже меньше. Ямщикъ, ново-башкиръ, сидя на передкѣ плетенки, въ полголоса тянетъ унылую пѣсню. Пара лошадокъ несется во весь духъ, колокольчикъ звенитъ и разсыпается по зеленымъ листьямъ придорожныхъ кустовъ и деревьевъ. Солнце ниже склоняется къ горизонту. Я оглянулся: городъ, залитый лучами солнца, весь сіялъ и отсвѣчивалъ крестами своихъ церквей и колоколень.

Впереди показалась деревня Зубовка. Большое селеніе въ одинъ порядокъ; передъ избами дѣвки, парни и бабы (день былъ воскресный). У одного дома, на заваленкѣ, толпа крестьянъ. Заслыша колокольчикъ, какой-то мужикъ поднялся, покачиваясь, направился намъ наперерѣзъ и загородилъ дорогу.

— Что надо?

Digitized by Google

— Ничего ему не надо,—раздался голосъ изъ толпы,— онъ захмелѣлъ. Поѣзжайте съ Богомъ!

— Сходка у васъ, что ли?

— Сходка... мірской сходъ!—отвѣчали голоса, и лица весело улыбались.

Посреди улицы играютъ ребятишки. Двое пареньковъ лѣтъ по десяти, въ ситцевыхъ рубашкахъ и картузахъ, стоятъ подлѣ дороги; одинъ что-то разсказываетъ, а другой, положа руку на плечо товарища, слушаетъ, и по его загорѣлому, оживленному лицу легко прочесть: „Говори, только поскорѣе,—я тебѣ вотъ что разскажу!“

Въ концѣ деревни показался винокуренный заводъ. Ямщикъ мой свернулъ съ большой дороги. Солнце закатилось. Небо стало темнѣть. Справа виднѣлись еще и дымились; горы слѣва, за деревнею Чесноковкою, онѣ куда-то ушли, и разстилалась уже степь. Позади городъ тонулъ въ темнѣющей дали, городскія зданія сливались, только выдѣлялся бѣлый дѣвичій монастырь и еще двѣ-три церкви; громадная гора, на которой раскинулся городъ, приняла колоссальные, чудовищные размѣры. Но вотъ дорога пошла внизъ по отлогости,—и городъ совершенно пропалъ. Вечерѣетъ. Въ полусумракѣ изъ-за рощи выглянула сельская колокольня, сверкнула гладь озера, и вырисовывались фигуры лошадей съ дрогами: оказалось, что это везли тесъ мордвины, переправляя лошадей, по одной, черезъ соломенный мостишко, перекинутый черезъ озеро, помогая сзади лошадямъ и руками, и грудью, и громкими криками. Намъ пришлось переждать.

Переѣхавъ мостишко, миновали небольшую рощицу и очутились въ селѣ. Выбѣжали избы въ два порядка, большой домъ священника и за нимъ церковь. Въ открытое полуоконце выглядывали женскія лица; въ одной новой избѣ горѣлъ уже огонь, освѣщая на столѣ самоваръ и лица. Меня неотразимо потянуло на огонекъ и къ самовару; я про себя рѣшилъ переночевать въ этомъ селѣ.

Digitized by Google

— Гдѣ живетъ староста?—спросилъ мой ямщикъ.

Изъ окна освѣщенной избы выглянуло бородатое лицо.

— У насъ нѣтъ старосты. Десятникъ есть.

— Нужно будетъ лошадей.

— Поѣзжай къ десятскому.

— Онъ гдѣ живетъ?

— На томъ посадѣ, крайняя избенышка.

Черезъ прогоны съ одной стороны просвѣчивало озеро, а съ другой проглядывали гумна, овины и одонья хлѣба. Около плетня шумная толпа ребятокъ.

— Гдѣ десятникъ?

— Проѣхали,—отвѣтилъ кто-то изъ ребячьей толпы.— Во-онъ его избушка, съ краю первая!

У крайней избенки, въ два окошечка, ямщикъ постучалъ. Заскрипѣла въ сѣняхъ дверь, и со двора, поверхъ досчатаго забора, выросла чья-то голова.

— Десятникъ?

— Дома нѣтъ.

— Нужны лошади.

— Надо сказать десятнику.

— Да ночевать бы гдѣ?—прибавилъ я.

— Ночевать? Да нѣтъ десятника.

— Гдѣ же онъ?

— Ушелъ наряжать караулъ.

— Нельзя ли ему сказать?

— Хорошо. Я дамъ знать.

Не успѣли мы отъѣхать отъ избенки, какъ раздался тотъ же голосъ:

— Тетка Макрина!

— Сама я.

— Вотъ и десятникъ.

Съ боку стояла высокая женщина, съ длинною палкою въ рукѣ.

— Ты десятникъ?

Digitized by Google

— Сама на-лицо.

— Квартиру.

— Можно. Поѣзжай!—распорядилась десятникъ, тетка Макрина, и вскочила на задокъ плетенки, не выпуская изъ руки палки.—Эй, Василій!—крикнула она мужику, стоявшему на улицѣ:—сегодня тебѣ караулить.

— Ладно,—отозвался Василій.

— То-то ладно! Не по десяти разовъ мнѣ наряжать васъ, дьяволовъ...

Я полюбопытствовалъ:

— Что, или плохо тебя, начальство, слушаются?

— Трудно съ ними совладать: вольница народъ!

— Да ты это какъ же десятникомъ-то?

— А за сынка. Онъ у меня въ чужихъ людяхъ, въ работникахъ живетъ, такъ міръ десятникомъ меня опредѣлилъ.

— А кто же у тебя за полемъ ходитъ?

— Мужъ... Да онъ у меня головой разстроенъ... Стой!

Десятникъ Макрина спрыгнула на землю и подбѣжала къ окну новой избы, у которой мы раньше пріостанавливались.

— Петръ Данилычъ! ночевать барину. Готова квартира?

Не прошло минуты, какъ ворота отворились настежъ, и мы въѣхали на широкій дворъ.

— Сюда, пожалуйте, ваше благородіе!—приглашалъ меня черномазый дѣтина, показывая на открытое и безъ перилъ неотстроенное крыльцо.

Черезъ просторныя сѣни, которыми домъ раздѣлялся на двѣ половины, я вошелъ въ большую и свѣтлую избу, съ иконами въ переднемъ углу, лавками вдоль стѣнъ и столомъ, за которымъ сидѣли около самовара мужчины и женщины. Керосиновая лампа освѣщала комнату.

— Здравствуйте, хозяева!—поздоровался я.

Старшіе поднялись.

— Добраго здоровья,—отозвался одинъ изъ чаевниковъ. Просимъ милости съ нами чай кушать.

Digitized by Google

II.

Пока ямщикъ вносилъ мои вещи, я успѣлъ разсмотрѣть сидѣвшихъ за самоваромъ. Самъ хозяинъ, Петръ Даниловичъ,— мужикъ средняго роста, широкоплечій, крѣпкій, съ загорѣлымъ лицомъ, русый, бородатый, въ ситцевой рубашкѣ, подпоясанной плетенымъ шелковымъ пояскомъ, и въ нанковыхъ коричневыхъ штанахъ, вправленныхъ въ голенища простыхъ кожаныхъ сапоговъ. На видъ ему было небольше тридцати пяти годовъ. Впереди сидѣлъ старикъ, отецъ хозяина, рядомъ съ нимъ паренекъ лѣтъ пятнадцати и очень похожій на Петра Даниловича, въ кумачной рубашкѣ. Подлѣ него—дѣвушка лѣтъ шестнадцати, съ темными, гладко причесанными волосами и заплетенными въ косу. По другую сторону старика сидѣлъ тотъ черномазый дѣтина, который встрѣтилъ насъ во дворѣ, съ мужицкимъ лицомъ, поросшимъ почти до самыхъ глазъ волосами: это былъ работникъ, солдатъ. Въ заднемъ концѣ стола, на простомъ деревянномъ стулѣ, сидѣлъ Петръ Даниловичъ, а на другомъ разливала чай пожилая женщина, сама хозяйка, казавшаяся старше своего мужа, въ ситцевомъ сарафанѣ и покрытою платочкомъ головою. У второго окна, близъ досчатой перегородки, пила чай молодая баба, работница. Я раздѣлся и присѣлъ на порожній стулъ.

— А мы вотъ медъ сегодня вынимали, такъ со свѣженькимъ-то чайку вздумалось попить,—говорилъ хозяинъ, обращаясь ко мнѣ.—Далеко проѣзжаете?

Когда я отвѣтилъ, послѣдовалъ вопросъ, по какимъ дѣламъ и проч.

— Такъ,—сказалъ Петръ Даниловичъ.—Мѣста въ здѣшнемъ краю прекрасныя, есть на что полюбоваться.

— Ну, я не одними мѣстами любуюсь; меня интересуютъ и люди... Вотъ, напримѣръ, хоть башкиры...

— Недалеко они отъ насъ живутъ,—подхватилъ хозяинъ.—

Digitized by Google

Вотъ за нами будетъ мордва, потомъ мещерики, а тамъ и пойдутъ все одни башкиры... Такъ вамъ что же о нихъ желательно узнать?

Я въ короткихъ словахъ объяснилъ, что меня интересуетъ.

— Понимаю. Любопытствуете, значитъ... А сперва я полагалъ, что вы полюбоваться нашими мѣстами пріѣхали.

— А почему вы это такъ полагали?

— Да вотъ разные господа здѣсь проѣзжаютъ,—отвѣчалъ Петръ Даниловичъ, посматривая на меня своими карими глазами.— Случается, изъ Питера когда большой чинъ проѣдетъ или какой другой важный человѣкъ... Ну, думаемъ, зачѣмъ они къ намъ пожалуютъ, какія до насъ могутъ быть у нихъ дѣла? Извѣстно, полюбоваться ѣздятъ: ужъ очень прекрасно въ Башкиріи!

Тонъ и улыбка хозяина говорили краснорѣчивѣе его словъ. Я попыталъ вступиться за проѣзжающихъ въ Башкирію.

— Вотъ что?—какъ будто услыхавъ отъ меня нѣчто новое и совершенно неожиданное, изумился Петръ Даниловичъ.— Изъ вашихъ словъ я такъ понимаю, что они по значительнымъ дѣламъ разъѣзжаютъ... Что значитъ темнота-то наша мужицкая! Видимъ, пролетятъ мимо, коней только смѣнятъ и дальше катятъ. Ну какія дѣла, думаемъ? Просто любуются!

Разговоръ сдѣлался общимъ. Никто не стѣснялся отвѣчать на мои вопросы, разспрашивали меня и сами; одинъ работникъ молчалъ. Даже хозяйская дочька, напившись чаю и пересѣвъ на лавку къ перегородкѣ, внимательно слушала, изрѣдка вставляя въ разговоръ два—три слова; лицо ея разгорѣлось, щеки покрылись пунцовымъ румянцемъ и глаза блестѣли. Паренекъ Вася, съ прямымъ проборомъ на русой головѣ и съ живымъ умнымъ лицомъ, держалъ себя свободно и часто посмѣивался. Очевидно, мальчикъ и дѣвушка растутъ, не зная надъ собою страха и не боясь родительскаго кулака. Пока мы разговаривали, работница успѣла для меня подогрѣть самоваръ и снова поставить на столъ. Я заварилъ чаю. Семья разошлась: старикъ куда-то

Digitized by Google

ушелъ, хозяйка съ работникомъ и съ работницей пошли управляться на дворѣ, а дѣвушка съ мальчикомъ отправились гулять на улицу. Мы остались съ хозяиномъ только вдвоемъ.

— Петръ Даниловичъ! давай со мной чай пить.

— Покорно благодарю. Хоть я и попилъ, но отъ чаю отказываться грѣхъ: чашечку—другую выпью... Пожалуйте-ка, съ медкомъ-то вотъ свѣженькимъ! Липовый онъ у меня, очень скусный.

Петръ Даниловичъ присѣлъ на стулъ, и мы принялись за чай. Разговоръ у насъ шелъ о мѣстной крестьянской жизни. Я вспомнилъ о десятникѣ Макринѣ.

— Какъ же это вы, Петръ Даниловичъ, выбрали одинокаго человѣка?—спросилъ я.

— А вотъ какъ,—отвѣчалъ хозяинъ,—землей парень не занимается, живетъ по работникамъ, лошадки не держитъ и подводъ не справляетъ: міру-то и тяжело.

— Такъ выбрали бы отца?

— Отецъ у Григорья не родной. Мать принесла его въ дѣвкахъ, а замужъ-то она вышла ужъ послѣ за мѣщанина. Его нельзя выбирать, онъ не нашъ, а сынъ надѣлъ имѣетъ. Мать за сына и правитъ должность.

— А мужъ-то у нея больной?

— Мужъ? Одно званіе, что человѣкъ, а ни на какое дѣло неспособенъ: ничего одинъ не сумѣетъ сдѣлать. Какъ есть безразсудный человѣкъ.

— Ну, вотъ самъ видишь: не работникъ мужъ, а бабу впрягли.

Хозяинъ деликатно вытеръ усы.

— Все мы это понимаемъ, баринъ, и жалѣемъ Макрину, но освободить ее никакъ нельзя...

Дверь отворилась, и вошла сама десятникъ Макрина. Она помолилась на иконы, отдала намъ поклонъ и проговорила:

— Чай да сахаръ вашей милости.

Digitized by Google

— Спасибо, — промолвилъ хозяинъ. — Что хорошаго скажешь?

— Пришла до барина доложиться: рано ли утре коней готовить?

— Да я не знаю, долго ли здѣсь пробуду... Завтра скажу,—отвѣчалъ я.

— Слушаю. Надо съ вечера нарядить. Чай, безъ прогоновъ?

— Нѣтъ, я прогоны плачу.

— Такъ нечего мнѣ и безпокоиться!—обрадовалась десятникъ:—за прогоны всякій съ радостью повезетъ, когда бы ни захотѣли... Прощайте.

Петръ Даниловичъ сдѣлалъ полуоборотъ.

— Пригласилъ бы я тебя чаю напиться, да не свой—бариновъ пью...

— Сдѣлай милость,—перебилъ я, — распоряжайся, какъ своимъ.

— Слышь, Ивановна, что говоритъ? Присаживайся къ столу-то, выпей чашку.

Десятникъ колебалась.

— Садись, Макрина Ивановна,—попросилъ я.

— Покорно благодарю, — довольнымъ голосомъ отвѣтила Макрина.—Такъ я инъ сброшу кафтанишко-то?

— Раздѣвайся!—разрѣшилъ хозяинъ.

Она осталась въ одномъ синемъ сарафанѣ, съ улыбкой подошла къ столу и сѣла на лавку.

— Вотъ какая нонче честь десятнику,—сказала Макрина:—за чай съ собою господа сажаютъ.

— То-то,—внушилъ хозяинъ. — А ты на службу свою обижаешься. Гдѣ бы тебѣ съ бариномъ чай пить, ежели бы тебя міръ въ начальство не произвелъ.

— И то,—отвѣтила женщина:—за это можно послужить міру.

— Принимай-ка чашку-то,—сказалъ Петръ Даниловичъ.—Да ты съ медомъ пей... Вотъ папушникъ, кушай.

Digitized by Google

Макрина Ивановна на видъ казалась женщиною далеко лѣтъ за сорокъ, съ продолговатымъ и сухимъ лицомъ, большими черными глазами, прямымъ носомъ и блѣдными губами, по сторонамъ которыхъ легли двѣ глубокихъ морщины; но черныя длинныя брови и глаза говорили, что смолоду она была красива. Несмотря на свои годы и заботы, въ лицѣ ея выражались энергія и сила. Голову Макрины Ивановны покрывалъ черный платокъ, заколотый у шеи булавкою. Она молча выпила двѣ чашки.

— Что твой благовѣрный подѣлываетъ?—обратился къ ней Петръ Даниловичъ.

— А лежитъ на палатяхъ,—отвѣтила Макрина Ивановна.

— Управилась ли съ работами-то? – спросилъ хозяинъ.

— Гдѣ управиться!.. Озимое-то засѣяла, а какой хлѣбъ нынче Богъ послалъ, весь на полосѣ еще въ снопахъ стоитъ: лошадки-то, вѣдь, знаешь, своей нѣту, а руками не переносишь и въ одонье не складешь.

Густыя брови Петра Даниловича насупились.

— Не отпускала бы Гришуху въ чужіе люди,—промолвилъ хозяинъ:—тогда ладнѣе бы хозяйство пошло.

— Эхъ, Петръ Данилычъ! знаю я, что ладнѣе бы, да какъ безъ заработка-то обойтись? Надѣлъ у насъ на одну душу, а подати требуютъ, надо и себя также содержать. Разсуди: на что мы годъ-то станемъ жить? Ежели бы у меня мужъ работникъ былъ...

— На себя пеняй,—обрѣзалъ Петръ Даниловичъ:—кто велѣлъ тебѣ обузу такую на себя брать!

Горькая улыбка шевельнула губы Макрины Ивановны, и въ черныхъ глазахъ ея что-то блеснуло.

— Вамъ извѣстно, Петръ Данилычъ,—сказала она, помолчавъ.—Сиротою круглою я осталась послѣ родителей, одна, не прикрытая моя головушка была... А тутъ грѣхъ-то этотъ случился... Какъ мнѣ съ Гришуткою было прожить? По міру

Digitized by Google

куски собирать, ровно бы и отъ добрыхъ людей стыдно, да, пожалуй, никто бы и не подалъ такой молодой да гладкой...

— Знаю, знаю, — перебилъ хозяинъ. — Да, вѣдь, тебя всякій бы вдовецъ за себя взялъ, а ты не захотѣла подождать и сунулась въ омутъ головою.

— Знать, судьба моя такая,—не глядя ни на кого изъ насъ, покорно выговорила Макрина Ивановна. — Выходила я за Герасима—не думала, что онъ такимъ будетъ. Анъ, Богъ-то по своему строитъ.

Наступило какое-то неловкое молчаніе. Передо мною теперь сидѣла не десятникъ тетка Макрина, смѣлая и бойкая баба, кричавшая на мужика Василія, а смиренная и, какъ мнѣ почуствовалось, несчастная женщина.

— Ну, да что про старое поминать, — прервалъ молчаніе Петръ Даниловичъ. — Ты говорила: снопы у тебя не убраны? А время и за молотьбу приниматься; такъ вотъ инъ что: сами мы поуправились; завтра, пожалуй, я пришлю къ тебѣ лошадку; работникъ съ Васей живо перевозятъ, складутъ и овинъ насадятъ.

Макрина Ивановна отставила блюдечко, выпрямилась и низко-низко поклонилась мужику.

— Не кланяйся... знаешь, не люблю я этого?

Мнѣ показалось, что Макрина Ивановна украдкой вытерла слезу.

— Спасибо вамъ, Петръ Данилычъ! Жалѣете вы меня.

Когда хозяинъ заговорилъ о нынѣшнемъ урожаѣ, я полюбопытствовалъ и спросилъ Макрину Ивановну:

— Неужели ты одна по крестьянству управляешься?

— Одна... Вотъ когда добрые люди, какъ здѣшній хозяинъ, подсобятъ,—дай Богъ имъ добраго здоровья!

— А мужъ не помогаетъ?

Макрина Ивановна вскинула на меня свои черные глаза.

— Вы это къ тому, что давеча то я вамъ про него молвила? — начала она. — Точно я отъ васъ поскрыла—какъ-то

Digitized by Google

совѣстно про мужа правду было сказывать. Теперь не потаюсь: ни къ какому дѣлу онъ у меня негоденъ. И радъ бы онъ въ чемъ помочь, да памяти лишенъ и головою разстроенъ.

Возвращеніе въ избу сперва хозяйки, а потомъ остальныхъ членовъ семейства прервало нашу бесѣду. Обмѣнявшись привѣтствіями съ хозяйкой, Макрина Ивановна заговорила о другомъ. Я снова увидѣлъ прежнюю тетку Макрину-десятника. Впрочемъ, она недолго посидѣла: накрыла чашку на блюдечко, поблагодарила и вылѣзла изъ-за стола.

— Завтра я навѣдаюсь,—обратилась она ко мнѣ:— скажете, когда вамъ подводу готовить.

Какъ только десятникъ ушла, работница поспѣшно убрала самоваръ и чайную посуду за перегородку; дѣвушка, хозяйская дочка, вытерла столъ, а хозяйка накрыла столешникомъ.

— Давай съ нами ужинать,—сказалъ мнѣ хозяинъ.

Всѣ въ такомъ же порядкѣ, въ какомъ были за чаемъ, усѣлись ужинать, но теперь и работница помѣщалась уже за столомъ. Кушанье подавала сама хозяйка. Ко щамъ явилась говядина. Петръ Даниловичъ изрѣзалъ ее на особой деревянной тарелкѣ и мелькіе куски сложилъ въ блюдо. Послѣ щей хозяйка поставила пшенную кашу; затѣмъ появился жареный барашекъ и въ заключеніе молоко съ пирогомъ. Во время ужина говорили мало; одинъ хозяинъ, въ промежуткахъ, между смѣною блюдъ, задавалъ мнѣ вопросы, касавшіеся того, какъ живетъ народъ въ другихъ мѣстахъ Россіи.

Послѣ ужина хозяинъ повелъ меня въ свѣтелку, куда были перенесены и мои вещи. Большая комната съ лавками и столомъ, нѣсколькими простыми стульями; на полу разостлано сѣно, покрытое простынею, и положены двѣ подушки.

— Ужъ не взыщи, на полу тебѣ придется спать,— промолвилъ хозяинъ: — новой кровати еще не сдѣлали, а старая вынесена въ сарай.

— Ничего, Петръ Даниловичъ, на сѣнѣ отлично будетъ.

Я долго не могъ уснуть. На дворѣ стояло тихо, пошум-

Digitized by Google

ливало только озеро, и, время отъ времени, раздавался стукъ ночнаго сторожа; изрѣдка, безъ грома, мелькала далеко молнія... Я думалъ о деревенскомъ десятникѣ, и передъ мною живо рисовалась фигура Макрины Ивановны.

III.

Утро и день я провелъ въ ознакомленіи съ мѣстностью, занесъ въ памятную книжку, что мнѣ нужно. Днемъ проѣхало нѣсколько чиновниковъ; десятникъ тетка Макрина бѣгала и наряжала лошадей, Вася съ работникомъ перевозили съ ея полосъ снопы, складывали въ одонья и проч. Вездѣ шла спѣшная кипучая работа, крестьяне торопились заведро поскорѣе управиться. Передъ вечеромъ, когда я вернулся на квартиру, хозяевъ еще не было дома. Раньше пришли хозяйка съ работницею, чтобы встрѣтить скотину. Въ сумеркахъ та же самая работница внесла мнѣ самоваръ, принесла меду, сливокъ и поставила лампочку.

— Еще-то чего надо ли?

— Спасибо. Ничего не нужно. Позови ко мнѣ хозяина.

— А, гляди, онъ еще съ поля не приходилъ.

Но въ двери показался самъ Петръ Даниловичъ.

— Добраго здоровья,—сказалъ онъ.—Чай да сахаръ.

— Просимъ милости. Садись.

— Покорно благодарю. Пока народъ не весь въ избѣ, такъ до ужина чашечку—другую успѣю выпить... Десятникъ пришла, спрашиваетъ.

— Такъ позови ее чай пить.

Онъ посмотрѣлъ на меня проницательно.

— Да что ты очень заботишься о Макринѣ? Аль о чемъ хочешь поспрашать ее?

Минуты черезъ двѣ хозяинъ вернулся и объявилъ:

— Домой убѣжала.

Digitized by Google

— Что же она?!

— Придетъ. Не обрядна, сарафанъ пошла перемѣнить. Ну, что, полюбовался нашими мѣстами?—прибавилъ Петръ Даниловичъ, садясь на простой самодѣльный стулъ.

— Полюбовался. Земля у васъ хорошая—черноземъ.

— Земля у насъ жирная. Одно только плохо - народу молодаго преумножилось, а земли не прибавилось. Думали у одного барина прикупить, анъ купецъ перебилъ: мы черезъ крестьянскій банкъ хотѣли и прошеніе подали, а отвѣта больше полугода не получали. Купецъ пронюхалъ и къ барину прямо съ денежками: „Извольте“, говоритъ, „получить“,— и накинулъ еще противъ нашего. Баринъ ему и продалъ.

Явилась, погода, и Макрина Ивановна. На ней былъ новый ситцевый сарафанъ, съ бѣлыми рукавами рубашки, на головѣ цвѣтной платочекъ, и сама она глядѣла по-праздничному. Она, немного стѣсняясь, проговорила: „Что вы для меня безпокоитесь, стою ли я того“, и заняла мѣсто на лавкѣ.

— Набѣгалась сегодня?—освѣдомился Петръ Даниловичъ.

— Не говори ужъ... Только за дѣло, слышишь колокольчикъ, и бѣги скорѣе подводу наряжать.

— Да кому у васъ тутъ ѣздить-то?

— Мало ли всякаго проѣзжающаго! Нонѣ вотъ съ страховкою земскіе проѣзжали, изъ Башкиръ чиновники — обмѣръ земли да новая размежевка тамъ идетъ... За-все гоняютъ.

— Такъ,—промолвилъ хозяинъ.—Опять, значитъ, башкирамъ ограниченіе и другое положеніе. Ни продать, ни сдать въ кортому они теперь свою землю не властны. Правда, поздновато: хорошія-то земли давно у нихъ порасхватали да порастащили...

— Да, круто башкирамъ приходится,— поддержала Макрина Ивановна.—На моей памяти, когда я съ покойнымъ своимъ родителемъ на Дёму да Икъ ѣздила, сколько у нихъ лошадей, скота всякаго было, а нонича не больше, чѣмъ у насъ, крестьянъ. Слышно, кочевки ихнія совсѣмъ прекратились?

Digitized by Google

— Отъ того и лошадей, и барановъ теперь въ умаленіи что кочевать перестали, — замѣтилъ хозяинъ. — Гдѣ гулять скоту?.. Что ребята-то мои справили твое дѣло?

— Все убрали, Петръ Даниловичъ, — весело отвѣтила Макрина Ивановна. — На-дняхъ свѣжаго хлѣбца поѣдимъ... Пошли Богъ тебѣ здоровья!

— Когда собираешься овинъ сушить?

— Хотѣлось бы завтра... Не знаю, не оторвутъ ли опять? Посадила бы своего Герасима, да, пожалуй, еще спалитъ: никакого понятія у него нѣтъ.

Я воспользовался случаемъ, чтобы спросить:

— Макрина Ивановна! давно твой мужъ боленъ?

— Да годовъ десятокъ ужъ будетъ... Я вышла за него двадцати трехъ, а живемъ мы съ нимъ пятнадцать. Два годка онъ жилъ какъ слѣдуетъ, а тутъ что-то съ нимъ подѣлалось... Порча, сказавали, въ немъ большая, мозги потревожены.

— Неужели порча?!..

Я взглянулъ на Петра Даниловича. Онъ понялъ меня.

— А ты разскажи барину обстоятельно, какъ оно началось-то, — сказалъ онъ, обращаясь къ Макринѣ Ивановнѣ.

— Да что разсказывать-то, — отвѣтила она. — Вамъ всѣмъ хорошо извѣстно, а барину-то и слушать про это не захочется.

— Нѣтъ, мнѣ любопытно...

— А ежели для васъ любопытно, такъ за мной дѣло не станетъ.

— Вотъ и ладно, — одобрилъ хозяинъ.

— И я послушаю...

— Батюшка! — раздался свѣжій молодой голосъ, и въ дверь заглянулъ Вася. — Собирать, что ли, ужинать, аль повременить?

— Подождите немного. Я вотъ только чаю напьюсь...

Вася улыбнулся и притворилъ дверь.

Макрина Ивановна, покончивъ съ четвертою чашкою, вы-

Digitized by Google

терла маленькимъ ситцовымъ платкомъ лицо, и съ минуту помолчала.

VI.

— Герасимъ мой, мужъ-то,—городской—начала десятникъ.—Родители его дворовыми прежде были, а послѣ, когда отъ господъ крестьяне на волю отошли, сняли у башкировъ землю, хлѣбопашествомъ занялись. Годовъ съ десятокъ потрудились, но не привычливы, что ли, дворовые-то къ крестьянской работѣ или больше выгодъ себѣ пожелали, оставили землепашество и въ мѣщане приписались. Герасиму тогда четырнадцатый годокъ наступилъ. Родителю его выпало доброе мѣсто: по лакейской части къ старому генералу въ услуженіе поступилъ. Сыночка своего къ другимъ господамъ въ казачки опредѣлилъ. Не долго пожили, домикъ на слободкѣ купили, нахлѣбниковъ къ себѣ на квартиру приняли. Только Герасиму лакейское дѣло не по душѣ пришлось – въ деревню его тянуло, къ землѣ. Родители и слышать объ этомъ не хотѣли. „Служи въ лакеяхъ, состояніе наживешь и человѣкомъ будешь“. Достигъ Герасимъ совершенныхъ лѣтъ, полнымъ лакеемъ сдѣлался, а въ деревню все не переставало тянуть... Началъ онъ съ пріятелями винцо попивать, компанію веселую съ ними водить. На бѣду, родитель у него вскорости померъ, онъ пуще сталъ пить,—отца-то онъ побаивался, строгъ былъ покойникъ, а матери чего опасаться, сердце у нея слабое. Господа Герасиму отказали; поступилъ онъ къ новымъ, но и тѣ не долго подержали: за пьянство уволили. Отъ господъ къ купцамъ онъ перешелъ, по трактирамъ служилъ,—отовсюду его прогоняли. И до того парень опустилъ себя, что нигдѣ мѣста не могъ ужъ найти. Совсѣмъ онъ спился! Родительница сперва жалѣла его, пристанище у себя давала, кормила и на выпивку когда что сунетъ, а послѣ тяготиться начала. Плохо молодцу приходилось: даромъ пить никто не даетъ, денегъ у самого ни копейки, а друзья-

Digitized by Google

пріятели больше не поятъ: извѣстно, коли самъ не угощаешь, такъ и пріятели не поподчуютъ. Вотъ тутъ онъ за умъ и схватился: „Брошу-ка,—сказалъ,—я городъ и пойду въ деревню, наймусь у мужиковъ въ работники“. Пришелъ онъ въ наше село и—чудное дѣло!—про вино забылъ: капли въ ротъ не бралъ! Нанялся онъ вотъ у нихъ, у Петра Данилыча съ родителемъ, и хоть городской человѣкъ, а лѣто проработалъ, хозяева на него не жаловались...

— Не очень чтобы изъ ретивыхъ былъ,—вставилъ слово Петръ Даниловичъ,—а ничего, за другими тянулъ...

— Извѣстно, городскому человѣку гдѣ же противъ деревенскихъ,—заступилась за мужа Макрина Ивановна.—Я въ то лѣто тоже у Петра Даниловича вмѣстѣ съ Герасимомъ работала... Ничего такого онъ ни разу мнѣ не сказалъ, но по глазамъ я его замѣтила, что понравилась ему, — дѣвка я была видная, изъ себя пригожая, въ работѣ проворная. Проработалъ онъ лѣто... Пришелъ однажды ко мнѣ, присѣлъ на лавку и сидитъ безгласно, словечушка не проронитъ. „Что, Герасимъ Никитичъ,—говорю,—о чемъ призадумался?“—„Да что,—отвѣчаетъ,—Покровъ на дворѣ, надо отъ васъ уходить, а въ городъ меня не манитъ... Матушку только бы провѣдать, а жить тамъ не охота; опять, пожалуй, въ городѣ я избалуюсь“... Поглядѣла я на него. Сидитъ онъ невеселый, головушку свою безталанную понуривши, и мнѣ жалко его сдѣлалось. „Коли въ городъ тебѣ не охота,—говорю, такъ спроси хозяевъ: можетъ, они тебя и въ зиму порядятъ?“ Вздохнулъ легонько. Мало погодя, привзнялъ голову и молвилъ мнѣ такое слово: „А что, Макрина, не выдешь ли ты за меня замужъ?“ Сразу я и не нашлась, что ему отвѣтить. Пособралась съ духомъ и говорю: „Что ты, глупый, удумалъ: вѣдь, я не одна:“..—„Знаю, что не одна,—говоритъ,—взыскивать мнѣ съ тебя не приходится: ты въ дѣвкахъ жила на своей волѣ, и я на своей... Притомъ же несчастьице то давно съ тобою было, а я, живши здѣсь,

Digitized by Google

ни отъ кого плохаго о тебѣ не слышалъ. Полюбилась ты мнѣ, я и Гриньку твоего стану любить“...

Легкая краска покрыла щеки Макрины Ивановны, и она позамялась.

— Не потаюсь передъ вами... Когда мнѣ было невступно еще семнадцати годковъ, пріѣхалъ къ намъ въ село купецъ, молодой, такъ лѣтъ двадцати двухъ, и такой изъ себя красивый, нѣжный, румянецъ во всю щеку... Родитель его у барина поблизости рощу купилъ, такъ сынка своего прислалъ глядѣть за рабочими—сводить рощу начали. Вотъ и живетъ у насъ купчикъ, въ праздники съ дѣвушками хороводы водитъ, гостинцами всѣхъ угощаетъ и винцомъ потихоньку отъ большихъ попаиваетъ. Приглянулась ли я ему, или къ другимъ-то, отцовскимъ дочерямъ, поопасился купчикъ приставать,—только началъ онъ за мною ходить разныя умильныя слова мнѣ говоритъ, и къ любови склонять... Ну, что я, дѣвченка молоденькая: ума своего въ головѣ нѣту, а поучить сироту некому!.. Долго однако на слова его я не подавалась, хотя пригожествомъ своимъ да повадкою онъ зазнобилъ мое сердечко. „Ты не гляди, что я купеческій сынъ и богатый, а ты крестьянка, сирота,—говоритъ:—я на тебѣ и жениться могу, только ты согласись“. Но и тутъ я себя содержала, не дала вѣры его словамъ обольстительнымъ... Нанималась я въ то лѣто къ господамъ,—они изъ Уфы къ намъ для вольнаго воздуха пріѣзжали,—а ночевать я къ себѣ бѣгала: не хотѣла свой, послѣ родителей-то домишечко заколачивать. Умные и къ простымъ людямъ расположительные были эти господа. Отъ нихъ я, было, и хорошему позанялась,—жалко, одно лѣтичко они у насъ провели... Разъ ночью и постучись ко мнѣ кто-то въ оконенку. „Выдь на минутку!“—слышу.—Я, спросонья, ничего не подумавши, накинула на себя платьишко,—въ дѣвкахъ-то я платья носила,—выбѣжала на дворъ и отперла калитку. Гляжу, а купчикъ ужъ и во дворъ... „Что ты со мной дѣлаешь?“—говоритъ такъ томно и глядитъ на меня.—„Не пущу, уходи“! говорю.—„Не хочу я

Digitized by Google

на себя сраму принимать"... „Да я соскушнился по тебѣ",— говоритъ. „Посидимъ хоть на крылечкѣ, поговоримъ"... Охъ, глупымъ-то глупешенька я была, ваше благородіе! „На крылечкѣ посидимъ", говорю, „послушаю твоихъ басенокъ". Вотъ мы присѣли на крылечкѣ... А ночка-то лѣтняя свѣтлая, мѣсяцъ съ небышка глядитъ на насъ, звѣздочки ясныя блестятъ, липы подлѣ забора стоятъ—ни одинъ листочекъ на нихъ не шелохнется, и таково-то на волѣ хорошо!.. Слушаю я его рѣчи, и нѣтъ, нѣтъ, да взгляну на парня... Красивый, бѣлый да нѣжный... Охъ, слабо дѣвичье сердце!..

Все лицо разсказчицы залило румянцемъ, и рѣчь ея порвалась.

— Врагъ онъ мнѣ, погубитель моей дѣвичьей красы,— заговорила она, помолчавъ и какъ будто забывъ обо мнѣ. Немного я видѣла радостныхъ денечковъ, скоро мое красное солнышко черными тучами позакрылось, и осталась я, сирота горькая, одна-одинехонька съ горемъ своимъ великимъ. Недѣли черезъ двѣ уѣхалъ мой прелестникъ.—„Зимою,—сказалъ на прощанье,—я за тобою пріѣду: въ городъ тебя перевезу, со мною тамъ будешь жить"... Пообѣщалъ и уѣхалъ... Да три года глазъ мнѣ не показывалъ! Полоумствовала я, одинъ Господь только вѣдаетъ, какъ я убивалась, чего надъ собою не удумывала сдѣлать,—въ прорубь на озерѣ чуть не бросилась, да младенчикъ-то подъ сердцемъ встрепенулся, и пожалѣла я его, сиротинку безсчастнаго...

— Какъ же потомъ-то встрѣтились?—спросилъ я тихо.

— А вотъ какъ мы съ нимъ встрѣтились. Гринюшкѣ третій годокъ наступилъ. Весною, въ Троицынъ день, я у воротъ на скамеечкѣ сидѣла, а малышекъ мой тутъ же, около, на лужавиночкѣ игралъ. Слышу, колокольчикъ, тройка улицею катитъ, въ тарантасѣ—господинъ, такой дюжій, полный и съ бородкой. Свѣтъ въ глазахъ у меня помутился,—узнала сразу его... Летитъ, глазами въ мою сторону поводитъ. Прокатилъ. „Безсовѣстный!"—подумала... Гляжу: на вспольѣ, за воротцами,

Digitized by Google

лошади остановились, и онъ вылѣзаетъ изъ тарантаса. Вылѣзъ, и идетъ прямо ко мнѣ... Вотъ, поди ты, разбери и пойми нашу сестру! Бросилъ онъ меня, три года не подумалъ не только провѣдать, но и черезъ людей освѣдомиться, что, молъ, она, жива ли, не случилось ли чего съ нею,—просто посмѣялся надъ сиротинкою, а какъ я увидала, что онъ ко мнѣ идетъ, такъ и не знаю, что со мною сдѣлалось: и убѣжать-то я хотѣла, чтобы гдѣ отъ него схорониться, и вскочить, полетѣть къ нему на встрѣчу и расцѣловать его... Идетъ: чувствую, въ жаръ и холодъ меня кидаетъ... „Здравствуй, Макрина!“ говоритъ.—„Здравствуйте, Андрей Денисычъ.“—Какъ я выговорила это, и сама не помню. „Я къ тебѣ въ гости“, говоритъ; „пойдемъ въ хижину“.—„Не по что“,—отвѣчаю. — „Что-жь такъ? Позабыла, значитъ, прежнее-то?“..—„Не позабыла я,—говорю,—память вы по себѣ крѣпкую оставили... А вотъ вы-то?“—„Такъ пойдемъ?..—говоритъ.— „А это что за карапузикъ?“—увидалъ Гриню. Подняла я на него глаза, смотрю: стоитъ онъ откормленный, и рожа въ лукошко большое, а глазищи зеленые на меня уставилъ, и нехорошо такъ глядитъ. „Дерево ты, дерево,—говорю.—„Сынокъ, вѣдь, это твой, Гришенька!“ Покосился онъ на малышка, сынка-то своего несчастнаго. „Неизвѣстно—мой ли онъ... мало ли у васъ тутъ парней... Такъ не хочешь меня въ гости принять?“ Гляжу я на него, погубителя своего, и, должно быть, по глазамъ моимъ онъ догадался, что ждать ему отъ меня нечего. „Ну, коли такъ, до пріятнаго свиданія,—сказалъ и вынулъ изъ бокового кармана бумажникъ.—„А помнючи прежнее, жертвую тебѣ на бѣдность!“—и подалъ мнѣ бумажку. Я взяла, скомкала ее въ рукѣ и прямо ему въ рожу кинула. Схватила Гришенку и убѣжала въ избу. Все мое сердце отъ него отвратилось и, откуда взялась только, злость лютая противъ него закипѣла.

— Больше двухъ годовъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ тотъ отъ сынка роднаго отрекся,—я ужъ и не думала о немъ, провались онъ хоть сквозь землю, безстыжій! Герасимъ тогда и

Digitized by Google

навернулся... Сказалъ онъ, что я ему полюбилась и Гриньку моего онъ станетъ любить. Тутъ во мнѣ все и поднялось... Сынокъ безсчастный, сиротство свое молодое, работа по чужимъ людямъ, насмѣшки да слова язвительныя...

— А язвили?

— Всего наиспринималась. Ну, да Господь съ ними!.. Вотъ какъ я вспомнила про все, посмотрѣла на Герасима — молодой, года на три всего онъ постарше меня былъ, взглядъ у него привѣтливый, хорошій — сердце мое сразу къ нему и повернулось. „Ежели ты точно человѣкъ необлыжный и на себя полагаешься, такъ я согласна вѣнецъ съ тобой принять“... Послѣ Покрова сходилъ онъ въ городъ, повидался съ родительницей и попросилъ у нея благословеніе, а передъ Казанской осенней мы повѣнчались. Спасибо нашему батюшкѣ Алексѣю,—живо окрутилъ и всего за труды свои тремя цѣлковыми удовольствовался. Зажили мы съ Герасимомъ. Оба молодые, здоровые и нравомъ схожіе. И любилъ же онъ меня,— скажу какъ передъ Богомъ!—и Гришатку моего соблюдалъ и приголубливалъ, что на рѣдкость: отцы родные до своихъ дѣтокъ не бываютъ такъ радѣльны. Не видѣла я, какъ мы два годочка съ нимъ прожили,—за единъ денекъ времячко показалось! Хорошо!..Вина Герасимъ не пилъ, и деньги, какія за лѣто получалъ, всѣ до копечеки мнѣ предоставлялъ. Зимою онъ тоже безъ дѣла не сидѣлъ: валенки, сапоги подшивалъ,— самъ, безъ всякаго ученья, до ремесла этого дошелъ. Избушка у меня родительская стала въ ветхость приходить; мы съ Герасимомъ заново ее перестроили: въ домишечкѣ у насъ свѣтло, пріютно и вездѣ чистенько; кто ни заглянетъ къ намъ, всякій полюбуется!.. Но, а чтобы когда о моемъ дѣвичьемъ грѣшкѣ упомянулъ, ни-ни, словечушкомъ никогда не заикнулся! Такъ мы и жили согласно, любовно и тихо... Да знать на роду мнѣ не писано было счастьицо...

Макрина Ивановна вздохнула, и лицо ея исполнилось гнѣвомъ.

Digitized by Google

— Есть же такіе изверги на свѣтѣ, баринъ, — вѣдь, купчикъ-то не оставилъ меня въ спокоѣ!.. Разъ, подъ осень дѣло шло, сидимъ мы съ Герасимомъ и Гришаткой въ избѣ, чаекъ попиваемъ, — день-то воскресный былъ, такъ мы побаловывали себя чайкомъ, — разговариваемъ пріятно. На дворѣ смерклось... «Надо поторапливаться, — сказалъ Герасимъ, — да бѣжать къ хозяину: утро рано на работу разбудитъ». — «Не поздно, — говорю, — съ такой рани не залягутъ еще спать. Побудь съ нами, родной»... Промолвила это, а въ дверь, глядь, ввалился мужчина, дородный, тодстомордый и откормленный, что твой добрый боровъ... Поледенѣла я, и всякое движеніе у меня отнялось, и сижу безъ языка, какъ есть мертвая. А гость, не снявши картуза и не перекрестивши образину, ко мнѣ лѣзетъ... «Какъ разъ я къ чаю, — говоритъ. — Здравствуй, Макрина!» и прямо на лавку рядомъ со мною грузно шлепнулся, — винищемъ отъ него такъ и разитъ! „Поди, заждалась ужъ ты меня? А это, — говоритъ, — кто у тебя, полюбовникъ, что ли, твой“? Герасимъ побѣлѣлъ, — узналъ онъ идола-то... Меня точно громомъ ѐгромило. „Да ты, безстыжая твоя рожа, зачѣмъ въ нашъ честный домъ пришелъ? Я замужняя женщина, а ты“... — „Успокойся, успокойся, — перебилъ разбойникъ, — гость я званый, а не нахрапомъ... Мы вотъ съ твоимъ-то сейчасъ выпьемъ! — и бутылку ужъ вытаскиваетъ. — Можетъ, ты съ нами тоже компанію составишь?.. Помнишь, какъ на крылечкѣ-то мы съ тобою?..“ Вскочила я, словно простреленная, размахнулась и изо всей-то мочи хотѣла по харѣ его, да не утрафила — рука съ чего дрогнула, и опустилась... „Вонъ, разбойникъ! Мужъ, Герасимъ Никитичъ! Гони его взашей...“ Герасимъ, вотъ, знай, какъ полотно бѣлый, всталъ и говоритъ: „Уходите, господинъ купецъ, вамъ здѣсь не мѣсто: Макрина точно моя жена, и я вамъ не дозволю безчестіе дѣлать“. А тотъ буркалы свои зеленые уставилъ на него, глядитъ... „Да никакъ это ты, Гаранька?“ — выговорилъ. — „Такъ точно, — говоритъ Герасимъ, — это я, Андрей

Digitized by Google

Денисычъ. Только вы ужъ освободите насъ отъ себя, уходите".— „А развѣ мы съ тобой не выпьемъ? Вѣдь ты же извѣстный пьяница?"—Хоть бы и былъ я пьницею, а съ вами мнѣ не приходится компанію дѣлить. Пожалуйста, уходите, а то я народъ собью".—„Что-жь, коли такъ, я уйду. Чортъ съ вами! А тебѣ я припомню,—пригрозилъ мнѣ,—станешь впередъ знать, какъ не уважать купца..." Избранилъ меня, что ни есть хуже, и Гришутку облаялъ. Выпроводили мы его за ворота... Ну-тка, ваше благородіе, какимъ звѣремъ надо быть, чтобы при законномъ-то мужѣ надо мною такъ надругаться и, невиннаго ребенка, свою кровь, повсячески излаять? И, вѣдь. самъ женатъ уже былъ, другихъ дѣтокъ, разбойникъ имѣлъ..

— Больше мѣсяца прошло. Герасимъ у хозяина отработался, дома опять за валенки принялся... Да, позабыла я упомянуть: проводивши дорогаго гостя, онъ не только вида непріятнаго не показалъ, а меня же еще старался всячески успокоить. Живемъ, все у насъ мирно и ладно; о разбойникѣ ни онъ, ни я больше словомъ не вспомянемъ. Одно только мнѣ за примѣту: Герасимъ мой временемъ позадумываться ровно бы сталъ. Спросишь его: „О чемъ ты, Гараня, думаешь?" „А такъ",—отвѣтитъ. Однажды поглядѣлъ онъ на Гришу и промолвилъ: „Какъ онъ у насъ растетъ! Хорошо бы грамотѣ его поучить; да ты, пожалуй, не захочешь съ нимъ разстаться?"—„Что ты!—отвѣчаю: - отдамъ ли я его за семнадцать верстъ... Да и платить за квартиру потребуется, гдѣ поставимъ его, а денегъ лишнихъ у насъ нѣтъ".—„Справедливо,—говоритъ,—залежныхъ у насъ нѣтъ; не накопили мы съ тобою капиталовъ".

— Зима подкатила. Герасимъ мой въ городъ собирается: родительницу надо провѣдать и кое-что закупить. Взялъ денегъ съ собою и поѣхалъ съ мужичками—хлѣбъ они повезли въ городъ. Уѣхалъ да и закатился — ни слуха, ни духа о немъ!..

— Заболѣлъ?

— Въ городѣ съ нимъ *это* и подѣлалось,—порчу-то на-

Digitized by Google

пустили... О Рождествѣ я понавѣдалась, сходила въ городъ,— не вытерпѣла, изболѣлась вся по немъ сердцемъ,—и тамъ поразузнала кое-что отъ матери, а послѣ-то и самъ онъ про все разсказалъ... Его въ городѣ я не видала—не показался мнѣ... Пріѣхалъ Герасимъ въ городъ благополучно, прямо къ родительницѣ явился... Утромъ пошелъ въ лавки, на пути повстрѣчался съ дѣвушкою,—зазналъ онъ ее, когда она въ горничныхъ раньше служила, а теперь свое прачечное заведеніе содержала. Обрадовалась, вишь, она Герасиму, къ себѣ въ гости ужъ очень приглашала... Купилъ въ лавкахъ, что ему было надобно, и обратно къ родительницѣ. Видитъ: изъ сосѣдней лавки Андрюшка лѣзетъ. Мой хотѣлъ въ сторону, а тотъ: „Здорово, своякъ!—говоритъ.—Что рыло-то отварачиваешь? Или съ женою много денегъ нажили? Загордился! А я собираюсь въ вашу сторону, къ Макринѣ Ивановнѣ хочу заглянуть“. Кольнули слова эти Герасима, встрѣтился съ городскими пріятелями, въ трактиръ зашли и къ матери вернулся онъ ужъ ночью пьяный. На другой день понавѣдался къ дѣвушкѣ той, что прачечное заведеньице содержитъ... Ну, съ этого самаго раза его и закружило: такъ онъ запилъ, такъ закрутилъ!... Пилъ Герасимъ до Великаго поста, а на первой недѣлѣ впалъ въ разслабленіе, и мозги у него помутились. Пролежалъ онъ у матери весь постъ и Святую Пасху; поправился, съ постели привсталъ, но разумъ въ затменіи остался... Извѣстно, пріятельница и думать о немъ позабыла.

— Ну, какъ же онъ къ тебѣ вернулся?

— При матери жить было не у чего, старуха старая, еле себя прокармливала. На Николу вешняго приплелся онъ ко мнѣ съ палочкою. Худой, разслабленный... Думала я по-хорошему встрѣтить его, взглянула такъ строго... „Прости меня“,— говоритъ и повалился мнѣ въ ноги... Какъ услыхала я голосъ его разбитый да увидала, что онъ въ такомъ уничиженіи,—куда мой гнѣвъ и злость дѣвались! Слезы изъ глазъ въ три ручья полились, и жалость большая къ нему припала... Подняла я его съ

Digitized by Google

полу, посадила на лавку и обѣдать ему собрала... Ничего онъ отъ меня не потаилъ, чистосердечно во всемъ признался и разсказалъ... Много я безъ него всякихъ думъ передумала: зимнія-то ноченьки долгія, матушки, чего одной бабѣ въ голову не взбредетъ, о чемъ не вспомнишь и чего не переберешь? И вотъ мнѣ на мысль что тогда впало: не отъ меня ли Герасимъ покачнулся и страждетъ?.. Да какъ выслушала я покаянную его, въ голову опять мнѣ и ударь: отъ меня Герасимъ скружился. Не мимо слово-то молвится: чужая душа—потемки! Отъ словъ моего погубителя запали ему разстройныя мысли, не совладалъ онъ съ ними и не покорилъ въ себѣ бѣса. Я ему про это и молвила. „Нѣтъ,—сказалъ,—нѐ отъ того. Правда, рѣзнуло меня, словно ножемъ по сердцу, отъ словъ купца, только я дурныя мысли гналъ отъ себя, а вотъ какъ та мнѣ поднесла въ пивѣ, такъ я и про законъ позабылъ, и про жизнь честную, и все бы только пилъ“... Поотдохнулъ онъ у меня, на видъ посвѣжѣлъ и поработывалъ, но ужъ не по-прежнему. А тамъ, чѣмъ дальше, тѣмъ хуже пошло; говоришь ему что̀, онъ слушаетъ и глядитъ на тебя, ровно понимаетъ, а спроси его, что, молъ, я тебѣ говорила,—ничего не помнитъ. Возила я его по знахаркамъ и къ ворожцамъ въ черемисы,—ни отъ кого облегченія не получилъ. Ворожецъ чего ужъ съ нимъ ни дѣлалъ: и надъ чашкою съ водою шепталъ, и кричалъ на него благимъ матомъ, и по огороду за нимъ съ плетью гонялся—думалъ, нечистый въ Герасимѣ сидитъ, и хотѣлъ его плетью выгнать. Только пуще умаялъ человѣка.

— А къ докторамъ ты съ нимъ не обращалась?

— Какъ же, возила въ Уфу, показывала его доктору. Много любопытствовалъ,—докторъ молодой и привѣтливый,—раздѣвалъ его, осматривалъ всего и выспрашивалъ. Покачалъ головою и сказалъ: „Положи его въ больницу: мѣсяца два полежитъ, можетъ, и разгадаемъ его болѣзнь. Въ состояніи ли будешь ты за него платить?“ „Нѣту,—говорю,— ваше благородіе, мы люди бѣдные“. Пожалѣлъ докторъ, далъ мнѣ за-

Digitized by Google

писку въ аптеку, лѣкарства чтобы мнѣ отпустили, и велѣлъ Герасима поить. Недѣлю пилъ—пользы не почувствовалъ. Такъ онъ и остался не человѣкомъ. Особливо осенью и передъ весною ему маятно: постоянное круженіе въ головѣ, ничего не помнитъ и во всѣмъ тѣлѣ словно что ноетъ... Покорно васъ благодарю за угощеніе, баринъ!

У меня невольно вырвалось:

— Да, немало ты на своемъ вѣку горя извѣдала?

— И не говорите! Кто мнѣ тридцать пять годовъ дастъ.— старухою настоящею гляжу... Еще теперь, какъ мой парень-то подросъ и въ работникахъ сталъ жить, повздохнула я маленько. А до этого куда тяжело приходилось, столько я горя и нужды испринята, что не дай Богъ никому!.. Добрые люди совѣтовали мнѣ: „Свези мужа къ матери, онъ не нашъ, какой тебѣ отъ него, слабаго, прокъ?“ Не дозволила я себѣ этого сдѣлать; какъ я оставлю человѣка, вѣдь онъ больной и мужъ... Каждому человѣку, баринъ хорошій, отъ Бога крестъ назначенъ... Вотъ и я свой крестъ несу... Грѣшница я, не стерплю когда, возропщу на судьбу-то свою злосчастную!..

На другой день утромъ, ровно въ семь часовъ, раздался колокольчикъ, и десятникъ Макрина Ивановна, съ палкою въ рукѣ, остановилась передъ окошками и крикнула:

— Лошади вамъ готовы!

Минутъ черезъ десять я распростился съ Петромъ Даниловичемъ и его семействомъ.

— Когда случится опять къ намъ заглянуть,—сказалъ хозяинъ,—не проѣзжай мимо: прямо въ мой домъ.

Лошади тронулись, и колокольчикъ залился...

Digitized by Google

Важнѣйшія опечатки.

Стр.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
19	6 снизу	народ-	народъ
19	5 »	а то разъ	а то раз-
22	8 »	нодъ нимъ	надъ нимъ
22	7 »	зиъ кустовълилась	изъ кустовъ лилась
26	1 сверху	малеужыъ	Н.й человѣка?!	малый.—Неужъ человѣка?!
36	14 »	жизни выхватила...	жизни лишились...
53	14 снизу	— На счастье ли намъ	— Не счастье ли намъ
63	2 »	— Вишь, куда лупнула!	— Вишь, куда лукнула!
79	4 »	довели умъ	довели ужъ
87	7 »	изъ рыбьихъ блюдъ	изъ рыбныхъ блюдъ
94	9,10 »	двугривенный давай.»—	двугривенный далъ.»—
96	19 »	такіе причина была другая, а на любовь	тому причина была другая, да на любовь
99	15 »	тамъ умъ	тамъ ужъ
100	7 сверху	долго проспать	долго проспимъ.
110	19 »	жзнніе спасути	желаніе спасти
122	18,19 »	вы-сглядывая	вы-глядывая
153	8 снизу	не молу	не могу
161	8 сверху	—съ хмѣльной головы	—съ хмельной головы
161	17 снизу	недсотаетъ	недостаетъ
195	14 »	если обратишь сь	если обратишься
196	3 »	Есси	Если
198	9,10 »	поставитъ	пооставитъ,
202	1 снизу	водѣ-то	волѣ-то
203	15 сверху	скорбь въ тебя	скорбь къ тебѣ
203	15 »	у тебя всега	у тебя всегда
210	2 »	освабождается.	освобождается.
214	15,16 »	коток рымъ	кото- рымъ
214	15 снизу	ребят-	ребятки
223	16 снизу	п своего	я своего

Digitized by Google

Стр.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
227	3 снизу	гопросилъ	попросилъ
227	2 »	сородъ	городъ
227	2,1 »	множе- нтвомъ	множе- ствомъ
268	9 »	чтъ съ молодыхъ лѣтъ	что съ молодыхъ лѣтъ
269	16 »	свой очередь,	свой чередъ,
273	8 сверху	туманомъ подверну- лась.	туманомъ подерну- лась.
291	10 снизу	поддержалъ Стеню:	поддержалъ Сеню:
291	5 »	возрадовался Стеня.	возрадовался Сеня.
294	16 снизу	сказа-ллъ?	сказа-алъ?
296	9 сверху	Стеня	Сеня.
296	14 »	Калычевъ	Колычевъ
297	14 »	олкьку	польку—
297	15,16 »	русс- пую...	рус- скую..
297	16 снизу	слясать.	плясать.
300	6 сверху	въ Москѣ	въ Москвѣ
302	15 снизу	по нашимъ деревнялъ	по нашимъ деревнямъ
303	4 »	перекрстясь,	перекрестясь,
304	9 »	пица	птица
304	8 »	выссвоботить	высвободить
304	7,6 »	дн- рѣдко	не- рѣдко
304	6,5 »	рее- бятки	ре- бятки
308	1,2 сверху	Щерба- кову	Щерба- кову
316	13,14 сверху	«разсказывалъ Михей Наумовъ»,	разсказывалъ Михей Наумовъ,
333	10 снизу	дочька	дочка
340	13 сверху	Явилась, погода,	Явилась, погодя,
347	12 снизу	до копечеки	до копѣечки
348	8 снизу	съ чего дрогнула,	съ чего то дрогнула,

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google